

Заплатить за счастье

К. Снежинская

Какие пакости еще может подкинуть судьба, если ты всего наполовину демон, работаешь санитаркой в клинике, и каждый день рискуешь угодить на костер за то, что считаешь Жизнь? Думаешь, тебя уже ничем не испугаешь? Ха! Как насчет пятерых красавцев-гвардейцев, свалившихся на голову? А темные личности, пытающиеся убить в темном переулке, не смущают? Наверное, демонесса, до скрежета в клыках мечтающая тебя уничтожить, на фоне таких проблем покажется мелочью. Но счастье все равно возможно. Только чем придется за него заплатить?

Эпиграф

Мир разделен. Есть Тьма и Свет. Но Свет не значит добро, как Тьма не означает безусловное зло. Так ночь бывает светла, а день — мрачен. Меры добра и зла каждый определяет сам. И другое скажу я вам. Помните, дети мои, что у каждого и мера своя. Чтo для одного зло, для другого благо несомненное.

И есть Жизнь. Для нее нет мер. Все из нее — и Свет, и Тьма. Она не делит добро и зло она не мерит. Она просто лоно, из которого рождается все. И она любит всех равно, потому что мы дети ее.

(Из проповеди странника Бэхора)

Глава первая

Вознося молитву, страшись. А вдруг ответ придет?

(Из книги «Наставления благочестивым девам»)

Кристалл, висящий над медным котелком, вспыхнул шаром света, сыпанул на бурлящее, густое варево изумрудными искрами. В паре, поднявшемся шапкой, заиграла радуга, ярко отсвечивающая зеленым.

— Грибы, грибы, грибочечки... — пропела Арха, кромсая золотым серпом сушеные шляпки чернецов.

Растерзанные грибы она ссыпала в котелок и размешала варево стеклянной палочкой, бубня под нос: «Ансериное херба, левистицум, цалеридулае флос...».

Лаборатория, освещенная только синеватым язычком огня в спиртовой горелке, напоминала пещеру. По углам, затопленным мраком, таинственно, приглушенно шелестело. Тень ведуньи жила своей жизнью. Неестественно вытянутая, тощая, как скелет, она тянула руки-веточки к своей хозяйке, то ли помогая ворожить, то ли желая придушить.

— Это заклинание, да? — шепотом, нервно оглядываясь на угол, в котором ему мерещились подмигивающие, алчно горящие глаза, спросил Шай.

— Я тебе маг, что ли? — фыркнула лекарка, подсыпая в котелок толченые травы. Искры кристалла отражались в ее желтых глазах, подрагивали на зрачке, расширившемся почти во всю радужку. — Просто рецепт повторяю — не забыла ли чего. А то наварю еще...

Она осторожно подула на кипящее варево, приняхалась. Не глядя, взяла со стола холщовый мешочек, черным коготком подцепила сушеную ягоду, бросив ее в зелье. По

лаборатории поплыл летний, медово-малиновый дух.

— Сложно у вас все, — пожаловался ифове́т, передёрнув плечами, и потянул пальцем узел кружевного форменного галстука, словно он его душил.

— Где ты сложности увидел? Думаешь, серпом грибы резать удобнее, чем кухонным ножом? Пф-ф, бред! Просто марку надо держать. Если все будет выглядеть слишком просто, то клиент может и засомневаться, стоит ли платить такую цену. Как говаривает мистрис Шор: «Правильный имидж — залог правильного гонорара!».

Арха выкрутила колесико горелки, убирая пламя. Подставила ладошку, подзывая кристалл, послушно спланировавший ей в руку. Удлиненный, похожий на сосульку амулет вспыхнул на прощание зеленым светом, прокатившимся волной, и погас, став похожим на причудливый бутылочный осколок.

— Все, — выдохнула ведунья устало, утирая трудовой пот, — чуточку энергии, мешок сена и никаких проблем.

— Можно забирать?

Шай, оставив в покое наманикюренные ногти, которые он старательно обгрызал последние полчаса, глянул просяще, старательно хлопая пушистыми, как у девицы, ресницами. При этом он умудрился смотреть на лекарку снизу вверх, что при их разнице в росте было делом непростым. Зато взгляд получился таким выразительным, что любое, даже самое каменное сердце, немедленно превратилось бы в лужицу.

— Ты ему хоть остыть-то дай, — сварливо отозвалась Арха, стягивая лабораторный халат. — С тебя пять империалов.

Видимо, у ведуний сердца вырезали из материала покрепче камня.

— Сколько?! — вытаращил голубенькие глазки ифове́т. — Арха, ты с башни не падала?

— Нет, — честно отозвалась лекарка. — А ты чего хотел? Во-первых, тебе нужно было срочно, так? Во-вторых, если меня за этим делом застукают, из лечебницы я вылечу, не успев сказать «простите». А, в-третьих, цены на все растут, солнце. Впрочем, не хочешь — не надо. Найду, кому продать.

С независимым видом, нисколько клиентом не интересуясь, она вынула из кармана стеклянный флакончик, вставила в его горлышко воронку и золотым, естественно, черпаком начала переливать зелье.

Только вот кончики ее ушей напряженно подрагивали, выдавая хозяйку с головой. К ее счастью, Шай наблюдательностью не отличался. Да и занят он был, пытаясь сообразить, что для него приоритетней: здоровье или собственный, не слишком толстый, кошелек.

Арха его не торопила, хотя и сама того не замечая, начала покусывать губу. Деньги ей были нужны, очень нужны. А расставаться с немалой суммой демону явно не хотелось. Но еще одно правило грамотного маркетинга гласило, что чем больше клиент нервничает, тем больше шансов, что он заплатит. Да, собственно, и деваться-то Шаю было некуда. Не к лекарю же ему идти с дурной-то болезнью! Если кто узнает, какую пакостью порой подхватывают императорские гвардейцы, то скандал выйдет знатный. И дело не только в том, что они венценосное тело охраняют.

В гвардию абы кто не попадает. Если ты не можешь перечислить своих предков до десятого колена включительно, а твой папа — как минимум! — не занимает пост советника при министре, то в императорской охране тебе делать нечего. Естественно, что сливки аристократии должны быть безупречны во всем. А сливки с гонореей уже кажутся несколько... прокисшими.

— Ну-у, Арха-а, ну-у сделай скидочку. Ну, я ж к тебе уже три года бегаю, — заскулил Шай, сообразив, что без вожделенного снадобья ему уходить не с руки.

— Вот именно. Бегаешь и бегать будешь, — отрезала Арха, решившая быть непреклонной. — Ты со своей красавицы не только заразу поймел, но и немало золота. А за удовольствие платить надо. Вот и плати, родное сердце.

— Злая ты, Арха, — обиженно сопнул носом демон и послушно полез за кошельком.

— Недобрая, — согласилась лекарка. — Но мне, вроде, и не положено.

— Ведьма, — кивнул блондин.

— Ведунья, — поправила она его, одной рукой принимая монеты, а другой отдавая пузырек. — Столовую ложку сейчас и по чайной ложке три раза в день...

— Да помню я, не учи ученого, — поморщился он.

— Лучше бы ты, ученый, помнил, как всякую заразу не хватать.

— Не могу ничего с собой поделатъ, — развел руками вмиг повеселевший блондин. — Как только встречаю свою любовь, у меня тут же крышу сносит. Ничего больше не помню. И вижу только ее — мою розу...

— Благо, у тебя каждую неделю по новой розе, а то и не по одной, садовник ты наш, — ухмыльнулась Арха, невольно заглядевшись на его такие наивные, по-младенчески чистые голубые глаза.

Все-таки, обаянию ифовеа сопротивляться сложно. Даже если ты его совсем недавно видела без штанов и в ситуации, начисто отрицающей даже намек на романтику.

— Только одной розы нет в моем саду, божественная Арха. Ты избегаешь моих чар и жестоко ранишь столь хрупкое сердце, — пропел он, чмокнул лекарку в макушку и, засучив рукава форменного кителя, отобрал у нее пустой котелок.

Сунул его под кран и как-то привычно и обыденно начал чистить. Наверное, сказались навыки, полученные в Академии. Их там, по слухам, чего только чистить не заставляли.

Ведунья, довольно мурлыкая под нос модную и весьма фривольную песенку, тщательно убрала за собой и даже пол осмотрела — не упала ли какая-нибудь травинка. Если мистрис Шор пронюхает, чем тут некоторые санитарки занимаются по ночам, то, в лучшем случае, вышвырнет с работы. А в худшем и в тюрьму может отправить. И дело не только в том, что на врачевание, а, тем более, на приготовление лекарств лицензия нужна.

На оборудование лаборатории, в том числе и на покупку всяких золотых черпачков, мистрис Шор не поскупилась. Для того чтобы клинике разрешили собственную аптеку держать, пришлось столько комиссий пройти и такие требования выполнить, что золотые черпаки мелочью кажутся. Правда, сумма розданных взяток со стоимостью всего оборудования все равно сравниться не могла.

Но над своей аптекой хозяйка тряслась как старый хрыч над верностью молодой супруги. И это не смотря на то, что все расходы давным-давно окупились. Арха ведь не только гвардейцам зелья готовила, но и всю клинику лекарствами обеспечивала. А раз законного права она на это не имела, то и платила ей Шор за услуги гроши. Сильно сэкономив на лицензированных аптекарях, которые за свои снадобья цены до небес заламывали.

Только вот жадность, то есть правильная маркетинговая политика, в душе мистрис Шор вела непримиримую борьбу с обыкновенным страхом. Держать при себе ведунью, несомненно, выгодно, но опасно. Можно и компанию столь удобному сотруднику составить. В прогулке на костер. Но пока жажда наживы побеждала осторожность с разгромным

счетом.

Отдельное спасибо Тьме за то, что она придумала грех стяжательства.

— Проводить тебя? — спросил Шай, дочистив котелок.

Арха с сомнением глянула на свежеотмытую посудину. Пожалуй, котелок и при своем рождении так не сиял.

— Надо его с утра запачкать, что ли. А то ведь тоже улика... — буркнула она и уже громче добавила, — Проводи, если делать нечего.

А на улице было хорошо. Мягкий снежок беззвучно сыпал с черного, невидимого неба. Белые крупинки нехотя вальсировали в бледном свете фонарей. По ночному времени улицы были почти пусты. Только изредка по брусчатке, засыпанной свежим снегом, устало поскрипывая колесами, проезжали наемные экипажи с дремавшими возницами. Темные окна домов подмигивали ночи красными, зелеными и желтыми светлячками, вплетенными в венки омелы и остролиста. Ахар, столица Хашранской империи, готовился встречать новый год.

Лекарка подняла лицо вверх, подставляя его падающим снежинкам. Вдохнула чистый, вкусный, морозный воздух, наблюдая, как тает в рассеянном свете фонаря пар от ее дыхания.

— Экипаж возьмем или пешочком прогуляемся? — спросил Шай, поеживаясь и плотней подтягивая щегольские лайковые перчатки.

Арха обернулась, прищурилась, окинув его скептическим взглядом. Да, форма гвардейцев была великолепно, но вот функциональностью явно не отличалась. Вряд ли черный плащ тонкого сукна мог спасти даже от легкого морозца. А на дворе, все-таки, зима была.

— Прогуляемся, — заявила ведунья, взяв его под руку и поплотнее запахивая свой собственный плащ. Который тоже согревал не слишком усердно, просто потому, что уже отслужил свое. — Сам вызвался, вот и терпите теперь, мессир офицер.

Снег тихо и хрустко поскрипывал под подошвами, как будто обещая что-то хорошее. Демон быстро приспособился к не слишком широким шагам девушки. Наверное, сказывался опыт прогулок с дамами самой разной комплекции и в самых разных условиях. Хотя идти под руку с лекаркой ему было не слишком удобно. Ее темная макушка, на которой бисером поблескивали подтаивающие снежинки, рослому красавцу едва до плеча доставала.

— Слушай, Арха, я все хотел спросить, да забывал. А где ты ведьмовству-то научилась? — поинтересовался Шай.

Просто так поинтересовался, чтобы не молчать. Молчать дольше пять минут блондин не мог физически.

— Ведовству. Бабушка научила, — неохотно отозвалась лекарка, нервно дернув ушами.

Таких разговоров она не любила. И не потому, что скрывала свое таинственное, загадочное, подернутое мраком и Тьма знает какое еще прошлое. А потому что тема была не из самых приятных.

— Так если у тебя бабушка лекарь, то почему ты в университете не учишься? Там же потомственных с радостью принимают?

— Не была она лекарем. Простая ведающая, — еще неохотнее ответила девушка. — Я родом из Сарима.

Демон округлившимися глазами глянул на лекарку сверху вниз, открыл рот, явно собираясь ляпнуть что-нибудь не слишком уместное. Арха готова была поклясться, что у него на раздвоенном языке крутился вопрос вроде: «Так ты же метиска!». Понятно, что

слышать такое не слишком лестно. А, попросту говоря, неприятно. Но, основываясь на личном опыте, она могла утверждать вполне уверенно: такие соображения мало кого останавливали.

— Да, ты все правильно помнишь, — опередила она блондина, — Сарим было человеческим княжеством, пока его империя не сожрала. Угадай, откуда в бывшем человеческом государстве берутся маленькие полукровки? Даю подсказку: нет, человеческим женщинам демоны не нравятся. Совсем не нравятся. Честно говоря, обычно при виде вас люди с визгами разбегаются.

Арха прищурилась на фонарь, старательно делая вид, что ей все равно и данная тема ее вообще не волнует. Так, милый и забавный эпизод биографии. Можно даже посмеяться.

— И-извини, — промямлил Шай и даже споткнулся, бедный. — Я же не знал.

— Да все нормально, — лекарка погладила его по рукаву и остановилась. — Не переживай. И не забывай принимать зелье.

— Да помню я, помню! — отмахнулся он. — Может, тебя до квартиры проводить?

— А лучше до постели, да? — усмехнулась Арха.

Ответом ей была фирменная, по-мальчишески лукавая улыбка, от которой даже у ведуньи, никаких видов на ифовега не имеющей, сердечко трепыхнулось. Но лекарка была девушкой закаленной, приятельствующей с Шаем не первый год.

Поэтому она собрала волю в кулак, цыкнула на не вовремя возбудившееся сердце и помахала блондину ручкой. Но он с места не сдвинулся, дожидаясь, пока девушка зайдет в подъезд. То ли вбитая в подкорку галантность придворного сказывалась. То ли Шай просто был порядочным. Правда, обычно значение этого слова демоны забывали еще в раннем детстве.

***

Арха снимала крохотную однокомнатную квартирку на втором этаже трехэтажного доходного дома. И когда ей случалось возвращаться поздно, то по лестнице лекарка кралась тихо-тихо, стараясь даже не дышать. И не потому, что боялась разбудить соседей. По вечерам категорически не рекомендовалось тревожить саму хозяйку.

Мистрис Затра очень трепетно относилась к покою своих постояльцев. И если квартирант имел глупость попытаться попасть в свое жилье после десяти вечера, а хозяйка это просекала, то она громко, доходчиво и не стесняясь в выражениях, высказывала все, что думала по этому поводу. Голос у нее был зычным, а отчитывать виновника она предпочитала прямо на лестнице. Поэтому о моральном облике, а также сексуальных предпочтениях как самого жильца, так и его родственников до пятого колена включительно, оповещались все соседи.

О постоялице двадцать второй квартиры у бессы сложилось крайне странное мнение. Почему-то во время ночных встреч с Архой мистрис Затра была уверена, что лекарка подвизалась на ниве продажной любви. Да еще и клиентов табунами водила в ее приличный дом. Но эта убежденность несколько не мешала хозяйке то и дело заглядывать к ведунье «на огонек», без стеснения и всякой оплаты принимая растирания от застарелого радикулита.

Но на этот раз Архе удалось прошмыгнуть в квартиру, не ставя в известность весь район Висельников о своем не слишком праведном поведении. Наверное, ее спасло то, что на дворе ночь стояла. И мистрис Затра давно и мирно посапывала под бочком у своего тихого, напроць задавленного авторитетом жены, супруга. Но, только закрыв за собой дверь и привалившись к ней спиной, ведунья вздохнула свободно.

На ужин и даже просто на кружку горячего чая сил уже не оставалось. Хотя чаю хотелось смертельно. Но в выборе между умыванием теплой водой и вливанием ее внутрь, победила природная брезгливость. Иногда Арха сама себя проклинала за собственную нежность. Но ей действительно легче было лечь спать с пустым желудком и промерзшей до костей, чем грязной.

Поэтому, стянув кое-как с озябших ног насквозь промерзшие ботинки, она проковыляла к дровяной плите, служившей единственным источником тепла в крохотной квартирке. Охая, как старая бабка и хватаясь за ноющую поясницу, ведунья разожгла огонь, и поставила на чугунную конфорку кружку с водой. Ее чайник пал смертью храбрых еще пару месяцев назад, прогорев насквозь. А новый купить было недосуг, да и денег жалко.

Присев на табурет, и протянув ноги к огню, девушка уже через пять минут почувствовала, что засыпает. Она ничего и не имела бы против такого поворота. Только вот кожа на руках, за день изъеденная щелоком мыла до язвочек, зудела. Конечно, вода еще и нагреться не успела, но дольше ждать сил просто не было.

К счастью, старый умывальник в страшных черных потеках растрескавшейся эмали висел сбоку от плиты. Поэтому Арха просто пододвинулась к нему вместе с табуреткой. Кое-как, наливая прохладную воду в сложенную горстью ладонь, умылась, экономя драгоценную жидкость. И все еще смутно надеясь, что ее хватит хотя бы на маленькую чашечку чая.

Не хватило, естественно. Заглянув в кружку, на дне которой плескались какие-то неубедительные остатки, гордая ведунья почувствовала, что готова разреветься. Она зажмурилась и вцепилась в край раковины, словно упасть боялась.

— Разве это нормально, если некому даже чая приготовить? — пробормотала она, ткнувшись лбом в руки. Слезы все-таки закапали, хоть она и стискивала зубы, что сил было. Может поэтому и закапали? — Мать! Пожалуйста, я так устала! Ну, пусть хоть кто-нибудь... Я не о безумной любви прошу! Только пусть кто-нибудь рядом будет.

Арха замерла, прислушиваясь, слово действительно ответа ждала.

Никто ей, конечно, не ответил. Только в печи громко треснуло прогоревшее полено. Лекарка выпрямилась, сердито утерев слезы кулаком и швырнув ни в чем неповинную кружку в раковину. Встала, отпихнув ногой табуретку, и уставилась на собственное отражение в отколотом с одного краю зеркале.

— Зачем просила? Мать дает только жизнь. Она может помочь, но судьба от нее не зависит! — нравоучительно, передразнивая кого-то неведомого, но явно занудного, высказала она собственному отражению. — Да и чего просила, спрашивается? Кошку что ли Богиня послать должна была? Могла и сама на улице подобрать...

Зеркало молчало, равнодушно демонстрируя чернокожую физиономию с зареванными желтыми глазищами. Арха поморщилась — физиономия ей активно не нравилась. Отражение сделало то же самое — ему не нравилась Арха.

То, что внешнею ее Мать обидела, ведунья поняла еще пять лет назад, когда перебралась в столицу. В родной деревне на нее, конечно, посматривали с жалостью. Но, все же, общее мнение было если и не лестным, то и не слишком обидным. Что-то вроде: «Ну и что? Зато ведунья и хозяйка, наверное, хорошая».

А в Ахаре до девушки быстро донесли, что симпатичных полукровок не бывает по определению. При должном везении даже бесса могла понравиться демону. А вот метиска никому, никогда привлекательной не покажется. Потому что кровь порченная. Нет, для определенных утех и она сгодится. Спать-то допустимо с кем только прихотнется. А вот

рожать нужно только от своих.

Хотя на чистокровного шавера Арха смахивала сильно. Человеческая кровь, доставшаяся от родной мамочки, только разбавила папочкину наследственность. Пожалуй, от человеческих предков она только зубы неизмененными и унаследовала.

Для демонессы ведунья была слишком низкорослой и чересчур мясистой, как определил один умник. Да еще и цвет кожи Архи больше походил на кофе, подбеленное молоком. Настоящие же шаверы чернокожие, словно их дегтем мазали. Как раз своей чернотой да несоразмерно большими ушами они от всех прочих демонов, считавших, что бледность — признак аристократизма, и отличались.

Все же остальное было вполне демоническим, но кошмарно непропорциональным. Глазищи желтые, в пол-лица. Уши острые, лопухами. Рот... Об этой детали своей внешности лекарка предпочитала совсем не вспоминать. Ее губы стали стойким источником таких мужских предложений, с какими они к женам обычно не совались.

Арха повернулась к зеркалу боком, привстала на цыпочки и прижала грудь ладонями, чтобы она казалась поменьше. В ладошки грудь не помещалась. Ведунья глубоко вздохнула.

— Ну, и смирись! Как говаривает мистрис Шор недовольным пациентам: «Не можешь расслабиться и получать удовольствие? Тогда терпи!», — сообщила она собственному отражению, скорчила рожу и, показав сама себе язык, отправилась спать.

А что еще делать, когда жизнь твоя пуста и бессмысленна, принц на горизонте не маячит, грудь в ладони не помещается и даже чаю горячего нет?

***

Теплый ветер пах диким яблоневым цветом. В воздухе бушевала метель из полупрозрачных, чуть розоватых, лепестков. Порыв подхватил волосы, бросив их в лицо, играясь, задрал подол платья. И унесся, шепчась с ярко-зелеными, недавно проклюнувшимися листьями. Где-то соловей звал подругу, перекатывая трели в горле. На лугу, угадывающемся за деревьями, звенели кузнечики. Солнце садилось, заливая прозрачное небо всеми оттенками красного.

— Ара, — позвал кто-то негромко.

Ведунья обернулась, медленно, как будто во сне, когда тело не слишком охотно подчиняется приказам разума.

Мать сидела под деревом, по-девчоночьи поджав ноги. Подол белого простого платья, не украшенного даже вышивкой, мягкими складками лежал на траве. Ее лицо и волосы, закрывала почти непрозрачная накидка, обрисовывающая лоб и нос. Да глаза темнели, но невнятно, размыто.

Арха опустилась на колени, коснувшись лбом травы.

— Ну, что ты, девочка. Разве должно так-то? — огорчилась Мать.

Ее голос... Его словами не описать. Он был одновременно молодым и старым, звонким и хриплым. Он менялся не каждое мгновение, а каждую долю мгновений. В нем переплетались, но не сливались, голоса всех девочек, девушек, женщин и старух родившихся, уже умерших и еще не рожденных. Но при всем — это был Ее голос, гармоничный и родной, как голос бабушки.

— Прости, Мать. Но я не могу приветствовать тебя иначе, — прошептала ведунья. — Разве можно стоять перед той, кто и есть сама Жизнь?

— Ох ты ж! Давненько меня так не чествовали! Ну, раз не можешь, тогда — пожалуйста, — девушке показалось, что Она смеется. Но зла в насмешке не было. Так

бабушка смеялась над очередной внучкиной глупостью. — Хотя, сидя, наверное, было бы удобнее.

Арха нервно облизала губы, пытаясь сообразить, как лучше поступить и, все-таки, села, разглядывая какую-то травинку. Смотреть на Богиню ей казалось кошунственным.

— Ты зачем меня звала? Не знаешь разве, что просить неразумно? Дать-то, я могу. Да вот не слишком ли тяжел подарок будет?

Мать не злилась. Ее выходка лекарки даже не раздражала. Скорее, Она удивилась, что взрослая девушка способна такие глупости творить. Бабушка в таких случаях говорила: «Вроде бы уже большая деточка, а туда же!» — и сокрушенно вздыхала.

— Ничто не может быть тяжелее одиночества, — упрямо буркнула Арха.

— Так чего же ты хочешь? Действительно, что ли кошку тебе подбросить? Или, как всем, принца на белом коне? Хотя там у вас черный лучше смотреться будет.

— Не надо мне принца!

— Вы посмотрите! И принца ей не надо, — всплеснула руками Мать. — Так чего же ты хочешь, девонька?

Ведунья молчала, проводя над травой ладошкой, задевая пушистые кисточки. Губы надулись сами собой, а в глазах опять злые слезы закипели. Она прекрасно понимала, что того, чего действительно хотелось, не дадут. Время вспять не поворачивается. Мертвые не возвращаются, хоть ты упросись. Но все равно было обидно. Как будто подарок пообещали, да мимо обнесли.

— Знаешь, сколько меня молили о том, чтобы «все было как раньше»? — грустно спросила Богиня. — Больше только тех, кто просил все исправить. Благодарю судьбу, что тебе пока ни в одном своем поступке каяться не приходится, глупая. Прошлого нет, оно было, да прошло. Жить надо, девочка. И радоваться тому, что жалеть не о чем. А одиночество... Всему свое время. Ты вот совсем чуть-чуть не дотерпела. Ну, это тебе уроком на будущее. Ступай. И в следующий раз по пустякам о милости не проси.

Порыв теплого ветра закружил яблоневый цвет, словно вокруг метель поднялась. Арха едва различила, как Мать руку подняла, благословляя ее. Ведунья спохватилась, что так и не спросила, а вопросов-то не считано было, вскинулась... Но ветер, играясь, забросил в открытый рот сладковатый яблоневый лепесток.

***

Когда Арха осознала, что во входную дверь стучат, пришло и понимание, что ей только что было очень хорошо. И не потому, что снилось приятное — на языке до сих пор ощущалась тающая сладость. Просто она только что спала, вот мгновение назад — спала. И уже больше не спит. А это было очень-очень плохо.

Разбудили ее не рано. Разбудили ведунью слишком поздно. В смысле, это время суток даже нельзя было назвать ранним утром — скорее уж за окном царила глухая ночь. И в кровати Арха сумела провести не больше, чем пару часов. Неудивительно, что стаскивая себя за шиворот с постели, она активно ненавидела весь мир. Но, все-таки, накинула на плечи халат и поплелась к двери.

Хотя лекарка, не смотря на все подозрения квартирной хозяйки, к жрицам любви никакого отношения не имела, ночные визиты для нее являлись делом обыденным. Услуги лицензированных лекарей были слишком дороги и далеко не всем по карману. Особенно в том районе, в котором она квартиру снимала. Да и городской страже медики обязаны были докладывать обо всех происшествиях, даже слегка пахнущих нарушением закона.

Конечно, район Висельников — это вам не Выгребные Ямы. Но и здесь обитали далеко не смиренные отшельники. А за молчание лекари драли с клиентов уж совсем неприлично. В отличии от Архи. Нелюбознательность у нее входила в стоимость всего комплекса услуг и отдельно не оплачивалась. Это была лично ее «грамотная маркетинговая политика». Поэтому, в числе прочих бедолаг, и гвардейцы к ней со своими проблемами на огонек заглядывали.

— Кто? — спросила ведунья у двери и откашлялась.

Голос от недосыпа хрипел, как у завязатого забулдыги. От такого приветствия любой разумный пациент сбежит. Эти разумными, видимо, не были

— Арха, это Шай. Открой, — отозвался придушенный шепот.

— Солнце, я знаю, что ты меня любишь. Но мы с тобой расстались только пару часов назад, — пожаловалась лекарка, зевая во всю пасть и отпирая засов.

И сноровисто отскочила в сторону, придерживая дверь. Посетителей она не разглядела, да не особо и приглядывалась. Трое носильщиков ведунью интересовали мало. Все ее внимание сосредоточилось на том, кого они несли. Потому что на его рубашке, такой белой, что она даже слегка светилась в темноте, расплывалось очень нехорошее темное пятно.

Арха подлетела к кухонному столу, одним движением сметая все, что на нем стояло. Выдернула из шкафа чистую простынь, накрывая столешницу и скомандовала:

— Давайте его сюда!

Парень был жив, но, кажется, уже начал раздумывать над дилеммой: стоит ли продлить пребывание в этом мире или уже пора навестить предков? Порадовал лекарку только один, но совсем не малозначительный факт — пациент был не просто демоном, а еще и чистокровным ивтором. А этих на встречу с Тьмой отправить не так уж и просто.

— Лампу зажги! — рывкнула ведунья на впавшего в ступор Шая, разрезая ножом рубашку, мокро липнущую к телу. — И воду вскипяти. Дрова в ящике, за печкой.

Блондин, осознав, что может не только стоять со скорбной миной, но и пользу приносить засуетился. Правда, в его действиях суеты было больше, чем пользы. Но, по крайней мере, под руками он больше не путался.

Разодрав рубашку, ведунья раздраженно зашипела сквозь зубы и выругалась, помянув разом всех перворожденных Тьмы. Арха и раньше подозревала, что даже ивторов рана под ребрами, длинной в ее ладонь, заставляет истекать кровью, как простых смертных. Но надеялась, что реальность окажется менее печальной. Все же — высшие лорды. Недаром же легенды ходили, прославлявшие их как сверхсуществ. Зря, получается, ходили.

— Мистрис, если вы его спасете, то... — забубнил один из носильщиков.

При этом, между прочим, загораживая лекарке и без того не слишком яркий свет.

— То отслужите молебен, а мне будете до самой Тьмы обязаны, — огрызнулась Арха, отпихивая неведомого будущего благодетеля в сторону. — Не засти свет, не призрак.

Ведунья сноровисто и очень быстро достала из тумбочки склянки, баночки и заветный ларчик с инструментами, расставив их на краю стола. Конечно, на почетное звание хирурга она не претендовала. Да и практика в этой области у нее была небогатая. Но, по прикидкам лекарки, раненый бы даже до клиники Шор не дотянул. Да и там ему вряд ли могли предложить помощь профессиональнее. Все же, профилирующим направлением лечебницы полевая хирургия не являлась. И что-то еще подсказывало, что данному пациенту не с руки было к официальной медицине обращаться.

Арха положила ладони по обеим сторонам раны, закрыла глаза, призывая милость

Матери. Кто-то рядом с ней громко втянул воздух сквозь зубы. Ведунья ухмыльнулась — такая бурная реакция ее нисколько не удивила. Только за одно это ее могли сжечь на площади Правосудия, обойдясь без этого самого правосудия. Одно дело без лицензии гвардейцев зельями снабжать. И совсем другое — пользоваться благосклонностью Богини, служение которой официально было признано наимерзопакоснейшей ересью.

Но мысль о собственных безрадостных перспективах пришла и ушла. Тем более что она была хоть и неудобной, но привычной, как бородавка.

Арха довольно кивнула. К ее ведовскому счастью, клинок никаких жизненно важных органов не задел, хотя кровило сильно и не только снаружи.

— Ну, регенерация у демонов драконам на зависть. Наша задача в том, чтобы заштопать все, что можно. И, желательно, при этом не дать пациенту помереть, — буркнула она себе под нос. — Света бы мне, ой, как мне света не хватает, Тьма!...

Над плечом лекарки сам собой засветился пушистый шарик чистого света. От неожиданности она аж в сторону шарахнулась, больно задев бедром стол.

— Сдурел?! — рявкнула Арха незнамо на кого — оборачиваться ей было недосуг.

— Простите, мистрис, не хотел вас напугать, — ответили ей смиренно.

— Рассказывай сказки, — проворчала ведунья, тампонируя рану. — Не хотел он! Сами мы не страшные и где-то даже добрые. А то, что зубки с руку длинной и глазки светятся — так это мы болеем просто. А почему человечками закусываем? Так лечиться то надо.

— Она чокнутая? — негромко поинтересовались у нее за спиной.

Но на любопытного цыкнули и без вмешательства лекарки.

— Светляка своего поправь! — велела она. — Выше! Левее! Я сказала левее! Тебя маме в детстве не учила, где право, а где лево, дятел доморощенный?

— Прошу прощения, мистрис, — ответил тот же спокойный голос.

Кажется, виноватым говоривший себя не чувствовал. Но Арха только мысленно пожелала Тьме всегда быть с ним рядом. Тщательно отмыв руки в плошке с горячей водой и едва эту плошку не надев на голову Шая, не осознавшему разницы между словами «горячая» и «кипяток», она открыла коробку с инструментами.

— Так, мальчики, мне нужен человек с железными нервами. Такие тут имеются?

— Именно человек? — поинтересовался все тот же, спокойный.

— Да хоть хаш-ед! — вызверилась нервная ведунья. — Только чтобы в обморок не падал.

— Чем я могу помочь?

— Так, вот смотри. Я сейчас крючочки во-от так поставлю, во-от так их разведу. А, Тьма! — фонтанчик крови брызнул ей на халат. Лекарка прижала уши, оскалившись на пациента, словно это он был виноват во всех свалившихся неприятностях. Сзади кто-то икнул. — Блевать — это в туалет. Дверь рядом со входной. А ты держи. Если сдвинешь хоть на волос — я тебе башку лично прошибу. И даже лечить не буду. Вот так. Умничка. Ну, Богиня со мной!

Арха давно заметила, что когда занимаешься пациентом, время теряет власть над реальностью. Оно то тянется медленно, словно его кто-то специально придерживает. То начинает нестись вскачь, будто опаздывая. И сейчас она за ним не уследила. Наверное, минут накапало немало. Потому что спину у нее ломило, а плечи сводила судорога. И вымокнуть лекарка успела, как мышь, в ночную вазу свалившаяся. Вероятно и ароматы ведунья источала соответствующие.

Только ее это волновало мало. Гораздо больше занимало то, что она, как не странно, с задачей справилась. И, что еще более странно, пациент был все еще жив. И что уж совсем странно, даже дышал ровнее. Ну, не то чтобы такой исход поражал. Но все же, некоторое удивление вызывал.

А вот ассистенту явно пришлось хуже, чем новоиспечённому хирургу. Дыхание помощника вызывало живые ассоциации с загнанной лошастью. Той самой, которую гуманнее добить. Можно было подумать, что он не при операции ассистировал, а круги по городской стене нарезал. Архе его даже жалко стало. Тем более что у помощника были потрясающе красивые руки.

Пальцы длинные, расширяющиеся на косточках. Ногти миндалевидные и чистые, чуть-чуть выступающие за подушечки и слегка загибающиеся. Сама кисть сухая с мускулистым запястьем. Правда, ладони немного уродовали характерные мозоли фехтовальщика. Но ведунья показало, что в этом имелся своеобразный шарм.

— Ну, если он не решит умереть в следующие сутки, то у него будет возможность и дальше подставлять шкуру под лом. Потому что о сепсисе у демонов я еще не слышала, — выдала Арха, вдоволь налюбовавшись на свеженький шов и наляпав на него тампон, пропитанный отваром.

— Почему под лом? — поинтересовался тот самый ассистент, не без труда переводя дух.

— А его разве не расклепанным ломом саданули? — абсолютно искренне изумилась ведунья и, наконец, подняла голову.

Лучше бы ей этого не делать. Потому рядом с ней стоял хаш-ед. Самый обычный такой хаш-ед в гвардейском мундире с задранными до локтей рукавами. Он был выше лекарки на голову и довольно плечистый, но не слишком шкафоподобный. Темная, волнистая грива волос, откинутых за спину, прикрывала основания двух витых, кончиками к спине, рогов. Естественно, прищуренные, с вертикальным зрачком, звериные какие-то, глаза цвета спелой вишни, тоже имелись.

Арха пискнула, как крыска, подбитая брошенным тапком, и шарахнулась в сторону, едва не снеся стол с пациентом. Демон протянул ей руку, видимо, чтобы поддержать, но передумал. Только уголки его губ дрогнули. Кажется, ведунья его забавляла.

— Нет. Это был нож. Только очень большой, — пояснил рогатый, показав руками, по всей видимости, размер ножа.

В деревне мужики обычно так особо удачный улов демонстрировали.

— А? — очумело переспросила Арха.

Нить разговора ею была потеряна начисто.

— Точно чокнутая, — убедился в справедливости своих сомнений кто-то, стоящий с боку.

Лекарка резко крутанулась на месте, непроизвольно пригнувшись. Но сил даже на писк у нее уже не хватило. Она так и застыла, сторбившись, втянув голову в плечи и испуганно прижав уши. Потому что ее, со здоровым скепсисом в желтых глазенапах, рассматривал чистокровный шавер. И ведунья ему, кажется, активно не нравилась. Впрочем, он ей тоже. Арха всегда заявляла, что не боится ни крыс, ни пауков, ни лягушек, ни, даже, личинок. Единственными, кто вызывал у нее приступы паники, были шаверы. Видимо, этот страх она унаследовала от мамочки.

Почему ведунья прямо там не грохнулась на пол — она и сама не поняла. Стол,

наверное, помешал.

Глава вторая

Глава вторая

Если вы ущипнули себя, а ведение не исчезло, то попробуйте ущипнуть виденье.

(Из книги «Советы на все случаи жизни»)

— Простите, мессир, мне не стоило так реагировать.

Арха, попытавшись быть любезной и исчерпав весь свой запас изысканностей, попыталась изобразить книксен. Правда, учитывая не слишком чистый халат и насквозь мокрую ночную рубашку под ним, получилось не слишком удачно. Впрочем, удачным подобный трюк у ведуньи и в бальном платье бы не вышел. Не обучалась она в институтах для благородных девиц.

— Понимаете, меня не слишком часто навещают высшие лорды, — отчаявшись выглядеть грациозно или, хотя бы, прилично, буркнула лекарка, старательно разглаживая полу халата.

— Понимаю, — кивнул рогатой головой хаш-эд. — Кроме того, это я должен просить прощения за то, что так напугал вас.

Девушка насупилась, не найдя, что на это ответить. Лордский политес никогда не был ее сильной стороной. Вот что в таких случаях говорить нужно? «Ничего-ничего, вы меня нисколько не напугали» — и дальше изящно перевести разговор на погоду? Кажется, полагалось сделать именно так.

Но, во-первых, демон ее действительно напугал, и отрицать это было бы глупо. А, во-вторых, Арха и с простыми-то аристократами общалась нечасто. Только издалека и видела их расшаркивания друг перед другом. А уж с высшими лордами о погоде беседовать ей и вовсе не доводилось. И, вообще, может этот конкретный гвардеец родом из императорской семьи был? Хаш-едов ведь в столице не так и много.

Еще ее смущало непроходящее ощущение, что демон едва сдерживал улыбку. Причем лицо у него оставалось абсолютно бесстрастным и даже каким-то каменным. Нет, ведунья ничего не имела против здорового смеха. Но только если не ее драгоценная персона становилась источником веселья. И без насмешничающего рогатого она сегодняшней ночью продемонстрировала себя во всем великолепии. Дура — она и есть дура.

Не найдя в закромах своего интеллекта ничего похожего на удачный ответ, Арха отошла к столу — пациента своего проверить. Который, как ни странно, все еще дышал. Не иначе как милостью Богини. За что лекарка и возблагодарила Ее. Мысленно, конечно.

За окном занимался серенький, неуверенный еще рассвет. Часы безжалостно показывали восемь утра. А за последние сутки спала девушка едва ли два часа. Что радости жизни не добавляло. Утешало только то, что ушастый шавер, прихватив с собой Шая, из квартиры убрался. А вот лорд вежливо, но настойчиво настоял на своем дальнейшем пребывании рядом с раненым. Видите ли, за друга они беспокоились.

Впрочем, против такого соседства Арха ничего не имела. Оставаться наедине с пациентом ей было попросту страшно. Не из-за вероятности, что он вскочит и порешит бедную ведунью. А потому, что раненый в любой момент мог решить отправиться на встречу с Тьмой. Лекарке казалось, что в присутствии постороннего он такой глупости не сделает.

Чушь, конечно, но с собственными страхами бороться тяжело. Она бы, естественно, предпочла остаться с Шаем, а не судорожно думать, как и — главное! — о чем с лордом беседовать. Но ей выбор предоставить забыли.

— Шай сказал, что вы в клинике работаете? — решил продолжить демонстрировать свою светскость хаш-эд. — Вам не нужно на службу?

— Нет, я сегодня дежурю ночью...

Очередная попытка соответствовать ему в изящной беседе провалилась с треском. Арха хотела сообщить о своих планах небрежно, а прозвучало это тоскливо, будто она жаловалась на свою горькую судьбу. Пришлось срочно исправляться.

— Так что, вам или кому-то еще придется переночевать здесь. Вашего друга переносить пока нельзя.

Вместо задуманного делового тона получилось нечто развязное, даже похабное. И какое-то двусмысленное.

Ведунья поморщилась от досады. Этот демон ей представлялся уже каким-то персональным наказанием от Тьмы за не слишком рьяное служение.

— Я снова вынужден извиниться. Мы доставили вам столько беспокойства. Естественно, все будет компенсировано по вашей высшей ставке.

За попытки изобразить леди ни в чем неповинная герань, влачившая жалкое и одинокое существование на подоконнике. Разговора лекарки с демоном бедное растение не пережило. И теперь из горшка грустно и укоризненно торчал голый, ошипанный стебель.

Разозлившись, Арха стряхнула на пол ободранные листики.

— Естественно, — ответила ведунья раздраженно. Хотя, наверное, в данной ситуации раздражаться не стоило. — Вы же не захотите, чтобы в это дело вмешалась городская стража?

Веселье хаш-эда стало заметнее. Не то, чтобы он прямо таки разулыбался. Нет, у него даже губы не дрогнули. Демоническая физиономия могла поспорить эмоциональностью с барельефами на фасадах богатых домов. Но ощущение, что ведунья его забавляет, заметно усилилось.

— А разве вы никогда не слышали, что демоны решают свои проблемы достаточно кардинальным способом? Нет свидетеля — нет проблемы, — небрежно поинтересовался лорд.

— Слышала. Но, во-первых, не думаю, что стоимость моих услуг скажется на ваших карманных расходах. А, во-вторых, если вы меня убьете, то кто Шаю будет готовить зелье от триппера? — прошипела девушка.

И тут же захлопнула рот, испуганно прижав уши и таращась на демона. Которые и раньше были немаленькие, а от испуга увеличившиеся едва ли не вдвое.

— Ценное замечание, — странно, но демон не разозлился. И даже не стал требовать, чтобы она на коленях умоляла простить столь непозволительную дерзость. Кажется, конкретно этот хаш-эд в лице ведуньи нашел себе персонального шута. — Кстати, я не поинтересовался, как вас зовут?

— А разве не вы должны представиться первым? — буркнула Арха, переведя дух и старательно делая вид, что ничего особенного не случилось.

— Вообще-то — нет. Я выше вас по статусу, — демон иронично приподнял бровь.

— Тьма! Ну, да, как же я могла забыть, что передо мной само лордство? — прошипела ведунья себе под нос, закатывая глаза.

Рогатый очень выразительно молчал, демонстрируя, что ни шепот, ни ужимки незамеченными не остались. Лекарка отвернулась к окну, но там ничего интересного не оказалось. Только герань осуждающе ткнула ей в бок ошипанным стеблем.

— Вы можете называть меня Дан.

Видимо, лорд решил быть снисходительным.

— Дан — и все? — не удержалась и, все-таки, съехидничала ведунья, поглядывая на отражение демона в оконном стекле.

— Мое полное имя вы все равно не запомните, — заверил ее гвардеец. — Так как же мне к вам обращаться?

— Арха, — неохотно откликнулась девушка, которую надменность и непробиваемость хаш-эда перестали раздражать и начали откровенно бесить.

Вообще-то, при рождении бабушка ее Арой назвала. Но, переехав в столицу, имя свое ведунья переименовала на более имперский лад. Ну, а фамилия лекарке, как человеку, не полагалась. До этого лорд, похоже, дошел сам. Потому что ничего уточнять не стал.

— Мистрис Арха, я предлагаю вам поспать хотя бы пару часов. Если состояние Адина изменится, я вас обязательно разбудю, — предложил он вполне дружелюбно.

Лекарка независимо пожала плечами, в глубине души и, даже, не слишком глубоко, вознося благодарность Тьме за демоническую догадливость. Она и сама уже не знала, как бы поделикатнее намекнуть Его лордству, что неким ведуньям не хило было бы урвать немножечко сна. Не пристало порядочным девушкам так поступать. Да и неудобно в присутствии мужчины спать укладываться. Но не спать двое суток подряд гораздо неудобнее.

Правда, еще Архе дико хотелось бы вымыться. Но поскольку вся ее квартира состояла из комнаты, успешно совмещающей в себе спальню и кухню, да туалета, то эту необходимость пришлось отложить на потом. Конечно, ведунья всегда была даже излишне брезгливой. Но не настолько, чтобы обнажаться перед лордами.

Поэтому, скомкано поблагодарив такого обходительного демона, девушка немедленно нырнула в кровать, с головой накрывшись одеялом. Присутствие Его лордства ее нервировало. Но желание спать успокаивало гораздо эффективнее пустыряника.

Да, к тому же, она заслуженно чувствовала себя настоящей героиней. А это тоже помогало справиться с нервозностью. Конечно, предстояло еще решить, куда девать раненного. Кровать-то в квартире была одна, а перевозить его категорически не рекомендовалось еще суток трое как минимум. Но Архе уже не думалось — глаза слипались сами собой. И послав все к Тьме... В смысле, призвав на раненого благословение Богини, ведунья из этого мира отбыла.

***

Сон был мерзким, нудным и тянущимся, как холодная патока. И очень реалистичным. Она понимала, что спит. Знала, что произойдет дальше, но проснуться не могла, как не старалась...

Холодный, промозглый, пахнувший близким дождем ветер, пробирал до костей, запуская липкие щупальца под юбку, рвал с плеч плащ. Он мел по земле опавшие листья, не давая им покоя. Сквозь черные, почти голые ветки деревьев было видно голубое, яркое, но тоже холодное небо. Где-то тоскливо, словно жалуясь, кричала галка.

Люди проходили мимо. Никто головы не поворачивал, словно девушки там и не было. Наоборот, они словно специально отворачивались, не желая смотреть в ее сторону. Соседи

спешили уйти, уставившись себе под ноги, как будто провинились в чем-то. Но это даже не удивляло. Глядя на свежий холмик рыхлой земли, Ара все пыталась сообразить, что же такое случилось?

«Почему я осталась одна? Разве я могу быть одна? Куда делась бабушка? Она же не может просто меня бросить! — мысли ворочались тяжело, чугунно, — Да нет, это просто ошибка! Вот сейчас я приду домой и она там. Еще ругать меня будет за то, что я так замерзла...».

На миг приходило облегчение. Но потом слух цеплялся за одинокий грай галки. Холодный порыв ветра забирался за шиворот, возвращая к реальности. И дымчатая пелена перед глазами начинала таять.

«Нет, не будет. Ее нет. Она меня бросила. Ушла куда-то, мне ее не дозваться. Не вернётся. Я одна, одна, одна...».

Это было еще тяжелее. Осознание реальности не приходило. Беда оказалась слишком большой, гораздо больше ее самой. И снова осеннее кладбище затягивала милосердная анестезирующая дымка.

— Ара, — старейшина деревни, как и все остальные, старался на девушку не смотреть, отводил глаза, комкая в больших заскорузлых руках свою шапку. — Ара, девочка, уехать бы тебе надобно. Вы же с бабкой Богиню почитаете. Про это всякий знает. А, вишь ты, власть-то нонешняя за это того... В общем, ты бабку-то оплакай, а потом собирай вещички — и езжай себе. А то, не ровен час, на всех беду накличешь. Я тебе ужо и бумагу выправил, три годка прибавил. Таперича тебе по бумаге восемнадцать. Так что, не пропадешь. Давай, милая, не бери греха на душу.

Он неловко потрепал ее по плечу и, не оборачиваясь, ушел вслед за соседями. Галка никак не могла успокоиться, орала, как плакальщица. И холодно было, так холодно...

Мир закрутился юлой, заваливаясь куда-то вбок и вниз, затянутый в воронку. Кладбище с голыми деревьями и мечущимися сухими листьями затопил молочный туман, легкий, клубящийся. Но что за ним, рассмотреть Арха уже не могла. Только холодно было по-прежнему.

Перед ней распахнулись огромные, кроваво-красные глаза. Ведунья видела в них собственное — такое крохотное — отражение. Но страшно не было. Слишком она замерзла. Холод не просто пробирал до костей. Он замораживал даже эмоции. Слезы превратились в колкие льдинки. Ветер, закрутивший мир в смерч, дотянулся до девушки, срывая с лица тонкую корку льда. Она смотрела, как льдинки взмывают вверх с тихим звоном. Но не чувствовала ничего.

— Это только сон, Арха, — голос доносился откуда-то извне, но каждый звук резонировал во всем теле, словно волной проходя сквозь нее.

Девушка, не способная даже пальцем пошевелить, смотрела на два крохотных отражения себя самой.

— Так холодно... — ее шепот тоже превратился в иней. Ветер подхватил льдистый узор, унося его вверх.

— Неправда. Тебе так только кажется. Это просто сон. Разве сейчас может быть холодно?

Тумана не было. И ветра, закручивающего ураганом волосы над головой, тоже не было. Были камни, поросшие темным пушистым мхом, из которого подмигивали мелкие белые звездочки цветов. Горный зуб, такой высокий, что наполовину закрывал небо, темной

глыбой возвышался в стороне. И с его вершины, с головокружительной высоты, срывался каскад водопада. Он дробился на выступах скалы, делился на потоки, напоминая полураспустившуюся косу. Брызги воды вспыхивали в лучах солнца осколками хрусталя. В завесе водной пыли купалась радуга.

Озеро, в которое падала вода, была невероятного, почти бирюзового цвета. Арха могла разглядеть на дне яркие, разноцветные, как в аквариуме, камни. И быстрые тени рыбок, скользящих между копий солнечного света, которые пронзали воду насквозь.

— Больше не мерзнешь? — шепнул он ей на ухо.

Ведунья чувствовала большие, теплые руки, которые не обнимали, а как будто укутывали ее. Затылок девушки упирался в чью-то широкую грудь, в которой гулко, ровно билось сердце. В ответ она просто покачала головой. Нет, холод ушел. Совсем.

— Смотри...

Его рука поднялась, указывая на противоположный берег озера. На переплетение кустов, усыпанных цветами, за которыми высились золотистые росчерки деревьев. Арха такие видела впервые. Их стволы были гладкими и ровными, словно их кто-то специально полировал. А густые кроны сплетались в почти непроницаемый полог.

— По ночам сюда приходят единороги...

Девушка приподнялась на носочки, попыталась отыскать за кустами тропку, но не успела. Почувствовала, что падает. Падает в теплое, ласковое солнце.

А, может, они просто летели.

***

Арха глянула из-под ресниц и... И убедилась, что сон все еще продолжается — просто ей приснилось, что она проснулась. Иначе почему бы первым, что ведунья разглядела, стали все те же глаза густо-вишневого цвета с вертикальным зрачком. Только вот отражения лекарки из них куда-то подевались. Да и размерами очи больше не впечатляли. Немаленькие, конечно, но и не гигантские.

— Вы уже проснулись? — поинтересовался у нее владелец столь примечательных органов зрения.

— Нет, кажется, я еще сплю, — честно ответила Арха, — И снится мне, что в моей постели демон.

— Ну, строго говоря, не в постели, — протянул он, даже не пытаясь скрыть насмешки. — Вы во сне плакали. Пришлось мне вмешаться.

Ведунья медленно, слишком медленно для собственного спокойствия, начала соображать, что сон ей снится уж какой-то совсем неправильный. Очень уж сильно он начал смахивать на реальность. Потому что лекарка, собственно, не лежала, а полулежала. Или полусидела? Завернутая в одеяло... На ручках... У демона... Который заботливо так придерживал ее своими лапищами. На кошмары Арха была согласна, привыкла к ним. А вот такая кошмарная реальность ее никак не устраивала.

— А вы всех так от дурных снов спасаете? — поинтересовалась ведунья, почему то даже попытки не сделав слезть с его колен.

— Нет, не всех. Только девушек, — и снова он сделал что-то такое, от чего на его лице ни один мускул не шевельнулся, но лекарка с прежней отчетливостью поняла, что опять его веселит. — А если совсем конкретно, то такой опыт у меня первый.

— Все бывает в первый раз, — элегически протянула Арха, мысленно отметив, что у нее, кажется, появились первые признаки помешательства.

Пока, пожалуй, еще тихого.

— Дан, обед, в общем-то, готов. Но проблема в том, что на единственном столе разлегся Адин. Поэтому у нас два варианта: либо спихнуть его на пол, либо самим на нем обедать.

Ведунья отстранённо подумало, что, кажется, ее помешательство стремительно переставало быть тихим. Арифед все в той же проклятой Тьмой гвардейской форме, только без кителя, и в любимом фартучке Архи, украшенном танцующими цыплятами, в квартире быть просто не могло. Но он был. Стоял, загораживая окно, сжимая в одной руке ложку, а в другой початую бутылку с вином. Которая, между прочим, носила отчетливые следы пыли и паутины. Это рядом с только что прооперированным пациентом!

— Добрый день, мистрис Арха, — вежливо поздоровался гвардеец, не менее вежливо улыбнувшись таращившейся на него лекарке.

Улыбнулся так, как умеют только арифеды. Есть у них такая примечательная особенность. Вроде бы доброжелательный он и местами даже обаятельный. Но как только клыки свои покажет, так сразу вспоминаешь строение всей своей кровеносной системы до последнего капилляра. Даром, что они демоническую кровь не употребляют. Все равно мороз по коже дерет.

— Добрый день... э-э-э... мессир Тхия, кажется? — с запинкой поздоровалась ведунья, пытаясь разодрать пальцами путаницу собственных лохм, которые висели у нее перед глазами. Так и не справившись с волосами, она кривовато улыбнулась и смущенно добавила, — А вы не могли бы убрать куда-нибудь подальше эту бутылочку? Или, хотя бы, помыть ее?

— Я удивлен, что вы меня помните...

— Не совсем вас, — покаялась ведунья рассеянно и вытянула шею, глядя как он прячет бутылку за спину. Убедившись, что, теперь грязь стала к пациенту еще ближе, она скрипнула зубами. — Скорее вашу девушку и ваши зубы.

— А вы знакомы? — удивился рогатый.

Ну да, тот самый рогатый, у которого Арха все еще сидела на коленях. Этот факт ее озадачил. Она задумчиво глянула вверх, на бесстрастное лицо хаш-эда, пытаясь сообразить, что же она такое делает. С демонами всем все давно было понятно. У них ни стыда, ни совести, ни других лишних качеств, способных помешать успешной карьере, нет и быть не могло. Но, кажется, приличным девушкам на мужских коленях сидеть не положено. Даже если они на этих самых коленях всего лишь светскую беседу ведут.

Только почему-то вместо того чтобы с достоинством покинуть свой неожиданный насест, лекарка начала оправдываться.

— Ну, да, мы знакомы и довольно близко. Еще по осени я вправляла мастеру Тхие челюсть. Точнее, выбитый замок. Понимаете, при этом обычно происходит рефлекторное сжатие челюстей, — согнув пальцы, она изобразила что-то, смахивающее на хищно захлопывающийся капкан. — Вот он меня и клацнул. По пальцам. Пришлось в качестве бонуса лечить еще и от отравления шаверской кровью.

Арха пожала плечиками и руки развела в стороны, старательно демонстрируя, что ведунья, которая тут не причем, является воплощением невинности и с гвардейцами общается только ввиду профессиональной необходимости.

— Это, совершенно случайно, не тогда было, когда в переулке за баром папаши Крутта нашли три трупа? Которых, по утверждению инспектора, саблезубый тигр порвал? — чуть прищурившись, осведомился рогатый.

Тхия отчего-то застеснялся, начал отводить глазки и внятным его лепет даже ребенок бы не назвал.

А у ведуньи к нему начал стремительно развиваться совершенно новый интерес. Ей еще тогда подумалось, что его версия с ударом, вывихнувшим челюсть, здоровой критики не выдерживает. Получается, это кровопийца так варезку раззявил, что сам себе челюсть вывихнул? У лекарки и возник вполне закономерный вопрос: какие же у него зубки в истинном демоническом облике?

Под ее кровожадным взглядом Тхия и вовсе смешался. И даже попятился.

— А что за девица? — продолжал допрос Дан.

— Понятия не имею, — хором признались Арха с гвардейцем. И переглянулись.

— Громкая очень, — добавила ведунья, невольно поморщившись, вспоминая рыдающую девицу.

В том, что с голосовыми связками у нежной демонессы все в полном порядке, лекарка была готова поклясться.

— И настырная, — Тхия зарозовел скулами.

Что при его физиологии не могло быть в принципе. Нет в арифедах никакой крови, кроме той, что в желудке. Соответственно, и к кожным покровам ничего приливать не может. Но этот как-то умудрился заалеть ланитами.

Но, в целом, ведунья его прекрасно понимала. Спасенная демонесса не только громко верезжала, оповещая о своем отношении к мерзким насильникам и бравым спасителям всю округу. Но и норвила повиснуть у этого самого спасителя на шее. И что-то Архе подсказывало, что орать и липнуть она не перестала и после того, как благородному рыцарю помощь была оказана. Вполне возможно, что усилия девы даже и удвоились.

В принципе, и девушку лекарка тоже понимала. Мало того, что Тхия был редкостным красавчиком, настоящим аристократом от кончика длинного, хрящеватого носа до каблуков надраенных сапог. Так еще и рыжий он, как зимний лис. Подобная масть демонов была не свойственна, но считается привлекательной. И этот красавчик-герой еще умудрился бандитов порешить, девичью честь оберегая. Вдобавок, пострадал в бою, бедненький. Сплошная р-романтика!

— Спаситель дев в беде, — констатировал хаш-эд, задумчиво разглядывая в конец смущенного гвардейца. — Арифед в сияющих доспехах.

Кажется, Тхия готов был уже обернуться летучей мышкой и смыться в окно, лишь бы очутиться где-нибудь подальше отсюда. И то, что, не смотря на байки, кровососы животными не оборачивались, его бы не остановило. Этот был уже морально готов к чудесам эволюции.

— Между прочим, Адин там уже полчаса потолок разглядывает, — попробовал отвлечь внимание несчастный рыжий, которого, как примерещилось ведунье, не в первый раз поймали на спасении прекрасных дев.

— А раньше нельзя было сказать? Почему меня не разбудили? — Арха спрыгнула с колен демона, развалившегося в ее единственном кресле.

В порыве лекарского долга, она так торопилась, что отбросила край одеяла, в которое ее заботливо укутали, прямо на лицо Его лордства. Демон, продемонстрировав чудеса выдержки, спокойно снял с собственной головы одеяло, едва не зацепив пододеяльник кончиком рога, и бесстрастно швырнул постельную принадлежность на пол. Тхия совсем неизящно хрюкнул и поспешил обратиться обратно к плите.

Тем временем очнувшийся пациент молча созерцал потолок, медленно поднимая и опуская ресницами, что твоя бабочка крылья. Видимо, соображал, в каком мире он находится. Зрачки его еще слегка плавали. Что, учитывая состояние больного, было вполне нормальным. А вот лазоревые глаза — Арха бы перед Тьмой поклялась, что они действительно были лазоревыми! — смотрели уже почти осознанно.

— Как вы себя чувствуете? — спросила ведунья, проверяя реакции раненного.

— Больно... — пожаловался он, едва шевеля спекшимися губами.

— В вашем состоянии это нормально. И, даже хорошо. Значит, вы все еще с нами.

— Пить хочу...

— А вот это вы бросьте. Я у вас в кишках по локоть ковырялась. Поэтому вода для вас пока будет лишней, — строго прикрикнула она на пациента.

— По локоть? — переспросил он и, кажется, намылился падать в обморок.

— Эй-эй, вернись ко мне, я все прощу, — лекарка слегка похлопала его по щеке и добавила, едва не присюсюкивая, словно общалась с младенцем или с умственно отсталым. — Спать нам еще рано. Нам надо еще боль прогнать, да?

Она смочила бинт в чашке с чистой водой и протерла губы страдальца, который за бинт едва зубами не уцепился. Но после некоторых клыкастых реакция на клацанье молярами у Архи была отменная. Ведунья погрозила шалунишке пальчиком, накапала на кусочек сахара немного опийного молока и сунула ему в рот.

Краем глаза она заметила, как дернулись брови подошедшего хаш-эда. Но Его лордство решило промолчал.

Ведунья скривилась и заострять внимание на ситуации не стала. Конечно, использование опия было очередной ступенькой на костер. Правда, у Архи их уже столько накопилось, что инквизиция вместе с городской стражей замучались бы дрова складывать. Но она же не виновата, что закон не видит разницы между избавлением от страданий и получением удовольствия.

А глазки у пациента становились все бессмысленнее. Кстати, и не совсем лазоревыми они были. По внешнему краю радужки шло кольцо глубокого сапфирового цвета, а потом уже лазурит. И у зрачка, как у солнца, отсвечивал золотистый ореол. Ведунье подумалось, что такие красивые глаза даже у демонов редко увидишь. И, между прочим, выглядели они гораздо симпатичнее, чем, например, очи цвета свернувшейся крови.

— Переложить его надо, — задумчиво буркнула лекарка себе под нос, наблюдая, как пациент отбывает в царство снов.

— Мы хотели его сегодня забрать, — подал голос рогатый.

— Куда? К гробовщику? — скептически хмыкнула Арха. — Нет, дело ваше, конечно. Но ближайшую неделю от меня исключительно к гробовщику. Ну, если учитывать регенерацию, то, может, дней за пять он и восстановится.

— Нам бы не хотелось так вас утруждать.

Лекарка скривилась, утрамбовав в дальний уголок души горячее желание одеть хаш-эду на голову сковородку, шкворчащую чем-то вкусным на плите. По ее ведовскому мнению, данная сковорода прекрасно бы смотрелась между рогов, а красноватое рагу неплохо бы оттенило бледную демоническую физиономию. Дикая лордская манера изъясняться могла довести до белого каления любого.

— А вы мне заплатите, и я перестану утруждаться, а начну помогать из чистого и незамутненного альтруизма, — заверила ведунья хаш-эда, очень стараясь говорить, а не

шипеть.

— Да, конечно.

Он встал с кресла. Нет, не так. Он стек с кресла... Да нет, и это описание не слишком удачно! Скорее, так поднимается очень большая кошка — вроде небрежно и довольно тяжело, но мускулы под шкурой перекатываются, как ртуть. Вот и тут было то же самое. Не хочешь — залюбуешься. Арха и залюбовалась, наблюдая во все глаза и даже рот приоткрыв, как он подошел (подскользился, подкрался, перетек) к книжному стеллажу и аккуратно положил на полку сыто звякнувший кошелечек.

Это звяканье и вернуло ее в реальность. Даже при условии, что кошелек могли набить медью, сумма там была немаленькая. Но гонорар занимал ее недолго. Демон обернулся, небрежно убрав с лица упавшую прядь волос, и несчастная лекарка поймала себя на том, что теперь любит его руками.

Мелькнула мысль, что от обилия свалившихся ей на голову слишком красивых мужиков у некоторых ведуний уже интоксикация начинается. И, может, стоит попросить хоть одного из них ушастым заменить? Послужил бы антидотом. Он, конечно, тоже не урод. Но вдруг страх перед шаверами заставит мозги на место встать? А то такими темпами и их остатков лишиться недолго.

Глава третья

Глава третья

Взамен любви Тьма отбирает возможность здраво рассуждать.

И это правильно. Кто в трезвом- то уме согласится на такую шутку?

(Из трактата «Рассуждения о главном»)

Слишком поздний обед или чересчур ранний ужин в обществе двух демонов и пациента, сладко дрыхнувшего на единственной в этой квартире кровати, прошел под знаком общего молчания и неловкости. Ведунья жевала и глотала абсолютно машинально, не слишком понимая, что она в рот-то кладет. Хотя блюда явно были из дорогого ресторана. Но как-то не привыкла Арха вкушать пищу в присутствии аристократов.

Глядя на то, как они ели, у нее всякий аппетит пропадал. Из ужина лорды устроили целый спектакль. Впрочем, уместнее было бы назвать действие балетом. Лекарка так и не поняла, зачем на колени нужно класть салфетку и почему для вина и для воды бокалы разные? Для нее изыски сервировки заканчивались вилок. Одной. Чаше ложки хватало. Кстати посуды, стоявшей на столе, у нее с роду не было.

Поэтому когда входную дверь со стороны коридора начали высаживать, Арха почти обрадовалась. Бояться ей явно нечего, а с пыткой едой можно было завязать на законных основаниях. Поэтому, ведунья вскочила с места, словно ее за зад укусили, и помчалась открывать. Весьма успешно игнорируя протесты рогатого, который, видимо, вознамерился подработать у лекарки телохранителем.

Но ведунья не только в его услугах не нуждалась, но и сомневалась теперь, что гвардейцы вообще хоть кого-то охранять могли. Если бы злодеи захотел покуситься на жизнь императора во время обеда, то у их черного плана имелись все шансы на безоговорочный успех. Пока гвардейцы будут салфетками утираться и вспоминать, куда шпагу дели, можно успеть венценосную особу не только проткнуть пару раз, но и мелко нашинковать.

В своей правоте Арха убедилась, добежав до двери первой. Хваленая офицерская подготовка демонам не помогла. Вот только как не старалась ведунья, она все равно опоздала. Потому что засов, немалый, между прочим, из цельного бревна вырубленный, треснул поперек и дверь распахнулась.

Девушка и сама не знала, кого ожидала увидеть на пороге. Наверное, что-то двухметровое и в высоту, и в ширину, равномерно покрытое глыбами мускулов. Так или иначе, но ожидания опять подвели.

Мимо застывшей с приоткрытым ртом лекарки пролетело существо примерно ее роста и ее же комплекции. Ослепив на миг радугой красок, дивное видение упало на колени в ногах кровати и зарыдало.

Арха закрыла рот, похлопала ресницами, и даже голову к плечу наклонила, но с места не сдвинулась. Она как стояла, так и осталась стоять, таращась на узенькую, бурно вздрагивающую спину, обтянутую фиолетовым атласом камзола. Лица страдальца, спрятанного между складок простыней, было не разглядеть. Ведунья видела лишь блондинистый, явно крашеный, затылок в завитках весьма художественных локонов.

Эмоции из рыдающего били фонтаном. Единственное, что можно было разобрать между всхлипами и завываниями: «Ад, о, Ад!..». И, почему то: «Не оставляй меня, милый!». Хотя недомерок явно родился существом мужского пола.

— Иссур, прекрати спектакль!

Рогатый, видимо начисто лишенный не только сострадания, но и чувства прекрасного, грубо прервал разворачивающуюся трагедию.

Причем сказано это было таким тоном, что Арха невольно глянула, не появилась ли на оконных стеклах изморозь. Потому что лично ее такой холод по позвоночнику продрал, что пятки онемели. А вот существо окрик наоборот взбодрил. Он, словно пружиной подброшенный, вскочил на ноги, разворачиваясь к столу и сжимая остренькие кулачки.

— Ты?! — дурниной взвыл страдалец. — Как ты смеешь тут быть? После всего, что ты!.. Да я!..

Он рванулся вперед, но наткнулся на выставленную руку Тхия. При этом сам рыжий не потрудился даже с табурета встать. Впрочем, разноцветное чудо препятствие не смутило. Он с упорством, достойным лучшего применения, снова дернулся вперед. Импровизированный шлагбаум никуда не делся. Ведунья прикусила губу, пытаясь сообразить — это сценарием запрещено или блондинчику действительно мозгов не хватает просто обойти руку?

— Я тут «смею быть», как ты изящно выразился, потому что вот эта мистрис полночи вытаскивала Адина из Тьмы. Куда ты его так любезно отправил.

Говорил демон безукоризненно вежливо. Но вот тон был таким, что даже ни в чем неповинной Архе стало неуютно. Да и сам рогатый, откинувшийся на спинку стула и сложивший руки на груди, выглядел не слишком дружелюбно. А уж этот взгляд исподлобья... Ведунье подумалось, что она бы меньше всего хотела заработать такой взгляд. Все-таки, молва не врал. Хаш-эд в гневе — это страшно. Как-то сразу верится, что он перворожденное дитя Тьмы.

Но блондинчик пребывал в такой ажитации, что, кажется, ничего не замечал. Он как попугайчик, колотящийся о прутья клетки, пытался взять штурмом препятствие в виде отставленной в сторону руки. У него не получалось. Видимо, Тхия оказался крепче дверного засова.

— Ты — мерзкий разлучник! — голосило при этом разноцветное чудо. — Ты

разрушаешь все, до чего дотронутся твои грязные лапы! Даже самое прекрасное и чистое, что может существовать в этом мире, для тебя не свято!

Не смотря на всхлипы и подвывания, говорить он начал связно. Только как-то не слишком естественно. Видимо, все же, текст драмы был заготовлен заранее. Хотя, может, при дворе все так выражались?

— Прекрати истерику, — мрачно посоветовал ему Дан.

— А то что? Что? Ты меня тоже прирежешь? — взвилось существо.

— Вообще-то, нож в него ты воткнул, а не я.

— Ах, да что это меняет?! Ты разбиваешь сердца, а это больнее! Ты, мерзкий, похотливый, лишенный морали...

— Так. Все.

«Все!» — пронеслось и у Архи в голове. Терпение, видимо, у демона закончилось. Ведунья была не в курсе, сколько выдержки Тьма хаш-эду при рождении отмерила, но блондин явно вычерпал ее до доньшка.

— Дан... — окликнул рогатого Тхия, который явно мыслил в одном с лекаркой направлении.

И мысли эти крутились вокруг вопроса: «Куда труп девать будем?».

— Я Дан, — согласился рогатый, вставая. И оказываясь едва ли не вдвое выше страдальца. — Я абсолютно точно Дан.

— Тебе не разлучить истинно любящих! — истерично взвизгнул блондин.

Но в этом он явно ошибался. Демон сграбастал попугайчика за фиолетовый воротник. С чувством потрянул, брезгливо фыркнув, словно кот, ступивший в лужу. И на вытянутой руке понес чудо за дверь. Блондин дергался, как марионетка, но молчал. Видимо, произносить речи сквозь рыдания легче, чем висеть в воздухе.

На лестнице что-то загрохотало. Арха опасливо отошла от двери, невольно поджимая уши.

— Простите, мистрис, — Тхия устало сжал пальцами переносицу. — Нам стоило оградить вас от подобных сцен, но Иссур несколько... своеобразен. А Адин к нему искренне привязался. Поэтому мы не вмешивались. Но вчера Иссур все границы перешел. Приревновал к Дану — и вот...

Он развел руками, словно показывая, что именно «вот». Ведунья открыла рот — и медленно его закрыла, как-то косо, растерянно пожав плечами. Даже мысленно она могла выдать только невразумительные междометия. В слух же сказать что-то, хотя бы из вежливости, не получалось вовсе. Ханжой она себя не считала, но... Таких страстей конец бывает страшен.

— М-да, — выдала лекарка свой вердикт, неуверенно улыбаясь.

— Я не с ними, — рыжий даже ладони вперед выставил, как будто отгораживаясь от всего.

— Собственно, мне как-то... В общем... да.

В дверях появился мрачный, как сама мрачность рогатый, брезгливо отряхивая ладонь о ладонь, словно он успел на лестнице чем-то измазаться. На ведунью он только глянул искоса. Но Арха, готовая искренне пожелать счастливой паре совета да любви, пожеланием подавилась. Своего пациента ей было от всего сердца жаль. Уж лучше попугайчик, чем этот надменный тип.

Но переживать за чужие судьбы у нее времени не оставалось. Мадам Шор не признавала

опозданий. И единственным весомым оправданием для такого проступка могла служить только смерть. Естественно, самого опоздавшего, а не кого-то там из родственников или близких.

Да к тому же, уйти, не оставив ценные указания, лекарка не могла. Пришлось потратить немало времени, заставляя демонов вызубрить порядок их действий в отношении больного: не кормить, не поить, не теревить. Вот это дать. Вот это дать, если хуже будет. Вот это не давать, но дать, если начнет от боли погибаться.

Поэтому собираться самой пришлось в жуткой спешке. Бросать пациента на гвардейцев Архе было, конечно, боязно. У них особые представления о том, как раненых выхаживать надо. Но и остаться она не могла. Кошелек, небрежно брошенный на полку, ведунья так и не успела исследовать. Но вряд ли ей заплатили столько, чтобы хватило до конца жизни.

По дороге пришлось еще и к хозяйке дома забежать, сунуть ей внеплановую порцию растираний от радикулита и пару золотых. А, заодно, предупредить, что в ее комнате больной остался. Обычный такой больной. С простудой. Ивтор, ага. А еще к нему будут захаживать друзья. Ифовет там, арифед. Шавер, хаш-эд еще. Ну, да, обычный такой хаш-эд, с рогами.

Вот после того, как Арха эти рога изобразила, бесса и грохнулась на стул, едва не развалившийся под ее объемным задом. Рухнула она, хватая ртом воздух, а рукой — необъятную грудь. За ее здоровье ведунья не опасалась. Насколько лекарка помнила анатомию, у бесов сердце находилось тоже слева, а хваталась мистрис Затра за правую грудь.

Поэтому, Арха пребывала в полной уверенности, что новость хозяйка переживет и возражений с ее стороны не последует. Тем более что бессе, как и всякой скандалистке, встряска только добавляла желания жить. Ну а если она захочет выяснить отношения с новыми постояльцами, то... То пусть демоны сами и разбираются.

***

К часу ночи Арха была готова покончить собственную жалкую жизнь самоубийством. И если бы ей разрешили уснуть и никогда больше не просыпаться, то ведунья так бы и сделала. Но Тьма жестока. Она готова была позволить лекарке повеситься, вскрыть вены или отведать больничной еды для имперских пациентов, но не скончаться от переизбытка сна. А то, что девушку ноги уже едва держали, никого не интересовало.

Кто-то говорит, что самая мерзкая работа у золотаря. Кто-то считает, что нет худшей доли, чем на скотобойне работать. Но такое мнение складывается по наивности и от незнания жизни. Тяжелее всего работать в клинике санитаркой. Иногда Арха подумывала об этом философский трактат написать под названием «Со дна или долгий путь лекаря». Но широкая публика вряд ли его оценила бы.

Дело было вот в чем. Для того чтобы получить лицензию лекаря, нужно пройти обучение в одном из пяти университетов империи. А оно стоило такую гору денег, что, пожалуй, любой запыхается, на нее взбираючись. Только для тех, у кого папа-мама, бабушка с дедушкой лекаря, предоставлялась возможность постигать азы нелегкого дела бесплатно.

Но и с привилегированных Империя нашла способ состричь немножко шерсти. После обучения они обязаны были три года в армии оттрубить. А, поскольку, война со Светом в обозримом будущем заканчиваться не собиралась, то торчать несколько лет в армии, даже лекарем, было делом неблагодарным. Хотя и познавательным и для практики полезным.

По окончании университета медик должен приобрести лицензию на право пациентов пользоваться. Она тоже стоила денег, но там горка поменьше. А получив заветную бумажку,

лекарь может пойти двумя путями. Он был вправе открыть частную практику и платить огромный, даже по меркам империи, налог. Или, если все тех же денег хватало, создать свою собственную клинику.

Лечебницы налоги не отчисляют, но обязаны принимать всех жаждущих и страждущих бесплатно. Их то и называют «имперскими пациентами». Как несчастных лечили, и какую помощь оказывали, оставалось на совести владельцев клиники. Про это разговор особый. Но принять всех нуждающихся в помощи лекари обязаны. Если узнают, что в лечении было отказано, то могут и лицензии лишить.

По этому поводу Арху давно мучил один вопрос. Расценки у лекарей такие высокие из-за существующей системы или это система появилась, потому, что лекари с пациентов три шкуры драли? Но, естественно, ответов на риторические вопросы никто давать не спешил. А единожды принятая схема работала, и менять в обозримом будущем ее не собирались.

Но, с другой стороны, не ведунье было на законы жаловаться. Благодаря именно такой системе лекарка свою денежку получала. Правда, не совсем законную. Но пока стража за руку не поймает, все средства хороши. Устрой кто-то все логичнее и справедливее — не бегали бы к Архе люди со всей округи. А ведь ведунья, если признаться честно и душой не кривить, не со всех и деньги-то брала. Это с гвардейцев, «золотой молодежи», не содрать — себя не уважать.

Клиника мистрис Шор специализировалась на женских болезнях, беременности и родах. Между прочим, она была лучшей во всей столице. И, кстати, о законах. Сама мистрис Шор лицензии не имела. Заветным разрешением обладала ее бабушка, которая давно прибывала в глубоком и счастливом маразме. Не смотря на то, что из этого состояния она даже не выныривала, ее образование позволяло больнице существовать.

Сама клиника была разделена на две, совсем не равные, половины. У них даже входы разные. Одна часть предназначалась для платежеспособных клиенток, другая — для имперских. На благополучной половине имелись три лекаря, не считая санитарок, сиделок и повитух. А бесплатная обходилась одной Архой, да ее сменщицей Аялой. Ну, еще метр Песах, подверженный приступам альтруизма, иногда заглядывал. Он, конечно, не столько лечил, сколько советы давал. Но и это помогало. Да и на право ведуньи оттачивать свои навыки на нищенках и проститутках никто не покушался. Вот в чем у нее никогда недостатка не было, так это в «подопытном материале».

В имперской клинике санитарки и за врачей, и за повитух, и за сиделок — за всех сразу были. Но этим их обязанности не ограничивались. В платном крыле девушки числились уборщицами. Да еще когда мистрис Шор узнала про ведовские познания Архи, то аптекаря своего она быстренько уволила и лекарку к делу приспособила. Не из-за того, что в высушенном сердце демонессы неожиданно материнская забота проснулась. Просто девушке без лицензии, Мать почитающую, столько, сколько аптекарю, платить не надо.

И деваться Архе было особо некуда. Стоило Шор шепнуть на ушко инквизиторам — и здравствуй, так долго ожидающий костер. Так что, возникни такая необходимость, ведунья бы и коридоры языком вылизывала. Правда, на судьбу она особо не жаловалась. Мистрис Шор, хоть и стерва порядочная, но злобной не была. Она позволяла ведунье ее личной библиотекой пользоваться, на операциях и осмотрах в качестве мебели присутствовать. Травники самые новые всегда покупала и даже не ворчала, если Арха их домой на ночь-другую прихватывала.

Ведунья мечтала, что когда средства, необходимые на обучение, будут собраны, то

полный курс ей заканчивать не придётся. Имея кое-какие знания, можно было некоторые предметы экстерном сдать. А то и на кафедре, например, аптекарской, лаборанткой устроиться. Это тоже бы помогло здорово сэкономить.

Вот из-за того, что в клинике все так заведено было, Арха к часу ночи едва на ногах и держалась. Сначала она все крыло для платных пациентов отдраила, горшки вынесла, инструменты прокипятила, грязное белье в узлы завязала и к задней двери оттащила. Потом получила свою порцию тычков и шипения от дежурной повитухи, чай ей приготовила и про то, что все девки — шалавы, лекцию выслушала.

Почти в десять вечера нашла время и в лабораторию спуститься. Сверяясь по списку, приготовила недостающие зелья, отвары, притирания, мази и порошки. Заодно, прихватила несколько травок, которые ей были нужнее, чем клинике. Повздыхала над своим кристаллом, давно уже нуждающемся в подзарядке. Да где его в столице то зарядишь, когда кругом камень один? Ну и, напоследок, вылизала уже и лабораторию.

И, чувствуя себя девой в беде, за которой принц никак не прискачет, отправилась в крыло для нищих.

На удивление, там было тихо и практически пусто. В пациентах числилось всего трое. Нищенка с новорожденным, пребывающая в клинике уже второй день и вполне освоившаяся с местными правилами, в чужой помощи не нуждалась. Старая шлюха, которая месяц назад пришла сюда умирать от сифилиса, но с тех пор помирать передумавшая, тоже проблем не создавала. Да и служанка, которую кто-то из гостей господина так ногой в живот угостил, что у нее выкидыш случился, ухода не требовала.

Арха осмотрела «счастливую» мать, поагукала над ее удивительно здоровым ребенком. Выслушала от шлюхи очередную историю на тему «А был у меня один с во-от таким...». Поболтала со служанкой, и с чувством выполненного долга отправилась на пост — спать. Санитаркам это не запрещалось. Кому надо, те разбудят.

Но, к сожалению, никого и будить не пришлось. Ведунья попросту еще лечь не успела, когда в соседней комнате звякнул колокольчик. Милостью бабушки теперешнего императора, все клиники, особенно «женского» профиля, были снабжены примитивным, но порой очень полезным устройством. Персонал его «аистом» звал. Технически в нем ничего сложного не было. Обычная корзинка, с привязанной веревкой и перекинутой через блок.

А назначение у нее очень простое. Если родился нежеланный ребеночек, и этот факт от общественности скрывается, то дитя нужно только в корзину положить, за колокольчик дернуть — и смыться, пока никто не заметил. А уж дежурные повитухи потихонечку, полегонечку, корзинку с дитенком на второй этаж через окно затаскивали. Зато по помойкам детских трупики после нововведения собирать стали значительно меньше.

Вот этот «аистин» колокольчик лекарке поспать и не дал. Пришлось, подхватив юбку, бежать в соседнюю комнатку. Спешила Арха не просто так. На дворе зима была, а детей порой и голыми в корзинку запихивали. Но, Слава Богине, этот младенец запелёнат оказался. Спал себе счастливым сном.

Ведунья осторожно, чтобы не разбудить дитятко, развернула сверток. В нем оказался человек, человечек маленький. Правда, не чистокровный, но разобрать, чьи крови в нем понамешаны в таком возрасте было практически невозможно. Почему-то человеческие метисы в младенчестве больше на людей походили. Признаки другой расы гораздо позже появлялись. Вот и этот был совсем обыкновенным. Глазки раскосенькие, кожа бледная, фарфоровая — все жилки видно. Лежал, губами во сне причмокивая. Арха от умиления чуть

не прослезилась.

Обработан детеныш был по всем правилам. Пуповина обрезана и нашлапка, пропитанная ромашкой, имелась. Кожа маслом смазана, носик и рот чистые. Маленький еще совсем, несколько часов с появления в этом мире всего прошло. Зачем только родился, спрашивается?

Совмещая невеселые думы и сюсюканье, лекарка достала госпитальные пеленки и, как положено, заново младенцы запеленала. А вещи, которые при ребенке найдены, надо было в городскую стражу сдавать. Вроде бы затем, чтобы стражники мать могли найти. Кто бы их еще искал.

Верхнее покрывало, видимо выстриженное из полы чьего-то плаща, девушка просто сложила. Только и отметила, что шерсть дорогая, шелковистая. А вот нижним залюбовалась против воли. Это не пеленка была, а скатерть. Точнее, большая салфетка. Тонкая, льняная, обшитая по краю пышными кружевами. И по углам гербы вышиты. На алом щите, на фоне черного пламени, вставал на дыбы крылатый золотой единорог. Ну, еще вензеля какие-то, шлема, короны, мечи — Арха в этом понимала еще меньше, чем в светских манерах. А вот зверушку крылатую она точно уже где-то видела.

Вспомнить бы еще где?

Но времени для копания в памяти ей не дали. За дверью послышались тяжелые, переваливающиеся шаги дежурной повитухи. И ведунья, к неоправданному воровству, вроде бы, не склонная, эту скатерть в карман платья запихала. Отдавать такую вещицу жалко стало до соплей, уж очень красивой она показалась. А у стражников салфетка все равно пропала бы. Солдафоны только и могли, что пустить ее на тряпки — сапоги да оружие чистить.

Салфетка была сделана из такой тонкой ткани, что влезла вся. Карман оттопыривался, конечно, но под фартуком это было не заметно. Так что, повитуха невольного воровства даже и не засекла.

***

Как она с утра добралась до дома, ведунья помнила слабо. Видимо, она просто спала, пока ножки несли невменяемое тело привычной дорогой. Спасибо еще дежурной повитухе, которая вызвалась сама отнести подкидыша в приют. Вообще-то, это была прямая обязанность Архи. Но видимо, после ночного дежурства девушка выглядела так жалко, что даже чугунное сердце повитухи не выдержало. Конечно, за этот добрый поступок лекарке расплачиваться предстояло долго. Но даже эта мысль не заставила ее отказаться от предложения. Она боялась просто уснуть по дороге где-нибудь в сугробе.

На подъездной лестнице Арха споткнулась обо все ступеньки, сколько их было. А дверь открывала, пребывая в полной прострации и не соображая, что она, собственно, делает. Конечно, ведунья начисто забыла, что у нее полная квартира гвардейских красавцев. Зато проснулась мгновенно, как только, открыв дверь, узрела недовольно скривившуюся морду шавера.

— Мне, может, погулять пойти? — поинтересовалась лекарка у него смиренно.

И плюхнулась на стул, стоящий у входной двери. Предстояло еще разуться, а это казалось непосильным трудом.

— Пойди, — согласился ушастый, нагло развалившись в единственном кресле и потягивая вино из бокала.

Девушка скривилась, не давая себе труда скрыть недовольную мину. С утра вино хлестать были способны только гвардейцы. Хотя, ее домыслы вполне могли оказаться и

несправедливыми. Может, демоны пить еще с ночи не закончили?

— Облезешь и станешь чешуйчатым, — не оправдала надежд шавера ведунья.

Она стянула плащ и ботинки, забралась с ногами на стул, натянув юбку и грея в ладонях замершие до деревянного постукивания пальцы на ногах. Кстати, в квартире было непривычно тепло. Архе подумалось, что эти изверги извели весь запас ее дров. Но даже ругаться сил не было никаких.

— Как пациент? — вяло поинтересовалась лекарка у противоположной стены.

Ушастый равнодушно пожал плечами. Наверное, это значило: «Тебе надо — иди и смотри».

— С ним все в порядке, мистрис Арха. Все ваши назначения мы соблюдали в точности. Сейчас он спит, — ответил ей хаш-эд, которого ведунья сразу и не заметила.

Рогатый, решивший, видимо, поселиться в этой квартире, присел на корточки и... протянул чашку горячего, дымящегося ароматным парком, крепкого до кирпичной красноты, чая. Арха подношение не сразу и приняла. Осознать, что это счастье ей одной досталось, она слету не смогла. А потом пришлось еще и отвернуться, шмыгая носом и смаргивая невесть откуда взявшиеся слезы.

Хотя, почему «невесть откуда»? Все она прекрасно понимала. Каждая мечтает о своем. Кому-то розы и серенады при луне подавай. А кому-то и чашки чая после дежурства хватает. Не о том ли она вчера Мать просила? Или высший лорд — это не совсем полноценная замена кошке? Но из-за того, что демон угадал ее желание, она здорово разозлилась. И растрогалась, чего уж там.

Нет, Арха не начала немедленно придумывать имена их с Даном внукам. К счастью, на это ее здравого смысла хватило. Но на нее такое чувство благодарности накатило, что аж в горле запершило. Подумав немного, она решила, что злиться в данной ситуации будет непродуктивно. И, осторожно взяв у хаш-эда чашку, словно она была фарфоровой, кивнула. Смутно надеясь, что он расценил это телодвижение как благодарность. Потому что благодарить вслух она не решилась. Побоялась, что голос подведет.

Девушка отхлебнула крохотный глоточек и даже сощурилась блаженно, чувствуя, как комок жидкого огня прокатился по пищеводу и ухнул в желудок, взорвавшись там ровным, мягким теплом. А рогатый все также сидел перед ней на корточках и смотрел своими ничего не выражающими красными глазенапами. И это даже не раздражало. Точнее, Арха подумала было смутиться, но потом решила, что ему, такому замечательному и со всех сторон положительному, можно все.

Шавер что-то сказал — ведунья не разобрала что именно, пребывая в полном блаженстве и гармонии с миром. Рогатый повернулся, отвечая. И Арха поперхнулась чаем, раскашлялась и обрызгала демона. Понятно, что он очень удивился и не отказался бы, наверное, от объяснений. Не часто высшим лордам приходится быть оплёванными. Но ведунья только губами шлепала, не способная и слова выговорить обожжённым ртом. И тыкала пальцем, указывая на его руку.

Дан скосил глаза на свой рукав и, кажется, окончательно уверился, что у лекарки серьезные проблемы с головой. Уж больно жалостливо он на нее посмотрел и даже попытался за руку взять. Подошедший шавер был с ним полностью солидарен, но деликатностью хаш-эда не обладал. И когда Арха начала тыкать уже в его рукав, ушастый не постеснялся высказать свой диагноз вслух: «Точно чокнутая!».

Видимо этого и не хватало ведунье для того, чтобы способность говорить вернулась.

Потому что ее прорвало.

— Сам ты псих до пятого колена! Нашивки! Золотой крылатый единорог на фоне черного огня! Понимаешь? А я не могла вспомнить, идиот!

— Арха, ты о чем сейчас говоришь? — хаш-эд поймал ее руки, которыми лекарка махала, как курица крыльями, отобрал полупустую чашку и легонько сжал ее ладони в своих.

— Она не может вспомнить имперскую символику, а идиот — я! — ушастый, кажется, обиделся.

Архе подумалось, что действительно получилось как-то нехорошо. Нет, за то, что она шавера идиотом обозвала, девушке стыдно не было. Ведь на правду не обижаются. Но вот государственную символику не опознать — это еще умудриться надо. Тем более что крылатая коняшка в Империи была повсюду. Ну, например, единорога чеканили на монетах — от медяка до империала.

— Так в чем дело, Арха? — настаивал рогатый.

Ведунья выдернула из его ладоней свою руку, молча полезла в карман, доставая изрядно помятую салфетку, и сунула тряпочку ему. Он развернул пеленку, повертел, не сразу сообразив, на что ему нужно смотреть. Заметил вышивку и уставился на уголок, словно там не герб красовался, а послание от самой Тьмы. Переглянулся с шавером и оба демона уставились на Арху. Взгляды у них были нехорошие.

— Откуда это у тебя? — поинтересовался ушастый таким тоном, что девушка немедленно почувствовала себя преступницей, сперевшей фамильные драгоценности правящей династии.

Пришлось рассказать им про ночного подкидыша. Ну, и про то, как салфетку она... позаимствовала. Точнее, о том, как: «... сама не заметила и в карман сунула». Слушали они ее, не перебивая. Архе даже показалось, что внимание было несколько чрезмерным. Вот только ведунья так и не поняла, что их возбудило.

А объяснять ей, в чем дело, никто, конечно, не стал. Лорды только и снизошли до сообщения, что их заменит Тхия. После чего поспешно отбыли, не сказав последнего «прости». Лекарке даже обидно стало. Но ее обиды демонов интересовали мало. Хотя, если разобраться, было в этом что-то нечестное.

Глава четвертая

Глава четвертая

Бывает такое состояние, когда душа просто просит тела.

(Из заповедей неизвестного ловеласа)

Кажется, просыпаться и видеть над собой чьи-то глаза, у Архи стало входить в привычку. Правда, на этот раз глаза были зеленовато-голубые с темно-синим ободком по краю и золотистым «солнышком» у зрачка.

— Ты кто? — поинтересовались у ведуньи глаза.

В смысле, их владелец поинтересовался.

— Я? Я никто. Пожалуй, что даже и ничто, — промямлила лекарка, пытаясь сообразить, на каком она свете.

В голову как будто свинца залили. И с подушки подниматься она не желала категорически. Ей и в таком положении было вполне комфортно.

Интересно, кто сказал, что можно привыкнуть спать урывками, всего по несколько часов в сутки? Наверное, тот, кто ложится ровно в десять вечера, встает в восемь утра, а пять недоспанных минут считает серьезным нарушением режима.

— А я вообще где? — растерянно спросил синеглазик.

— А я?

Нет, лекарка уже сообразила, что находится в собственной квартире, лежит на полу, на матрасе, и ей не слишком удобно. Но признавать за реальностью как-то не хотелось. Даже с учетом того, что в последнее время у нее дома в каждом углу по красавчику. Ну их, красавчиков этих. Она бы лучше поспала еще...

И тут до нее дошло, что как раз один из этих красавцев, а именно раненный пациент, которому меньше суток назад была проведена полостная операция, не просто смотрел на ведунью, но еще и с кровати свешивался. То есть самым злостным образом нарушал все правила послеоперационного ухода.

— Лежать! Смирно! — рявкнула Арха, вскакивая.

Она и не думала ему приказы отдавать. Просто хотела донести мысль, что пациенту нужно смирно лежать. В смысле, спокойно, на спине. Но эффект получился интересным. Демон, пытающийся вытянуться по стойке «смирно» в горизонтальном положении выглядел забавно. Арха хмыкнула, решив, что зрелище стоит того, чтобы его запомнить.

— Ты чего? — осторожно поинтересовался у нее красавчик.

— Я чего? Это я чего?! Это ты чего?! У тебя дырка в брюхе! Я зря, что ли на тебя полночи потратила, крестиком вышивая на твоей требухе? Чтобы ты тут сейчас скачал и мою работу портил? — вызверилась ведунья. — Смирно лежать, говорю! А-то на растяжки привяжу, и будешь ты у меня тут весь такой покорный и на все согласный!

— На что согласный? — еще осторожнее уточнил демон.

— На все! — отрезала Арха, решительно сдирая с него одеяло.

— Э-э-э, мистрис... Я, вообще-то...

— Молчать! Еще слово — и кляп тебе обеспечен.

Лекарка просто ненавидела, когда пациент по собственной тупости портит ее, хорошо сделанную, между прочим, работу. Ее это бесило до дрожи в руках. Конечно, многотерпение — это великая лекарская добродетель. Но свою греховность ведунья оправдывала тем, что на ее месте любой медик бы, брызгая слюной, в неистовство впал.

Нет, ну как приличными словами можно охарактеризовать подобное поведение пациента? Она себя гробила, из Тьмы его вытаскивала, а он скачет!

— Кролик, мать твою вместе со всем родом по женской линии за ногу, — рыкнула Арха, раздраженно срезая бинты.

Раненый счел за благо промолчать, настороженно и, пожалуй, испуганно наблюдая за ее действиями. Когда ведунья схватилась за ножницы, чтобы разрезать повязку, он, кажется, подумал что-то нехорошее. Пискнул и попытался уползти от лекарки этакой большой гусенечкой. Но она быстро вернула его на место. Во-первых, Арха хоть и маленькая была, но слабенькой ее никто не называл. А, во-вторых, опыт в успокоении пытающихся сбежать больных у нее имелся.

Когда ведунья положила ладони ему на живот и призвала милость Богини, он еще раз придушенно пискнул — ведунья только зыркнула на него недовольно. Лекарку гораздо больше интересовало состояние внутренних швов, а не эмоции чересчур нервного демона.

Рана оказалась в полном порядке и «свешивание» с кровати для пациента последствий

не имело. Подживало на нем действительно, как на собаке. Хотя любая псина бы позавидовала такому здоровью.

— Все, — Арха, наконец, удовлетворенно улыбнулась, отпуская раненого.

— Все? — испуганно уточнил он. — Правда, все?

— А ты что, надеялся, что я тебя насиловать буду?

— Нет, не надеялся, — затряс кудрявой головой ивтор.

— Уже даже и не надеялся, бедненький? — ведунья пожалела перепуганного пациента и слеза с кровати. — Ладно, проветрись пока. Я сейчас отвар приготовлю и заново тебя перевяжу.

Он послушно закивал с таким же энтузиазмом, как до этого мотал головой. И стыдливо потянул одеяло, прикрывая самое сокровенное. Арха даже подивилась его скромности. Конечно, можно подумать, что раньше она голых мужиков не видела. Но от гвардейцев, зная их нравы, подобного смущения ждать не приходилось. Тем более, от таких страстных гвардейцев, строящих многоугольные любовно-геометрические фигуры.

Хотя, справедливости ради стоит заметить, что настолько замечательно сложенных парней девушке видеть еще действительно не доводилось. Не крупный, с не слишком мощным костяком, но все мышцы синеглазика были прорисованы, как в лекарском атласе. Но без излишнего фанатизма.

Вот ушастый, тот действительно смахивал на некрупный шкаф. А красноглазый был развит, скорее, как атлет. Тхия же больше на танцора походил: тело изящное, длинное. А Шай казался худощавым и мускулы у него сухие, жилистые. В общем, ассортимент имелся на любой, даже самый взыскательный, вкус.

Арха тряхнула головой, поняв, что думает она о чем-то не о том. Хорошо еще, что у рук свои мозги имелись. И соли вместо ромашки лекарка в отвар не насыпала.

Разозлившись не столько на себя, сколько на красавцев, ведунья решила, что, пожалуй, может позволить себе немножко потратиться и сделать лекарство подейственнее. Чтобы демоны поскорее покинули ее жилплощадь. А то у некоторых тут проживающих девушек сердце слабое и с мозгами беда приключилась.

Ведунья сыпанула травы, достала из стола запасной кристалл, запустив его над кострюлькой. Это для платежеспособных клиентов она зелье исключительно в медных котелках варила. А на раненого впечатление производить не нужно было — ей уже за него заплатили. Лекарству же глубоко безразлично, в какой посуде его готовят, и при какой фазе Луны. Главное, рецепты не перепутать.

Пораскинув остатками мозгов, Арха вынула из шкапулки золотой, истончившийся на лезвие, бабушкин еще, серп. Резанула по ладони. Сжала кулак, глядя как капли крови падают в кипящее, мигом посветлевшие, золотящееся варево.

— Вы что делаете? — обалдело поинтересовался демон, напряженно следящий за ее манипуляциями.

— Собираюсь поставить тебя на ноги дня за три. Пожалуй, с твоей регенерацией это вполне выполнимо.

— Я это пить не буду! — решительно заявил синеглазик.

— А куда ты денешься? — равнодушно поинтересовалась девушка, перетягивая руку кухонным полотенцем. — Не умеешь — научим. Не захочешь — заставим.

В голове у нее тоненько звенело, а перед глазами мелькала черная мошкара. Скажи кому, что грозная лекарка боль не переносит — засмеют же. Бабушка говорила, что это беда

всех ведуний. Арха не знала, как там со всеми дела обстояли, а сама, бывало, и от порезанной руки сознание теряла. Поэтому кровь свою экономила.

А пока девушка сражалась с дурнотой, пациент притих, странно на нее поглядывая. Кажется, он судорожно обдумывал планы побега.

— Там же кровь... — протянул пациент, медленно превращаясь из просто бледного в зеленоватого.

— Неприятно, конечно, а что поделаешь? Думаешь, мне нравится себя резать? — пожалла плечами Арха. — Только ведь жизнь просто так, ни за что, нам один раз дается. Потом ее только выкупить можно. И платить нужно за каждую минуту. Богиня добра, но Равновесие нарушать она не позволяет.

Она фыркнула, оценив собственный нравоучительный тон и даже головой покачала. Бывает же, вылезает откуда-то временами. Может, Мать ей не ведуньей, а проповедником жить предназначила?

Входная дверь хлопнула, когда лекарка процеживала варево в чашку. Арха выглянула из-за перегородки кухоньки, убедилась, что это всего лишь рогатый с Шаем, и убралась обратно. Подумаешь, хаш-эд с ифовеом в гости зашли, да еще явно открыв дверь своим ключом! Дел-то куча. Они тут каждый день шляют.

— Дан! Она меня собирается гадостью какой-то поить! С кровью! С собственной! А еще она...

Под завывания раненного, повествующего об издевательствах ведуньи, Шай сгрузил на кухонный стол какие-то пакеты и свертки, попутно улыбнувшись девушке. Хорошая у него улыбка была, добрая.

— А обещали Тхия прислать, — убирая кристалл, проворчала она.

Просто так проворчала, для порядка. Надо же продемонстрировать свое недовольство. Хотя ей, почему-то, было неожиданно приятно их видеть.

— Так он только полчаса назад ушел, вы спали еще. А мы задержались чуток, — пояснил блондин, деловито раскладывая по ящикам какую-то снедь. И получалось у него это так привычно, словно он на этой кухне вырос. — Ты сегодня дежуришь?

— Нет, у меня выходной.

— Отлично, тогда поможешь с ужином.

Он оттер Арху плечом, убирая что-то в нижний ящик.

Девушка покорно отошла, пытаясь сообразить, что это было. Можно предположить, что она просто продолжала сходить с ума. Но ей показалось, что этот разговор сильно смахивал если и не на беседу заслуженных супругов, то на диалог брата с сестрой. И это выбивало из привычной колеи.

«Нет, гнать их отсюда, гнать поганой метлой, пока у тебя галлюцинации на нервной почве не начались!» — решительно заявил здравый смысл. Лекарка кивнул, полностью с ним соглашаясь. Попутно вспомнив, что, вообще-то, она тут кого-то на ноги поднимать собиралась.

— Не буду, я не Тхия, — решительно заявил больной, когда ведунья ему кружку протянула.

И демонстративно сложил руки на груди. Для полноты картины ему не хватало только губы надуть.

— Пей, — негромко приказал Дан. Голоса-то он даже не повышал, но приказал как-то так, что Арха сама едва не начала зелье хлебать. — Она из-за тебя жизнью рискует.

От этого заявления не только у пациента глаза округлились. Ведунья тоже удивленно глянула на демона, нервно дернув ушами.

— Ты хотя бы подумай о том, что с ней будет, если кто-то узнает, что она жертвы Богине приносит? Между прочим, чтобы твою шкуру спасти, — продолжал выговаривать хаш-эд.

За то, что он раненного к порядку призывает, Арха лорду была благодарна. А вот за то, что о ней говорит так, будто никакой лекарки тут и не было — не очень.

— Жертвы? — тяжело сглотнул ошарашенный голубоглазик, дернув кадыком, и нервно глянув на кружку.

Ведунья понадеялась, что прямо тут он вчерашний обед демонстрировать не решится. Конечно, уборщиков хватало, да и пол был не слишком чистый, но лучше обойтись без показательных выступлений.

— Она себя резала не просто так. Пей.

Адин забрал у лекарки кружку, глядя на девушку примерно так же, как она сама на шавера смотрела.

подавив горячее желание рывкнуть «Бу!», Арха достала чистое платье и отправилась приводить себя в порядок. Наверное, все-таки нехорошо рассекать перед красавчиками в мятой одежде, всклокоченной и с нечищеными зубами. Не то чтобы она на кого-то из них виды имела. Просто — нехорошо. Правда, стоило об этом раньше подумать. Как говаривала мистрис Шор: «Не бывает второго шанса произвести первое впечатление».

Но собственный внешний вид ее занимать быстро перестал. Рогатый монотонным голосом профессионального зануды продолжал распекать нерадивого пациента. И когда Арха уже практически закрыла за собой дверь, до нее донесся его приглушенный голос: «Кровь жрицы жизнь дарит. Она у себя пару месяцев жизни забрала, чтобы тебе отдать».

У ведуньи в буквальном смысле слова колени подкосились, и она плюхнулась на унитаз. Нет, кое в чем лорд, конечно, ошибался. С парой месяцев он загнул. День-два она отдала. А, может, дело и вовсе только тяжелой простудой обернется.

Да и жрицей она не была. Или, по крайней мере, не считала себя таковой. Бабушка, было дело, проводила ритуалы. По весне, помогая земле пробудиться. Осенью, за урожай благодаря. Сама же Арха такого не делала никогда. Дело ли той, в ком темная кровь течет, в жизнь вмешиваться? То, что ей Мать лечить позволяет — и то удивительно. Но...

Но если бы демон еще кому-нибудь подобное ляпнул, даже в пьяном бреду, то Архе с плахой точно не разминутся.

Девушка почувствовала, что у нее внизу живота завязался ледяной узел, словно она живую змею проглотила. Нет, смерти она совсем не боялась. Чего бояться, если ее Богиня ждала? И бабушка.

Но уж больно страшно именно так умирать. Не любила инквизиция жриц. Гораздо сильнее, чем ведуний, не любила. Да и самим лордам дочерей Богини жалеть не за что. Говорят, что когда последний раз жрицу на Площади правосудия казнили, и стражники отворачивались. Даже для них зрелище было чересчур мерзким. Но милости она так и не дождалась. Как сказали, что будет умирать с рассвета до заката, так и умирала.

Арха приложила к щекам ледяные ладони. Стало немного легче. До сих пор гнев Тьмы ее успешно миновал. Да и рогатый на сплетника не слишком походил.

***

Спокойно поесть ей снова не дали. Стоило за стол сесть, как в квартиру опять кто-то

попытался вломиться. Открывая дверь, ведунья только смутно надеялась, что это будет не очередной герой гвардейского романа. А то засовов не напасешься.

Девочку в полутьме коридора она разглядела не сразу. Арха сначала посмотрела прямо, потом, по привычке, взгляд переместился выше. И только, осознав, что над ней никто не возвышается, лекарка глянула вниз. Посетительница действительно была маленькой, девушке примерно по пояс. И рожица ее была так перепачкана, что служила превосходной маскировкой. Как, впрочем, и лохмотья, в которые она зябко куталась.

— Стрис Арха? — серьезно осведомился ребенок, шмыгнув носом и деловито утираясь рукавом.

Арха присела на корточки, чтобы девочке не пришлось голову запрокидывать.

Лекарка по собственному опыту знала, насколько это неудобно.

— Да, это я. Что случилось?

— Да там Рунго... Короче, хреново ему совсем. Тока у нас денег нету. Пойдете? Тетка Мара, та, что булками торгует, говорит, что пойдете. Брешет, чай, а?

И дитя выдала такую тираду, выражающую ее недоверие, что у Архи уши к голове сами собой прижались.

— Разве маленькие девочки так должны выражаться? — поинтересовался Его лордство, бесшумно возникнув у ведуньи за спиной.

Ответом ему послужили два абсолютно одинаковых малодружелюбных взгляда. И лекарка, и ребенок смотрели на него исподлобья, чуть набычившись, и недвусмысленно рекомендуя ему немедленно убратся во Тьму. Демон хмыкнул и задвинулся за дверь.

— Заходи, я пока соберусь.

Арха резко толкнула створку не столько для того, чтобы дать девочке пройти, сколько с намереньем задеть хаш-эда по носу. У нее, конечно, ничего не получилось. Гвардеец — волей магии, не иначе! — стоял уже у кровати.

— Да не, я тут лучше. У вас вон лорды тама, — усмехнулась девчонка.

Арха прикусила губу. Улыбка дивного создания слишком живо напомнила ей ухмылку сифилитичной шлюхи, которая никак помереть не могла. Но заострять на этом внимание она не стала.

— Угу, а еще ивтор и ифовеет. Заходи. И рассказывай. Рунго — это кто? Шай, дай ей поесть что-нибудь, — распорядилась Арха, соображая, что с собой нужно прихватить. — Хлеба там, что ли? Чтобы можно было по дороге сжевать.

Девочка вошла, оглядываясь хоть и с любопытством, но без малейшего страха.

— Рунго он... — ребенок пожала плечами. От детеныша невыносимо несло мокрыми тряпками и немытым телом. — Рунго.

— Информативно. Лет ему сколько?

Она снова пожала плечами. Уши Архи раздраженно дернулись. Действительно, нашла, о чем спрашивать! Ведунья деловито сновала по комнате, собирая в маленький саквояж свои причиндалы, которые так и не убрала на место. Со момента эпического прибытия в ее квартиру Адина с компанией у девушки на это времени так и не нашлось.

— Ладно, что с ним? Заболел, избили, изнасиловали, порезали?

У кого-то из гвардейских красавчиков громко клацнули зубы. Ребенок серьезно подумал и ответил:

— Избили. Может и насильничали. Я не глядела. Что я ему в ж...у полезу?

— На месте разберемся. Шай, хлеб где?

Абсолютно офонаревший и застывший на месте, как статуя, блондин протянул Архе булку. Она взяла и передала девочке, прекрасно понимая, что из его рук ребенок ничего не примет. А вот у лекарки взяла, даже кивнула в знак благодарности.

— Вы готовы? — неожиданно поинтересовался рогатый.

— Я-то да, а вот вы куда собрались? — вытаращилась девушка на демона, накидывающего на плечи свой плащ.

— С вами, — спокойно ответил он.

— Да? А где рота стражи? Факела? Горнисты, в конце концов? — скептически поинтересовалась ведунья, скрещая руки на груди.

Получилось не слишком хорошо — гордому и независимому жесту саквояж помешал.

— Я думаю, что одного меня будет вполне достаточно, — улыбнулся демон.

Первый раз он улыбнулся по-настоящему. Наверное, статуя, приди ей в голову идея улыбнуться, выглядела бы также. Но при этом лорд умудрился просигнализировать, что ему не до смеха.

— Более чем! — закатила глаза Арха. — Что за блажь вам в башку пришла?

— Одну я вас не отпущу.

— Я пять лет прекрасно обходилась без вас!

— Но теперь-то я здесь.

— Да, великая вещь логика, — прошипела Арха, от бессильной злости даже ногой топнув.

— Ну, мы чего, идем или будем сиськи мять? — поинтересовалась малютка.

Ведунья только хлопнула себя ладонью по лбу, словно комара придавила. И, ни слова больше не говоря, широкими шагами вышла в коридор.

***

Надо отдать должное Его лордству, по дороге он Архе не навязывался и телохранителя из себя не изображал. Да, честно говоря, лекарка его почти и не замечала. Он шел в стороне и как-то так, что, если бы девушка не знала, где он, то и не увидела бы. Рогами демон не отсвечивал, спрятав их под капюшон плаща. Конечно, тот топорщился как-то странно. Но мало ли в столице странных существ?

Идя за девочкой, они сразу оказались на задворках Висельников. Поплутав по темным проулкам, вышли на старую набережную, пахнувшую ледяным, пропитанным водой ветром и гнилыми овощами. Потом свернули к полуразрушенным домам, больше смахивающим на склады, чем на жилые постройки.

Дорогу освещала только Луна, висящая холодным мячом в чернильном небе. Снова пошел мягкий, пушистый снег, лежащий на нетронутую, без единого следа, целину. Но в этом мире не чувствовалось и намек на наступающий праздник. Скорее все вокруг напоминало кладбище: пустое, унылое, заброшенное даже приведениями.

— Это что? — несколько озадаченно спросил демон, когда они остановились у кирпичного одноэтажного строения, зияющего провалами оконных проемов, лишенных рам.

— Работный дом, — буркнула крошка.

Рогатый явно ничего не понял.

— Сюда направляют сирот. Тем, кому пять лет уже исполнилось. У Империи нет денег, чтобы их содержать. Поэтому дети зарабатывают сами, — любезно пояснила ведунья, наблюдая за девочкой, что-то ищущей в груде гнилых, разбитых досок. — Что вы тут делаете?

— Птицу щиплем, — шмыгнула носом девочка и уселась в снег, пытаясь с помощью огня зажечь пучок сена.

Рядом с собой она положила тонкую свечку. Гвардеец было дернулся ей помогать, но Арха его придержала за рукав, покачав головой. Он раздраженно сверкнул красными глазами и, как ни странно, остался на месте.

— Нам с утра гусей там, уток, кур привозят, а мы, значит, перо щиплем. До вечера, — раздраженно проворчал ребенок, чиркая кресалом и, кажется, обдирая себе пальцы.

— А учитеесь когда? — не отставал от нее Дан, обладающий, видимо, здоровым природным любопытством. Девочка глянула на него через плечо, хмыкнула, но ничего не сказала. — Охрана-то хоть тут есть?

— Ну, знаете, мессир, — обиделась, почему-то, ведунья, — не такие уж они и опасные!

— Да не от них, — поморщился демон. — Их самих не охраняют?

Ребенок не слишком вежливо фыркнул, и пробормотала под нос: «Лорд!». Получилось это у нее исключительно презрительно.

— Здесь есть только они, дети в смысле, и директор дома. Ну, может еще какие-нибудь помощники. Они тут живут и работают, понимаете? Это рабочий дом, а не пансионат, — терпеливо объяснила лекарка, пытаясь ухмыляться не слишком демонстративно. Наивность Его лордства умиляла.

Хаш-эд кивнул, но, кажется, так ничего и не понял.

Девочка, наконец, зажгла свою свечку, встала и махнула рукой, зовя за собой. По одному они вошли в двери, лишенные створки, прошли мимо огромных тюков, набитых, видимо, птичьим пером. Свернули, и начали спускаться по скрипящей, ветхой лестнице. Арха заметила, что старые ступеньки на ее вес жаловались гораздо больше, чем на демона. Ей даже обидно стало.

— Почему ты не дала ей помочь? — тихо спросил рогатый, неожиданно перейдя на «ты».

— Вы мужчина. Богатый, сильный, лорд в конце концов. Если вы что-то даете или делаете, значит, что-то от нее хотите. Ничего хорошо, скорее всего, — ответила ведунья, стараясь формулировать свою мысль помягче. Обидеть его, даже ненароком, ей не слишком хотелось.

— Я только помочь хотел. Честно! — растерялся рогатый и даже приостановился, оглянувшись.

От него такой реакции Арха не ожидала.

Как-то жалко даже его стало.

— Знаю, — кивнула она. — Но вот так вот они живут. Ко мне тоже в первый раз обратились. Видимо, и впрямь дело плохо. А сама я не совалась. Они бы разбежались, как зайцы.

— А хотела?

— Что?

— Сунуться? — он отвернулся и снова начал спускаться.

— А вы бы не хотели?

Его плащ шевельнулся. Наверное, демон пожал плечами. А ведунья разозлилась. На себя. Нашла кого жалеть!

«Знает она! Что ты про него знать можешь, убогая? На ручках тебя покачали, страшный сон отогнали. И готово дело — уже рассиропилась. Ты для него вроде зверушки забавной.

Поднадоели, наверное, придворные красавцы и дворянчики. Ара-а, очнись! Это лорд, а не просто смазливый мужик!» — рявкнул здравый смысл.

— Что-то случилось? — гвардеец обернулся, сверкнув глазищами.

В темноте, которую едва разгонял слабенький огонек свечи, демонические очи блестели, как у кошки.

— Ничего не случилось! Топаи давай, охранник. — огрызнулась ведунья, подзабыв не только о вежливости, но и о здоровом страхе лордского гнева.

Они спустились с лестницы, которая, казалось, конца не имела, попав в подвальный лабиринт. Здесь было теплее, чем наверху, но воняло невыносимо — словно тут сознательно коллекционировали все самые отвратительные запахи мира. Что примечательно, за всю дорогу они не только никого не встретили, но, даже, не слышали ни звука, кроме собственного дыхания и шагов. По крайней мере, Арха точно ничего не слышала.

Поплутав немного, девчонка привела их в какой-то тупичок.

— Тута он, — шмыгнула она носом.

— Вы можете мне посветить? — попросила ведунья гвардейца, отчаявшись хоть что-то рассмотреть в темноте.

Рогатый ничего отвечать не стал, просто раскрыл ладонь. Вокруг нее появился едва видимый, чуть светящийся ореол. Он становился плотнее, наливался светом, закручиваясь в маленький вихрь. В центре ураганчика свет становился еще материальнее, вещественнее. Сначала родилась крохотная звездочка, которая набухала, росла, пока над ладонью демона не повис уже знакомый ей пушистый белый шарик чистого света.

— Ух ты! — восторженно заявил ребенок и витиевато выматерился.

Рогатый поморщился, но промолчал.

Огонек облетел помещение, освещая стены, в потеках какой-то мерзости, и земляной пол. В углу, на куче тряпья кто-то лежал, мальчишка, наверное. Лица его Арха не разглядела, его закрывали тряпки, в которые он носом ткнулся. Но по неестественно вывернутой руке, по сведенным судорогой пальцам ведунья все поняла.

Она присела, пытаясь нащупать пульс. Несостоявшийся пациент уже коченеть начал. Тут даже Богиня была бессильна. Мальчишка уже слишком далеко ушел во Тьму.

— Это что?! — в голосе демона прорезались рычащие, утробные какие-то нотки.

Лекарка, повернулась, глянув туда, куда указывал лорд. Шарик света висел над спиной паренька, равнодушно высвечивая из мрака покрытое коркой крови месиво из обрывков рубашки, лоскутов кожи, вколоченных в разбитое мясо.

— Десять плетей. Кража на сумму меньше полуимпериала, — устало пояснила ведунья, сжимая пальцами переносицу.

У нее вдруг разболелась голова, словно в череп кто-то раскаленного свинца плеснул. Прилившая кровь буквально выламывала виски изнутри.

— Он молоко украл. У молочника, — всхлипнула девчонка. — Спасибо, стрис.

— Не за что. К сожалению, — Арха тяжело поднялась, придерживаясь рукой за скользкую стену. — Ты приходи, пожалуйста, если что-то опять случится, ладно? Только не затягивай больше.

— Ладно, — ответила девочка не слишком уверенно.

— Ты ее здесь оставить собираешься? — спросил рогатый.

Он явно злился, только непонятно на кого. Ребенок, настороженно поблескивая глазами, словно зверек, попятилась.

— А ты что предлагаешь? С собой взять? Ну, лови тогда, — еле выговорила Арха.

Она чувствовала, что если немедленно не попадет на воздух, то просто потеряет сознание.

Демон помчался за мечущимся шариком света. А ведунья, взяв свечку, медленно, цепляясь ногами друг за друга, поплелась обратно. Ей было очень плохо, по-настоящему плохо. Как она наверх выбралась, лекарка помнила смутно. Сколько сидела на земле, жуя почему-то соленый снег, она тоже не помнила. Архе раньше казалось, что за пять лет она повидала всякого. Но у жизни всегда остаются сюрпризы.

— Арха, тебе плохо? — демон присел рядом с девушкой. Она в ответ только неуверенно кивнула. — Тьма! Жрица, чтоб вашу Богиню...

Продолжать он не стал, подхватив ведунью на руки.

***

Толком сознания Арха так и не потеряла, просто все плыло у нее перед глазами. Было короткое чувство полета, словно бы они куда-то падали. Потом лорд ее к чему-то прислонил, умудряясь разувать и одновременно придерживать. Когда гвардеец начал стягивать с нее платье, девушка попыталась сопротивляться. Но еехватило только на то, чтобы руку поднять и пихнуть демона. На него это особого впечатления не произвело.

Сознание полностью вернулось к хозяйке только тогда, когда она очутилась в воде, теплой и слегка пузырящейся. Ее было много, очень много. Головная боль потихонечку начала отпускать, как будто вокруг висков медленно, но разжимались чьи-то пальцы.

Но понять, куда ее приволок демон, это не помогло.

— Я опять сплю?

Вопрос был, конечно, не слишком умный. Но ни на что большее она в данный момент способна не была.

— Нет. Ты у меня в гостях, — спокойно ответили откуда-то сбоку.

Арха оглянулась на голос. Отвела глаза. Опять посмотрела. Поморгала. Он так никуда и не пропал.

Он — это рогатый, растянувшийся на плоском камне, едва выступающем из воды. Хаш-эд любовался собственным отражением, лениво двигая из стороны в сторону рукой, опущенной в воду. Вторая лежала у него под подбородком. Черные пряди волос свесились по бокам бледного лица, плывя в воде, напоминая тонкие водоросли. Плащ он снял, китель тоже, оставшись в нательной рубашке, настолько тонкой, что ткань липла к телу.

Лекарка воровато оглядела себя. Слава Богине, нижняя сорочка была на месте. Но, это единственное, что ее прикрывало, не считая темной воды. Поразмыслив, девушка сочла, что одета вполне прилично. Выскакивать с визгами, прикрывая ладошками интимные места, было бы в разы глупее. Поэтому Арха осталась там, где сидела, только съехала по песчаному, шелковистому дну чуть ниже.

Водопад, обрушивающийся в озеро в метрах ста от них, тихо, сонно шелестел. Падающие струи словно дремали, неторопливо скользя по камням. В чернильном озере отражались звезды, усыпавшие небо так густо, словно кто-то специально рассыпал блески. И от этого казалось, что ведунья сама тихо покачивается в небе.

Где-то негромко, словно подпевая шепчущему водопаду, стрекотали цикады. Деревьев на противоположном берегу видно не было. Зато кусты усыпали светящиеся зеленоватые цветы. Девушка не сразу поняла, что они двигаются.

— Светлячки! — ахнула она, наконец додумавшись.

Его лордство в ответ только глубокомысленно улыбнулся собственному отражению. Лекарка поелозила по шелковистому дну, перелила из ладошки в ладошку темную воду. Искоса глянула на безмятежного гвардейца, тяжело вздохнула.

— А у тебя — это где? — вдоволь намаявшись, решилась все-таки спросить она осторожно.

— У меня в поместье, — пояснил он.

— А...

— Арха, тебе сейчас плохо? — перебил демон, повернул голову в ее сторону.

Его глаза в темноте казались провалами во Тьму, на дне которой не горело, а скорее угадывалось пламя. Лунный луч скользнул по сабельному рогу, посеребрив его кончик.

— Нет... — прошептала Арха внезапно пересохшими губами.

— Тогда почему ты такая напряженная?

Действительно, вопрос был хорош. Ведунья нервно хмыкнула, не зная, как бы поделикатнее на него ответить. Очень хотелось выдать что-то вроде: «Да так, знаешь ли, напрягаюсь немного. Я ночью, сижу в озере из сна, практически голая, вокруг цикады цвиркают, хотя сейчас середина зимы. Ах, ну да! Тут же рядом еще и демон, который непонятно чего от меня хочет». Наверное, это было бы наиболее исчерпывающее объяснение.

Но она промолчала, только плечами пожала.

— Когда ты на меня так таращишься, я...

— Что? — собственный голос девушке показался каким-то сиплым.

Можно было конечно списать это на то, что она простудилась. Но это являлось откровенным враньем. И хотя ведунья пребывала в убеждении, что со стороны демона ей ничего не грозит, пальцы на ногах сами собой поджались. Уши, кажется, тоже.

Рогатый протянул руку, взяв ее за плечо. Не грубо, но Арха мгновенно поняла, что попытка вырваться приведет только к синякам. Демон потянул девушку к камню, ведунья невольно наклонилась, рука по запястье утонула в песчаном дне. В итоге их лица оказались рядом. Неприлично рядом. Его черные прищуренные глаза от перепуганной лекарки и расстояние в ладонь не отделяло.

Сердце у нее колотилось так, что Арха боялась рот открыть, а вдруг выпрыгнет? И... Да, ведунье очень хотелось, чтобы лорд ее поцеловал. Она понимала, что рогатый может выкинуть все, что угодно, кроме поцелуя. Но хотела.

И он ее, кажется, поцеловал. Правда в том, что это именно поцелуй случился, девушка уверена не была. Твердый, как будто вырезанный из дерева, рот коснулся ее нижней губы. Легко, она едва почувствовала это прикосновение. Его губы чуть прихватили ее, скользнули вдоль... Демон отстранился, глядя на Арху без всякого выражения. А она только и могла, что глазами хлопать. Даже ничего и распробовать не успела. От обиды слезы навернулись сами собой.

— Я тебе не нравлюсь? — спросил он тихо.

— Нравится. То есть... Нет, но... — проямлила гордая ведунья.

Ну не умела она играть в эти аристократические игры! Да и в любые другие тоже. Может, у них так и принято, но ее-то этому никто не учил!

— Простите, мессир, но Адин мой пациент, поэтому я не могу... Понимаете, я просто права не имею. И он... Я...

Девушка замолчала, окончательно запутавшись в собственных доводах. Только

таращилась на гвардейца желтыми глазищами.

— Нет, не понимаю. При чем тут Адин? — голос у него был такой спокойный-спокойный, как будто ничего и не происходило.

Арха, конечно, слышала, что аристократы непревзойденные лицедеи. Но не настолько же! Хотя, может он просто не знал, что ведунью уже поставили в известность о наличии любовной драмы?

— Мне рассказали, что у вас... — лекарка уставилась на воду, словно на ней ответ был написан. — Ну, что тот... э-э-э... кто вчера приходил... Он его к вам приревновал. И — вот.

— Что «и вот»?

— В общем, я не знаю, как лично вы ко всему этому относитесь, но я никогда не встану между кем-то, — закончила она твердо и даже голову подняла.

Но ее гордое выступление было нагло проигнорировано. Кажется, демон вообще о чем-то постороннем размышлял. Даже брови слегка нахмурил. Может, переваривал сообщение о морали ведуньи? Конечно, такие взгляды как у нее, в Империи не слишком популярны. Но и порядочность совсем уж редкостью не являлась. По крайней мере, она на это надеялась.

— Ты думаешь... — начал он медленно, как будто слова подбирая. — Что у меня с Адином... роман?

— Ну да, — честно ответила Арха и даже головой кивнула для убедительности, всем своим видом стараясь продемонстрировать, что ничего предосудительного в этом не видит.

Демон ткнулся лбом в камень и то ли простонал, то ли что-то тихо прорычал. Ведунья поежилась. В воде, конечно, тепло было, но ее все равно озноб начал пробирать. В основном потому, что девушка никак сообразить не могла, что он от нее хочет.

— Арха, что заставило тебя сделать вывод, что у меня с Адином что-то есть? То, что Иссур его ко мне приревновал, еще не значит, что между нами что-то есть, было, будет и, вообще, может быть в принципе. Вероятно, я тебя разочарую, но мне женщины нравятся.

— Это хорошо. Наверное... — ну, какого-то ответа он явно ждал. А ничего умнее она не придумала.

Рогатый повернул голову на бок, проникновенно глядя на Арху. Она снова поежилась.

— Мессир, вы просто скажите, я могу вам чем-нибудь помочь?

Лорд сел, поджав под себя ногу. Струйки воды с намокших прядей побежали по его рубашке. И там, где они текли, словно невидимая кисточка художника прорисовывала темную кожу.

— Арха, тебе сколько лет? — тихо поинтересовался он.

— Двадцать... э-э-э... три.

— Так двадцать или двадцать три? — усмехнулся демон.

Девушка независимо пожала плечами.

— В любом случае, выросла девочка, ведунья. Сама понимать должна! Так пойми и скажи, в конце концов. Да — значит да. Нет — значит, нет. Долго кругами ходить будем?

Если тут кто-то что-то понял, то это явно была не Арха. Что «да» и что «нет»?

— Тьма! — выругался он так, что лекарка вздрогнула. — Так, ладно. То, что у тебя сейчас никого нет — это понятно. Но кому-то же ты так упорно верность хранишь? Он кто?

— Кто?

Уши у нее поджались, а голова как-то сама собой в плечи втянулась. Страшно ей было, очень страшно. Демон явно злился, а она никак не могла понять, что его так взбесило.

— Парень твой кто? Ну, или мужчина?

— Какой мужчина?

— Твой мужчина. Он кто? — почти по слогам повторил демон.

— Нет у меня никакого мужчины! — возмутилась ведунья. — И не было никогда. Вы просто скажите, что от меня требуется — и все...

— Никого? Никогда?

С этого момента ничего непонимающих на озере было уже двое. Оказывается, каменная физиономия демона вполне способна отображать чувства. В данный момент на ней большими буквами было написано крайнее изумление.

— Никого. Никогда. Вас... э-э-э... мой моральный облик беспокоит? — робко предположила Арха.

Рогатый обеими руками растрепал свою шевелюру.

— Уже нет, — выдал он, — не беспокоит. Вылезай, я отвернусь. И рубашку сними. До дома в одном платье доберешься. Не хватает еще, чтобы ты простудилась из-за мокрого белья.

Ведунье задумчиво почесала когтем бровь. К чему это все было, она так и не поняла. Видимо, лишь Тьма способна понять своих детей. Но и выпытывать у лорда, что на него за блажь нашла, как-то... небезопасно.

Глава пятая

Глава пятая

Если мужчина еще не осознал, насколько он в тебя влюблен — попади в беду.

Только беда должна быть комфортной, теплой и небольшой.

А то вдруг он так и не осознает?

(Советы профессиональной принцессы)

Арха задумчиво разглядывала собственное отражение в зеркале, машинально проводя щеткой по волосам. Процесс расчесывания ежедневно отнимал немало времени. По-хорошему, косу давно бы стоило обрезать, да жалко было. Волосы — это единственное, что ведунье в собственной внешности нравилось. Такими черными, глянцевыми, с синей искрой шевелюрами могли похвастаться только шаверы. Правда, лекарка заметила, что у ушастого гвардейца коса подлиннее была, зато и тоньше.

Но думала ведунья отнюдь не о прическе. Арха уже в сотый раз мысленно прокручивала то, что вчера случилось. И никак суть произошедшего уловить не могла. Демон на нее явно обиделся. Вечером ведунью только до порога квартиры проводил, раскланялся, старательно рассматривая стену — и исчез. Даже Адина не проведал.

И пес с ним, скатертью дорога и долгого пребывания там, где бы он ни был. Вместе с его странностями и непонятностями. Но от мыслей об озере лекарка отделаться не могла. Засели, как репей под собачьим хвостом.

— Вы чего не спите, мистрис? — прошептал в полумраке Адин, пытаясь сесть на кровати.

— А ты? — зашипела девушка в ответ. И замахала руками, приказывая ему немедленно занять горизонтальное положение. — Спи, рано еще. А мне на дежурство пора.

— Да я, кажется, уже на всю жизнь отоспался, — тяжело вздохнул демон. — Не расскажите, что случилось? А то Дан ушел сам не свой, а вы всю ночь не спасли, с боку на

бок ворочались. Нет, если не хотите, то я и не настаиваю, конечно. Но говорят, что я умею слушать.

Синеглазик застеснялся, опустил пушистые ресницы, перебирая складки простыни на животе.

— Да я сама не знаю, что случилось, — раздраженно ответила ведунья. — Дурной он, демон ваш.

— Так вы просто расскажите. Может, вместе пойдем? — предложил пациент. — И хотите, я вас причешу? Вот это у меня точно хорошо получается. Ну, должен же я хоть как-то отблагодарить?

Идея была, мягко говоря, странная. Арха, не смотря на буйную фантазию, слабо представляла мужчину, сооружающего девичью прическу. А уж гвардеец в роли парикмахера — это вообще за гранью добра и зла. Но физиономия у демона была такая... искренняя, что она просто протянула ему щетку. И села на пол так, чтобы красавчику наклоняться не приходилось.

— Ну, так что, расскажите? — спросил синеглазик, берясь за дело.

Причем он действительно, не настаивал, а просто предлагал поделиться. Наверное, это лекарку и подкупило. Вообще-то, общительной и излишне откровенной с посторонними ее еще никто не называл. Да и не с кем ей общаться было. И, честно говоря, особо не о чем. Вероятно, во всем виноват был треклятый хаш-эд. А, может, и сам Адин. У него оказались такие руки... Как у бабушки, когда она Арху причесывала. Не то, что ласковые или особо нежные. Скорее, заботливые. И еще понятно было, что ему с волосами возиться нравится. А это в образ brave гвардейца не вписывалось никак.

Ведунья разомлела, словно кошка, которую за ухом чесали. И сама не заметила как, слово за слово, подбадриваемая сочувственными междометиями и цоканьем языка, все своему пациенту и выложила.

Естественно, от красавчика она ожидала какой-то реакции. Ну, например, согласия, что рогатый полный идиот. Но вот того, что синеглазик уткнется в подушку, и будет тихо хрюкать, Арха не ждала никак. Ей даже показалось, что ему плохо стало. А на самом деле он абсолютно наглым образом ржал!

— Тебе зубы не жмут? — мрачно поинтересовалась ведунья.

Адин утер выступившие слезы. Разобрало его знатно! Он и успокоился-то не сразу, продолжая мелко подхихикивать. А вот лекарке смешно не было, ни капельки.

— И-извини, — хрюкнув, покаялся демон. — Я не над тобой смеюсь, правда. Но я бы дорого дал, чтобы посмотреть на физиономию Дана. Бедняга, так обломаться!

— Да в чем обломаться-то?! — разъяренной коброй прошипела Арха, посверкивая в полумраке комнаты желтыми глазами.

— Мистрис Арха, ну, что может хотеть молодой привлекательный мужик от красивой девушки. Ночью, в романтическом месте, под светом звезд? — Адин посмотрел на ведунью с трудно определимой жалостью.

— Не знаю, что он может хотеть от красивой девушки, но я...

— Под «красивой» я имел в виду вас.

— Я не... Он... А-а-а... Ой!

Арха округла глаза и, прижав ладонь ко рту, уставилась куда-то вдаль, выдавая только малоинформативные звуки. Деликатный Адин, смущенно почесав ногтем бровь, даже отвернулся, чтобы не мешать ведунье осознавать, всю глубину своей глупости. Потому что

это даже наивностью было назвать сложно.

«Тьма! Какая же ты дура! — рявкнул на нее здравый смысл. — Надо же такой идиоткой быть! Ты его кретином называла? Да по сравнению с тобой он гений мысли! Так опозорится... И перед кем?! Ладно бы тебе лет шестнадцать было! Ведающая, блин. Ни фига не ведающая, не знающая и не соображающая!».

— Что он обо мне подумал-то? — простонала лекарка, ткнувшись лицом в колени.

— Наверное, он подумал, что вы представитель вымирающего рода порядочных девушек, — попытался утешить ее Адин, сочувственно погладив по затылку.

— Я представитель вымирающего вида ужас каких дур! — злясь на себя, а, заодно, и на весь мир, буркнула Арха и мотнула головой, стряхивая ладонь ивтора. — Теперь понятно, почему он сбежал.

— Ну, сбежал он не поэтому. Конечно, я могу и ошибаться, но Дан же берет только то, что ему предлагают, понимаешь? Ты, наверное, догадываешься, что желающих провести с ним ночь, хватает. Ему остаётся только выбрать, с кем сегодня постель разделить. Ты же не только не предлагала, но даже и не понимала, на что он намекает. Короче говоря, он просто не знает, как ему с тобой себя вести.

— Нужна я ему...

— Арха, ты меня прости, но, наверное, не нужна. И дело не в тебе. Точнее, как раз в тебе, но... Понимаешь, ты девушка... серьезная. С тобой нельзя просто переспать, а утром помахать ручкой. Тебе же чувства нужны, верно? Поэтому, оставив в покое, он больше о тебе заботился.

— Вот спасибо ему большое! — вскинулась ведунья, вытирая о колено наворачнувшиеся на глаза слезы. С чего они вообще появились, сама девушка не слишком хорошо понимала. — А у меня кто-нибудь спросил, чего я хочу? И не вот этими вашими вывертами, а прямо? Что-то я не вижу толпы рыцарей, которые жаждут обеспечить мне большое и светлое чувство! Мне двадцать лет, а я даже не целовалась ни разу! Что мне теперь, так и подохнуть нецелованной?

— Ну, хочешь, я тебя поцелую? — примирительно предложил Шай, выпрямившись в кресле и перестав изображать собой глубоко спящего гвардейца. — А будешь так голосить, то все соседи сбегутся. Тебя целовать.

— Да пошел ты... во Тьму!

Арха вскочила на ноги, бессильно сжимая и разжимая кулаки. Ей хотелось сказать что-нибудь настолько ядовитое и обидное, чтобы оба демона немедленно провалились сквозь пол. Но ничего достойного не придумалось. Поэтому она только мотнула головой и влетела в туалет, от всей души грохнув дверью. Просто она была единственной, кроме входной, которой можно было садануть. Имелась еще дверца шкафа, но прятаться там было как-то чересчур.

Странно, но именно этот хлопок мгновенно ее успокоил. Ведунья села на краешек унитаза, закрыв лицо ладонями. Наверное, оставалось только тихо, никому не мешая, повеситься. Мало того, что с рогатым себя полной дурой выставила, да еще и не один раз. Мало того, что зачем-то с демоном разоткровенничалась. Так еще и перед двумя гвардейцами истерику устроила. Идиотка нецелованная!

Арха глухо, сквозь зубы, застонала. И, как назло, желание вешаться не приходило. Может быть, стоило попросить кого-нибудь ее придушить? Из милосердия? А что, шавер мог бы помочь, наверное.

Лекарка злилась на себя, злилась на хаш-эда. Причем, злость на рогатого состояла примерно из двух равных частей. За то, что он вообще это все затеял. И за то, что он слинял.

— Он ее в беседку таскал или на озеро? — тихо спросил Шай, видимо не подозревающий о том, что в доходных домах, в которых вместо стен были тонюсенькие перегородки в одну доску, слышимость отличная.

— На озеро, — шепотом ответил Адин.

— Хорошее место. Помню, я там с одной рыженькой... — мечтательно протянул демон. Но, слава Богине, мысль развивать не стал и заткнулся.

Зато к злости, которая грызла ведунью, прибавилась еще и обида. Оказывается, у них места специальные были, романтические. Видимо, туда они всех девок своих таскали, чтобы... Она едва не выскочила к ним с воплями на тему «я — не такая!» и «за кого вы меня принимаете?!».

На месте ее удержал все тот же здравый смысл, который настырно нашептывал, что за шлюху ее никто не принимал и оскорблять не думал. Хаш-эд просто поступил так, как привык. Кого он в ней увидел? Да обычную девицу из числа тех, кто сами пачками к его ногам валятся и в штабеля укладываются. Он лорд, красавец, гвардеец. Каждая от восторга описается, если он только глянет в ее сторону. А что он должен был в ведунье разглядеть? Острый ум, нежную душу и чуткое сердце? Да с чего его вообще должны интересовать какие-то там достоинства вкупе с внутренними органами?

— Было бы из-за чего переживать! — буркнула Арха, сопнув носом и утерев мокрые щеки, — Все, прошло — и нету. Второй раз такие предложения лорды не делают. Нужно им очень возиться. А, значит, и волноваться не о чем.

И только открыв уже дверь, ведунья сообразила, что это она такое сама себе сказала в утешение. То есть, ей хочется, чтобы рогатый повторил свое предложение? Кажется, помешательство продолжало прогрессировать.

***

В клинику лекарка попала аж за час до начала собственного дежурства. Злая она была, как целый рой ос. Хотя из дома Арху никто не гнал — сама сбежала и даже не позавтракала. Ее только и хватило на то, чтобы перевязать Адина, который двигался к благой цели полного выздоровления практически бегом. Ну, это и без перевязок было понятно.

Растолковать Тхия, который сменил на посту Шая, его обязанности сиделки удалось с трудом. Потому что ведунье мерещилось, будто он уже обо всем знает. И что демоны переглядываются за ее спиной эдак многозначительно. Здравый смысл твердил, конечно, что у нее просто начались галлюцинации на фоне стихийно развивающейся паранойи.

А в клинике царил тихий кавардак. Нет, никто не носился с безумными глазами. Но работники то и дело собирались кучками, чтобы еще раз обсудить последнюю новость. Кое-кто из женщин даже периодически начинал всхлипывать. Пациенты были надежно забыты. Да и до них ли, если повитуху, работающую с нами, убили в трех кварталах от больницы?

Первая сестричка, которая Архе новость сообщила, с дрожью в голосе рассказала, что прямо после ночного дежурства женщину и убили — до дому дойти не успела. А нашли ее только вчера вечером. Сутки почти пролежала в каком-то переулке. Мимо нее народ ходил и ведь видели, наверное. Но никто даже стражу не позвал... И дальше все в таком же духе. В общем, ужас-ужас.

Вторую версию поведала санитарка. По ее словам повитуху не просто зарезали и ограбили, но еще и живот вспороли так, что кишки наружу.

Третьим был лекарь, который с обслуживающим персоналом обычно вовсе не общался. А, попросту говоря, он предпочитал их демонстративно не замечать. Но сейчас бедного медика так разрывало от желания посплетничать, что он, пожалуй, не только бы Архе — столбу все выложил.

По словам лекаря, повитуху не просто зарезали, ограбили и брюхо вспороли. Но еще и голову отрезали, и изнасиловали в придачу. До или после отрезания головы — ведунья уточнять не стала. Как не стала и говорить, что изнасилование женщины, у которой внуки взрослые, даже для столицы, полной извращенцев всех видов и форм, как-то сомнительно.

Вообще-то, клиника находилась в достаточно благополучном районе. Конечно, не самом престижном и в глубине кварталов. Ведь состоятельные дамы не только хотели рожать детей, но и аборты порой делали. А то и от дурных болезней лечились. И оставить им шанс быть неузнанными стало грамотным маркетинговым ходом. Но, в общем и целом, этот квартал считался более или менее тихим. И трупы тут находили нечасто.

Но дело было не в самом факте обнаружения невинно убиенной. Умерла знакомая, «наша», та, с которой каждый день общались. Короче, сенсация!

Но на лекарку эта сенсация впечатления не произвела, только работы добавила. Ведь пока другие шушукуются и платочками глазки вытирают, обязанности кому-то, все-таки, исполнять надо. Иначе от мистрис Шор огребли бы все. И санитарка обязательно оказалась бы в числе первых, попавшей под раздачу хозяйского гнева.

Тем более что повитуху покойную Арха не слишком любила, хоть по ночам они частенько дежурили вместе. А делать чью-то смерть поводом для сплетни девушка считала не слишком порядочным. В общем, настроение у нее вовсе съехало куда-то к уровню пола.

***

— Арха, ты чем тут занимаешься? — голосом инквизитора поинтересовалась мистрис Шор.

— Ночные вазы мою, — честно ответила ведунья. — Горшки, то есть. В смысле...

— Я поняла, не продолжай, — сухопарая демонесса поморщилась, словно санитарка ей под нос содержимое тех самых ваз подсунула. — Иди в приемную. Там пациентка не позволяет себя осмотреть. Надо ей успокоительного дать.

— А я-то тут при чем?

— Сестры как с ума все посходили. Олира уже две склянки разбила. Шанир рыдает. Я бы эту повитуху собственными руками придушила.

Хозяйка поджала губы, что для нее являлось проявлением крайнего негодования.

Наверное, нужно бы было намекнуть, что изнасилованному трупу со вспоротым животом и отделенной головой, удушение не страшно. Но лекарка этого делать не стала. И так у мистрис Шор день не задался. Персонал решил побыть невменяемым, а выручка утекала. Поэтому Арха только молча вымыла руки и потопала в приемную.

А там было весело. Молоденькая демонессочка с вызолоченными рожками рыдала в три ручья, оглашая окрестности стонами страдающей баньши. Вокруг нее, хлопая руками, как насадка крыльями, потерявшая цыплёнка, носился лекарь Песах, размахивая тряпкой, на весь кабинет воняющей эфиром[1]. Хорошо еще, что у демонессы хватило ума отпихивать ее от себя.

Метр Песах был действительно хорошим абортологом, да и хирургом неплохим. Но вот со всем, что находилось выше его поля деятельности, он общаться не умел. Хотя, вполне вероятно, что ведунья к нему была несправедлива. Может пациентка его так достала, что он

решился прибегнуть к кардинальным мерам?

Разбираться в сути страданий Арха не стала. Просто подошла к шкафу, где хранились лекарства, открыла стеклянную дверцу и...

И только тут заметила сопровождающего истерящей девицы. Между шкафом и кушеткой, привалившись плечом к стене и сложив руки на груди, стояло Его лордство Дан собственной рогатой персоной.

Момент был эпический. Лекарка таращилась на него, он на нее, и оба они прибывали в ступоре. Надо отдать должное, ведунья первая обрела связь с реальностью. Не слова ни говоря, достала нужную склянку, налив в стаканчик коричневатой жидкости.

— Выпейте, пожалуйста, — протянула она всхлипывающей хаш-эдочке зелье.

— Это не повредит дитя? — с видом великомученицы простонала пациентка.

И посмотрела на лекарку сияющими, словно звезды, полными слез глазами. Ее лицо было прекрасно, как сама красота.

В душе Архи подняла голову черная зависть. Ей так реветь научиться было не дано. У нее от плача моментально распухал нос, а щеки становились вовсе хомячьими. Это сколько же надо тренироваться, чтобы рыдая выглядеть так, будто умылась майской росой?

Но при виде санитарки неземное личико слегка перекосилось. Презрение демонессе шло гораздо меньше слез.

— А никто другой мне лекарство дать не может? — спросила она у лекаря голосом беспомощной, попавшей в беду девочки. — Я так боюсь шаверов! Они мне кажутся такими грязными...

Песах развел руками и улыбнулся. Кончик рта у него заметно дергался.

— Прошу прощения, леди, но другой персонал сейчас занят. Уверяю вас, все работающие в клинике абсолютно стерильны.

Арха кашлянула в кулак. Кажется, доктор действительно переволновался. Стоило бы спросить у него, какую именно стерильность он имел в виду. А то вдруг ведунья о царивших в клинике порядках не знала?

— Пей, Адаша, — негромко приказал подпирающий шкаф демон.

Видимо, у него судьба такая была — приказывать пациентам пить поданное Архой зелье.

— А это точно не повредит малышу? — губки демонессы дрожали.

На стакан она смотрела так, словно ей яду предлагали.

— Нет, вашему малышу это точно не повредит, — уверила ее ведунья.

Девушка глянула удивленно, словно не ожидала, что зверюшка еще и говорить может. Лекарка взгляда не отводила. Наоборот, даже слегка ухмыльнулась. Правда так, чтобы хирург не видел, а к демону она спиной стояла. Что-то в лице золоторожки изменилось. Кажется, намек Архи она поняла, и он демонессе не понравился.

Дело было даже не в том, что беременность ведуньи чувствуют. Им для этого даже к милости Богини взывать не надо. Новая жизнь — она сильная, горит как пламя. И будущая мать словно светится изнутри. А у этой демонессы если и был малыш, то только в планах. Кажется, далеко идущих. В этой клинике таких амбициозных девиц лекарка навидалась.

— Я могу идти? — поинтересовалась она у Песаха.

— Да, конечно, идите-идите...

Имени санитарки он не помнил явно. Но она не стала мучать страдальца — просто вышла. Ему и так досталось. А достанется еще больше. Песаху с демонессочкой еще в

существовании беременности рогатого убеждать, а потом изображать трагический выкидыш. Нелегко им, бедным.

— Мистрис Арха, подождите! — окликнул ее счастливый будущий несостоявшийся папаша, но, возможно, вполне уже состоявшийся муж.

— Да, лорд... Простите, я не знаю вашего имени, — вежливо, действительно вежливо, откликнулась Арха, оборачиваясь.

— Ты что здесь делаешь? — тихо спросил он.

— Я здесь работаю. Уже четыре с половиной года.

— Тьма-а! — тона он не повышал, но в голосе прорезались уже знакомые рычащие нотки. Кто-то тут, кажется, начинал беситься. — Я хотел...

— Да? — подстегнула ведунья его мыслительный процесс.

— Это совсем не то, что ты думаешь!

— Простите, но я думаю, что мне необходимо вернуться к моей работе. Кстати, уже завтра Адину можно встать с постели. Только проследите, чтобы в первое время он ограничил физическую нагрузку. И мне стоит извиниться. Я действительно была не права, подозревая вас в... неестественных пристрастиях. Ваши истинные вкусы очень... — она бросила выразительный взгляд на закрытую дверь кабинета, — ... милы. Всего доброго, мессир.

— Ты знаешь, что когда злишься, у тебя глаза как у кошки горят, — спросил он тихо, полностью проигнорировав ее тираду. Потянулся, коснувшись пальцем кончика уха лекарки. — И уши прижимаются точно как у кошки.

— Зато вы в любом настроении вылитый кобель! — прошипела Арха, развернулась на пятках и гордо удалилась.

Он останавливать девушку не стал. Хотя она — чего уж скрывать? — на это надеялась.

В конце коридора ее за руку поймала Олира, сестра из приемной, чьи обязанности лекарка только что и выполняла.

— Арха, ты его знаешь? Тьма-а, какой красавчик, — закатывая глаза, простонала рыженькая бесса.

— Нет, — честно ответила ведунья, вежливо, но настойчиво освобождая свой рукав. — Я его не знаю.

И душой она не кривила. Ведь действительно — не знала. Только почему-то противно было так, словно ее только что в дерьме искупали. И опять стыдно. Вот зачем она последнюю фразу выпалила? Хотя, хуже о ней рогатый вряд ли думать начнет. Потому как некуда хуже-то.

***

К вечеру поднялся сильный, пронизывающий до костей ветер. Поземка мела по тротуару, забиваясь в ботинки. Порывы сдергивали с плеч плащ, задирали юбку. Улицы были хмурыми, глядящими злыми глазами тусклых фонарей. Волшебные светляки, вплетенные в венки омелы, напоминали болотные огоньки. И ни души кругом. Только ветер посвистывал в подворотнях.

Арха моментально замерзла. Хотелось скорее попасть домой, согреться. Но быстро идти не получалось. Передвигаться приходилось спиной вперед, одной рукой придерживая плащ, а другой — пытающуюся улететь юбку. Глаза слезились так, что девушка почти дороги не разбирала. Лицо горело, словно по нему плеть прошлась.

На две мужские фигуры, закутанные почти по самые глаза, внимание ведунья обратила

не сразу. Они шли за Архой на расстоянии шагов двадцати, неспешно и несуетливо, словно прогуливались. Но, даже заметив их, она никакого трепета не испытала. Несмотря на пустынные улицы, время было еще не слишком позднее. Поэтому девушка и шла привычной дорогой, свернув в глухой переулок, чтобы срезать путь до дома. Да и ветер между стенами не так лютовал.

И как только Арха свернула, мужчины, идущие сзади, прибавили шаг. Вот тут лекарка забеспокоилась и ускорила сама. Они тоже пошли быстрее. Думать долго ведунья не стала, а просто рванула вперед. И раздавшееся за спиной буханье тяжелых сапог уже не удивило. Собственно, ее ничто не удивляло. Единственным чувством, которое она испытывала, был дикий животный страх, от которого во рту мгновенно пересохло.

Арха бежала, что было сил. Ноги оскальзывались на брусчатке, которая подло проваливалась под подошвами, словно покрытая льдом. Вокруг нее были только глухие стены домов с намертво запертыми дверьми. Девушка рванула одну, но она даже не шевельнулась. А гулкие шаги, эхом отдающиеся в колодце переуллка, были все ближе.

Впереди маячил свет улицы, но он был далеко, слишком далеко. Арха снова поскользнулась, запутавшись в подоле собственного платья. Нога предательски подвернулась, прострелив по позвоночнику огненной болью. Едва не упав и ободрав ладони о брусчатку, ведунья рванулась вперед. Но кто-то схватил ее за плащ. Завязки врезались в шею, мигом перекрыв кислород.

Девушка и сама не сообразила, как дернула шнурок, оставляя за собой одежду. Метнулась к ближайшей двери, ударив в нее не кулаками — всем телом. И дверь открылась!

Задышавшись и кашляя, она ввалилась в теплое нутро дома, захлопывая створку и задвигая засов трясущимися, как у пьяницы, руками.

— Эй! Ты что... Мистрис Арха? Это вправду вы?

Ведунья не ответила. Тяжело проявлять вежливость, стоя на коленях, пытаюсь одновременно откашляться, и заново научиться дышать.

— Жена! Жена! — завопил кто-то над ее головой так, что у Архи в глазах потемнело. Хотя в них и до этого светло не было.

Девушку подхватили, куда-то поволокли. Она пыталась отбиваться, но гораздо больше ее занимало собственное горло, сжавшееся в игольное ушко и упорно не пропускающее к легким необходимый для жизни объем кислорода. Впрочем, далеко ведунью тащить не стали. Усадили на что-то твердое, в лицо пахнуло жаром. Зубы ударились о край глиняной кружки, и в истерзанное горло полилась удивительная, волшебная, чудесная вода.

Арха булькнула, перехватила чашку и за два глотка осушила ее. Жить стало веселее.

— У вас кровь течет. Из шеи вон, — сказал кто-то участливо.

Лекарка машинально потрогала шею. Пальцы стали мокрыми. Для того чтобы рассмотреть, что там такое течет, пришлось поднести их к самым глазам, потому что зрение фокусироваться никак не желало. Оказалось — действительно кровь. Наверное, завязки плаща порвали кожу.

Сзади бухнула дверь, и девушка завизжала, как будто ее уже резать начали. Вскочила, рванула, сама не понимая куда. И влетела во что-то мягкое.

— Ниче, мистрис Арха, ниче. Это тока муж мой. Ходил глянуть, что там такое дееся. Да вы никак меня не узнаете что ли, мистрис Арха?

Она замотала головой, никого не узнавая и слабо понимая, что, собственно, происходит. Уже не только от испуга, но и от боли. У ведуньи с ней были особые отношения.

— Да это ж я, Мара-булочница. Вы дочечку мою излечили. Не помните?

— Не помню...

Голос Архи больше всего напоминал карканье. Горло рвало так, словно у нее внезапно началась жесткая ангина.

— Ах ты ж! Ну ничего, ничего. Вот, попейте тепленького.

Лекарку снова усадили, сунув кружку с чем-то горячим. Оказалось, что с молоком, подслащенным медом. Питие возымело на девушку прямо таки волшебное действие. Она начала соображать. Хотя еще плохо и медленно, но уже была способна собственное имя вспомнить.

— Можно мне тряпку какую-нибудь? — прокаркала Арха. — А-то я сейчас кровью весь пол заляпаю.

— Тю! Тоже мне, беда! Полотенчко вот возьмите, чистенькое. А то и впрямь, кровит больно. Хорошо ж, что муж мой сегодня меня не слушал. Я ему вечно грю: закрывай дверь-то заднюю, закрывай! А он не закрывает. Племянник, душа неугомонная, туды-суды мотается, вот мужу-то и надоедает запор дергать. Он и не закрывает, тока перед самым сном. А сегодня, вишь, как ладно то вышло...

Лекарка, благодарно кивнув, взяла сунутую ей в руку ткань, прижав полотенце к шее. И, наконец, решила оглядеться. Надо бы и определиться, куда ведунью Богиня завела. Потому что дверь так вовремя могла открыться только по Ее милости, не иначе. Хотя, может Архе действительно стоило неугомонному племяннику спасибо сказать?

Очутилась она на кухне. Обыкновенной домашней кухне с большим очагом, пучками душистых трав под потолком и заговорщицки поблескивающей медными кастрюлями на крючках в стенах. Рядом с лавкой, на которой безвольным кулем сторбилась лекарка, стояла необъятных размеров женщина в таком белом переднике, что у девушки глаза заломило.

— Вы же Мара, да? Булочница? — спросила ведунья тупо.

— А то! Я ж грю, что я Мара. А вы меня и не слышите вовсе, — оскалилась бесса показав выступающие нижние клыки. — Кто ж вас так напугал-то, мистрис Арха?

Лекарка пожала плечами, глянула на кровавое пятно, расплзающееся по полотенцу, и снова прижала его к шее.

— Кто б там не был, а сейчас нету. Сбегли, — пробасил муж Мары, которого ведунья не сразу и заметила. Хотя не увидеть здорового бесса с ручищами толщиной в ее талию было проблематично. — Я вот тут плащик ваш подобрал. Он тама валялси, — добавил пекарь застенчиво.

— Спасибо, — прохрипела она. — Спасибо вам большое. А то не знаю, как бы я до дому добралась.

— Куды это вы собрались? — нахмурилась Мара. — Вся вона в кровище, а собралась куды-то. Останетесь до утра, а там видно будет.

— Нет, — лекарка хотела помотать головой, но отказалась от этой затеи. — Мне домой надо. У меня там лекарства...

Дело, конечно, не в лекарствах было. Страх так до конца и не отпустил. Архе казалось, что если она за родной дверью запрется, то ее никто не достанет. Хотя, чем квартирка с хлипкой дверью была надежнее дома бессов, напоминающего крепость, она и сама не понимала.

Но ведунья еще в глубоком детстве догадалась, что с логикой ей дружбы не водить.

Булочники, кажется, это тоже поняли и попытались ведунью оставить чуть ли не

насильно, но девушка только твердила, что ей надо домой. В конце концов, видимо решив, что Арха с испугу мозгов лишилась, они ее отпустили. Но муж Мары взялся лекарку проводить. Она и не отказывалась.

Бедному бесу пришлось не провожать, а на ручках ее нести. Подвернутая нога распухла и непрозрачно намекала, что у кого-то тут крупные неприятности. Хорошо, если просто вывих, а не рваные связки. Впрочем, Арха своим весом пекаря не слишком утрудила. Донес он ее как пушинку и даже поддержал, пока ведунья дверь открывала.

А, открыв, застонала. Ну, забывала она, что теперь не одна живет!

— Ар, ты чего так долго-то? Ужин же стынет! — радостно приветствовал ее Шай.

Арха шагнула, переступая порог. Ее мотнуло, нога подвернулась, и девушка, не слишком изящно, ткнулась носом в грудь демона. Стоит отдать должное гвардейской подготовке. Он ее подхватил. Да не под локоток, а сразу на руки. Ведунья подняла голову, чтобы определить, кто из ее прекрасных принцев таким галантным оказался. Но мир кружился, перед глазами все плыло.

— Что случилось? — потребовал отчета будущий счастливый папаша, временно исполняющий роль прекрасного принца.

Или рыцаря. Или колыбели для ведуний.

— А не пойти ли тебе во Тьму? — заплетающимся языком поинтересовалась лекарка.

— Я спрашиваю, что случилось?

Кажется, рычать на Арху у кого-то уже в привычку входило.

— Будущим отцам нельзя волноваться, — сообщила девушка и над ней сомкнулась Тьма.

Вообще-то, ведунья ее демону желала. Но мир несправедлив.

[1] Эфир — вещество с резким запахом, в медицине использовалось в качестве средстваобщанестезирующего действия.

Глава шестая

Глава шестая

Если тебя похитили, то сначала оцени качество плаща похитителя, стати коня, стоимость башни, в которой заперли. И только потом решай, стоит ли звать на помощь.
(Советы профессиональной принцессы)

Первым реальным, что появилось в ее персональной Тьме, стали голоса. Сначала они доносились откуда-то издалека, словно говорившие базили в колодец. Но постепенно Арха как будто к поверхности начала всплывать. Звуки воспринимались четче, да и смысл слов стал доходить до уснувшего на время сознания. Но признаваться в этом она не спешила, четко следуя правилу, согласно которому самое интересное можно узнать, притворившись трупом, мебелью или упав в обморок.

— Так я не понял, что она бормотала про отцовство? Тебя можно, наконец, поздравить?

— Даже и не надейся, — кажется, будущий отец от смены своего социального статуса восторга не испытывал.

— Адаша никак не успокоится?

— Ты знаешь, как ее успокоить? Будь добр, сообщи мне. Потому что мне это уже вот где сидит!

Не столько слова, сколько тон демона ведунью заставил порадоваться, хоть и тихо. Оказалось, что рогатый может рычать не только на нее.

— Может, стоит поговорить с императором? — посоветовал Шай не без сочувствия.

— И что я должен сказать? «Ваше Императорское Величество, ваша любимая племянница меня напоила, уложила в свою постель и с тех пор шантажирует, требуя, чтобы я на ней женился? Хотя я уверен, что ничего между нами не было. И не обращайтесь внимания на то, что мое пробуждение в ее комнате засвидетельствовали едва ли не все фрейлины двора? Им показалось!». Так что ли?

— До, а ты уверен, что действительно ничего не было?

— Шай, а не заткнуться ли тебе?

— Да я то заткнусь. Только что это изменит?

— Мне легче станет.

Арха едва не хихикнула, временно позабыв, что она пребывает в глубоком обмороке. Но уж больно смешное прозвище у Его лордства было. Так лисенка из детской сказки звали — До. Хотя демон никак на сказочного героя не походил. Какой он, во Тьму, лисенок? Тот милый, пушистый, забавный. А этот... Шантажируют его, видите ли!

— А откуда Арха-то про Адашу узнала?

Ведунья уж начала переживать, куда это Адин делся? Даже подумала было, что он сбежал-таки, решив, что осложнения предпочтительнее ее в качестве лекаря. Но зря переживала. Тут синеглазик был, никуда не смылся.

— Лучше не спрашивай!

— Так ты с сестричкой к ней в клинику что ли приперся? — хмыкнул Шай.

Арха опять себя едва не выдала. Или она чего-то не понимала или эти лорды оказались еще большими извращенцами, чем лекарка о них думала. Демонесса явно пророчила Дану роль счастливого отца. А Шай утверждает, что золоторожка — его сестра? Какая-то странная картина вырисовывалась.

— Откуда я знать мог, что она там работает? Сказали, что клиника лучшая...

— Да друг, везет тебе, как висельнику.

— Разберемся...

Ведунья чуть не фыркнула. Грозный какой! Разберётся он! Ну, и пусть разбирается. Вот только без нее. Кажется, Арха с лордами на всю жизнь, сколько бы ее Мать не отмерила, наобщалась.

— Да где они пропали? Неужели так тяжело найти носилки и экипаж?!

— До, хватит маячить! У меня перед глазами твои рога уже двоятся.

— А их действительно два, — успокоил блондина Адин.

— Так я четыре вижу!

— Заткнитесь, оба! — рявкнул демон.

— Слушай, я все понимаю, — обижено протянул Шай. — Но на нас-то чего зло срывать? Не нравится тебе собственное решение, так переиначь! Совсем не обязательно девчонку к себе домой тащить.

— У тебя есть другие предложения? — холодно и абсолютно спокойно, как будто это не он сейчас рычал, поинтересовался демон. — У них сегодня в клинике трепали, что повитуху убили. Ту самую повитуху, которая дежурила в ту самую ночь. А сегодня на Арху напали.

— Да может это совпадение?

— Шай, включай мозги, пожалуйста, хоть изредка. Зачем на нее нападать? Ограбить? Да у ведьмы на лбу написано, что у нее ничего нет! Девичью честь забрать?

— Ну, у них же озера нет. А, может, не догадались они до такой романтики, — негромко вставил Адин.

— Что ты меня достаем? — опять вызверился демон. Быстрота его перехода из минора в мажор и обратно, все-таки, потрясала. — Что я должен сделать, по-твоему?

— Да хотя бы извиниться.

— За что? Ее при виде этого мертвого мальчишки так скрутило, что я думал, она сама во Тьму отправится. Я ее отнес на Родник. Все!

— Ну да, все...

— В самом деле, чего ты к нему пристал? Не изнасиловал же он ее... — примирительно протянул блондин.

— Короче, разговор закончен. Я вас забираю в свой дом. Тем более что эта клетушка меня порядком достала!

Арха очень, ну просто до зуда хотелось вскочить с воплем: «А тебя кто-то сюда звал, рожа рогатая?». Но волевым усилием она запинала гордость в чулан души. Вообще, притворство никогда в число ее талантов не входило. Но слишком уж интересный разговор велся. Возмутиться-то всегда успеется, а вот чужие секреты узнать шанс предоставляется нечасто.

— Ты точно хочешь со всем этим связываться?

— Шай, я вас с собой не зову. Если не хотите, то останьтесь в стороне.

— Естественно, — хмыкнул блондин, — И ты наверняка ждешь, что мы тут же отойдем в сторону и будем молча наблюдать, как ты в одиночку на рожон лезешь.

— Слушай, я, правда, ценю и понимаю, чем вы рискуете. Но если дело действительно в Ишале, то...

— То девочка все равно труп. Вне зависимости от того, отволочешь ты ее к себе домой или оставишь здесь.

Ведуны стало как-то зябко. Конечно, она робко надеялась, что ивтор под «девочкой» не ее имел в виду. Но неожиданно их разговор забавлять перестал. Ишала еще какая-то... Это еще кто? Очередная сестра-супруга? Возлюбленная? Бабушка?

— Это не обсуждается. Ведьма и ты отправляетесь ко мне домой.

В общем, не даром говорили, будто хорошенькое надо принимать в гомеопатических дозах. Арха всего этого добра явно переела. Да и холодный компресс на щиколотке согрелся и ногу потихоньку начало дергать болью. А шею ей кто-то перевязал излишне старательно. Еще чуть-чуть таких усилий и перевязка превратилась бы в удушение.

— Ведунья, — привычно поправила Арха, садясь. Голова немного кружилась, но существовать это не слишком мешало. — И на счет Адина — полностью согласна. А вот я останусь там, где была. Это не обсуждается.

Шай и синеглазик посмотрели на нее с откровенной жалостью. А вот рогатый в ее сторону даже головы не повернул. Как стоял, сложив руки за спиной и задумчиво изучая пейзажи за окном, так стоять и продолжил. Выдержку, наверное, тренировал.

В следующие полчаса Арха в полной мере осознала, что жалость демонов была абсолютно оправдана. У рогатого обнаружилась еще одна, крайне неприятная, естественно, черта. Если Его лордство изволили принять решение, то доводов, криков, просьб, вызваний и

других способов обращения к себе он не слышал! Ну, не слышал и все. Не реагировал никак, вообще! С точно таким же успехом можно было общаться со стенкой.

Он явно придерживался убеждения, что существуют только два мнения: его и неправильное. А когда явился Тхия и шавер, которого ведунье так и не удосужились представить, рогатая скотина просто подхватила Арху на руки, предварительно завернув в чей-то плащ и, ни слова не говоря, поволок наружу.

Девушка, было, попыталась сопротивляться, да куда там! Он стиснул ее своими лапищами так, что дышалось-то с трудом — не до дёрганья. Наверное, стоило на помощь позвать. Но, во-первых, ей было банально стыдно. А, во-вторых, вряд ли это к чему-нибудь привело. Кто рискнет против гвардейца выступить?

Они спустились по лестнице, и вышли, в смысле, ведунью вынесли, на улицу. Краем глаза Арха углядела наемный экипаж и двух абсолютно чудовищных лошадей, стоящих у привязи. Лекарка толком и испугаться не успела, как ее взгромили на одну из этих зверюг. Спасибо, конечно, что не мешком свалили, а верхом усадили, но от этого легче почему-то не стало.

Конь по-кошачьи повернулся, изящно выгнув шею, и обнюхал ее ногу. Ведунья сидела, ни жива, ни мертва, уверенная, что сейчас лишится конечности. Лошадь покосилась на нее таким же кроваво-красным, как и у ее хозяина, глазом, и фыркнула. Кажется, животное над девушкой откровенно потешалась.

Демон запрыгнул следом, сдвинув Арху чуть вперед. Место для этого было, потому что на коняге даже намек на седло не имелось. Видимо, зверюга управлялась силой мысли. Правда, присутствовали еще и поводья. Но поскольку ведунья даже обычных-то лошадей до дрожи в коленках боялась, то понятия не имела, зачем все эти ремни нужны. Наверное, чтобы держаться.

— Вам не холодно? — наклонившийся над ее плечом демон и, как самый заботливый папаша на свете, поправил на голове лекарки капюшон.

Честно говоря, ей было жарко. И не только от стыда. Подкладка плаща, в который он ведунью завернул, оказалось подбитой длинным и тяжелым, кажется, волчьим мехом. В таком на снегу спать можно — не замерзнешь.

Но до ответа Арха не снизошла. В конце концов, ее самым наглым образом похитили из собственного дома. Мало несчастной лекарке стрессов было за последнее время?! Называется: «Вы не волнуетесь? Тогда мы идем к вам!».

Молчание ее проигнорировали весьма красноречиво. Примерно так же, как она не заметила вопроса хаш-эда. Демон просто разобрал поводья и тихо свистнул. Коняга двинулась вперед. Арха завизжала. Рогатый хмыкнул. Ведунья заткнулась, прикусив губу едва не до крови.

— Не бойтесь, мистрис Арха, я же тут, — шепнул на ухо демон не без солидной доли здорового ехидства.

Прекрасно понимал ведь, гад, что это-то ее особенно пугало.

Но потихоньку и страх начал проходить. Ей было тепло, уютно. Главное, вниз не смотреть, а то уж больно высоко. Сначала ведунью нервировало, что демон оказался слишком близко. Ей пришлось выбирать: или сидеть прямо, словно она палку проглотила. Или расслабиться и опереться спиной о грудь рогатого. Но в любом случае его руки были по обеим сторонам от девушки. Такая вот живая ловушка.

Поэтому, Арха быстро на все наплевала и устроилась поудобнее. В конце концов, она

даже задремала в меховом коконе, слушая, как под черным кителем бьется сердце демона — размеренно, успокаивающее. Кстати, плащ он ей свой отдал.

***

— Арха, просыпайся, приехали.

Чье-то теплое дыхание щекотало щеку. Девушка протестующе замычала, зарываясь носом в развалы слегка пахнувшего мускусом меха. Ей было неинтересно, кто и куда приехал. А вот то, что она, наконец, спала, волновало и даже очень. Ведунья предпочла бы остаться в этом состоянии. Она хотела было послать всех во Тьму, но уже и сама проваливалась в нее.

— Ладно, маленькая, спи, — сквозь сон ей послышался чей-то тихий смех. В ответ в груди колыхнулось легкое неудовольствие, но тут же пропало. — Тебе и так досталось сегодня...

Получив разрешение и поняв, что требования немедленно проснуться ей уже не грозят, Арха со спокойной совестью собралась отбыть из этого мира, но что-то не давало. И дело было не в том, что девушку куда-то несли. Это было даже приятно. Что-то другое беспокоило... Но она слишком устала, чтобы решать даже простейшие задачи.

Плащ у ведуньи попытались отобрать, но она не дала. И снова послышался тот же самый смешок, совсем не обидный. С девушки сняли ботинки и оставили в покое. Но все равно что-то было не так, неправильно. И тут даже не эхом, а отголоском эха она снова услышала: «Ладно, маленькая, спи...». Только на сей раз голос звучал не извне, а в ее собственной голове. У ведуньи глаза сами собой распахнулись.

«Маленькая? Маленькая?! И что это было?» — ехидно поинтересовался голос разума.

Лекарка резко села. На постели. На громадной такой постели, которая вдвое превышала ее собственную как в длину, так и в ширину. Спасибо еще, что очнулась ведунья на покрывале, укутанная в тот же самый мех. Правда, руками она обнимала подушку в ярко-красной наволочке из вполне натурального шелка. Кстати, на ощупь она оказалась противная — холодная и скользкая. И подушек этих тут было штук десять.

Еще в комнате имелся комод, столик, два кресла — и все. Ну, не считая камина. Здорового, в пол стены. В его зев Арха могла бы пройти, лишь слегка пригнувшись. Каминную полку подпирали два мраморных крылатых единорога, каждый ей почти по грудь. А на столике в низкой вазе, похожей на миску, лежали цветы со срезанными ножками. Живые розы, посередине зимы! Но они были самые настоящие, даже аромат чувствовался.

Ведунья сползла с кровати и, прихрамывая, проковыляла к окну, отодвинув тяжелую, бархатную штору. За стеклом был засыпанный снегом сад. Он посверкивал и искрился под светом фонарей, стоящих вдоль расчищенных дорожек. И ни души, ни звука, кроме тихого потрескивания дров в камине.

Практически бесшумно открылась дверь. Арха и не услышала, как ее открыли. Скорее, заметила движение краем глаза. Резко повернулась, едва не брякнувшись — поврежденная щиколотка девушку снова подвела.

На пороге стояла невысокая бесса в чистом переднике и накрахмаленном ушае чепце. При виде ее у лекарки возникла только одна ассоциация: нянюшка. Не прислуга, не няня или нянька, а именно нянюшка. Губы у старушки были сурово и строго поджаты, а глаза... Ну, добрые — по другому не скажешь. Хотя смотрела она на ведунью несколько удивленно и, даже, настороженно.

— П-простите, — проямлила Арха, чувствуя себя воровкой, застуканной на месте преступления, — а вы не подскажите, где я?

— В спальне для гостей, — вежливо пояснила старушка.

— Для гостей? — решила уточнить лекарка.

— Для гостей, — не сдавалась бесса.

— А в более глобальном, так сказать, географическом смысле, вы не могли бы описать мое месторасположение?

Иногда Арха такие фразы выдавала, что сама поражалась своему богатому словарному запасу. Обычно это у нее от волнения бывало. Хотя взволнуешься тут, когда тенденция открывать глаза и не понимать, где находишься, превращается в норму.

— Это Ахар, столица Хашранской Империи, — ничуть не удивившись, пояснила нянюшка.

И улыбнулась вполне приветливо.

— Ладно, — ведунья потерла ладонью лоб. — А если сузить географию?

— Вы в доме лорда Дана, ашэра Харрата арш Роос.

— А-а-а... — протянула она облегченно.

Архе и впрямь здорово полегчало. Значит, галлюцинации ее еще не посещали. Лекарке не примерещилось, и демон взаправду привез ее в свой дом. Все не так страшно. Нет, страшно, конечно, но не слишком и... И тут до нее кое-что дошло.

— Вы сейчас сказали, арш Роос? Глава дома Роос?

Бесса, по-прежнему улыбаясь, подтвердила ее правоту легким кивком. А ведунья почувствовала, как воспаленный мозг, которому в черепе места стало не хватать, давит на виски.

— Но как это... Наша императрица... Она же из дома Роос?!

Надо признать, память, особенно если вопрос не касался лекарства, Арху иногда подводила. Она вполне могла забыть, например, официальную имперскую символику. Не вспомнила бы она и род императрицы. Если бы у нее такая возможность была.

Просто дело в том, что когда император взял в жены вот эту самую Роос, скандал гремел по всей стране. Не услышать его не имел шансов даже глухой. Во-первых, на момент свадьбы еще и года не прошло, как умерла его предыдущая супруга. Во-вторых, новая императрица была далеко не юной девушкой, да, вдобавок, еще и вдовой. А, в-третьих, ходили слухи, что она толи с ведающими знается, то ли сама ведающая. Бред, конечно, она же демонесса. Но кого это интересовало-то? И тогда про императрицу говорили не иначе, как «эта выскочка Роос».

— Да, Ее Императорское Величество по первому супругу принадлежит к дому Роос, — не снижая накала дружелюбия, пояснила старушка.

— Подождите, подождите... — мысли в голове у Архи кипели как зелье в котле. — То есть, рогатый... В смысле, Дан... Он принц, что ли?

— Ну что вы! Нет, конечно, — кажется, ведунья умудрилась старушку обидеть. — Его матушка — императрица. Но батюшка, да смилостивится над ним Тьма, был лордом Харрата и главой рода Роос. Теперь этот титул принадлежит лорду Дану, как наследующему за отцом.

Арха выдохнула — все-таки не принц, а все остальное и пережить можно. Правда, только Тьма знала, что это за дом Роос такой. Но, наверное, птицы эти отнюдь не с птичьего двора были. Вон матушка рогатого аж самой императрицей оказалась...

Нет, родственные связи Его лордства ведунью интересовали мало. Есть и есть — наплевать с крыши храма и забыть об их существовании. Но вот то, что самой лекарке тут не

место, стало кристально ясно.

Хотя, это было понятно с самого начала.

— Ага. А вы не подскажите, где тут выход? — вежливо поинтересовалась Арха.

— Туалетная комната прямо за этой дверью, — нянюшка показала рукой куда-то ей за спину.

Лекарка даже оборачиваться не стала.

— Нет, вы не поняли. Я имела в виду выход на улицу, — пришлось для наглядности пальцами изобразить, как нормальные существа ногами передвигают.

— Прошу прощения, мистрис. Но хозяин приказал вас разместить в гостевой спальне и позаботиться. Больше никаких распоряжений не поступало. Вы сами спросите у него утром, где выход, хорошо?

Девушка тяжело вздохнула. Не хорошо, конечно. А что делать? Ну, сбежала бы она, а кому от этого лучше стало? Слуги за такие номера только бы нагоняй получили. Ведунья же не знала, какой из рогатого хозяин. Лорды обычно с прислугой особо не церемонились. Бывало, что и убивали. И в вину им это никто не ставил. Так что, Арха предпочла остаться в комнате до утра и не создавать лишних проблем.

— Может, мистрис что-нибудь желает? Ужин?

— Да нет, спасибо. Если только чашку чая.

— Хорошо, я сейчас принесу. А вы ложитесь в постельку.

— Не до сна, как-то, — буркнула ведунья. — Когда тебя из собственного дома крадут, а перед этим едва не убивают, то бессонница обеспечена.

Глаза у бессы стали круглые, как плоски. Но, надо отдать ей должное, ни о чем спрашивать нянюшка не стала. Только еще раз пообещала принести чай и захватить «чудесное средство от бессонницы».

Чудесное средство оказалось любовным романом из тех, которыми сестрички на дежурствах в клиники зачитывались. Лекарка такое не употребляла, ей больше травники и медицинские атласы были по вкусу. Но особого выбора ей тут никто не предоставлял.

Арха свернулась на кровати поверх покрывала, укрывшись плащом, с которым уже сроднилась, и, прихлебывая великолепный чай, перелистнула страницу. Сначала, было даже забавно. Но когда из прекрасных глаз героини в пятый раз потекли слезы — это на двадцать-то страниц! — она заскучала. По поводу лечения от бессонницы с помощью романов лекарка ничего сказать не могла. Но вот зевоту это дивное произведение на нее нагнало.

Конечно, всем известно, что демонессы, пусть и незаконнорождённые дочери королей, существа нежные. Но ведунья подозревала, что и для них полное отсутствие подкожного жира нормой не является. Ну, не бывает настолько тонкой кожи, чтобы было видно, как выпитое вино по горлу течет. Бедная девочка.

Арха фыркнула, представив, что прекрасная героиня орет, когда брутальный демон ее в очередной раз сжимал в «мужественных объятьях». Когда у тебя под кожей ничего кроме скелета и требухи нет, не только заплачешь.

От размышлений о том, видит ли влюбленный герой в момент «нежной страсти», как все тоже вино у «нежнейшей из женщин» в желудке переваривается, ведунью оторвал негаданный и, чего уж там, неожиданный посетитель. Без всякого предварительного стука и предупреждений в комнату ввалился шавер. Он воздвигся напротив кровати, грозно сложив руки на груди и гипнотизируя лекарку желтыми глазами.

Арха села, подобрав под себя ноги и плотнее закутавшись в плащ. На ушастого она

смотрела исподлобья, настороженно. Пугал он ее и с этим фактом ведунья ничего поделатъ не могла.

— И что ты на меня уставилась? — заговорил он, наконец.

— Мне полагается опустить очи долу и приклонить колени перед господином? — поинтересовалась лекарка, поймав себя на том, что у нее губа в оскале дергается.

А это было нехорошо. Во-первых, хамить не стоит никому. А уж тому, кого боишься до дрожи, и вовсе не рекомендуется. И, во-вторых, показывать зубы демону, который заведомо тебя сильнее, верх глупости. Но у Архи вечно на «подумать» времени не хватало.

— Не помешало бы, — вполне серьезно отозвался он, — пару сотен лет назад ты бы только на рабыню и сгодилась, грязнокровка.

— Значит, мне повезло родиться в столь просвещенный век, — пожалала ведунья плечами. — Хотя, я слышала, что шаверы до сих пор не брезгают брать людей в рабство.

— Тебе там самое место.

— Вполне возможно. Но, может, лорд все-таки сообщит мне, зачем он сюда приперся? Не рассказывать же о месте грязнокровок.

— Именно за этим! — рявкнул он и у уши у лекарки сами собой поджались. Кажется, с самообладанием в присутствии шавера у девушки были откровенные проблемы. — Тебе тут делать нечего! Я не знаю, зачем ты перед Даном задницей вертишь, но ты ничего от него не добьешься, тебе понятно?

— Нет, — пискнула она, — не понятно. Во-первых, я не перед кем ничем не верчу. А, во-вторых, мне от вашего Дана ничего и не нужно.

Ведунье показалось, что он даже с места не сдвинулся. Но только как-то так получилось, что ушастый больше не стоял в паре шагов от кровати, а над ней нависал, упершись кулаками в подушку по обеим сторонам от головы девушки. Чтобы не утыкаться в его нос, Арха машинально отшатнулась. В итоге получилась весьма живописная картина. Лекарка лежала на спине, таращась на демона, который словно раздавить ее собирался. Возможно, перед этим расчленив.

— Тогда что ты тут делаешь, шлюшка мелкая? — прошипел он, сверкая глазами. — Что ты делаешь в его доме? В доме, где живет его невеста?

Он саданул кулаком по подушке. Звук вышел не слишком убедительным, зато по остову кровати прошел гул, отдавшийся вибрацией у ведуньи где-то под черепом. Если раньше она ушастого просто боялась, то сейчас Арху от страха едва не парализовало.

— Я не просила меня сюда притаскивать, — проямлила она.

Голос у лекарки после вечернего приключения все еще был хрипловат. А теперь девушка и вовсе сипела, словно шавер уже начал ее душить.

— Ты кому врешь, тварь? — он оскалился, показав здоровые, влажно отблескивающие клыки. — Я таких как ты на своем веку навидался. Убирайся и не создавай мне трудностей.

— А вы... тоже на сердце Дана претендуете?

В голове Архи появилась мысль, что говорит она слишком быстро. Гораздо быстрее, чем думает. Только вот предоставлять ей шанс исправиться и поумнеть никто не собирался. Шавера она, кажется, допекла окончательно. Теперь ведунья точно знала, какие у смерти глаза. Желтые с едва заметной зеленью в центре и пульсирующим вертикальным зрачком.

Спас лекарку визг. Не ее, к счастью. Арха такие звуки издать не смогла бы при всем желании. Подобный дар наверняка от рождения дается. Вопящую девицу из-за зависшего надо ней демона ведунья разглядеть не могла. Зато отчетливо видела, как вибрирует

стеклянный плафон на ночнике.

— Что тут?.. — рыкнул демон.

Не шавер, а не иначе как из Тьмы вынырнувший рогатый.

А вышеозначенный шавер, точно как кот, задом отскочил от постели и по неведомому волшебству мигом переставил кресло так, чтобы оно было между ним и Даном. Он открыл рот, явно собираясь что-то объяснить, но визг переорать ему было не дано. Арха, судорожно прижимающая к груди подушку, которую она сама не помнила, когда схватила, решила, что, пожалуй, у смерти глаза не желтые, а темно-красные. И она гораздо страшнее, чем ей всегда казалась.

Девушка, та самая, которую ведунья уже видела в клинике, захлопнула рот, оборвав визг на самой высокой ноте и томно вздохнула.

— Какое бесстыдство!

Ее глаза закатились и демонесса грациозно упала на руки рогатому. Точнее, упала бы, если демон именно в этот момент не решил шагнуть в комнату. Он только и успел, что обернуться на звонкий удар рогов по начищенному паркету. Такой звук получается, когда зазывала на ярмарке в барабанчик бьет. Не очень громко, но насыщенно и отчетливо.

Ведунье бы полагалось, наверное, задуматься. Понять, что происходит. Решить, как быть дальше. Сделать выводы, в конце концов. Но в данный момент ее интересовало только одно: как хаш-эды спят? Потому что демонесса упиралась круто загнутыми рогами в пол и шея ее выгнулась так, что даже просто смотреть на это было некомфортно.

Кстати, признаков жизни красавица не подавала. То ли действительно сильно приложились, то ли решила доигрывать до конца. В комнате повисла тишина, которую ведунья по собственной воле нарушить бы не решилась.

— Ирраш, отнеси Адашу в ее комнату. А потом я жду тебя в своем кабинете, — спокойно приказал рогатый, словно это не он только что изображал из себя олицетворенное возмездие.

Шавер, не перечая, выбрался из-за кресла, бросил в сторону лекарки искренне ненавидящий взгляд, подхватил бездыханную демонессу на руки и отбыл. За что Арха ему была искренне благодарна. Боев демонов она бы не перенесла. У всех ведуний сердце с рождения слабое и насилия не приемлющее.

Дан стоял на пороге, словно не в силах был сообразить, уйти ему или зайти внутрь. Потом, видимо, на что-то решился и шагнул в комнату. Но дверь закрывать не стал. Подошел к постели, присел на корточки, глядя на девушку снизу вверх. Глаза его посветлели, но о чем он думает, ведунья понять не могла.

— Испугалась? — спросил он негромко.

Прежде чем ответить, Арха всесторонне обдумала его вопрос. И решилась, все-таки, уточнить.

— Кого?

Демон усмехнулся, поднял с покрывала кончик ее косы и провел им по ладони, словно проверяя на мягкость, как делают с кистями художники.

— Арха, а если я привяжу на нитку бумажку, ты что будешь делать? — серьезно поинтересовался он, разглядывая косу. — Лапой ловить?

Лекарка не сразу и сообразила, о чем рогатый спрашивает. А когда сообразила, то не нашла ничего умнее, как выпалить: «Сам баран!». Он даже не обиделся, только опять усмехнулся, вежливо пожелал ей спокойной ночи и удалился.

И только полюбовавшись на закрытую дверь пару минут, ведунья вспомнила об упущенной уже возможности заявить ему, что в гостеприимстве она не нуждается. Но не бросаться же за ним вдогонку...

Глава седьмая

Глава седьмая

Оплачивая чью-то жизнь своей, не забудь поинтересоваться, хочет ли должник вообще брать кредит.

(Из трактата «Рассуждения о стоимости вещей»)

— Просыпайся! Эй, ты, как там тебя? Вставай!

Арха с трудом разлепила глаза и приподняла голову, чувствуя, как страницы книги, на которой она уснула, липнут к щеке. Поморгала, прогоняя сонную одурь. И едва не заорала. Да лекарка и закричала, но ей банально рот ладонью зажали. Поэтому у нее и вышел не вопль, а хриплое сипение.

— Что ты визжишь как кошка драная? — зло прошипел шавер.

Лекарка резко дернула головой. Естественно, его ладонь никуда не делась, только съехала немного. Но этого было достаточно для того, чтобы ведунья вцепилась в мякоть зубами. С чувством вцепилась, с удовольствием.

Надо отдать ему должное, ушастый не заорал. Только с видимым трудом сдержался, чтобы не отвесить оплеуху — даже свободная рука его дернулась.

Девушка выплюнула ладонь и брезгливо утерла губы.

— Добить решил?

— Не ори, весь домой перебудишь. Обувайся и пошли. Только тихо!

— Никуда я с тобой не пойду! — продемонстрировала собственное умение шипеть Арха.

— Пойдешь, как миленькая! Поскачешь просто!

— Это ты сейчас поскачешь отсюда. Зайчиком! — сообщила ему лекарка, собираясь повторить подвиг демонессы.

В смысле, заорать дурниной. Смерти-то она не боялась, но это еще не значит, что ей жить не хотелось. А умирать от лап психованного и явно на всю голову больного демона ведунье совсем не нравилось.

— Человечка, а ты нарваться не боишься? — прорычал он, сощулив свои жёлтые глазенапы.

Но, кажется, к рычащим демонам девушка уже привыкать начала.

— Я шаверов в чреве матери отбоялась, урод!

— Ублюдок![1]

— Приятно познакомиться, лорд Ублюдок, меня зовут Арха. Что ты визжишь как кошка драная? Весь дом перебудишь!

«Забавно, а, действительно, как правильно употреблять слово «ублюдок» в женском роде?» — вильнула хвостиком весьма «своевременная» мысль.

Пока лекарка занималась лингвистическими изысканиями, из ушей шавера едва ли пар не валили. Он, рефлекторно сжимая и разжимая кулаки, бешено сверкал в темноте своими фонарями. А услужливое воображение девушки уже рисовало картинку, как слуги с утра

находят коченеющее тельце бывшей ведуньи. И громко матерятся, потому что им придется с ковров кровь отмывать.

— Ладно, хорошо. Я приношу свои извинения, — выдал ушастый. — И был бы крайне признателен, если вы проследуете за мной. Мне необходима помощь. Иначе бы я не осмелился вас беспокоить в столь поздний час.

Он таращился на лекарку, явно сдерживая здоровое желание свернуть чью-то перемотанную шею. Арха мысленно повторила только что сказанное им. Потом еще раз. Приходилось признать, что слух ей не изменил и двойного толкования тут быть не может.

Ведунья закрыла рот и несколько ошарашенно кивнула в ответ. Натянула ботинки и накинула плащ. Не то чтобы девушка замерзла, но с плащом ей было уютнее. И — да, Тьма всех заberi, да! — мех пах душистой водой с привкусом миндаля, чуть-чуть кожей и металлом. И это успокаивало.

Ушастый, терпеливо дождавшись пока она соберется, и умудрившись при этом ни одной гадости не сказать, провел Арху полутемными коридорами, освещенными только белесой Луной. Ее свет густой патокой тек из больших стрельчатых окон, проливая бледные лужи на паркетный пол. И лекарке страшно было в них наступать. Казалось, что она обязательно промочит ноги в лунном молоке.

Они спустились по широкой мраморной лестнице, выгибающейся подковой, вниз. Снова прошли коридором, но уже без окон. И, через огромные, до самого потолка, двери, в громадную и абсолютно пустую залу, которая занимала, наверное, половину дома.

Одной стены здесь практически не было — только узкие простенки между все теми же стрельчатыми окнами. В противоположных концах помещения зияли черными, потухшими провалами действительно гигантские каминь. Уже привычные крылатые единороги, подпирающие полки, тут были выше Архи. С потолка свешивалась хрустальная люстра, тонко позвякивающая подвесками на сквозняке.

Зала была затоплена белесым светом с холодными отблесками снега. Казалось, что воздух полон тончайшей серебряной пылью, танцующей в лунных озерах. Но свет доставал только до середины залы. Дальше сияние таяло. Оно растворяется во тьме, становясь все тусклее и тусклее, пока не исчезало совсем.

А еще здесь был Дан. Демон лежал, широко раскинув руки, будто распятый, точно посередине зала. Глаза его были открыты, но мертвы, как у слепого. Зрачки даже не дрогнули, когда ведунья опустилась рядом с ним на колени. В первое мгновение она даже испугалась, решив, что опять опоздала. Его лицо, разделенное пополам лунным светом и тьмой, напоминало посмертную маску. Вот только у масок щеки от слез не блестят.

Он дышал, но дыхание было едва уловимым, ускользящим. Никаких ран Арха не видела и не чувствовала. Лекарка, выворачивая подкладку, выдернула из кармана кристалл, который засветился в воздухе, разлил зеленоватую дымку, делая демона еще больше похожим на труп. Но и это ничего не дало. Демон был просто истощен. Истощен так, что ему даже сил не хватало поддерживать до сих пор теплящуюся искорку жизни. Как у старика, уже шагнувшего за отмеренный порог.

Но ведь всего несколько часов назад хаш-эд был абсолютно здоров и полон сил!

— Что с ним? — ошарашенно спросила ведунья у шавера, не оборачиваясь.

— Я думал, ты скажешь, — голос желтоглазого был глухим.

Кажется, он не хуже Архи понимал, что она не в силах ничем помочь. Были бы они у ведуньи дома — она бы попыталась. Только попыталась. Потому что демон стоял на самой

черте.

— Если что-то... — голос ушастого сорвался на сип. Он тяжело, со всхлипом вздохнул. — Если хоть чем-то... Попробуйся!.. Просто, попробуйся!

Арха ему ничего не ответила. Что она могла? Да, иногда лекари способны отпихнуть Тьму, вытащить пациента из бездны. Порой за шиворот, зубами. Но только тогда, когда Она это позволяет. Медики постоянно играют с бездной, а она играет с ними. Делает вид, что сдается. А они делают вид, что побеждают. Но, порой, Тьма просто берет то, что принадлежит ей. И тем, кто считал себя равным богам, остается только бессильно смотреть, как очередная искра гаснет, подергивается пеплом.

Беспомощность кусала больно, перехватывала когтистой лапой горло. У ведуньи не было даже лекарств, снадобий и трав, чтобы попытаться побороться. Ведь за жизнь отдают только жизнь. Да и такую мену Равновесие не всегда принимает. Мать может выкупить своего ребенка. Никто не осудит сестру, ушедшую вместо брата. Возлюбленная вправе отдать себя взамен того, кто ей дорог. Но Арха не была демону ни матерью, ни сестрой, ни...

Она наклонилась над Даном, глядя в распахнутые глаза, которые не тревожил яркий, лунный свет. Осторожно, кончиком пальцев, стерла слезу с его щеки. Кожа была теплой, живой. Лекарка коснулась своих мокрых пальцев губами — соленые.

Плачущий демон. Умиравший демон.

«...но теперь-то я здесь...»

«...когда ты на меня так таращишься, я...»

«...ладно, маленькая, спи...»

И кружка горячего чая. Это так мало, почти ничто. А, может, больше и не бывает?

Она не молилась. Арха просто звала.

***

Отсюда, с вершины холма долина внизу напоминало море. Девушка его не видела никогда, но ей казалось, что оно должно быть именно таким. Под порывом ветра длинные стебли трав пригибались к земле, катясь темными, желтовато-зелеными волнами. Они жили, играли, порой обнажая серебристо-сухую изнанку.

Мать, одетая все в тоже простое белое платье, опиралась спиной на старый, вросший в землю дольмен[2]. И плела ромашковый венок. Цветы рассыпались на ее коленях. Светлые лепестки почти сливались с подолом, и от этого мерещилось, что ромашки Богиня берет из воздуха.

— Хорошо здесь, правда? — спросила она, поднимая лицо, закрытое покрывалом. — Люблю я тут посидеть. Уютно, знаешь ли, на собственной могилке, приятно так.

— На могиле? — тупо переспросила ведунья, разглядывая камни за ее спиной.

Они были старые, отесанные ветром и дождями, со сглаженными, будто специально сточенными, углами. На верхнем валуне высечены не то какие-то рисунки, не то письмена. Но они стерлись от времени. Да и зеленоватые пятна лишайника и мха мешали разобрать то небольшое, что еще осталось.

— А то, — хмыкнула Мать, подхватив цветок, упавший с колен на траву.

У Нее были удивительно ловкие пальцы. Тонкие стебли переплетались между собой не в простой венок, а в кружево, которое превращалось в корону, увенчанную белоголовыми ромашками.

— Когда Свет-то с Тьмой начали мир делить, мне в нем места не оказалось. Вот они, чтоб не обиделась, и поставили каменюку. Мол, мы тебя помним и ты с нами. Мысленно,

конечно. А сейчас, вздорная старуха, не мешайся под ногами, кышь отсюда! Вон как с родной-то матерью. Как это там у вас? Устраняют конкуренцию? И это правильно. Вдруг кто подумает, что это я, а не они тут самые сильненькие? Я — ересь, видали? И во Тьме, и во Свете — ересь. Нету меня. А кто верит, что даже в камне жизнь есть, тот, значит, заблуждается.

Она фыркнула, но не сердито, а, скорее, насмешливо. Мол: «Вон что дети-то чудят!». Арха потрянула головой, прогоняя разморенную одурь. Не ей было Богиню перебивать, но время уходило. Его и так почти не осталось.

— Мать, прошу...

— Девочка-девочка, — белое покрывало колыхнулось, — Зачем? Он же никто тебе. Демон, во Тьме рожденный и в нее же идущий. Ты же вовсе другая. Да и не знаешь ты о нем ничего. Думаешь, он весь такой принц распрекрасный? Стоит ли он того? Что тебе до него, мимо прохожего?

— Слезы...

Ведунья, почувствовала, что еще немного — и она сама разревется. Пришлось сглотнуть, проталкивая ежистый ком. В горле как будто репейник застрял — горький и колючий.

— Да мало ли он от чего плакал? От боли может.

— Они от боли не плачут.

— Ой, много ты знаешь, — снова фыркнула Богиня, ловко перетягивая готовый венок белой ленточкой — и впрямь вышла корона. — Что же вы делаете то с собой, дети? До чего вы себя довели, если вам стоит одно только слово ласковое сказать — и вы уже все за него отдать готовы?

— Мать, прошу тебя, не отворачивайся! Я...

— Да что ты, Ара! Когда я от детей своих отворачивалась? Это дети родителей бросают, никак не наоборот. Конечно, если в мире есть хоть капля справедливости.

Она погладила девушку по щеке. У ведуньи мелькнула мысль, что она не помнила, чтобы садилась рядом с Матерью. Но мелькнула — и пропала. Гораздо важнее сейчас была рука Богини, которая, как и ее голос, тоже постоянно менялась, была то старой, то молодой. И все равно она оставалась бабушкиной рукой — родной, знакомой. Арха невольно потянулась к ней, прижалась. Натруженная, мозолистая ладонь пахла травами и хлебным мякишем.

— Ты вернешь его?

— Глупенькая, да ты сама все уже сделала, — Она мягко убрала упавшую прядь волос у лекарки с лица. — Но ведь ты знаешь, такое только один раз и получается. Ни второй раз не спасешь, ни обратно все не переиначишь. Жизнь-то у тебя одна, другой не будет.

Ведунья, шмыгнув носом, решительно кивнула.

— Ох, девочка ты моя, как же теперь, а? Дурочка, было бы за что...

— Я не знаю, Мать, я, правда, не знаю. Просто...

— Просто если бы ты этого не сделала, то жить и вовсе не зачем, да? Да только откуда же тебе знать то, что там дальше то было бы? Я уж тебе раз говорила, что ты совсем чуток не дотерпела. Мир наш седой скоро совсем станет, вот только ничего в нем не меняется.

— Мать, раз ты начало всему, то и любовь родила ты же.

Арха, наконец, посмотрела на Ее лицо, закрытое покрывалом. Мать рассмеялась звонким, молодым смехом, легонько шлепнув лекарку по руке.

— Ну, языкастая! Ну, наглая! Вот она кровь-то человеческая! Ладно, что выбрала, тс

выбрала. Только я еще об одном скажу. То, что ты себя с ним связала, еще не значит, что и он тем же ответит. И вообще это ничего не значит. Кроме того, что ты его сейчас Тьме не отдала, понимаешь?

Девушка опять только кивнула, пряча глаза. Глупо все было, стыдно. Вот только и вправду — как дальше то жить, если сейчас сделать, что разум требует?

— Девочка-девочка, сколько ж боли-то... — Она сама себя оборвала, махнув рукой.

— Ничего, я выдержу, — Арха закусила губу и вздернула подбородок, словно перед ней уже плаха выросла.

— Да ты что? Думаешь, я пророчествую, будущее вижу? Нет его, будущего-то! Нет, Ара! Вы сами его своими руками делаете. А то, что я сказала — это так, опыт... Вы, девочки мои, сами себе муки приносите. Ни один враг такого не выдумает, что вы придумываете. Но это не значит вовсе, что и по-другому быть не может. Кто знает, вдруг ты сделала тот самый выбор? Ладно, ступай. Счастье тебе. Может, оно и сложится.

Теплый ветер дохнул в лицо запахом нагретой травы, растрепал ромашковую корону...

Веки демона медленно опустились, словно он засыпал. Полукруглые тени от длинных ресниц легли на скулы. И вдруг резко, неожиданно, глаза распахнулись. Его зрачок был огромным, почти круглым.

— Арха? — прошептал он.

Ведунья улыбнулась, чувствуя, что губы у нее дрожат. Демон наощупь нашарил ее руку и их пальцы переплелись. Хаш-эд сжал сильно, не отпуская. И снова закрыл глаза. Лекарка наклонилась, прислушиваясь к ровному, спокойному, сонному дыханию. Рогатый спал, просто спал.

— Надо бы его в постель отнести, — сказала ведунья тихо, словно боялась его разбудить.

Шавер, как-то странно глядя на нее, медленно кивнул, будто что-то соображая. Арха передернула плечами. Что тут соображать было? Первая она что ли, кто глупости творит во имя непонятно чего? Это уж потом сказители такие поступки «любовью» называют, а иначе совсем уж дурь выходит. Какая тут любовь, когда они, действительно, «мимо прохожие»?

***

Утром, накормив ведунью вкусным и плотным завтраком, нянюшка сообщила, что Арха вполне может погулять в саду. На робкие возражения, что вместо прогулки она бы, лучше, навести Адина, да и Дана неплохо бы было увидеть, бесса сообщила, что лорда о желании лекарки оповестят. А наносить визиты в столь ранний час молодым людям, даже если и пациентам, даже если она и лекарь, неприлично. В общем, ведунью, почти против ее воли, выпихали на ознакомительную экскурсию по саду.

Не сказать, что она сильно сопротивлялась. Правда, и тут девушку за каждым кустом поджидала тоска. Наверняка, это место было великолепно летом. Но зимние красоты быстро надоели. Статуи и фонтаны закрывали короба, напоминающие грубо сколоченные гробы. Сам садик оказался на удивление небольшим, огороженным с трех сторон глухими стенами, а с четвертой — домом. Поэтому ведунье только и оставалось, что бесцельно кружить по дорожкам, волоча за собой как шлейф полы длинного, ей не по росту, плаща.

И мысли у лекарки были такие же хмурые, серые и скучные, как зимний сад. И они кружили, словно карусель, подталкивая друг друга и возвращаясь все к одному и тому же. Что ей сегодня на ночное дежурство. А с него, пожалуй, стоит вернуться к себе домой. И

нужно было бы достать из чулана умение забывать. Давно ведунье не приходилось им пользоваться. Но, видимо, время пришло...

— Доброе утро, Арха.

Она вздрогнула от неожиданности. А это действительно был он, демон собственной рогатой персоной. Которому, между прочим, полагалось в постели лежать и пить бульон. Но у хаш-эда, видимо, на все была собственная точка зрения.

Зато у девушки впервые появилась возможность рассмотреть его при нормальном дневном свете. И, к сожалению, там было что рассматривать. Тщательно расчесанные, мягкие даже на вид, темно-каштановые волосы под солнцем отливали золотистой рыжиной. А тонкая полоска усов была гораздо темнее, почти черной. Лицо казалось излишне резким, даже чуть-чуть угловатым. Обычно бледная кожа демона сейчас отливала в синеву, а под глазами залегли тени и щеки впали. Но это придавало чертам какую-то изысканную аристократичность аскета.

Хотя аскетом он точно не был. Под темным, почти черным багряным плащом, подбитым красновато-рыжим мехом, виднелся серый долгополый сюртук с серебряной отделкой. На перчатки тончайшей кожи, плотно, без морщинки, обтягивающие каждый сустав, падали кружевные манжеты. Высокие, выше колен, начищенные до блеска, сапоги украшали серебряные пряжки с крохотными камешками, поблескивающими в тусклом дневном свете. В общем — высший шик сдержанной роскоши. Модники говорили, что и такое бывает.

— Доброе утро, лорд...

Арха замялась, судорожно вспоминая, чем она там владел. Кажется, нянюшка упоминала что-то южно-прибрежное — Роскин или Парор?

— Харрат, — любезно подсказал демон.

— О, точно! Лорд Харрат. Только зачем вы встали? Вам бы, по-хорошему, еще пару дней полежать стоит.

— Благодарю за заботу, мистрис. Но мне действительно гораздо лучше.

Он слегка поклонился, заложив левую руку за спину, а второй указывая на дорожку, приглашая продолжить прогулку. От таких церемоний ведунью откровенно затошнило. Хотя на что жаловаться, если первая начала политесы разводить, в которых сама сильна никогда не была?

Кстати, от унылости сада ее уже тоже подташнивало. Но девушка покорно пошла вперед. Демон пристроился рядом, приноравливаясь к шагам ведуньи.

— Я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы меня спасли.

— Благодарите, — согласилась она, мрачно рассматривая утоптаный снег дорожки.

Хаш-эд слегка притормозил. Видимо, лекарка сбила его с заготовленной речи. Он несколько нервным жестом провел большим пальцем по усам и резко мотнул головой, перебрасывая волосы через плечо.

— Чем я могу выразить свою благодарность, мистрис Арха?

— Вот этот вот плащ вполне стоит вашей благодарности, — ведунья приподняла полу того самого плаща, который на ней был.

— Хорошо, вам сегодня же принесут каталог, и вы сможете выбрать...

— Я сказала, вот этот вот плащ, — буркнула Арха. — Другой меня не интересует. Или ваша благодарность на личные вещи не распространяется?

— Нет, просто, он слишком дешевый. Впрочем, как хотите.

— Вот именно, — подтвердила она. — Лучше расскажите, что с вами произошло. Не из праздного любопытства интересуюсь. Я могла бы приготовить восстанавливающие средства, чтобы вы быстрее поправились. Да и на будущее...

Вот почему то в том, что в будущем это обязательно повторится, лекарка несколько не сомневалась. Можете это ей интуиция нашептывала. Но, скорее, дело было в шавере. Арха была убеждена, что он вполне искренне переживал за Дана. Только вот удивленным не выглядел. А, значит, подобное и раньше случалось.

Но на ее вопрос гвардеец никак не отреагировал. Он его попросту «не услышал».

— Послушайте, ваш же просто выпили. Жизнь высосали чуть не до дна! Вы понимаете, что вчера умереть могли?

Его временная глухота Арху не устраивала. Поэтому она просто забежала вперед, перегораживая дорогу Его лордству, и задрала голову, пытаясь хоть какие-то эмоции разглядеть на его лице.

— Я все понимаю и мою благодарность... — равнодушно-вежливо ответил Дан, созерцая одному ему видимые дали.

— Сверните в трубочку вашу благодарность и засуньте... туда, куда солнце никогда не заглядывает! — неожиданно для самой себя вызверилась ведунья. — Если вы думаете, что таким образом защищаете окружающих, то глубоко заблуждаетесь! Когда не знаешь чего ждать и с какой стороны...

— Поверьте, мистрис Арха, для окружающих это никакой опасности не несет. Скажем, это моя персональная болезнь, — отрезал он, явно давая понять, что больше обсуждать данную тему не намерен.

— Да никакая это не болезнь... — теперь уже растерялась ведунья и тут ее осенило. — Тьма! Да вы не окружающих, вы того, кто это сделал защищаете! Я... Я... Да у меня просто слов нет! Вы вообще, нормальный?

У нее от удивления даже рот приоткрылся. А демон продолжал задумчиво изучать дорожки. Видимо, они интересовали его гораздо больше, чем Арха. Лекарка от досады едва не зашипела, до боли сжав кулаки. Ей одновременно хотелось визжать от злости, треснуть по рогатой физиономии и топтать ногами.

— Позвольте и мне проявить любопытство. Как вы меня вытащили? Только не говорите, что вы позволяете. Про милость Богини тоже не стоит.

Он, наконец, соизволил взглянуть на девушку. И что-то в нем опять изменилось. Лицо, как и прежде, оставалось абсолютно бесстрастным, будто он маску нацепил. Но как-то помягчело оно, что ли? И — да! Арха его опять забавляла. От такой перемены у ведуньи даже слова кончились.

— Ну, тогда и мне сказать нечего, — развела руками лекарка, злобредно ухмыльнувшись.

— Арха, — Его лордство протянул руку, стряхнув с опушки ее капюшона налипшую изморозь, — я, все-таки, демон, хоть и не жрец. То есть, первородный. И мы оба прекрасно понимаем, что жизнь и смерть можно выкупить только одним способом. Для этого жертва нужна.

— Это Тьме жертва нужна, — буркнула лекарка, раскапывая носком ботинка снег, под которым, оказывается, был красноватый гравий. — А Жизни — жертвенность.

— Не вижу разницы.

— Вот поэтому Тьма — это смерть, а Мать — это жизнь. Но если вам так проще, то

считайте, что я парочку младенцев на заклание отдала.

— Боюсь, что ты отдала нечто большее, чем парочку младенцев, — сказал рогатый тихо и так задумчиво-задумчиво.

Даже вишневые глазки прищурил, разглядывая ведунью.

— Бойтесь, — разрешила Арха, развернулась и потопала вперед.

Ей вот тут только религиозных диспутов не хватало. Или того, чтобы всякие не в меру догадливые демоны додумались, что она натворила. Не сказать, что гордость была основополагающей чертой ее характера. Но если хаш-эд вдруг решил бы, что она подвиги совершает во имя любви к нему... От одной этой мысли плохо становилось. Этот ведь и пожалуй мог бедную, влюбленную человечку.

Арху аж передернуло, стоило себе представила его сочувствие и во что это может вылиться. Без взрослого дяденьки гвардейца, блистательного аристократа и покорителя женских сердец, с жалостью ей объясняющего, почему она дура и что именно ей в этой жизни не светит, лекарка прекрасно бы прожила. Поэтому она прибавила шагу, уже не прогуливаясь, а вполне целенаправленно направляясь ко входу в дом.

Но на этот раз гордо уйти ведунье никто не позволил.

Демон схватил девушку за руку, разворачивая к себе так резко, что пола плаща снег подмела, подняв его вихрем в воздух. А Арха, потеряв равновесие, ткнулась рогатому в грудь.

— Что ты еще натворил, дурной ребенок? — прорычал он где-то над ее макушкой.

— Ничего я не натворила, — пробубнила ведунья, рассматривая пуговицы его камзола и осторожно пытаясь высвободить руку. Естественно, у нее ничего не получалось. — И не надо разговаривать со мной так, как будто я действительно младенец!

— А кто ты? — вкрадчиво поинтересовался демон, пальцем поднимая ее подбородок и заставляя смотреть ему в глаза.

— Я... Я — женщина!

— Женщина? — усмехнулся он. — Женщина?! — усмешка стремительно сменилась каменной физиономией. — Женщина! — а это уже больше походило на рык.

Арха даже не успела сообразить, что происходит. Ее просто подняло в воздух, а под ребрами сдавило, как будто стальным кольцом обхватило. И красные глаза оказались близко-близко.

— Женщина... — выдохнул он.

Там, на озере, поцелуя ведунья толком не осознала. Только и поняла, что у него губы твердые. Сейчас же лекарка не просто почувствовала, а прямо таки прочувствовала их. Демон словно специально хотел причинить боль. И Архе действительно было больно. Даже, кажется, во рту привкус крови появился. Но было и еще что-то...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Что-то такое, от чего тело стало просто тряпичным, как будто хаш-эд из Архи позвоночник выдернул. И никаких бабочек в животе или фейерверков перед глазами. Наврал сочинитель романов про чувствительных демонесс. Была только безумная слабость, внутренности, завязавшиеся узлом и дикое желание запустить ему пальцы в волосы, прижаться сильнее, так, чтобы пуговицы его Тьмой проклятого камзола впились в тело.

И вдруг все кончилось. Девушку поставили на дорожку аккуратно, словно она из стекла была сделана.

— Простите, мистрис. Этого больше не повторится, — коротко сообщил ей демон, поклонился и, пока Арха хлопала глазами, исчез.

Только доковыляв до самых входных дверей, она вспомнила, что так и не поставила его в известность о скором своем отбытии из этого... сумасшедшего дома.

[1] Шавер имел в виду, конечно, смешанную кровь, незаконное рождение, а не оскорбление ради оскорбления.

[2] Дольмен(отбрет. taol maen- каменный стол) — древние погребальные и культовые сооружения, сложенные из больших камней. Название происходит от их внешнего вида — приподнятой на каменных опорах плиты, напоминающей стол.

Глава восьмая

Глава восьмая

Она была чрезвычайно милой, добродушной и застенчивой девушкой.

В те редкие минуты, когда ее никто не раздражал.

(Из воспоминания старого ловеласа)

Нянюшка объявила, что хозяин «готов принять» ведунью тогда, когда Арха в обнимку с излишне нежной демонессочкой продирались сквозь заросли джунглей и дикой фантазии автора, рыдая на каждой страницей. Она — из-за злой судьбы и расставания с возлюбленным. Лекарка — от умиления и жалости к убогой. Ну, еще немного от злости. Потому что выдуманные демоны были куда благороднее, чувствительнее и понятнее настоящих.

Старушка проводила девушку до «малой гостиной» и поинтересовалась, что мистрис желает в качестве аперитива. Мистрис мрачно сообщила, что она желает яду. На самом же деле, Арха не прочь была оказаться в тех самых джунглях, можно даже и без демонессы. Не смотря на то, что полдня было потрачено на требование организовать ее встречу с рогатым, сейчас лекарка банально струсила. Вполне возможно, что именно это, а не увлекательный роман, стало причиной ее желания прогуляться по джунглям.

«Малая гостиная» размерами напоминала городскую площадь. И ведунья даже тихо порадовались, что аудиенцию ей назначили именно здесь, а не где-нибудь в «большой столовой». А то пришлось бы ей долго блуждать между колоннами, аукая хозяина. Тут же Великолепная Гвардейская Пятерка в полном составе обнаружилась сразу.

По очереди оглядев каждого из них, Арха до печеник прочувствовала, что на ней одета не слишком свежая рубашка, да довольно старое и изрядно помятое платье из грубой шерсти. А кожа на руках покраснела и шелушилась из-за постоянного общения с щелочным мылом. Еще и ногти лекарка обгрызала едва не до корней — была у нее такая привычка.

Наверное, так ощущает себя пава, очутившаяся среди пятерых павлинов. Даже слегка зеленоватый Адин, полулежащий на кушетке, выглядел просто ослепительно. Не только потому, что он красавчиком был. А потому что расшитый костюм и обилие драгоценностей совсем не фигурально слепили глаза.

И, вроде бы, демоны ни на бал, ни на великосветский прием не собирались. Архе подумалось, что если это их повседневные перья, то как же тогда выглядят парадные?

Только ушастый, облаченный в уже привычную гвардейскую форму, вызывал какой-то намек на симпатию с ее стороны. Но не на столько, чтобы заглушить нарастающее чувство

собственной неполноценности. Понятно, что оптимизма это не прибавляло.

— Прошу прощения за беспокойство, — объявила ведунья, глядя куда-то поверх их голов, — просто зашла предупредить, что отправляюсь домой. Всего доброго.

— Нет, — до отвращения знакомым, таким спокойным-спокойным тоном, сообщили ей.

— Что именно «нет»? — со всей доступной ей любезностью поинтересовалась лекарка у рогатого.

— Вы останетесь здесь, мистрис Арха, — оповестил ее демон.

— Благодарю за приглашение, но у меня сегодня ночное дежурство в клинике. И перед ним мне хотелось бы, как минимум, переодеться, лорд Харрат. Так что...

— В клинике вы больше не работаете, мистрис Арха, — не меняя тона, словно о погоде беседовал, сообщил хаш-эд. — Я заехал туда сегодня и поговорил с владелицей. Ваши рекомендательные письма и оплата за последнюю неделю работы находятся у меня.

Наверное, Арха сползла бы на пол, не держись она за ручку двери, которую собиралась открыть. У нее даже слов не нашлось, чтобы высказать... Хотя, какие там слова? Ничего высказать ведунья ему при всем желании не могла. У нее и мыслей-то никаких не было. Так, гулкий звон в голове.

Девушка даже не сопротивлялась, когда Шай отодрал ее вцепившиеся в дверную ручку пальцы и, поддерживая под локотки, как немощную бабку, усадил в кресло.

— Так, — Арха потерла лицо обеими ладонями, постаравшись включить отказывающийся функционировать мозг, — ладно. В клинике Шор я больше не работаю. Я даже не спрашиваю, почему. А где я теперь работаю, можно узнать?

— Да потому что там не место приличной девушке, даже в качестве пациентки. А уж ваши прогулки по ночам вообще ни в какие ворота не лезут, — Тхия возмущенно покрутил головой, словно не в силах осознать глубины девичьей глупости. — Это же просто опасно!

— Заметьте, я подчеркнула, что не спрашиваю, почему я там не работаю, — сцепив зубы, чтобы не начать визжать, процедила лекарка. — Я спросила, где я теперь работаю?

— А обязательно где-то работать, Ар? — Шай, успокаивающе поглаживая ведунью по руке, попытался заглянуть ей в глаза. — Тебе заняться больше нечем?

«Ара, спокойно, дыши. Просто, дыши. Не стоит устраивать истерик. Этим делу не поможешь. Дыши. Вдох... Раз, два, три... Выдох. Они не уроды, — скомандовал ее здравый смысл, напуганный тем, что грязной волной поднималось из глубин души ведуньи, — они просто лорды, поэтому и м...ки. Вдох... Раз, два, три... Выдох...».

— И кто из вас, мессир, решил меня удочерить? — поинтересовалась Арха, пытаясь сдержаться. Для того чтобы не заорать и не начать крушить все вокруг, пришлось приложить поистине титанические усилия. — Я, конечно, себя люблю, но не настолько, чтобы подумать, будто кто-то из вас решил осчастливить меня ролью содержанки. Просто ни на что другое я не гожусь. Готовить я не умею, и горничной из меня не выйдет. Меня же из кухни выпускать нельзя — гостям аппетит своей мордой испорчу.

— Арха... — попытался остановить ее Шай.

Он бы еще прилив остановить попытался! У лекарки стремительно развивалась самая натуральная истерика. Все, что накопилось за последние три дня, теперь выплескивалось мутным потоком. И, пожалуй, успокоить ее не сумела бы даже сама Мать.

— Мессир Тхия, вы говорите, что мне в клинике не место? А где мое место, не подскажете? Ну, хотя бы приблизительно? А давайте вместе мозгами пораскинем? Папаша в моей судьбе поучаствовал исключительно в момент зачатия и даже не представился.

Маменька, после такой неземной любви, сошла с ума. Не в переносном, а в самом прямом смысле. Девять месяцев бабушка ее привязанной к кровати держала. Но однажды, это когда уже я родилась, не удержала-таки. Маменька меня придушила, а потом и сама повесилась. Спасибо, что подушка слишком большой оказалась, и меня она недодушила.

Несколько вытянувшиеся лица лордов были небольшой, но, все-таки, компенсацией. Наверное, их не столько слова ведуньи впечатлили, сколько визгливый, в общем-то, ей не свойственный, голос. Арха и сама не подозревала у себя таких талантов.

— В деревне меня терпели, пока бабушка была жива. Потому что она единственная ведающая на всю округу. Ну, как терпели? Один раз я в колодец случайно упала. Другой раз в загоне с быком оказалась. Но это так, мелочи, потом даже привыкли. Ничего, что рожа черная. Зато я уже лет в двенадцать лучшей повитухой, чем моя бабка стала. Правда, когда она померла, меня это не спасло.

Она отобрала у Шая наполовину полный бокал и залпом выхлебала до дна. В бокале оказалось вино. Довольно крепкое, между прочим. Пойло словно жидким огнем опалило горло, тут же сжавшееся до размеров игольного ушка. Наверное, в любой другой раз девушка после подобного глотка заново дышать училась бы. А сейчас ей было не до мелких неудобств. Она только крикнула, да рукавом утерлась.

— Знаете, как деревенские отделались от столь неудобной особы, а, мессирь? Старейшина самолично мне документы выправил и три годика пририсовал, чтобы вопросов не возникло. И чуть ли сам из деревни не выпихал. Правда, нашлись доброходы, которые меня отпускать не хотели. Предлагали в лесу поселиться. И даже обещали избушку помочь соорудить. А-то как же они совсем-то без лекарской помощи, а? Как считаешь, Тхия, мне стоит туда вернуться? Может, там мое место?

— Арха, да послушай ты... — попытался опять вклиниться в ее поток сознания Шай.

Но лекарка ему решительно не позволила.

— Нет, солнце мое, это ты меня послушай. Вы, смотрю, мою судьбу взялись решать. Так давайте учитывать все факторы, ладно? А-то вдруг вы что-то упустите. Например, в столице мне быстро объяснили, что мое место в борделе. Но тоже не в каждом. Нет, за свою девственность я могу хорошую цену получить. А дальше — рожей не вышла. Да еще и получеловек, грязнокровка — мерзость какая! Да, шавер? — взгляд ушастого был более чем выразительным. Именно только что озвученного мнения он и придерживался. — Вот и я говорю: мерзость, пакость, гнусь! Правда, человечек трахать это вам не мешает. Знаете, сколько я в этой клинике, где мне не место, метисиков видела? Ну, да ладно. В ночную вазу тоже редко кто заглядывает, чтобы посмотреть, что там у нас получилось. Так что, мне в борделе место, а, Тхия?

Кажется, несчастный демон, к которому Арха пристала, готов был уже под кресло залезть. Сам себе откусив язык предварительно. А ведунью продолжало нести на гребне истерики.

— Так, по лицам вижу, что в борделе мне тоже не место. Ладно, будем рассматривать факты дальше. Что у нас там по плану? Клиника? Так вот, прежде чем я к Шор попала, мне в двенадцати лечебницах отказали. Даже санитаркой брать не хотели. А-а-а, вы же не представляете, что это значит! В санитарки берут всех. Всех, без исключения, лишь бы согласились. Например, моя сменщица — умственно отсталая. Ну, идиотка. Говорит-то с трудом.

Мессирь сдалась и слушала ее внимательно. Дан, глядя исподлобья и крутя бокал с

вином. Тхия рассматривая пол, как будто на нем что-то действительно интересное было. Адин тоже от девушки взгляда не отводил. И его хорошенькое личико странно кривилось, как будто он готов был разрыдаться. Шай все гладил ведунью по руке, словно кошку, но, кажется, сам не слишком хорошо соображая, что делает. Один шавер гордо отвернулся к окну. Но тоже слушал — лекарка видела, как у него уши раздраженно подергиваются.

— Ну, вот. А Шор меня взяла. Правда, для этого мне на колени встать пришлось. Когда не ешь три дня и за квартиру не плачено, а денег нет, вообще нет, ни медяка, не только на колени встанешь — на брюхе поползешь. Но тут мне, наконец, повезло. Работу я нашла. Платят как раз столько, что хватает комнату снять. Но это с учетом того, что я у нее еще и вместо аптекаря, а то бы не хватило. Но я и всяких на стороне пользую. Да, Шай? Я же тебя узнавать сначала не по лицу начала, а по... С другой стороны, мне это дает возможность и на оплату университета откладывать. Еще лет тридцать-сорок — и точно накоплю.

— И лазить по притонам, спасая тех, кто заплатить не может, — добавил рогатый.

— Ну, это вы зря. Сама я лазаю редко. Больше ко мне приходят. Но — да, бывает. Точнее, бывало. Потому что лорды решили, что мне там не место! Хотя о чем я вообще? Закон империи четко говорит о том, где мое место. На костре! Мне самой в Инквизицию топать или вы проводите?

— Вы закончили, мистрис Арха? — светским тоном поинтересовалось Его лордство.

— Полностью, — она сложила руки на груди и откинулась на спинку дивана, прищурившись и сверля рогатого взглядом, сама не замечая, как ее подбородок упрямо выдвинулся вперед.

— Прекрасно. Тогда, позвольте, высказаться и мне. Мы действительно взяли на себя смелость решать за вас вашу же судьбу. Допустим, вы накопите денег на обучение. Что дальше? У вас есть единственный путь — открыть собственную клинику. И только бесплатную. Потому что никто, имеющий деньги, к вам не пойдет. Именно из-за вашего происхождения.

Арха открыла было рот, чтобы возразить, но он жестом остановил ее. И правильно сделал. Потому что выслушал бы о себе много нового и интересного. Не сказать, что ведунью его величественный взмах ладонью напугал. Просто дал законное право стиснуть зубы и промолчать. Даже в том умопомрачении, которое на нее накатило, девушка понимала, что не все стоит говорить вслух.

— Подобные клиники империи крайне необходимы. Потому что та система, которая существует сейчас, не работает. И денег на это государство выделять не может. Соответственно, вам нужно будет искать спонсоров. А все мы, в будущем государственные чиновники и не самого низкого ранга. Кроме Ирраша, — демон кивнул на шавера. — Он останется в армии, но, конечно, не императорским гвардейцем. Поэтому мы подумали и решили, что хорошее начинание стоит и поддержать. К тому же, я вам жизнью обязан, как и Адин. Да и знакомство с... Шаем тоже компенсации требует.

— Между прочим, я к ней не один ходил. Меня вообще туда Скалс отправил, — обиженно протянул блондин.

— Еще и Скалс. Тем более, компенсация нужна, — кивнул рогатый. — В общем, поскольку мы тут все далеко не бедные, то решили оплатить вашу учебу в университете. В качестве возмещения ущерба. А время до поступления вы потратите, чтобы подготовиться к обучению. Считайте, это нашим первым вкладом в государственную политику.

Арха сидела, хлопая глазами в лучших традициях безкожих демонесс. Ее мозгов для

осознания того, что он сказал, не хватало. В голове взрывались только отдельные фразы. Бум! «...государственные чиновники и не самого низкого ранга». Бум! «...хорошее начинание стоит и поддержать». Бум! «...оплатить вашу учебу в университете»...

— А поскольку вам требуется время на подготовку к поступлению, вы поживете в этом доме. У меня богатая библиотека и я могу предоставить максимально комфортные условия для ваших занятий. И еще одно, мистрис Арха. Выходить из дома вы можете исключительно днем и в сопровождении кого-то из нас. По крайней мере, пока.

— А вот это мне не нравится, — подал голос шавер.

— А вот это не обсуждается, — отрезал рогатый.

Девушка согнулась, закрыв лицо руками и уткнувшись в собственные колени. Так стыдно ей еще никогда в жизни не было. В башке не оказалось ни одной связной мысли. И все они были не слишком лестными для ведуньи. Иначе как «дурой» и «идиоткой» она себя не называла. Да и эти эпитеты не могли передать всей глубины ее чувств к себе же самой.

Хотелось завывать, побиться головой о стену, захохотать или сделать что-то столь же осмысленное. Лекарку удерживало только то, что одно представление она уже устроила. На сегодня этого было вполне достаточно. Шай перешел к тихому поглаживанию девичьего плечика, нашептывая, что «все обойдется» и «все хорошо». Все действительно было хорошо, даже слишком. А вот в том, что обойдется, лекарка была не уверена.

Потому что больше охоты визжать было только желание немедленно повиснуть на шее у демона. Все происходящее выглядело слишком невероятным! Такого не бывает! В том, что он отличается недюжинным умом, Арха и раньше не сомневалась. Но вот о существовании у лордов сердца не подозревала. Или просто Дан был исключением из всех лордов?

***

Двери распахнулись как раз в тот момент, когда Шай уговорил-таки ведунью выпить еще вина. Которым она чуть и не подавилась. Потому что обе створки раскрылись одновременно, как по волшебству. И между ними возникло видение — по-другому не скажешь.

Демонесса была вся такой воздушной, окутанной облаком развевающихся легких, как паутинка тканей. Вызолоченные рожки сияли, глаза — сияли, волосы — сияли. Нет, волосы порхали, вместе с платьем. Руки тоже порхали. Или они не могут порхать? Ну, в общем, неземное существо. И красота соответствующая. Оказывается, есть такие павы, перед которыми и павлины меркнут.

— Всем привет! — серебряными колокольчиками прозвенело дивное создание.

— Леди Адаша, — без малейшего намека на энтузиазм отозвался Дан. — Ваше появление — честь для нас.

Хотя лицо демона даже не изменилось, лекарке показалось, что вино, которым он запил собственное приветствие, превратилось в чистый лимонный сок.

— Вы не рады меня видеть? — прощбетала демонессочка и надула розовые губки.

— Нет, — предельно честно ответил ушастый, который неожиданно показался Архе очень даже милым, не смотря на свое шаверское происхождение и злобный нрав.

— Ирраш, ты бука!

Ведунья даже головой повертела, отыскивая буку. Как-то не вязался у нее чернокожий демон с букой. Скорее уж с полноценным монстром. И видимо такой эпитет, отпущенный в сторону грозного ушастого, насмешил не только лекарку. Шай рядом с ней подозрительно хрюкнул, заинтересовавшись собственной кружевной манжетой.

— Ой, а это кто? Где-то я ее видела...

Демонессочка аккуратно нахмурила гладенький лобик, прижав пальчик к губам и разглядывая скромную лекарскую персону. Арха готова была ей аплодировать. Ну не верилось ведунье, что она действительно непроходимая дура. Потому что такой недостаток мозгов граничил уже с нежизнеспособностью. А вот играла демонесса очень талантливо, с огоньком. Мужчины должны были верить.

— Вы виделись в клинике, — неохотно ответил Дан, — это...

— Ой, любимый! Ты нанял мне повитуху? Но еще же рано! — зазвенели серебряные колокольца. — Ах, мужчины такие глупые! Надо было посоветоваться со мной. Тем более что она не подойдет. Не хочешь же ты, чтобы нашего малыша шавер касался, верно? Или ты не разглядел? Да она точно шавер, самый настоящий.

Под взглядом ушастого ведунья втянула голову в плечи, хотя, вроде бы, в этот раз она была не при чем. Настоящий шавер, находящийся в комнате, самый настоящий, а не какая-то метиска, пребывал в опасной близости к убийству. Он не только сверкал желтыми очами, но скалился и даже, кажется, шипел тихонько.

Только на демонессочку он ни малейшего впечатления не произвел. Золоторожка порхнула на диван, интимно сунув ладошку под локоток Дану. А вот Шай, Адин и, даже, Тхия, казалось, старались отползти в наиболее затененные углы помещения.

— Адаша, ты давно шаверов видела? — странно сиплым голосом поинтересовался ушастый.

— Ой, ну подумаешь, есть в ней капелька человеческой крови, — отмахнулась демонесса. — Сути это не меняет. Или тебе кто-то сказал, что вы идеальные няньки?

Желтоглазый поперхнулся. Архе его даже жалко стало. А что на такое можно ответить? Заткнула его красавица и даже бровью не повела. Вот вам и дура. А демонесса, больше не обращая ни на кого внимания, уставилась на рогатого, буквально пожирая его томным взглядом и водя пальчиком по своей нижней губе. Лекарку затошнило.

— Милый, а почему ты утром так быстро ушел? Мне было так плохо и никто, совсем никто, не пожалел твою бедную девочку. Носить ребенка так тяжело, — она вздохнула, колыхнув невесомыми тканями там, где у девушек обычно бюст был. — У меня совсем-совсем пропал аппетит.

Она подвинулась поближе к демону, положив голову ему на плечо и страдальчески всхлипнула. Дан сидел с лицом каменного идола, сложив руки на груди. А Архе было плохо. Во рту пересохло, голова начала кружиться и виски как-то мгновенно налились свинцовой болью.

О том, что в этом доме живет невеста гвардейца, ушастый лекарку оповестил еще вчера. Но этот факт, как и ее появление, ведунью не слишком задел. Девушка ведь помнила, как он уверял Шая, что между ними ничего нет. А вот сейчас, оказывается, они спят вместе. Значит, лорды даже друг другу врут?

На Арху накатила душная обида. Хотя, казалось бы, с чего? Но обидно стало так, что слезы выступили. Она же только этой ночью для него... А он...

— Так это, наверное, грибочки?

Ляпнула ведунья, рассматривая роспись потолка. Кстати, роспись действительно была впечатляющей. Демоны, открывающие врата во Тьму, выглядели как живые. А пока лекарка с видом знатока рассматривала живопись, заставляя слезы закатиться туда, откуда они появились, в гостиной воцарилась тишина, которую иначе как «мертвой» назвать было

невозможно.

— К-какие грибочки? — неуверенно спросила ошарашенная демонессочка.

— Галлюциногенные, — невинно пояснила Арха. — Которые вы употребляете, чтобы беременность у себя обнаружить.

Она понятия не имела, какие у золоторожки с Даном отношения были, но ведь никакой беременности точно в наличии не имелось! Ведунья понимала прекрасно, что ее выходка не только неуместна, но еще глупая и мелочная. Но ничего с собой поделать не могла. Нервы у лекарки пребывали в полном раздразе.

И не у нее одной.

— Откуда ты... Да кто ты... Да что ты себе позволяешь, тварь?!

С самообладанием у красавицы были явные проблемы, раз она целую фразу смогла выговорить не сразу. Ей не повредило бы у своего жениха поучиться невозмутимости и умению демонстративно не замечать неудобных существ. Правда, и ему выдержка начала отказывать. Рогатый закаменел, изображая статую самому себе. Арху с ее расспросами он игнорировал гораздо естественнее.

— Может оттуда, что... — елейным голоском протянула девушка, злобно щуря желтые глазищи, но закончить ей не дали.

— Она работает в клинике? — перебил разошедшуюся ведунью шавер. — Твой лекарь, Адаша, уже всем растрепал, сколько ты ему заплатила. Я всегда говорил, что подельников ты себе выбирать не умеешь.

Сообразив, что именно собиралась ляпнуть, Арха захлопнула рот, громко клацнув зубами. Думается, что ведунью красotka с удовольствием сама, за патлы, в Инквизицию отволокла. Ну, может лично утруждаться и не стала, но с костром в этот раз девушка не разминулась бы точно. Она так и не поняла, с какой радости ушастый ее решил спасти, но благодарна она шаверу была без меры.

А пока лекарка жевала собственную тупость, демонессочка устроила целое представление с обвинением ведуньи, ни в чем не повинного лекаря и, главное, шавера в ненависти к ней, несчастной. И требуя от Дана, что бы он всех, не сходя с этого места, немедленно порешил. Демон, кажется, решил окаменеть окончательно. Арху его реакция не удивила. Вторая женская истерика на протяжении часа. Окаменеешь тут.

Тем временем, представление золоторожки входило в новую фазу. Она решила выбрать козла отпущения. Может, кого-то из находящихся в гостиной, и удивило, что козой стала Арха, но только не ее саму. Во-первых, видимо, судьба у нее такая. Во-вторых, лекарь был далеко, а ведунья оказалась под рукой. И, в-третьих, связываться с метиской, все же, противно, но не так опасно, как с ушастым.

— Ты ей поверил, да? Да она сама хочет занять мое место. И решила нас разлучить! Как ты можешь верить этой грязнокровке? — стенала красавица, картинно прижав пальцы к вискам. — Если ты решил сделать ее своей любовницей, то я совсем не против. Я понимаю, что у мужчин должны быть свои маленькие слабости. Но это не повод, чтобы обвинять меня в таких ужасных вещах. Неужели, слова какой-то... значат для тебя больше, чем мои?

Ведунья стремительно закипала и отнюдь не в фигуральном смысле этого слова. Кровь прилила к голове с такой силой, что, кажется, вены были готовы взорваться. Шай заподозрил что-то нехорошее. Он выполз из своего угла дивана, в который забился при появлении демонессы, и снова стал поглаживать девушку по плечу, успокоительно нашептывая: «Арха, да не слушай ты ее. Успокойся, Арха!».

— Где твоя порядочность, Дан?! Ты лишил меня чести, а теперь променял на какую-то уличную...

— Невозможно лишить того, чего не существует! — выпалила лекарка, выставив перед собой указующий перст. — Шанкры[1] от невинности не появляются! А у лорда Харрата ничего подобного нет.

— Это прыщ! — внезапно перешла на визг леди.

Естественно, на лбу у нее, припудренный и изящно замаскированный прядкой волос, был обычный прыщик, а никакой не шанкр. Кстати, почти и незаметный. Но какое это имеет значение, когда руки у ведуньи просто чесались погнать ее пинками аж до Осварского королевства? Предварительно, облив смолой и обваляв в перьях. Голую.

— Это вы своим любовникам расскажите, когда будете выяснять, кто из них вас сифилисом наградил, — выдала Арха.

— А, может, это я от Дана и подцепила? — прищурилась золоторожка. — А он от тебя, потаскушка дешевая, а?

— Фантазия на уровне! — восхитилась ведунья. — Точно, грибочки галлюциногенные! Да мы по настоящему даже не целовались ни разу!

— Что, промахнулась? Не на того полезла, дешевка! Он мой, поняла?

— Что тебя на стоимости то заело? Клиенты с ценой обижают? А чей он — это еще очень большой вопрос! Но то, что не твой — это точно!

— Думаешь, что если ты его ублажаешь, то он за тобой побежит что ли? И не рассчитывай, грязнокровка! Я тоже кое-что умею. И куда лучше, чем ты. Он мой, мой, мой!

— Не сомневаюсь в твоём богатейшем опыте. Да только я за ним бегом побегу, если он позовет! Просто потому...

— Вообще-то, до сегодняшнего дня я был свой собственный, — устало сказал Дан, потирая ладонью лоб.

Арха открыла рот, да так и осталась сидеть, забыв его закрыть. Сказать, что она мечтала провалиться непосредственно во Тьму — ничего не сказать. Демонесса поступила умнее. Простонав, она упала в обморок. На этот раз гораздо предусмотрительнее — на диван.

***

— К тебе можно? — дверь приоткрылась и в щель между притолокой и створкой просунулась голова кудрявого ивтора.

— Нет, — мрачно ответила Арха.

— Отлично. Тогда я вхожу.

Адин тихо прикрыл за собой створку и, несколько скособочившись прошел в комнату. Лекарка, обнимая подушку, наблюдала как он, кряхтя по-стариковски, усаживается в кресло.

— Не ревешь?

— Не имею такой дурной привычки.

— Ну и зря. Иногда бывает полезно. Слушай, кинь мне подушку. Твой шов до сих пор болит.

— Вообще-то, это твой шов. И еще бы ему не болеть. Ты до сих пор должен валяться в постели и изображать из себя умирающего, — проворчала ведунья, но подушку кинула.

Правда, намеренно целясь ему в голову. Но демон гвардейцем бы не был, не сумеет он перехватить «снаряд» и сунуть его себе под спину.

— Рассказывай, — приказал Адин, доставая откуда-то из глубин камзола бутылку с вином, два бокала, гроздь винограда и конфеты.

Арха наблюдала за ним, пытаясь сообразить, где он это все прятал. Казалось, что одежда его облегалась как вторая кожа.

— Что тебе рассказывать? Кстати, ты в курсе, что тебе пить нельзя?

— А это и не для меня. Я только так, поддержу, — заверил он лекарку, разливая вино в бокалы. — Да ты пересаживайся поближе, что ты в угол забила?

— Не пью, — мрачно сообщила лекарка.

— Тебе кто-то пить предлагает? Это так, чуть-чуть нервы расслабить. Конечно, из нас двоих лекарь ты. Но я тебе по собственному опыту могу сказать, что сладкое пашрийское — лучшее средство от желания повесится.

Ведунья глянула на бокалы с густо-рубиновой жидкостью, в которой золотились отблески свечей. И переползла на противоположный край кровати, поближе к демону. Подушки она не отпустила — с ней было как-то уютнее. Конечно, лекарка бы предпочла свой волчий плащ, но он куда-то делся. А нянюшка при ней в комнате не появлялась. Так что некого было даже о пропаже спросить.

Адин протянул девушке бокал, отсалютовав своим. И только убедившись, что больной действительно лишь губы смочил, Арха отхлебнула вина. Не сказать, что ее моментально отпустило, но напиток оказался приятным, в меру сладким и чуть терпким. Хотя лекарка, конечно, на великого знатока вин не претендовала. Вкусное оно было, в общем.

— Так что это было? — поинтересовался Адин, щурясь на свечи. — Какого рожна ты сцепилась с Адашей? Ну и, в качестве излияния душевной боли можешь поведать, откуда взялся пассаж на счет беганья за Даном.

— Это он тебя прислал?

Арха смотрела на него поверх угла подушки, которую прижимала к себе и разрывалась между двумя равными по силе желаниями: убить его, а, заодно, и оставшихся четверых монстров. И убиться самой.

— Хренового же ты о нем мнения, — покачал головой красавец. — Дан никогда не перекладывает на других свои проблемы. Скорее, сам берет на себя чужие. Так что, мое появление здесь целиком и полностью моя же инициатива. Ладно, я смотрю, на откровенность тебя не тянет?

Ведунья кивнула, а потом помотала головой, полностью соглашаясь с его мнением.

— Тогда хочешь, я тебе расскажу? Например, о том, откуда вообще Адаша взялась? Вина целая бутылка, вечер долгий, а делать мне все равно нечего.

Девушка опять взяла паузу на размышление. Честно признаться, ей было очень любопытно. Но она же всегда гордилась как раз своим нелюбопытством. Да и обсуждать кого-то за его спиной было неправильно. Но, с другой стороны, Архе же не собираются раскрывать страшные тайны. К тому же, вечер действительно долгий, а вино вкусное. Поэтому, в конце концов, она просто кивнула.

— Ну, значит, так, — Адин повозился, устраиваясь поудобнее. — Мы пятером вместе росли, в поместье отца Дана. Не знаю, в курсе ли ты, но у лордов есть такой обычай — отдавать детей на воспитание в более знатные семьи. Считается, что это поможет в дальнейшей карьере. Вообще, там настоящий питомник был. Парней тридцать, что ли? Да столько же девчонок при дановой матери крутилось. Но именно мы пятеро сошлись как-то.

Он подлил вина в ее, уже почти пустой, бокал. Арха и не заметила, как его выхлебала. Но опасных последствий для хрупкого ведовского организма пока не наблюдалось.

— А потом к нам сплывили и «адовых близняшек» — Адаша и Адашу. Они племянники

Императора, дети его сестры. Любимые, между прочим. С Адашем у нас нормальные отношения были. Ровные, приятельские, но не более. У него своя компания, что тогда была, что сейчас. А вот Адаша постоянно с нами шлялась.

Адин вздохнул, поерзал в кресле, переложил подушку. Кажется, детские воспоминания ему удовольствия не приносили.

— Она вообще как мальчишка была. Охотилась, фехтовала, драться училась — все с нами. С Шаем они сошлись на почве пакостничания другим воспитанниками. С Иррашем — на любви к оружию. Мы с ней на псарне и соколятнике постоянно пропадали. С Тхия они вместе все какие-то книжки читали. Только Дан ее вечно сторонился. На самом-то деле, нормальная такая первая любовь у него приключилась. Но, сама понимаешь, что в этом случае делать мы тогда не слишком соображали.

— А сколько вам лет-то было?

— Ну, когда мы в кадетский корпус поступили, то нам было по семнадцать. А ей лет пятнадцать, наверное. В общем, мы отправились в Академию, она ко двору. Лет пять мы не виделись. Потом бал, что ли, какой то был? Встретились, в общем. Адаша тогда уже среди фрейлин считалась первой красавицей.

— погоди, дай угадаю. Поклонники вокруг нее в штабеля укладывались, а Дан внимания не обратил, да?

— А ты откуда знаешь? — удивился демон.

Арха пожала плечами.

— Ты же сам сказал, что влюбился он в пацанку. А увидел придворную красавицу. Жеманную, манерную и тупую.

Ее пациент крикнул.

— Ну, в общем, ты права, хотя я бы выразился по-другому. Но суть та же. Короче, тогда Адаша и решила на себе Дана женить. Тем более что император этой идеей тоже загорелся. А потом и императрица, то есть мать Дана, зачин поддержала, когда на трон села. Он, конечно, родичам сразу сказал, что ничего у них не выйдет. Но они решили его не мытьем, так катанием взять. И, сама понимаешь, в открытую послать их он не может. Все-таки, не просто отчим с маменькой, а император и императрица.

— А почему тогда она его сестрой считается? — спросила ведунья.

И чуть язык себе с досады не откусила. Предполагалось, что когда гвардейцы золоторожку так называли, девушка пребывала в глубоком обмороке. Но Адин мышей не словил.

— Так Дан же пасынок императора. Хотя тот, конечно, его не усыновлял. А Адаша — императорская племянница. Вот и получается, что они как бы кузен с кузиной. Хотя общей крови в них и капли нет. Но я тебе зачем это все рассказываю-то? Поосторожнее бы ты с ней. Это она с виду такая воздушная и нежная. На самом деле, хватка у нее как у анаконды. Сегодня она с тобой просто растерялась, не привыкла к такой манере общения. С базарными торговками ей не часто встречаться приходится, — Адин усмехнулся. — Но своего она не упустит.

— Угу, я заметила, как она изыскано выражалась, — буркнула Арха, решив пропустить его намеки на не слишком изящное поведение самой ведуньи мимо ушей. — И на ее и не претендую.

— Я имел в виду...

— Знаю, что ты имел в виду. Не претендую, никак. Где он и где я? Я не нежная дева,

при дворе не воспитывалась. Да и... Короче, у меня с головой, конечно, плохо, но не настолько, чтобы этого не понимать.

Демон посмотрел на нее как-то странно, с жалостью.

— Если б только в твоей голове дело было... — пробормотал он. — Ладно, тебе налить?

Арха кивнула, осознавая, что все равно в этой жизни ничего хорошего ее уже не ждет.

***

— Ну, хорошо. Все мужики — суть похотливые и безмозглые скоты...

— Шавер-р-ры, — поправила ведунья ушастого, тщательно выговаривая звук «р», который с первого раза правильно выговариваться отказывался.

Подбородок опять предательски съехал с ладони, поддерживающей слишком тяжелую голову. Пришлось сдаться и просто улечься на подушку. Оказалось, что это не так уж неудобно. И вдруг у Архи обнаружилась еще одна удивительная возможность. Лежа на животе можно было еще и ногами в воздухе болтать.

— Ты что делаешь? — прищурился ушастый, разглядывая ее ноги, торчащие из-под задранной едва ли не до самых бедер юбки.

Пожалуй, лекарка могла бы поклясться, что он совершенно трезв. Если бы не клок волос, свисающий на желтые, блестящие, словно стеклянные глазищи. И еще расстёгнутая почти до пояса рубаша, отсутствие камзола и то, что он сидел на полу, прислонившись спиной к ножке кровати, на которой девушка увлеченно болтала в воздухе голыми пятками.

— Пр-роветр-риваюсь, — пояснила Арха.

— А-а-а... — кажется, шавер расценил ее действия как вполне разумные. — Кстати, ножки ничего. Так о чем мы?

— О том, что шавер-р-ры — суть похотливые и безмозглые скоты, — охотно пояснила ведунья.

— Точно. Допустим, я согласен. Но! — он многозначительно поднял палец вверх. — Представь: война, времени чтобы пос... Прошу прощения, поспать не хватает. И что? Я должен какой-то крестьянке серенады петь, чтобы она мне дала?

— А просто спросить согласия? — наивно поинтересовалась Арха.

Шавер задумался. Крепко задумался, даже рукой себя за подбородок взял.

— Ир, отстань от ребенка, — пробормотал Тхия, что-то тихо наигрывающий на гитаре и элегически созерцающий потолок.

Время от времени его начинало кренить в сторону, но он упорно возвращался в вертикальное положение. Кстати, мелодия была красивая, только грустная.

— Отстань! — рыкнул шавер. — Может, я ее разлагаю?

Тхия, не сводя глаз с потолка, приподнял бровь. Но ушастый, кажется, сам уже понял, что сказал что-то не то. И попробовал еще раз:

— Порчу?

Кровосос отрицательно помотал головой, и его опять потянуло в бок.

— Растлеваю?

Рыжий задумался.

— Оказываешь пагубное влияние, — подсказала ведунья и всхлипнула.

— Тебя это расстраивает?

Ушастый ухмыльнулся и, отчаявшись высказать свою мысль словами, изобразил жестами, что он там с ней делает. Лекарка обиделась. До такой близости они пока точно еще не добрались.

— Дурак! Музыка грустная!

— Все это грустно, — согласился Адин, отхлебывая вино из бутылки и наблюдая за действиями Шая.

Блондин был занят превращением любимой левретки Адаши в тигра. Превращал он ее с помощью чернил. Бедная собака, которой кудрявый красавец уже соорудил начес на голове, намертво закрепив его сахарным сиропом, заплел косички из кисточки на хвосте и покрасил ногти, уже даже и не сопротивлялась. Только вздрагивала тихонько на коленях у блондина, тараша и без того выпученные глаза. Шай упорно делал свое черное дело, периодически тихо матерясь, поскольку полосы он с равным успехом наносил как на собачью, так и на собственную шкуру.

— Что грустно? — спросила девушка у Адина и снова всхлипнула.

Теперь уже не из-за музыки. Ей вдруг просто стало тоскливо.

— Я его любил... А он меня... ножом! — с надрывом оповестил мир о своей тоске Адин и утер нос рукавом.

— Истер-ик! — чка твой Ис-с-сур, — вынес вердикт Шай. — Блондинка!

— Сама такая! — Адин попытался пнуть ифовега, но не угадал с прицелом.

Его нога въехала в пустые бутылки, выстроившиеся в метре от блондина. Что не помешало тому завалиться на бок. При этом он выпустил несчастную левретку, которая мгновенно забилась под комод, хотя щель между его дном и полом едва ли была толще двух пальцев.

— Убить! — мрачно посоветовал Ирраш.

— Кого? — не поняла ведунья.

— Хорошая мысль, — оценил Шай, с трудом вставая с пола. — Прямо сейчас пойдем?

— А чего тянуть? — оскалился шавер, заглядывая в пустую бутылку. — И вино как раз кончилось...

— Друзья... — Прослезился Адин, — Друзья мои...

Брать с собой на расправу над бывшим любовником лекарку демоны не желали, выступив единым фронтом против этой идеи. Но Арха смогла им доказать, что имеет права выдергать у попугайчика его крашенные патлы больше всех. Кто, в конце концов, Адина из Тьмы выволакивал? На этот аргумент демоны не нашли, что возразить.

Поэтому они и крались по темным коридорам дома, пробираясь к входной двери, все впятером. Крались тихо, примерно как слоны в посудной лавке. К тому же, между вторым и первым этажом на них резко напал коллективный смех. Дальше пришлось передвигаться едва ли не ползком.

Веселая компания уже почти выбралась на улицу, как из комнаты, соседствующей с холлом, раздались голоса. Причем общались там явно на повышенных тонах. Естественно, что уйти, не выяснив, кто остается у них в тылу, brave гвардейцы не могли.

В комнате, которая оказалась чем-то вроде небольшой приемной или кабинета, находились двое — Дан и еще один хаш-эд. Он был гораздо старше Его лордства, но чем-то неуловимо походил на него. Такой же высокий, с фигурой атлета и пышной гривой темных волос. Только в отличие от Дана у него еще и борода имелаась — щеголеватая, клинышком.

Арха снова захихикала. Ее рассмешила борода и то, что в комнате рогатых теперь было двое. Догадайся кто спросить девушку, что в этом смешного было, связного бы ведунья ничего не ответила. Просто ее этот факт в восторг привел. А вот демонам, подглядывающим вместе с ней в щель, стало явно не до смеха. Адин даже попытлся.

И в этот момент незнакомый лекарке хаш-эд, коротко, не размахиваясь, отвесил Дану пощечину. Удар был такой силы, что рогатый пошатнулся и шагнул назад. Его щека моментально налилась малиновым.

— Щенок! — прорычал демон. — Не смей в это соваться! И если еще раз я от тебя услышу...

— Не думал, что вы из тех, кто не желает слышать правду, — процедил Дан.

— Да как ты как со мной разговариваешь, мальчишка?! — взревел демон, снова замахиваясь.

Арха оттолкнула Ирраша, который присел на корточки, загораживая ей проход, влетела в кабинет и... ее сграбастали едва ли не за шиворот, и между ней и бородатым хаш-эдом почему-то оказалась спина Дана. Но ведунью это не остановило.

— Не смей на него... — бешеной кошкой зашипела она.

Дальше продолжить девушке не дали, попросту зажав рот. Арха брыкнулась, попытавшись достать ногой того, кто ее так грубо заткнул. Лекарке показалось, что это был все тот же Дан. Но Дан или не Дан, а желание высказаться стало почти нестерпимым. Поэтому, она замычала, энергично жестикулируя.

— Ваше Императорское Величество, я... — начал Дан, но демон его перебил.

— Это что? — поинтересовался хаш-эд, указывая пальцем на бьющуюся, словно в припадке падучей, девушку.

Наверное, ему в детстве не объяснили, что тыкать пальцем невежливо.

Дан, нависнув башней, одарил ведунью долгим и очень задумчивым взглядом, от которого у нее почему-то коленки ослабели.

— Ваше Императорское Величество, — ледяным голосом сказал рогатый, — позвольте мне отлучиться буквально на пять минут. Я прошу прощения за столь дерзкую просьбу, но мне действительно необходимо выяснить, что это такое.

Лекарку абсолютно бесцеремонно перекинули через плечо и куда-то поволокли. Такое положение вещей ее не устраивало абсолютно. Арха брыкалась и колотила его кулаками по спине. Ведунью возмущало не то, что он несет ее в неизвестном направлении, а то, что высказаться ей так и не дали.

По дороге девушка громко оповестила все окрестности, что бить Дана — это низко, подло и не достойно звания лорда. То есть, демонов вообще бить не стоит, но конкретно рогатый — морда неприкосновенная. Ей так понравилось выражение «неприкосновенная морда», что она повторила это несколько раз.

Путешествие закончилось неожиданно и слишком быстро. Ведунью сгрузили на что-то мягкое, но к этому моменту разум, устыдившись, решил покинуть разбуянившуюся хозяйку. Последнее, что Арха видела в этой реальности — прищуренные от злости темно вишневые глаза. Лекарка пробормотала, что: «... у моей любимой смерти глаза цвета крови» — и отправилась во Тьму.

[1] Шанкр — безболезненноеизъязвление (язвочка), формирующееся при первичном периодесифилиса.

Глава девятая

Глава девятая

Если поутру ты понял, что твоя жизнь кончена, а вокруг мрак, то не спеши думать, будто тебя уже забрала Тьма.

Вполне возможно, что вчера вы просто хорошо посидели.

(Из личного опыта полковника императорской гвардии)

Первое, что Арха определила как реальность этого мира, а не набивший оскомину кошмар, была дикая головная боль. Череп буквально трещал, словно его кто-то сдавливал. И этот треск забивал уши — кроме него ведунья вообще ничего не слышала. Вдобавок ко всем мученьям ее мучило так, что лекарка пошевелиться боялась. А во рту, кроме мерзости, стояла дикая сушь.

Стук в дверь, который ее и разбудил, повторился. Девушке показалось, что новоявленный дятел стучит не по дереву, а непосредственно по ее мозгу, удачно миновав кости. Ответить она сил в себе не нашла. Архе мерещилось, что достаточно открыть рот — и она просто развалится на куски дурно пахнущей плоти.

— К тебе можно? — Шай, не дождавшись от ведуньи никаких сигналов, дверь открыл самостоятельно.

— Нет, но ты все равно войдешь, — простонала девушка.

— Да я уже, — озвучил блондин очевидное, и спросил участливо, но не без здоровой порции дружеского яда. — Плохо?

— Хорошо, — огрызнулась Арха, — позови, пожалуйста, Ирраша. У него меня прикончить рука не дрогнет.

— Зачем ему тебя убивать? — искренне поразился блондин.

— Чтоб не мучилась! — рывкнула ведунья, накрывая голову подушкой, и, не выдержав, застонала.

Она клятвенно пообещала себе, что забудет даже слово такое — «вино». От одной мысли об этом дурном напитке ее замутило еще сильнее.

— Ладно-ладно, не злись, — забормотал Шай примирительно. — Я тебе, вообще-то, лекарство принес.

— Какое еще лекарство?

Ссообщение лекарку заинтересовало настолько, что она даже уголок подушки отогнула, глядя на демона одним глазом. Сделала это ведунья зря. Яркий солнечный свет саданул кулаком, просверлив зрачок. Мозг закипел.

— Понятия не имею. Его Ирраш готовит. Какой-то ваш шаверский секрет. Вы же алкоголь вообще хреново переносите.

— Мы алкоголь хорошо переносим, — простонала Арха, протягивая руку куда-то в сторону. — Мы отравление им переносим плохо.

Демон поймал ее ладонь, трясущуюся как у подагричной старухи, и сунул в нее металлический теплый бокал. Пришлось Архе переползти к краю кровати, потому что не только чтобы сесть — полноценно глаза открыть смелости не хватало. Ведунья принялась. Пахло вполне безобидными травами и какими-то специями. Решив, что хуже уже не будет, она сделала изрядный глоток.

И обнаружила, что ей хватает сил не только сидеть, но еще и руками махать. Слезы хлынули градом. Лекарка молча ткнула в сторону Шая бокалом, потому что боялась рот открыть. Архе казалось, что она стремительно превращается в дракона. Огнедышащего.

— До дна надо все осилить, Ар, а то толку не будет, — сочувственно пояснил блондин.

Девушка возмущённо замотала головой. И застыла. Нет, боль никуда не делась, но череп уже на куски не разваливался. И тошнотворная зелень перед глазами начала таять. Пришлось тяжело вздохнуть и влить в себя жидкое пламя. Зато пытки огнем ей теперь были не страшны. Никаким раскаленным железом не напугаешь того, кто попробовал шаверский похмельный напиток.

Спустя буквально пять минут ведунья перестала пучить глаза, как русалочка, на берег выброшенная. И повышенное слезоотделение прекратилось. Но лучше бы оно не прекращалось. Потому что Арха, наконец, осознала, что находится отнюдь не в своей комнате.

Эти апартаменты были раза в три больше «ее» спальни. Да и внушительной коллекции холодного оружия над камином, помнится, в комнате тоже не имелось. А вместо золотисто-бежевых тонов, преобладающих в отделке гостевой, здесь были темно-багровые в сочетании с серым. В целом, все выглядело стильно, но несколько депрессивно.

— А я, вообще, где? — прокаркала ведунья, судорожно натягивая одеяло до подбородка. Потому что, оказывается, под ним была только она. В том виде, в котором ее мама на свет произвела.

— А? — оказывается, блондин был занят изучением ее голой спины.

Арха смутно понадеялась, что он там родинки искал. Но все равно, от греха подальше, она опять рухнула в подушки, закутавшись в одеяло почти с головой.

— А-а-а... Это спальня Дана.

Хотелось бы завизжать, но на это сил просто не хватало. Лекарка прислушалась к собственному телу — и ничего не поняла. Болело везде, словно ее всю ночь пинали. Мысли о пинках потянули за собой воспоминания о пощечине и... И все остальное.

— Ирраша позови, — приказала она мрачно, но решительно.

— Да ладно тебе, Ар, все нормально, — успокоил ее блондин, который, оказывается, успел развалиться в кресле.

Кстати, его хорошенькое личико было украшено шикарным синяком. Это великолепие даже «фингалом» было трудно назвать. Просто, вся правая половина лица Шая налилась густым багрянцем, подсвеченным чернотой грозových туч. Но ведунье сейчас было не до чужих травм.

— Тогда подай мне, пожалуйста, вот это, — Арха указала подбородком на самый здоровый нож, висящий на стене.

— Да я тебе точно говорю, что все нормально. Хорошо даже! Ты вчера появилась очень вовремя. Если бы не твое выступление, то императора Тьма знает, куда бы занесло. А ему с Даном ссориться не с руки. И пощечина-то была лишней. А тут ты выручила. Ну, он и успокоился. Так что, точно говорю — все нормально. Кстати, Дан в кабинете ночевал. Просто в твоей-то комнате мы немножко того... намусорили.

Лекарке представилось, как слуги, которым пришлось это все убирать, охарактеризовали то, что они «намусорили». Вряд ли уборщики оценили разбитую каминную полку. Но надо же было шаверу с ивтором выяснить, у кого удар мощнее? Правда, в итоге победила дружба. Потому что Ирраш великодушно признал, что Адин просто еще выздоровел не до конца. Полке, наверное, от этого вдвойне обиднее было — пострадала ни за что.

Ах да, раздолбанными полками, пустыми бутылками и лужами разлитого вина дело не ограничилось. Кажется, Шай умудрился содрать портьеры с окон. Помнится, он решил, что

золотистые занавеси послужат прекрасной маскировкой для охоты на левретку. Ну, обои еще попортились. Это когда Тхия доказывал, что он не пьян и пытался кинжалом убить муху на стене. Причем оружие он метал с закрытыми глазами.

Одним словом — гвардейцы.

Но, в целом, ведунье полегчало. Получается, что кроме своего финального выступления, лично она ничего страшного не совершила. Только наверняка ушастый заявил, что напился из-за лекарки. Остальные-то сами как-то подтянулись. А вот шавер пришёл их компанию разгонять. И они с Архой языками сцепились. А кто же спорит «на сухую»? Ну, и вот...

— А это ты с какой лестницы упал? — поинтересовалась ведунья, указывая на синяк Шая.

Умирать ей уже расхотелось. Правда, жизнь привлекательной еще не выглядела.

Блондин машинально коснулся собственной скулы и поморщился.

— А это Дан. Объяснил, что мы были не правы.

— В чем?

— В том, что тебя напоили. Адин тоже молодец. Понятно же, что ты ничего крепче чая не пробовала.

— Так он же не силой в меня вливал. Или ты думаешь, что я не в курсе к чему приводит злоупотребление вином?

— Ничего такого я, конечно, не думаю. Но ты ведь ребенок еще совсем. А мы — взрослые дядьки. Головой надо соображать, а не задницей. Так что, Дан тут абсолютно прав.

— Я не ребенок! Я почти лекарь и мне двадцать лет!

Если еще минуту назад Арха хотела умереть от стыда за содеянное, то сейчас была готова до последнего отстаивать свои права. В том числе и право напиваться.

— Ну да. Но это не повод тебя всяким гадостям учить, — очаровательно улыбнулся блондин.

— Гадостям учить?! Мне опять напомнить, как мы с тобой познакомились?

— Честное слово, Ар, мне за это теперь стыдно до дрожи, — кажется, он действительно смутился. — Но ты же тогда чужая была. А теперь вроде как перешла под нашу персональную ответственность. Ну, так получилось. Ничего, вот судьбу твою устроим и оставим тебя в покое. А там уж сама выберешь, кто тебя плохому научит.

Этого пассажира ведунья уже не выдержала и в блондина полетела подушка.

— Спасибо вам большое! Вот всю жизнь мечтала, чтобы за мной рыцарь на белом коне прискакал! А тут аж пять рыцарей! С таким-то счастьем я не только судьбу свою устрою! Я прямиком к Матери отправлюсь!

— Да не ори ты так! Все ведь нормально...

— Нормально?! Это вот нормально?! Нормально было до того, как ты... Заметь, именно ты решил Адина с дыркой в животе ко мне приволочь!

Арха спрыгнула с кровати, придерживая волочащееся за ней, словно шлейф, одеяло и стала наступать на Шая, тыча в него пальцем. Видимо, вид у нее и впрямь был страшный, потому что ифовец, хлопая голубенькими глазками, откинулся на спинку кресла.

— Раз вы тут все такие знатные, богатые и могущественные, почему ты его к лекарю не понес, а?

— Ар, ну ты чего? К какому лекарю? Его же любовник пырнул. Да если бы мы к лекарю пошли, то на утро вся столица бы уже в курсе была. А ты не болтаешь...

— Так мне вот это счастье за мою неболтливость? — кажется, вопли ведуньи вот-вот

были готовы сорваться на полноценный визг. — Вы, с вашими тайнами, приключениями, благотворительностью и бабами!.. Да пошли вы во Тьму!

Арха еще раз хорошенько ткнула его в грудь так, чтобы он осознал всю глубину ведовского возмущения.

— Ар, ну ты же понимаешь, долги надо отдавать. Иначе потом по процентам не расплатишься!

— Я вам в долг не давала!

— Как это не давала? А Адин? А Дан? Они тебе жизнью обязаны, а сама знаешь, какие ставки по таким долгам...

— Это у вас ставки, выкидыши Тьмы! А я просто ведунья, я просто помогаю! Просто потому, что могу!

Блондин вдруг вскочил, скрутил девушке руки за спиной, причем своей одной, правой. А левой зажал ей рот, умудряясь еще и одеяло на месте придерживать, принц галантный.

— Заканчивай орать, дура! С инквизиторами давно не встречалась?

Ведунью тут же отпустило. Да так отпустило, что даже колени подогнулись. Кажется, с мозгами у девушки стало совсем плохо. И ладно бы дело только в ней было. Ведь она же заявлениями о своей природе демонов подставляла. Конечно, ласковое тепло костра они с Архой вряд ли разделили бы. Но неприятностей огребли целую кучу. Хороша помощь!

Девушка мотнула головой, показывая, что она уже смиренная, спокойная, и ее можно отпускать. Блондин наклонился, заглядывая ведунье в глаза. Видимо, чтобы удостовериться, что лекарка действительно перестала буянить. И только потом отпустил.

— Извини, — буркнула Арха, — ты прав, конечно. Вы живете по своим представлениям, а я по своим. И не мне вас перевоспитывать.

— Вот именно, — неожиданно серьезно ответил Шай. — Ты можешь только решить, принимать или не принимать то, что мы тебе предлагаем. Я бы на твоём месте принял.

— Да что я, полная идиотка по твоему мнению? — устало вздохнула девушка, усаживаясь на кровать. — Такие предложения дважды за жизнь не делают. Конечно, приму.

— Это хорошо, — разулыбался демон в тридцать два зуба. — А то я боялся, что в тебе гордость разыграет.

Она только криво ухмыльнулась в ответ. Такая гордость может быть только у тонкокожих демонессочек из любовных романов. В реальности это уже не гордость, а не проходимая глупость называется. Когда тебе предлагают весь мир и немножко больше, можно, конечно, и оскорбиться. Мол: «Я сама всего добыю и вообще мне не нужен никто!». Только вот зачем? Для сохранения самоуважения? Но оно у ведуньи и не страдало. Собой она не торговала, идеалы не придавала. Просто сделала то, что умеет. А если у них такие понятия о долге и чести, то это явно не ее проблемы были.

— Успокоилась? — поинтересовался блондин. — Тогда собирайся. Вообще-то, с этим лучше бы Адин справился, но он у нас временно нетранспортабельный. Поэтому тебе придется положиться на меня.

— Это в чем же? — подозрительно поинтересовалась Арха.

Все-таки, ничего хорошего она от них не ожидала.

— Эй, подруга! Тебе еще в университет поступать. А знаешь, какие фифы там учатся? Ты по сравнению с ними выглядишь как самая настоящая бродяжка. Тебя же сама Тьма испугается.

— Пока не пугалась.

— Испугается! — заверил ведунью Шай, схватил за руку и куда-то поволок.

Вот тут лекарке стало страшно.

***

— Я туда не пойду, — мрачно сообщила Арха и даже отвернулась от окна экипажа, демонстрируя серьезность своих намерений.

— Почему? — удивился Шай. — Конечно, лучше бы обратиться к портному, а не покупать готовое шмотье, но у нас времени нет.

— Слушай, солнце, ты меня с вашей Адашей не перепутал? — зло прищурилась ведунья.

— Да ты что? — блондин фыркнул. Спасибо, что не заржал. — Она близко к таким магазинам не подходит.

— Вот и я не подойду. Шай, если тебе приспичило меня ошмотить, то давай это сделаем где-нибудь в менее пафосном месте, а? Здесь, наверное, даже у продавщиц титулы имеются. Короче, я туда не пойду.

— Да куда еще непафоснее-то? — растерялся демон.

— В «Серебряный город», — вдруг подал голос Тхия, который до этого слушал их молча, переводя взгляд с девушки на Шая.

Рыжий, как заметила Арха, лишней говорливостью в принципе не отличался и открывал рот исключительно по делу. Ну, или в тех случаях, которые он считал делами. Сегодня же арифед вообще был предельно тих. Но, наверное, с разбитыми губами особо и не поговоришь. Его про излишне скользкие лестницы лекарка спрашивать не стала.

— Может, еще и на рынок смотаемся? — презрительно хмыкнул на его предложение блондин.

— Так ведь не для тебя и стараемся. Мистрис Арха, вам такой вариант подойдет?

— Вполне.

Она с благодарностью глянула на рыжего. Кажется, он тут единственный не считал, что гораздо лучше самой лекарки знает, в чем состоит ее собственное благо. Кстати, он единственный же, кроме хаш-эда, продолжал величать ее «мистрис», даже после вчерашнего «сближения». Не то чтобы Арха была большим ценителем вежливости, но всегда приятно, когда к тебе обращаются уважительно.

«Серебряный город» открыли всего года три назад. Этот был громадный комплекс, скинувшись, совместно возвели практически все столичные гильдии, имевшие отношение к торговле или производству одежды, украшений, продуктов и Тьма знает чего еще. Да, вдобавок, они и гильдию магов подрядили. Поэтому это уже был не просто рынок, а современные, напичканные последними техническими новинками, торговые ряды.

В результате всех стараний, почти в центре города возникло колоссальное, больше дворцового комплекса, сооружение в четыре этажа высотой и огромной стоянкой экипажей и конюшней под землей. Ведунья тут никогда не бывала, потому что цены в лавочках «Города» для нее были высоковаты. Она как раз предпочитала отовариваться на рынках и ярмарках, как бы презрительно не отзывался о такой возможности Шай. Поэтому, и озиралась по сторонам ведунья, как самая натуральная деревенщина.

С подземной стоянки внутрь комплекса они поднялись на лифте. Это была такая коробка, рассчитанная на нескольких малогабаритных или парочку крупногабаритных личностей, которая поднималась и опускалась в специально оборудованной шахте с помощью системы блоков и лебедок.

Лебедкой глубоко внизу, ниже даже стоянки, как пояснил девушке Тхия, управляла пара

бесов. Арха даже высунулась из-за решетчатой двери, чтобы посмотреть на них. Но ничего, кроме сероватых спин не увидела. Зато едва не потеряла уши из-за какой-то балки. Спасибо Шаю, вовремя втянувшему любопытную ведунью обратно в кабину.

Вышли они в гигантский холл, такой огромный, что лекарка почувствовала себя паучком. Стекланный купол, через который внутрь лился холодный, зимний свет, высился над ними на четвертом этаже. А чуть ниже висело ажурное переплетение галерей и переходов, которые казались паутиной.

В центре холла бил фонтан. Его струи вздымались на высоту трех человеческих ростов. В воде были спрятаны волшебные фонарики, от чего каскад переливался всеми цветами радуги. Вокруг него расположился целый тропический лес из растений в больших кадках. Среди лиан, пальм и прочей экзотики стояли скамейки. В воздухе висел ровный, но не назойливый гул сотен голосов. Такого скопления народа Арха никогда не видела. Но при этом не было и намека на толчею или давку.

Из холла на все четыре стороны света вели настоящие улицы. Только вместо стен домов были огромные стеклянные витрины, демонстрирующие выставленные товары. Конечно, подобное чудо могло быть только здесь. Так как стекло магазина даже в центре города немедленно бы расколошматили. И все это богатство было украшено фонариками, светляками и целыми сияющими гирляндами. Повсюду висели венки омелы и остролиста. А по самим улицам сновали бесенята, раздающие посетителям рекламные картинки или просто выкрикивающие на ходу сообщения о скидках и распродажах.

Ведунья застряла перед первой же витриной, в которой три одетые в вечерние платья симпатичные бессы изображали живые картины. Примут эффектную позу — и застынут. Потом поменяют положение — и снова замрут, показывая все достоинства нарядов. Гвардейцам пришлось хватать лекарку под руки и куда-то целенаправленно волочь. Не сделай они этого — и Арха бы тут осталась надолго. Так Шай еще на ходу умудрялся строить глазки мимо проходящим девицам. Причем синяк на пол-лица его нисколько не смущал. Девиц тоже.

Девушка надеялась, что они притащат ее в какую-нибудь маленькую лавочку, где она сможет хотя бы передохнуть. Но ее мечтам не дано было сбыться. Они прибыли в огромную залу, которая Архе показалась лабиринтом из стеллажей с аккуратными стопочками цветных тканей. Только потом она поняла, что эффект лабиринта создают расставленные между открытыми шкафами зеркала.

Не успела лекарка проморгаться от стеклянного блеска и яркого освещения, резанувшего по глазам, как к ним подлетела бесса в полосатом, словно брюшко пчелы, видимо форменном платье.

— Чем могу быть полезна, господа? — оскалила она острые зубки, напрочь проигнорировав Арху.

— Нам вот эту бы метрессу одеть, — Шай бесцеремонно вытолкнул ведунью вперед.

Лекарка мысленно поблагодарила добрую душу, которая, пока девушка развлекалась, а потом страдала, успела обрезать ее плащ по росту, а из остатков меха соорудить очень миленькие муфточку и шапочку. Так что выглядела ведунья вполне пристойно.

Продавщица смерила Арху профессиональным взглядом и поинтересовалась, что показательно, опять у демонов:

— Вечернее, повседневное, деловое?

— Пожалуй, начнем с повседневного, — вынес предложение блондин. — А то она еще

сбежит.

— Имперский стиль, пальто, футляр, кюлот, миди, макси, мини? — прочирикала продавщица уже и вовсе непонятное.

— Давайте начнем с чего-нибудь шикарного, но простенького. Но так, чтобы было сексуально и невинно.

Шай приобнял девушку за талию и повлек куда-то к стеллажам. Арха оглянулась и рыжего в пределах видимости тоже не обнаружила. Поэтому решение слинять пришло само собой. Ведунья медленно, спиной вперед, чтобы не создавать паники, начала отступать к стеклянным дверям. Но сбежать ей не удалось. На выходе девушку перехватила вторая такая же полосатенькая продавщица. И, не слушая слабых возражений лекарки, поволокла ее вглубь зала.

Не особо церемонясь, Арху впихнули в кабинку, с трех сторон зашторенную плотными портьерами и с одной зеркальной стеной. Тут же появилась первая девица, нагруженная горой шмоток, за которой ее саму не было видно. Где-то за занавеской без умолку трещал Шай. Кажется, он окончательно перешел на птичий язык.

В четыре руки ведунью вытряхнули и из плаща, из платья и, даже, из нижней сорочки. Натянули корсет, затянув шнурки так, что она только придушенно пискнула. Повернули, развернули, впихнули во что-то жесткое и никак не желающее сгибаться. При этом обе девушки не прекращали фальшиво восторгаться фигурой лекарки и тем, как ей идет этот наряд.

Арха мрачно посмотрела на себя в зеркало, отказываясь верить, что это вообще кому-нибудь идти может. Шторка отдернулась и появилась физиономия блондина.

— О, теперь хоть на девушку похожа стала! Так держать! Девочки, продолжаем в том же духе.

Морально подбодрив, деликатный Шай скрылся.

— Простите, а у вас не найдется, лишнего корсета? — угрюмо поинтересовалась ведунья у «пчелок».

— А вам зачем? Этот не слишком удобен? Давайте, мы сейчас поправим, вот тут подтянем и...

— Да нет. Просто появилось горячее желание на одной блондинистой шее его затянуть, — кровожадно сообщила Арха и даже руками изобразила, как затягивает шнурки.

— Кстати, он ко мне клеился. Вы бы смотрели за своим парнем, — сообщила девушка, поправляющая подол.

Хотя, что там было поправлять? Лучше этот кошмар портнихи стать не мог по определению.

— Тьма для всех! Он не мой парень, никогда им не был и не будет, — горячо заверила ее лекарка.

— Так ты не против, если я с ним... — «пчелка» подняла голову, с надеждой глядя на Арху.

— Да, пожалуйста, — пожала плечами ведунья. — Но учти, что он только от дурной болезни вылечился.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно спросила девица и даже руки от Архи убрала. А вторая продавщица просто отпрыгнула в угол кабинки.

— Да я... студентка с лечебного. Ему лекарства и делала. Вы бы лучше на рыжего обратили внимание. Вот тот точно чистенький.

— Он в нашу сторону и не смотрит, — огорченно вздохнула девушка, выглядывая в щелку между портьер. — Какого-то ребенка развлекает, в лошадки с ним играет.

— А ты сделай вид, что у тебя проблема какая-нибудь. Ну, ногу подверни, что ли. Он у нас специалист по дамам в беде, — посоветовала Арха.

— Тьма! Жалко, что блондинчик-то... Глазки такие голубенькие... — мечтательно протянула первая продавщица, присоединяясь к осматриванию зала через щелку.

— Ну, если хочешь сейчас и очень быстро, то шанс у тебя есть, — Арха, загибая пальцы, подсчитала сколько дней прошло с тех пор, как она ему лекарство дала. — Сегодня он не опасный. Пожалуй, дня три еще точно можно быть спокойной.

Обе девицы обернулись, внимательно глядя на нее.

— Слушай, подруга. Мы тебе сейчас администраторшу пришлем. Она тебя как куклу оденет и не в эти тряпки, — «пчелка» презрительно пнула кучу шмоток, оставив на подоле отчетливый след подошвы. — Только я скажу, что ты незаконнорожденная дочь лорда, лады? Ты тут из себя фифу поизображай.

Арха в ответ только кивнула. Великая вещь — женская солидарность. И парням личную жизнь устроила, и девчонок порадовала. И от жутких вкусов Шая избавилась. Красота!

***

В свою комнату ведунья не вошла, а ввалилась, пластом брякнувшись на кровать. Оказалось, что поход по магазинам — это жутко утомительное занятие. Особенно, когда один из твоих спутников внезапно куда-то исчезает, а второй, как подорванный, ловит падающие стеллажи и поскальзывающихся девиц. Правда, в экипаже оба выглядели хоть и несколько утомленно, но вполне довольными жизнью. Лекарка, кстати, тоже.

Но, естественно, спокойствие кончилось, как только она переступила порог этого Тьмой проклятого дома. Не успела Арха завалиться на кровать, как в дверь постучали.

— Войдите, — обреченно отозвалась она, садясь на постели и развязывая шнурки плаща.

На пороге появилась леди Адаша собственной блистательной персоной. Лекарка где сидела, там и осталась сидеть, медленно врастая в покрывало.

— Привет, можно к тебе? — абсолютно нормальным тоном спросила демонесса.

Ведунья неуверенно дернула головой. Она и сама не могла определить, что это было: разрешение, отрицание или нервный тик.

— Ты меня прости, что я так на тебя вчера... Но парни тебе, наверное, рассказали, что я за Даном бегаю, да?

Лекарка даже головой дергать не стала, по-прежнему молча пялясь на золоторожку.

— Ну, вот такая я ненормальная, — демонесса грустно и немного растерянно улыбнулась. — Хотя, думаю, ты меня понимаешь. Он такой один.

Арха неопределенно пожала плечами.

— Ладно, тебе, наверное, со мной не слишком приятно общаться, — догадалась, как показало доигрывание, умная демонесса. — Я, в общем, только извиниться хотела. И еще заметила, что у тебя руки шелушатся. А у меня крем есть, он любое раздражение в два счета снимает. Вот, прими в качестве извинения.

Она поставила на столик хрустальную баночку, брызнувшую под светом лампы радужными искрами.

— В подруги я тебе не навязываюсь, но, надеюсь, мы хотя бы сможем нормально общаться. Увидимся за ужином.

Демонесса кивнула ведунье и удалилась, тихо прикрыв за собой дверь. Лекарка поскребла коготком нос, затрудняясь даже сформулировать, что только что произошло. Аттракцион небывалого раскаянья? Пьеса «Все мы живые и ничто нам не чуждо»?

Она осторожно взяла баночку, не без труда отвинтила плотно притертую крышку и понюхала розоватый, маслянистый крем. Пахло розами и какими-то травами. Ничего подозрительного ведунья не учуяла. Хотя, конечно, по запаху состав мог различить только оборотень, которым она не была. Естественно, ни на мгновение даже в ее дурную голову не пришло этим кремом пользоваться. Но любопытство разбирало.

Арха скинула новенькие сапожки, стянула чулок и мазнула по щиколотке. Кожа здесь достаточно толстая, а место незаметное. Вряд ли леди задумала лекарку немедленно отравить. Такое предположение было уже из области паранойи. Ведунья сидела, рассматривая собственную ногу. Которая на глазах покрывалась мелкими чуть красноватыми прыщиками. Между прочим, сыпь начала немедленно зудеть. Хорошо, что она только мазнула.

Костеря всех демонов скопом, девушка закрыла баночку, стерла остатки крема, и принялась остервенело чесаться. Сама ведунья своим пациентам сто раз говорила, что нельзя расчесывать раздражение на коже. Только хуже можно сделать. Но когда очень чешется, то весь ведовской опыт куда-то девается.

В дверь... постучали. Арха глубоко вздохнула, подавив редкое, в общем-то, для нее желание выmaterиться.

— Войдите! — одергивая юбку, отозвалась она довольно зло, приняв твердое решение, что если демонесса решила вернуться, то весь подаренный крем будет ровным слоем размазан по ее прекрасному личику.

Но в комнату вошла не Адаша, а Дан собственной рогатой персоной.

— Добрый вечер, мистрис Арха, — вежливо поздоровался красноглазый, остановившись у двери, которую опять не удосужился закрыть.

Ведунье стало интересно, о чьей репутации он так беспокоился: ее или своей? Наверное, все же, о своей. И даже не о репутации, а о сохранности шеи. А то невеста у рогатого была не только изобретательная, но еще и мстительная.

— Добрый вечер, лорд Харрат, — не менее вежливо ответила лекарка.

Хотя ей не только разговаривать — видеть его не хотелось. Стыдно было так, что опять подташнивать начинало. Конечно, зелье шавера оказалось выше всяких похвал. Но для того, чтобы дурнота вернулась, хватало даже мысли о том, в каком состоянии хаш-эд ведунью вчера лицезрел и на ручках таскал.

Наверное, этот стыд у нее теперь на всю жизнь будет ассоциироваться с алкоголем. И станет надежной защитой от пьянства.

— Я прошу прощения за то, что побеспокоил вас. Но я видел, что сюда заходила леди Адаша. И...

— Хотели убедиться, что я ее снова не оскорбила? Это вам лучше у нее спросить. Мне кажется, что не оскорбила. Но у меня не слишком богатый опыт в общении с лордами.

Арха и сама не поняла, с чего начала ему хамить. Наверное, это была защитная реакция на собственный стыд. Каждый знает, что является лучшей защитой.

— Зато весьма бурный, как мне кажется.

Ведунья почувствовала, что у нее даже кончики ушей стали горячими. Прямо на него посмотреть смелости не хватало, поэтому глянула она искоса, исподлобья. Но демон не

сердился — наоборот. Лицо оставалось серьезным, а вот глаза смеялись.

Странно это выглядело. Казалось бы, его темно-красные очи с вертикальным, как у кота, зрачком — страшные, совсем уж иные, Тьмой данные. И никогда лекарка в них не могла ничего разглядеть, кроме собственного отражения. Но сейчас хаш-эд именно так и смеялся — глазами.

— Лорд Харрат, простите меня за эту выходку, — промямлила Арха. — По-дурацки все получилось. И...

— Вы какую выходку имеете в виду? — всячески демонстрируя заинтересованность и внимание, перебил ее рогатый.

Действительно, на этот вопрос он имел полное право. Вчера ведунья отличилась и утром, едва не до одури нацеловавшись с ним самим в саду. И днем, устроив склоку с демонесой. И вечером, напившись, попытавшись нахамить и дать по роже императору. Ей стыдно было за все. Правда, за один поступок чуть меньше. Нет, за пару из них стыдно почти не было. Но ведунья решила вообще не заострять внимание на этом вопросе. Поэтому решительно продолжила:

— Сама не знаю, что на меня нашло. Обычно я...

— Смирная, вы хотели сказать? Знаете, я не заметил. С момента нашего знакомства, когда вы сказали, что вам все равно, кто ассистировать будет. Пусть даже и хаш-эд.

— Издеваетесь? — не выдержала Арха, надувшись.

Он свел большой и указательный пальцы, оставив между ними крохотную щель. Кажется, демон не только издевался, но еще и веселился вовсю. Конечно, лекарка была рада, что он не злится. Но вот привычка лорда видеть в ней персонального клоуна начинала серьезно бесить.

— Не сердитесь, мистрис Арха. Я не хотел вас обидеть. Просто...

— Что? — поторопила она рогатого.

— Я не знаю, что, — гвардеец пожал плечами и шагнул к кровати, присев на корточки, глядя прямо, словно гипнотизируя. И ведунья, послушно гипнотизируясь, замерла, как воробей перед удавом.

— Ты когда сердишься у тебя вот тут, такая складочка появляется, — он легонько, едва касаясь пальцем, провел у нее между бровей, чуть задев переносицу, — И глаза становятся совсем кошачьи. У нас в замке кошка жила. У нее такие же глаза были. Когда она злилась, сверкали, как топаз. Хотя сравнение так себе, конечно.

— С кошкой или с топазом? — словно завороченная, пробормотала Арха.

— Оба, — самокритично ответил он и заговорил вдруг хрипло, прерывисто, как будто волнуясь. — Я не знаю, как с тобой... Ты другая, совсем... Ни на кого не похожа! Мне кажется, что ты действительно, как кошка. Нет, какая там кошка? Котенок еще. Настороженный такой, чуть что — сразу в сторону и шерсть дыбом. К тебе подойти-то можно, только если сама захочешь. А ты не пускаешь! Не доверяешь... С ними вчера весь вечер веселилась, даже с Иррашем! А от меня шарахаешься. Почему? Что мне сделать, Арха?

Ведунья оторопело таранилась на него, не соображая, о чем он говорит. Точнее, все лекарка соображала — поверить не могла. Разве она от рогатого шарахалась? Да скорее уж сама себя за шиворот держала, чтобы на шею ему не броситься. И только потому, что прекрасно понимала: если она и заинтересовала лорда, то ненадолго это. У него быстро пройдет. Наиграется — и забудет, как звали. А ей что останется?..

Демон растрепал свою шевелюру обеими руками, как тогда, на озере. Медленно встал и

отошел.

— Простите, мистрис Арха. Кажется, я вас напугал. Не хотел, клянусь. Постараюсь сделать так, чтобы в дальнейшем это не повторялось. И, не считите за оскорбление, но ужинать вам лучше у себя в комнате. Я не настаиваю на этом, но так действительно будет лучше.

Он слегка поклонился и вышел. Ведунье осталось только себя утешать.

«Ничего ведь не было, правда? Тебе просто показалось. И ужинать действительно лучше тут, а не в окружении лордов, а, тем более, леди. Если уж тебе неудобно было на своей кухне с ними есть, то представляешь, какой ступор нападёт в их столовой? И не на что обижаться. Наоборот, все это только тебе и на руку!» — гладил ее по головке собственный здравый смысл.

Только вот почему так обидно-то было?

Глава десятая

Глава десятая

В этой жизни тебя поддерживает только
твой собственный позвоночник.

(Из наблюдений мистрис Шор)

Всю ночь Арха протаращилась в потолок, не в силах заснуть ни на минуту. Уговоры себя, любимой, и подсчитывание овечек в какой-то момент возымели свое действие и веки отяжелели. Но внезапно ее мысленные овечки превратились в рогатых демонов, которые наотрез отказывались прыгать через барьер.

Словно ведунье этого было мало, ей начало мерещиться, что за дверью кто-то стоит. Сначала к горлу подкатила душная паника, заставившая накрыться одеялом с головой. А потом лекарке почему-то показалось, что в коридоре был Дан. И она затаилась, боясь спугнуть даже дыханием. Вдруг бы он набрался смелости и зашел?

Но в итоге она так и провалялась до рассвета, рассматривая темноту. И утром отражение лекарки напоминало приведение ее самой.

Да и смена времени суток облегчения не принесло. Арха встала, почти час провела в роскошной, мраморной ванне, горячая вода в которую поступала сама, стоило кран открыть. То, что Дан может позволить себе содержать персонального водного мага, стало для нее новостью. Хотя девушка и раньше в бедности его не подозревала.

Еще почти час ушел на одевание и приведение себя в порядок, тем более что теперь Архе было из чего выбирать наряды. Она даже кровать заправила. И после этого ее дела закончились. Роман был прочитан, и демонесса обрела-таки свое выстраданное счастье. Прогулка по саду не прельщала. Выход в город без сопровождающих ведунье был категорически запрещен, хотя она так и не поняла почему. А безделье было состоянием не только неудобным, но и непривычным.

Честно говоря, Арха потерялась. За последние пять лет она привыкла к тому, что сама решает, что и как ей делать. Теперь решения принимали другие. В общем и целом, девушка против этого совсем не была. Тем более что большинство принятых решений ей более чем нравились. Но как-то так получилось, что не только глобальные, но и повседневные, самые простые действия от ведуньи теперь не зависели.

Конечно, на запреты демонов можно было и наплевать с крыши храма. Но ведь они тогда пол столицы на уши поставили бы — с них станется. Долги-то они еще не отдали. Да и особых дел вне дома Арха себе тоже придумать не могла.

Поэтому, послав во Тьму все приличия, она решила навестить Адина. В конце концов, он до сих пор оставался ее пациентом. Хотя проведенный совместный вечер наглядно продемонстрировал, что демон практически здоров. Но лекарю необходимо во всем убедиться лично, а не доверять подозрениям.

Из своих немногочисленных путешествий по дому лекарка поняла, что второй этаж в левом крыле, где была и ее комната, отведен под гостевые помещения. А, значит, красавчик должен был находиться неподалеку. Конечно, имелся шанс нарваться на демонессу. Но вряд ли золоторожку устроила бы гостевая спальня. Скорее всего, ей отвели что-то вроде господских покоев или что у них там есть.

Арха выскользнула в коридор и тихонечко, стараясь, чтобы она не скрипнула, приоткрыла ближайшую же дверь. И — чудо из чудес — оказалась именно там, где нужно. Пришлось напомнить себе, что сегодня следует быть осторожной. Такое везение у ведуньи обычно компенсируется удвоенным невезением. Если она в нужную комнату попала с первого раза, то вполне могла потом и на ровном месте ногу сломать.

Демон не спал. И как лекарка не осторожничала, кудрявый ее засек.

— О, Арха, доброе утро! Проходи... Только, я сейчас оденусь, ты посиди пока...

Девушка подивилась его стеснительности. Раньше она за демонами подобного не замечала. Адин даже одеяло натянул едва ли не до подбородка. Хотя он был не голым, а в сорочке.

— Солнце, я тебя не только в чем мать родила видела, но даже и изнутри. Так что, вполне можешь не дергаться, — посоветовала Арха, пытаясь за угол стянуть с него одеяло, но он не отпускал. — Да дай же мне посмотреть, что там у тебя твориться!

— Все у меня нормально! Здоров, как бык, — демон старательно тянул одеяло на себя, при этом стремительно краснея.

— Ну, как знаешь.

Девушка отпустила свой край покрывала, красавец по инерции отшатнулся на подушки, и злобная ведающая одеяло просто задрала. Оказывается, дело было не в природной стеснительности. Под боком у ее больного уютненько устроился целый склад печенья и конфет. Даже несколько пирожных, беззастенчиво заляпавших постельное белье жирным кремом, имелось.

— Это что? — грозно поинтересовалась Арха, упирая кулаки в бока.

— Кушать очень хотелось... — проскулил синеглазый, пытаясь рукой прикрыть свои богатства.

— Я что говорила? Нежирный бульон, протертые овощи, соки и чай! Что из всего перечисленного напомнило тебе конфеты и пирожные?!

— Ар, да я скопычусь на такой диете! У меня организм молодой, растущий, мне эти... как их... Ну, короче, вещества всякие нужны.

— Спешу тебя огорчить, но ты, конечно, молодой. Но вот расти уже закончил. И всякие вещества тебе, может, и нужны. А вот лишние жиры твоей заштопанной печени — нет! Особенно, после усиленного поливания ее вином. Я тебе за твою попойку еще не врезала.

Ведунья решительно сдернула с ближайшей подушки наволочку и столь же решительно сгребла все хомяковые запасы, невзирая на протесты и стоны.

— Злая ты, Арха, — надул и без того пухлые губы демон.

— Не добрая, — спорить она не стала.

— Ведьма! — может, лекарке померещилось, но, кажется, он действительно хотел показать девушке язык да сдержался.

— Ведунья, — машинально поправила она. — Вот почему, как только речь заходит о лечении, все сразу вспоминают мой злобный характер и обзывают меня ведьмой? Где, спрашивается, справедливость?

Она бросила свою добычу в потухший камин и уселась в кресло. Осматривать сладкоежку не стала. Раз он пирожные начал трескаться, то все с ним хорошо. Все-таки, регенерация у демонов была какая-то бешенная. Арха напомнила себе проверить, с какой скоростью восстанавливаются Истинные. Интересно же. А на опыты можно пустить золоторожку.

Адин дулся, искоса поглядывая на ведунью. Лекарка мрачно обгрызала собственный ноготь.

— Ужинала бы как все, не нужно бы было собственными ногтями закусывать, — съязвил бывший раненный.

— А меня как всех не приглашали. Наоборот даже посоветовали не являться, — буркнула она в ответ.

— Ой, да брось ты! Конечно, с Адашей нужно быть поосторожнее. Но это не значит, что стоит ее беспрекословно слушаться.

— А при чем тут демонесса? Мне сам лорд Дан посоветовал ему на глаза не попадаться.

— Вот прямо так и посоветовал? — усомнился демон.

— Ну, не прямо так... Но он прямым текстом сказал, что столоваться я и у себя в комнате могу. Мол, так будет лучше.

— А ты-то сама чего хочешь?

— В каком смысле? — опешила Арха. — Честно говоря, мне все равно, где есть. Да и вашего этикета я не знаю. Обязательно бы сделала что-нибудь не так. Вот бы демонессочка повеселилась.

— Ар, не забивай Тьму пустотой. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

Понимала. Конечно, все она понимала. После эпического выступления ведуньи, личная жизнь Его лордства, наверное, стала самой животрепещущей темой среди монстров. И что-то лекарке подсказывало, что Адин, с его-то характером, просто обожает устраивать чужое счастье. В конце концов, не в первый раз он пытается завести разговор на тему «Ты ему не пара».

Девушке пришла в голову дельная мысль. Если она сможет убедить кудрявого, что и сама осознает, насколько ведунья «не пара» высшему лорду, то он донесет это до хаш-эда? Тогда все вопросы отпали бы сами собой. И сошлись бы они только на одной задолженности. Той, что касается финансов. А то Архе все больше мерещилось, что Дан в свои долги еще и ее нежную привязанность записал. И девушке такое совсем уж ни к чему было.

— Адин, я прекрасно понимаю...

— Я не спрашивал, что ты понимаешь, — мягко оборвал ее демон, машинально перебирая кружева на одеяле. — Я спросил, чего ты сама хочешь.

— Да какая разница, чего хочу я! — никогда раньше ведунье не доводилось вести таких разговоров. И сейчас Арха отчетливо поняла, что они ей категорически не нравятся. —

Можно подумать, от меня тут что-то зависит.

— Подумать можно. И от тебя действительно многое зависит. Но одно дело, если ты хочешь за него замуж. И совсем другое, если ты хочешь просто с ним быть. На первое даже не рассчитывай. Ему никто не позволит этого сделать...

— Ты откуда упал? — у нее от удивления глаза на лоб вполне реально поехали. — Я об этом и не думала даже... Да это вообще из разряда бреда! И, собственно, замуж я не собираюсь. Ни за лорда, ни за кого-то другого. Да и ведуньи вообще редко замуж выходят.

— А вам что, запрещено? — заинтересовался ивтор.

— Да нет, не запрещено. Просто ведовство с замужеством не слишком сочетается. Мало мужей согласится с тем, что жену могут посередине ночи дернуть. Или что больного она будет выхаживать, по несколько дней дома не появляясь. Или... Ну, вот я многих гвардейцев от дурных болезней лечила. Мне же их не только осматривать, но и ощупывать приходилось, понимаешь?

— За-ачем? — неожиданно начал заикаться демон, вытаращившись на ведунью.

— Потому что признаками некоторых заболеваний становятся увеличенные... э-э-э... ну, узелки[1] такие... Короче, надо — и все. Хочешь знать симптомы — спроси Шая, он по ним большой специалист.

— Гм, ладно. Но, в общем, замуж за Дана ты не собираешься?

— Нет, — абсолютно честно и искренне ответила Арха.

— Ну, так в чем тогда проблема?

Ведунья и сама не знала, что ее тянуло с Адином откровенничать, но только девушку как будто прорвало. С таким же напором вскрывается созревший прыщ.

— Может, в том, что я сама ему не сдалась? Кто я и кто он? Ну, если даже допустить в качестве бреда, что он захочет со мной... ну, ты прекрасно понимаешь, о чем я. Мне-то что после этого делать? Идти веревку мылить? Лучше не знать, не допускать даже тени мысли, как все могло бы быть, если... — она замолчала, переводя дух, потому что выпалила весь этот бред на одном дыхании.

И продолжать не стала, разглаживая складку юбки у себя на коленях. Потому что говорить больше не о чем было. Действительно, если что? Если бы мир с ног на голову встал, а Тьма исчезла?

— Принцы спасают принцесс, а не нищенок. Демоны остаются с демонессами, а не с полукровками. Человеку нужен человек. А метискам в этой системе вообще места нет. Значит, нечего и губы раскатывать, — закончила она свою тираду, чувствуя, как накатывает равнодушие. Пустое такое, аморфное.

Однажды Арха наскребла с бока печи извести и измазала ей лицо. Ходила очень довольная, что теперь выглядит как все. До тех пор, пока ее бабушка не увидела. Она же и объяснила, что не стоит мечтать о том, чтобы достать с неба солнце, повернуть время вспять или изменить собственную внешность. Мы такие, какими родились. И все, на этом точка.

— Нет никакой проблемы, Адин. И не выдумывай того, чего нет. Я в запале глупость ляпнула, чтобы демонессу позлить. А вы теперь вокруг этого танцы устраиваете. Но это уже даже не смешно.

— Не смешно, — согласился он, пристально рассматривая ведунью, у которой, кажется, быть убедительной не получилось, — побереги там местечко для меня, когда веревочку мылить пойдешь, ладно? А-то я только что осознал, что мне в этой системе тоже делать нечего с моими-то пристрастиями. Наивный, да? Думал, что только от меня все зависит. Что

если поднапрячься, то и я могу и любить, и счастливым быть. Не смотря ни на что.

Арха сидела, не зная, что ему ответить. Чувствовала она, что права. Но какой-то странной была эта правота. Для самой лекарки она подходила полностью. А вот примерить ее к Адину никак не получалось. Слишком несправедливо выходило.

К невероятному ведовскому счастью в комнату, без стука, естественно, влетел Шай. И, не пожелав даже доброго утра, завопил, что у Архи совесть еще на подлете к этому миру кончилась. Оказывается, демоны ее уже полчаса ждали для того, чтобы в клинику ехать. А бесстыжая лекарка все это время лясы точила. На замечание, что, вообще-то, ее никто даже предупредить не удосужился, демон логично ответил, что она могла и сама догадаться.

Действительно, глупость какая! Любой бы на месте Архи давно додумался. Тем более что ведунье, не далее, как день назад, сообщили об окончании ее рабочей деятельности в клинике. Но она решила не возмущаться, не сопротивляться и даже лишиться себя завтрака. Лишь бы больше никаких разговоров не разговаривать.

***

У ворот особняка лекарке притормозила. Идея вернуться обратно вдруг показалась весьма заманчивой. И тому было аж две причины. Во-первых, предполагалось, что она опять будет путешествовать на красноглазых монструозных лошадях. А, во-вторых, на одном из этих четвероногих кошмаров восседал лорд Дан собственной рогатой персоной. На такое сопровождение она никак не рассчитывала.

— Доброе утро, мистрис Арха и с наступающим вас праздником, — поприветствовал он девушку.

Его коняга покосилась на ведунью темно-вишневым глазом. Кажется, и наездника, и лошадь вытянувшаяся физиономия девушки здорово забавляла.

— Э? — ничего умнее Арха ответить не сумела.

— Сегодня ночью старый год уходит во Тьму и рождается новый, — любезно пояснило Его лордство.

— Ох, точно же... сегодня Имболок.

Лекарка подумала, что получить маразм в молодом возрасте — это хорошо. Жить не слишком мешает, нигде ничего не болит, и каждый день узнаешь что-то новое.

— Новый год, — поправил ее Шай, ненавязчиво, но настойчиво, подталкивая в спину.

— Новый года — это Саматайн.

— Это ересь, мистрис Арха, — заметил рогатый.

— Никакой ереси, лорд Харрат. Я выросла в человеческой деревне. Там год считается по сельскохозяйственному циклу, а не по солнечному календарю, — вежливо возразила девушка. — Саматайн — это окончание уборки урожая.

— И к еретическому культу Богине эти праздники никакого отношения не имеют? — его приподнятая бровь выглядела исключительно иронично.

— Ни малейшего, — твердо ответила лекарка.

— Приходится поверить. Особенно учитывая, что в человеческих деревнях в ходу такие обороты, как «сельскохозяйственный цикл». Но, по-моему, мистрис Арха, вы просто тянете время, потому что боитесь моего коня.

Девушка рискнула поднять голову. Демон надо ней смеялся вполне откровенно, и даже не давая себе труда это попытаться скрыть. Веселился он опять в своей дикой манере, сохраняя на лице каменную невозмутимость.

— Я его не боюсь, — пробормотала ведунья. — Он меня в панику вгоняет.

Коняга заржала, вздернув морду. Ее слова лошадь определенно развеселили. Вторая животное, меланхолично стоявшая рядом, тоже фыркнула.

— До момента, когда над тобой начинают насмехаться кони определённо стоит дожить, — буркнула ведунья, одаривая четвероногих монстров не слишком дружелюбным взглядом.

— Придется вам справиться с вашими страхами, мистрис Арха. Дело в том, что появление экипажа у задних дверей клиники вызовет ненужный интерес. А пешком идти мне не слишком хочется — разочаровал лекарку лорд.

— А появление этих монстров ненужного интереса не вызовет? — скептически поинтересовалась Арха. — Давайте так. Вы поедите, а я своими ножками доберусь, мне не привыкать.

— Ар, ты просто трусиха, — щерясь в улыбку, подначил ее блондин, одним прыжком забираясь на спину своей меланхоличной зверюги. — Вот уж не думал, что ты будешь бояться простых лошадок.

— Ну, это ты зря. Во-первых, «простыми» я ваших лошадок и ночью не назвала бы. Хотя, ночью тем более бы не назвала. А, во-вторых, мне на твои подначки плевать. Может, я и трусиха, но зато трусиха живая.

Арха решительно сложила руки на груди, демонстрируя, что они ее с места не сдвинут. Даже с помощью коней.

— Мистрис Арха, поверьте, с нами вам ничего не грозит, — рогатый наклонился к девушке, протягивая руку.

Если не считать самих демонов и их явно плотоядных животных, то ведунье действительно ничего не грозило. Ну, разве что разрыв сердца, переполненного... как там было в романе? А! Переполненного «противоречивыми чувствами», вот как.

Но сцена уже и без того излишне затягивалась. Пришлось это признать, как и полное поражение. Поэтому она положила свою ладонь в руку демона. И гвардеец просто вздернул лекарку на спину коняги, используя вместо подножки собственную ступню. Силища у лорда была поистине звериной! Ведунья, конечно, внушительными габаритами никогда не отличалась, но что-то все равно весила. Только вот, кажется, некоторые рогатые этого просто не заметили.

Дан усадил девушку перед собой, заботливо поправил ее плащ и негромко посвистав своему монстру, направил его морду в нужную сторону. Коняга Шая трусила позади в некотором отдалении. Видимо, блондин решил создать для них иллюзию уединенности.

— У вас есть какие-нибудь планы на сегодняшнюю ночь? — светским тоном поинтересовался Его лордство, словно продолжая прерванную беседу. — Как собираетесь отмечать праздник?

Лекарка пожала плечами. Ее так и подмывало сообщить, что она намерена сложить в его драгоценном саду гигантский костер и всю ночь отплясывать вокруг него. Голой. Хотя, был еще вариант пообещать надраться до розовых крольчат и пройтись по мужикам. Но ей такие ответы показались не слишком достойными. Поэтому, про собственные планы она распространяться не стала и просто спросила:

— А вы?

— А у нас сегодня бал в Императорском дворце. Даже целый маскарад, — ответил Шай. Все-таки, благородства для того, чтобы оставить кого-то побеседовать наедине у него надолго не хватало. Правда, сейчас Арха ему была за это даже благодарна. — Куча лордов,

дорогих понтов, дрянного вина, плохой еды и скуки.

— И кем ты будешь? Садовником? — не удержавшись, съязвила ведунья.

На ее предложение блондин выдал совершенно неадекватную реакцию. Он заржал, напугав даже собственного коня.

— Вообще-то предполагалось, что древним воином. Но мне твое предложение нравится гораздо больше. Тем более что у дам опять самым популярным костюмом будет роза. Точно! Надену костюм садовника. Спасибо, Арха, получу свой кубок за оригинальность.

— А мне вы оригинальную идею не подскажите? — поинтересовался рогатый.

— Барана? — не успев даже подумать, ляпнула ведунья.

И тут же заткнулась, с интересом разглядывая лошадиную холку.

— Почему барана? — видимо, переварив-таки оригинальное предложение, спросил демон.

— Простите, я не хотела, — промямлила лекарка.

И, кстати, была абсолютно честна. Обижать лорда ей действительно не хотелось. Само вырвалось.

— И все-таки, почему барана? — настаивал рогатый.

Ведунья искоса глянула на него. Он не сердился. Скорее, девушка его опять забавляла. У демона даже уголки губ подрагивали, как будто он готов был улыбнуться.

— Ну-у... Вы такой упрямый, упертый. И рога еще, — Арха покрутила пальцами у собственных висков, то ли изображая рога, то ли доказывая, что она окончательно сошла с ума.

— До, а она права. Костюм барана будет тебе очень к лицу. Пожалуй, кубок за оригинальность достанется тебе, — блондин просто кис от смеха, даже пошатывался на спине своей коняги.

А вот ведунья в этой ситуации ничего смешного упорно не находила.

— Спасибо, я подумаю, — с вежливостью сугроба пообещал демон.

Девушке показалось, что рука, которой лорд ее придерживал, приобняла чуть сильнее, чем раньше. Хотя, может, это была рефлекторная, но вовремя остановленная попытка придушить не в меру ехидную ведунью.

— А вы не хотели бы посетить бал, мистрис Арха? — продолжил он великосветскую беседу.

Лекарка сначала даже и не поняла, что именно он ей предложил. Поэтому только сидела, приоткрыв рот, как дурочка деревенская. А когда до нее дошло, Арха с такой силой замотала головой, что в шее что-то хрустнуло.

— Вот для полного счастья мне не хватало бала в императорском дворце! Все у меня было — маскарада среди лордов не доставало, — с искреннем ужасом пробормотала она.

— Я бы тоже не пошел, — доверительно понизив голос, сообщил Шай. — С большей охотой я завалился бы в какой-нибудь хороший кабак.

— Да ты там к утру и так окажешься, — равнодушно заявил лорд, явно думая о чем-то своем.

— Тоже верно, — ничуть не обидевшись, согласился блондин.

Рогатый думал, Шай принялся что-то насвистывать, не забывая стрелять голубенькими глазками по сторонам. А лекарка попыталась укутаться в плащ как в кокон, чтобы ее никто разглядеть не смог. Потому что она внезапно сообразила, что ехали они посредине довольно оживленной улицы. А на дворе был белый день.

Естественно, что появление таких всадников незамеченным не осталось. Прежде всего, прохожих привлекали ненормально огромные лошади, а потом уж народ обращал внимание на двух демонов в форменных черных гвардейских плащах. Кажется, что все горожане считали своим долгом помахать им рукой или, как минимум, улыбнуться. Девуцы же в возрасте от младшемолочного до околопрестарелого едва ли в обморок прямо на мостовую не укладывались.

Такая реакция ведунье была понятна. Обычные жители аристократов не то чтобы недолюбливали, но относились настороженно. Гвардейцев же причисляли к особой категории. Они априори были не столько лордами, сколько героями империи, красавцами, бретерами[2], дамскими угодниками и всеобщими любимцами. Эдакое олицетворение будущего государства. Хотя, если учесть их славу бретеров и ловеласов, то будущие это было печально.

Шай в этом всеобщем обожании просто купался. Дан его, кажется, и вовсе не замечал. А девушке было неуютно. Не проходило ощущение, что она у позорного столба на площади Правосудия стояла. Может, виной тому были злые и откровенно завистливые взгляды практически всех особей женского пола, какие были на улице?

***

Встретила их сама мистрис Шор, как всегда невозмутимая, напоминающая затянутую в корсет мумию. С лордами она поздоровалась вежливо, но холодно. А ведунье, вместо приветствия, выдала:

— Я понятия не имею, мистрис Арха, что за фантазия пришла вам в голову. Я, конечно, оформлю вам поручительство и буду курировать вашу практику. Но сомневаюсь, что вы сделаете успешную карьеру лекаря. Впрочем, вы всегда мне казались девушкой с излишними фантазиями. А потеря одного крыла моей больницы не великая плата за то, что мне не придется более заботиться о всяком сброде.

Арха даже не нашлась, что ей ответить. Потому что, собственно, не слишком понимала, о чем ее бывшая хозяйка говорит. Поэтому ведунья обернулась, вопросительно глядя на Дана. Демон поморщился, словно его что-то кольнуло. И, извинившись перед мистрис Шор, которая еще плотнее сжала губы, выражая свое неудовольствие, отвел лекарку в сторону.

— Простите, мистрис Арха, это моя вина. Я забыл вас предупредить, — нависнув над ней черной башней, заговорил он.

Если судить по его тону, то вина в произошедшем лежала целиком на Архе. Даром что это он предупредить забыл. «И вот за что его любить, спрашивается? Абсолютно не за что...» — невесело подумалось девушке.

— Для того чтобы поступить в университет, вам нужно поручительство от клиники в том, что вы будете и после получения лицензии исполнять лекарские обязанности. Кроме того, вам нужен куратор по практике.

Ее злость и тоска испарились мгновенно. Ведунья даже к стене прислонилась, потому что колени начали мелко подрагивать. О таких нюансах поступления ей раньше никто не сообщал. Хотя, в общем-то, она и не спрашивала, конечно. Но где бы Арха взяла этого поручителя, если бы не демоны?

— Мистрис Шор любезно согласилась быть куратором. Но только на условие, что практику вы будете проходить в «имперском» крыле. Если вас это не устраивает, то я могу поговорить с ней...

— Нет, меня полностью все устраивает, — поспешно перебила она лорда, для

наглядности замотав головой. — Спасибо вам большое.

Интерес мистрис Шор ей абсолютно понятен. Бесплатными пациентами никто из лекарей заниматься не желал. А хотя бы вид делать, что им помощь оказывается, необходимо. Так что, как бы она губы не поджимала, ей это выгодно. Да и самой лекарке тоже. Все-таки, с «имперскими» больными она всяко практики получала больше, чем обихаживая богатых дамочек.

— Не за что, — надменно ответил демон, демонстрируя свое «лордство», — я просто отдаю вам долг.

Ведуны их речи о неведомых долгах начинали надоедать. Да и внезапная смена поведения рогатого не нравилась. Поэтому, она просто молча кивнула.

— Я верю, мистрис Шор, что мистрис Арха с задачей справится, — повысив голос, изрек Дан.

Сказал он это с непередаваемым апломбом урожденного Истинного. Арха изумленно глянула на него. Нет, он никогда своим в доску парнем ей не казался, а сегодня особенно. Но такого высокомерия ведунья от него не ожидала. Мистрис Шор аж поперхнулась, бедная.

— Н-да, конечно. Нисколько не сомневаюсь. Вы хотели бы осмотреть помещение?

— Помещение? — приподнял бровь лорд Харрат. — Оно одно? Вроде бы речь шла о крыле?

— Там и есть крыло, — лекарка решила помочь бывшей хозяйке и нынешней кураторше. — Просто оно не разделено перегородками.

Это было не совсем так, но, в общем... Первый этаж занимали хозяйственные службы больницы: кухня, прачечная, склады, туалеты и практически всегда пустующая и, кстати, пустая, если не считать стола, операционная для бедных. Проходя мимо кухни, оба лорда поморщились. Даже вечно каменная физиономия рогатого перекосилась.

— Здесь что, конский навоз варят? — поинтересовался Шай, доставая из-за обшлага платок.

— Здесь готовят еду для пациентов левого крыла и персонала, — невозмутимо пояснила мистрис Шор. — Еще мы, как и большинство клиник столицы, зимой подкармливаем нищих. Для платных пациентов блюда заказываются в ресторане, а на кухне их только подогревают.

На втором этаже, сразу за лестницей, была крохотная комнатка для дежурного персонала и окно с «аистом». А вот за ними и располагалась, как бы это потактичнее назвать... Ну, пусть будет бесплатная клиника. Зал был тоже абсолютно пустой, с каменными, ничем не отделанными стенами и потолком. В одном углу грудой валялись тюфяки, набитые прелой, а то и гнилой соломой. Просто ее меняли только тогда, когда она уже превращалась в жижу. Ведь из пациентов чего только порой не течет.

Такие же тюфяки лежали на голом полу — по числу больных, которые присутствовали сейчас. Рядом с ними стояли плошки, наполненные жиром с плавающими фитилями — вроде как светильники. Ну и по глиняному кувшину с водой. В другом углу, ничем не прикрытое, благоухало «поганое» ведро. Собственно, этим обстановка «имперского» крыла ограничивалась.

Конечно, самое сильное впечатление на неподготовленного посетителя производил запах, впитавшийся в камень. Но описать его невозможно. Это чувствовать надо.

Навстречу вошедшим с табуретки поднялась сменщица Архи. Ведунья потрепала ее по руке, здороваясь. Аяла промычала что-то нечленораздельное, но дружелюбное. И уставилась

на лордов, оттопырив нижнюю губу, с которой свешивалась ниточка слюны.

— Я думал, ты преувеличиваешь, — прошипел Шай.

Лекарка развела руками, мол, любуйтесь. И искоса глянула на рогатого. Тот осматривался с ничего не выражающим лицом, снова изображая статую самому себе. То ли выдержка у него была лучше, чем у блондина. То ли Дану было просто на все откровенно плевать.

— О, Арха! Каких ты себе мальчиков надыбала! Не познакомишь? — радостно приветствовала лекарку старая шлюха, кокетливо постреливая мутными глазками.

— Нет, Лиша, боюсь, но эти господа не про твою честь, — отозвалась ведунья, поглядывая на Шая.

Ифовет, с заметно вытянувшимся лицом, рассматривал грязную повязку, которая закрывала ямину на месте прогнившего носа «очаровашки».

— А жаль! Я еще вполне ничего! — она призывно надула губы, изобразив «уточку».

Блондин брезгливо икнул. Рогатый даже бровью не повел.

— А что это с ней? — придушенным шепотом спросил потрясенный Шай.

— Сифилис обыкновенный, — любезно ответила Арха. — То, о чем я тебя настойчиво предупреждаю. Будешь по-прежнему скакать, садовник, допрыгаешься вот до такого же.

— А от этого можно как-то... ну, защититься? — демон тяжело сглотнул.

— Можно, — кивнула лекарка. — Свежевыжатый сок сельдерея очень помогает.

— Здорово. Я, конечно, не слишком эту траву люблю, но ради такого дела... — просветлел лицом красавчик. — А его надо пить до или после... Ну, ты меня понимаешь...

— Вместо, солнце мое, вместо, — разочаровала злая ведунья демона.

— Мистрис Арха, — рогатый повернулся к девушке, сложив руки за спиной.

Кажется, все увиденное ему не слишком понравилось. Скулы его заострились, а губы были плотно сжаты. Даже брови он слегка нахмурил.

— Я вынужден вас спросить еще раз. Вы действительно согласны с нашим предложением?

«Что, рогатенький, твой расчет по долгам уже тебе самому не кажется слишком щедрым? — съязвил ее здравый смысл. — Добро пожаловать в нашу реальность!».

— Да, лорд Харрат. Я согласна и очень хочу заняться этим. Вы ведь поможете мне найти спонсоров, верно? — ответила Арха, мило улыбаясь.

Но губы «уточкой» складывать не стала.

[1] Имеются в виду лимфатические узлы.

[2] Бретёр(устар. фр.bretteurотфр. brette — шпага) — заядлый дуэлянт, готовый драться по любому, даже самому ничтожному поводу.

Глава одиннадцатая

Глава одиннадцатая

Если не принимать мужиков такими, какие они есть,
то придется посылать их туда, где им место.

(Из наблюдений старой проститутки)

Ведунья сидела на своей постели, обняв руками колени. В комнате было тихо, только

дрова потрескивали. Дом как будто задремал, дожидаясь, пока в него вернуться жильцы. Его лордство с товарищами отбыли на свой бал еще несколько часов назад. Слуги, кажется, тоже ушли на площадь Империи. А лекарка осталась грустить и хандрить. Хотя, вроде бы, ничего не изменилось ни с прошлого, ни с позапрошлого года. Тогда девушка тоже никакие праздники не отмечала. Но почему-то, такая меланхолия на нее не накатывала.

В голову лезли совсем ненужные мысли. Например, о том, что стоило, наверное, попроситься с ними на бал. Интересно же все-таки, как празднуют лорды. Но Арха прекрасно понимала, что она на роль героини, теряющей туфельку только для того чтобы ее Принц заметил, не годилась.

В ведовской сказке маскарад бы точно разоблачили. И не кто-нибудь чужой, а непременно сама Адаша. Или Ирраш. Но в результате все равно не золоторжку, как мечталось, а саму лекарку гнали бы пинками до границы. Обваленную в перьях и смоле.

Нет уж, во Тьму такую романтику.

Архе настолько было жалко себя, никому ненужную, что чужой голос она сначала приняла за собственные мысли. Но потом, все-таки, до нее медленно, но начало доходить, что действительно кто-то зовет. Так тихо-тихо: «Арха...». Причем голос раздавался не откуда-то извне, а звучал у нее же в голове.

Это было похоже на Зов арифедов. По крайней мере, теоретически. Потому что никакому зову лекарка, как и любой носитель темной крови, была неподвластна. Но, все равно, голос, бестелесный и бесполой, продолжал манить. И как будто где-то фоном, вовсе уж почти неуловимо, играла музыка. Плавная, тягучая, но невероятно притягательная.

Ведунья встала, натянула сапожки, прислушиваясь. Больше всего Архе не хотелось, чтобы голос пропал. Страшно не было ни капли. Она как будто подсознательно ждала, что что-то сегодня должно произойти. Что-то необычное, выходящее за рамки повседневности.

Девушка осторожно отодвинула штору на окне, прячась за ее складками. Сада не было. Лекарке показалось, что она заглянула в стеклянный шар со снегом. Аккуратные сугробы сверкали под ярким белым светом Луны, словно на них серебряный бисер просыпали. Огромное, круглое, как сырная головка, ночное светило висело над черными верхушками деревьев магическим фонарем.

Фонарные столбы вдоль выметенных дорожек были увиты гирляндами разноцветных магических светляков. Красные, золотистые, зеленоватые — размером всего-то с ноготь. Но вокруг каждого из них сияла отчетливо видимая аура. Огоньки отражались в блестках снега, рассыпая в темноте яркие, ничуть не тусклее фейерверка, искры.

Где-то далеко, едва слышно, превращаясь в почти неразличимый гул, пиликали скрипки, ухал барабан и тихонечко стонали свирели. Они смешивались, перетекали в радостный гомон толпы, который взрывался отдельными криками. Но музыка никакого отношения к саду не имела. Тишина накрывала сияющие деревья как куполом, пропуская звуки, но делая их неважными, неинтересными.

Демон, стоящий напротив окна, обернулся. Луна лизнула его рога, превращая их в чистое серебро. Широкоплечая фигура, затянутое в белое, четко выделялась на фоне темных деревьев, как будто ее мелом прорисовали на черном заднике. Огоньки фонариков перемигивались с камешками на длиннополом камзоле. Он молчал. А Арха так и вообще губу прикусила, словно боялась даже звук проронить.

Но зачем что-то говорить, когда есть совсем другое волшебство, никакого отношения к магии не имеющее?

«Ты нужна мне!»

Демон чуть наклонил голову, глядя хмуро, исподлобья. Не просил — требовал.

«Нет, не нужна...»

Арха покачала головой, стиснув штору вмиг похолодевшими пальцами.

«Хорошо! Я нужен тебе!»

«Это не причина...»

«Я хочу, чтобы ты принадлежала мне!»

В его глазах, почти неразличимых в темноте, вспыхнули две раздраженные, красные искры.

«Не то...»

«Я хочу, чтобы ты была со мной!»

«Не то...»

Ведунья судорожно сглотнула и посмотрела вверх, смаргивая подпирающие к самым глазам слезы. Ничего не получится. Ничего из этого не получится! Не на что наедятся. Да и незачем.

Она приказала пальцам разжаться, отпустить штору, позволив ей снова закрыть окно.

«Я хочу, чтобы ты была рядом, — демон тоже не смотрел на нее. Уставился куда-то себе под ноги, сложив руки на груди, будто отгораживаясь. — Я не знаю как. Тьма, я даже не знаю зачем! И...»

«И это будет больно. Потому что недолго».

«Да, — он поднял голову, теперь глядя прямо на Арху. — Да, ты права. Я слишком привык...»

«К игрушкам?»

«Да. К игрушкам».

Он шевельнулся, как будто собираясь отвернуться. И уйти — навсегда. Такие, как он, не возвращались. Они даже не оборачивались.

«Я хочу быть рядом, — Арха положила ладонь на окно. — Я хочу быть с тобой. Хочу принадлежать тебе. Ты мне нужен».

Дан не вздрогнул, не улыбнулся, его взгляд не потеплел — ничего подобного. Он просто шагнул вперед, касаясь окна — ладонь к ладони, палец к пальцу. Стекло их разъединяло всего миг, а потом его просто не стало.

Хаш-эд держал ладошку девушки в своей, будто ведя ее за собой. И это казалось единственно правильным, только так и должно быть. Везде, во всех временах и во всех мирах: он протягивает руку раскрытой ладонью вверх, а она, доверяя, следует за ним.

Арха перестала воспринимать реальность. Она не видела ничего кроме его глаз, в которых отражались огоньки фонариков. Нет, видела: ровные дуги темных густых бровей, едва заметную родинку на скуле, тонкую прядь волос, зацепившуюся за жесткую вышивку на воротнике.

А Дан смотрел на нее. Девушка не могла понять, ни о чем он думает, ни что чувствует. Лорд ей казался идиолом, статуей, вылепленной из серебристого света. Но почему-то и это казалось единственно правильным, уместным. Как будто именно это время и это место они и должны занимать во Вселенной. И его руки, большие, теплые — одна на талии Архи, а другая сжимала ее пальцы — тоже были там, где должны были быть.

Темные, как сама Тьма, с почти неразличимым красным отблеском, глаза демона становились все больше. Он все ниже наклонялся над Архой. Захоти она, то, наверное, не

смогла бы и пальцем шевельнуть. Только вот ничего подобного девушка не хотела. И когда его пахнувшие мятой губы коснулись ее, она полностью доверилась ему. Наверное, это и означает «отдалась». В самом истинном смысле этого слова. Просто, ведунья больше себе не принадлежала.

Когда он снова позволил девушке дышать, голова у нее кружилась так, что Арха бы, наверное, упала. Не держи ее самые надежные руки на свете. Сказать, что она была счастлива — не сказать ничего. Ведунья просто таяла, вплавляясь в ночь, в свет, в снег. В него. А над их головами в черном небе вспыхивали, расцветали фонтаны фейерверка. Наверное, это было красиво. Но лекарка видела только разноцветные отблески на его волосах.

Дан отпустил руку Арху, отошел буквально на полшага. Но мир вдруг сдвинулся, косо, неправильно. Вся уместность куда-то пропала. Стало холодно и, почему-то, темно. Хотя и фонарики светили по-прежнему, и Луна никуда не делась. И взрывы фейерверка распускались на черном небе.

— Подожди минуту, — попросил он и прикрыл веки.

Демон опустил напряженную, развернутую к земле ладонь вниз. Бледное лицо напряглось, он мучительно поморщился, как будто ему было больно. На лбу вздулась напряженная вена. Желваки под скулами ходили, словно он перекачивал камешки. Арха шагнула вперед, но он остановил ее, отгораживаясь свободной рукой.

Тоненькая ниточка снега вдруг закрутилась крохотным ураганчиком, хотя никакого ветра не было. Поднялась, как будто потекла по воздуху в его ладонь. Он поймал, потянул, перелил ее во вторую руку, что-то чуть слышно нашептывая, накрыл пальцами. Его лицо блестело от пота, брови были нахмурены.

Создание — это очень мучительно. Это даже не магия. На подобное способны только Истинные — перворожденные дети Тьмы. Лишь они могут воплощать ничто в нечто материальное. И, конечно, для этого нужна жертва. Тьма ничего не дает просто так. Чем он жертвовал? Арха не знала. И боялась его остановить.

Наконец, Дан расслабился, вздохнул освобожденно, открыл глаза. И застегнул что-то на ее шее. Она хотела рассмотреть подарок, но лорд не дал, приподняв ее подбородок, снова заставляя видеть только его глаза.

— Я могу предложить лишь это, котенок. Это будет ярко, но очень недолго. Не думаю, что такое тебе нужно. Реша сама, пожалуйста.

Он наклонился, целуя легко, едва касаясь мягкими губами...

И Арха резко села на своей постели, едва не взыв от разочарования.

— Мать, ну за что?! — проскулила она, прижимая ладони к горящему лицу. — Почему такое бывает только во сне, а? Так нечестно...

Она просто поверить не могла, что ей все приснилось. Ведунья с силой сжала пальцами переносицу, прогоняя дикое желание побиться головой об стену. Растерла шею... и пальцы наткнулись на что-то, чего там быть не должно. Ведунья, не глядя, нащупала тонкий замочек, подставила ладонь.

На ней, чуть поблескивая в тусклом свете ночника, лежала тоненькая цепочка белого металла. Звенья, как искорки, поблескивали крохотными, прозрачными камешками. Украшение было таким легким, а его плетение настолько невесомым, что ведунье казалось, будто она держит на руке ледяной узор.

— Дан, — прошептала Арха в никуда, в пустоту.

Она не звала. Ей просто нестерпимо захотелось услышать его имя.

— Данащ[1]...

Но ответ пришел, хотя ведунья его не ждала. «Спи, маленькая, все потом...» — шепнула ей темнота за окном.

Арха застегнула цепочку на шее и улеглась, обнимая подушку. Глаза закрылись сами собой, а улыбаться она не перестала и во сне.

***

Новый год для ведуньи начался с мести. К сожалению, не ее, а ей. Все-таки, ощущение, когда с тебя пытаются содрать одеяло, при этом что-то вопя в самое ухо, являются крайне неприятным. Почему-то сразу приходит понимание, что убийство — это совсем просто. Ради того, чтобы тебя еще на пару часов оставили в покое, прикончить можно кого угодно.

Арха брыкнула ногой, кто-то коротко вякнул, и ее одеяло оставили в покое. С чувством выполненного долга лекарка завернулась в трофей, но наступившая тишина не давала уснуть снова. Слишком быстро ее противник сдался.

Ведунья села на кровати, пытаясь разодрать путаницу упавших на лицо волос. И увидела Адина, скорчившегося на полу. Кажется, он даже не дышал.

— Ад... Адин! А, Тьма! — Арха слетела с постели, словно ей пинка под зад дали, и плюхнулась на колени рядом с демоном, пытаясь нащупать пульс.

— Доброе утро, Арха. Не надо меня убивать. Ты уже встала и готова к свершениям, правда ведь?

Лазоревые глазки претворявшегося мерзавца смотрели на девушку с умильностью щенка, только что написавшего в хозяйские тапочки.

— Тьма тебя побереи, Адин! Я же испугалась!

Чего лекарке стоило сдержаться, что бы ни пнуть его, теперь уже по-настоящему, знала только она сама. А еще больше ей хотелось взять его за патлы и хорошенечко постучать лбом об пол.

— Разве можно на меня сердиться? Я же ми-иный, — он сел на пол, скрестив ноги, и виновато посмотрел на нее, хлопая ресничками.

Взгляд был хорош, морда умильная, а вот в его раскаянье Арха не поверила ни на грамм.

— Мне никто не хорош. Особенно те, кто меня не вовремя будят, а потом еще и пугают до полусмерти. Тебе чего надо? — огрызнулась ведунья.

— Собирайся! — велел демон, выуживая из кармана леденец и забрасывая конфету в рот. Его левая щека оттопырилась как у хомяка. — Будем исполнять ежегодную традицию. Парни уехали еще затемно. А нам было велено быть к обеду.

— Куда собираться? — Арха замерла, опираясь одним коленом о кровать.

Единственное, что она действительно собиралась сделать — это залезть обратно в постель.

— Традиция! — Адин сделал страшные глаза. — Короче, у тебя два варианта. Или ты остаешься на целый день наедине с Адашей или едешь с нами. Выбирай.

Арха тяжело вздохнула, бросила прощальный взгляд на теплую постель и поплелась умываться.

К красноглазым лошадям ведунья, кажется, начала привыкать. Тем более что коняга Адина была не такая страшная, как те, что она раньше видела. Она — или, все-таки, он? — была гораздо ниже жеребца Дана и значительно изящнее. Не такая непропорционально большая голова, тонкие ноги. А гривой, спускавшейся до колен, или как там это место

называется у лошадей, девушка просто залюбовалась.

Да и животинка отнеслась к ней по-доброму, потянулась мордой и Арха, естественно, шарахнулась. Но зверюга только шумно втянула воздух у макушки ведуньи и осторожно подула ей в лицо.

— Леди ты понравилась, — не без удивления констатировал демон, подсаживая девушку на спину коняге, — вообще-то, она женщин недолюбливает.

— Это может значить только одно из двух. Либо я не женщина, либо ты выбираешь не тех женщин, — тоном завязтого философа ответила Арха.

— Хороший вопрос, — усмехнулся Адин.

У ведуньи хватило совести смутиться и даже уши виновато поджать. Как-то у нее из головы вылетело, что ивтор, вообще-то, не великий специалист по женщинам.

Уехали они не далеко — до станции перехода, которая по праздничному времени была пуста. Даже само здание вокзала стояло запертым. О чем свидетельствовал не только огромный амбарный замок, но и объявление, где аршинными буквами было написано, что регулярное сообщение будет восстановлено только через два дня.

Но демона этот факт не волновал. Он даже спешиваться не стал, а просто объехал пустующие пандусы, напоминающие стойла для лошадей, и забарабанил кулаком в дверь сторожки. Вот тут Арха занервничала. Потому что на двери красовался не без изящества нарисованный череп со скрещенными под ним костями и надпись «Не долбись — убью».

— Хаму там жить надоело? — злобно поинтересовались из глубин домика.

— Вип-переход, — кратко сообщил Адин.

Из-за двери, которая и не собиралась открываться, демону подробно и в красках пояснили, что он должен сделать со своим випом, переходом и самим собой.

— Пять золотых, — намекнул красавчик.

Ведунья едва не подавилась. За дверью задумались. Крепко задумались. Девушке уж было показалось, что намек либо не впечатлил, либо его просто всерьез не приняли. Но через пару минут им, все же, сообщили, чтобы они топали к пятому пандусу. Причем сообщили таким тоном, словно делали величайшее одолжение.

Ждать пришлось долго. У Архи даже лицо начало подмерзать. Наконец, из сторожки вылезло существо, больше всего похожее на скрюченный радикулитом пенёк. Детально разглядеть его лицо помешала кошмарная меховая шапка, напоминающая стог сена. Из-под нее наружу торчал только синюшный нос, свидетельствующий о застарелом пристрастии хозяина к крепким алкогольным напиткам. Поверх овчинного тулупа на этом чуде красовалась изрядно потрепанная мантия дорожного мага.

Первым делом существо требовательно протянуло в их сторону красную, словно вареную, заскорузлую лапу. В которую Адин опустил одну за другой пять золотых империалов. Маг попробовал монету на зуб и поинтересовался, куда господа желают провалиться. Оказывается, ехали они в Шайтарские горы. Ведунье название не говорило ни о чем.

Потом лекарка долго слушала препирательства демона и переносчика о точке выхода. Они сыпали абсолютно неизвестными ей ориентирами и названиями. Но, в конце концов, спорщики, видимо, на чем-то сошлись. Маг крикнул, присел, словно собрался сделать нечто не подразумевающие наличие зрителей, и широко развел руками.

Прямо перед мордой лошади, на другом конце пандуса, появилась световая линза, переливающаяся всеми оттенками синего, словно внутри ее граней волны ходили. Арха

невольно ахнула. Переходами она никогда не пользовалась, поэтому было немного страшно. Но, с другой стороны, у девушки опять появилось давешнее ощущение, что должно случиться что-то необычное. Кажется, общение с монстрами ей на пользу не шло. Избыточного авантюризма ведунья раньше в себе не замечала.

***

Арха в очередной раз убедилась, что фраза: «Чем меньше мы понимаем смысл традиции, тем больше ей следуем» — абсолютно верна. Она не помнила, кто это сказал и по какому поводу, но новогодний обычай императорских гвардейцев утверждению полностью соответствовала.

Каждый первый день нового года все офицеры личной гвардии императора отправлялись на охоту. И удачей считалось, если удавалось убить оленя. Ведунья была не в курсе, как Его Величество обходился без своей охраны, но факт оставался фактом — обычай соблюдался свято. К несказанному счастью лекарки, не все традиционалисты разом ломились в одно место. Например, там, куда они ехали, собиралась совсем небольшая компания. «Рыл в пятнадцать» как ей пояснил нежный Адин.

Сама охота проводилась с утра и к тому времени, когда они должны были прибыть, добытки уже волочили туши невинно убиенных к лагерю, в котором предполагалось устроить совместное поедание жертвы. Это лекарку тоже порадовало. Нет, мясо она любила. А вот спокойно смотреть, как убивают животных, не могла. И лицемерием это не считала.

Всю эту информацию демон выложил, пока они петляли на узкой горной тропинке, по которой, казалось, и коза не пройдет. И в этот момент Архе было не до окружающих красот. Она вообще старалась по сторонам особо не смотреть. Потому что и выгрузились-то они на площадке, размером со скатерть. А за ее краем зияла нехилая пропасть.

Но, проехав по узкой расселине в скале, наездники очутились в горной лощине. Обычно ведунью сложно было удивить пейзажем. А последнее время она вообще стала считать себя глубоко городским существом. Но от вида, открывшегося впереди, дух перехватило.

Скалы под ними спускались вниз уступами, как огромная лестница. Чуть в стороне хрустальными гранями искрился замёрзший водопад. А внизу, на дне чаши долины, словно кто-то бросил темно-зеленый мех. Лекарка не сразу и поняла, что это деревья. Только они были довольно далеко, поэтому хвоя и сливалась в одно покрывало. И над всей этой красотой перевернутой чашей висело небо, которое голубизной запросто поспорило бы с глазками Шая.

Они проехали по верхней ступени «лестницы», обогнув выступ скалы, и оказались рядом с ледяными каскадами водопада. Под замершими колоннами была пещера совсем не маленьких размеров. На площадке перед ней кто-то уже разложил два костра, ни дым, ни огонь от которых были почти невидимы в прозрачном воздухе. Рядом с одним из них Ирраш, засучив рукава тонкой рубашки выше локтей, деловито разделявал тушу оленя. Заметив прибывших, он только кивнул в качестве приветствия, не отрываясь от своего увлекательного занятия.

Незнакомый Архе гвардеец, колдующий у другого костра, что-то крикнул в зев пещеры. Тхия, появившийся из темноты, галантно помог ведунье спешиться. Если бы не он, то лекарка просто повалилась кулем на земле, потому что успела знатно промерзнуть. А Шай, выскочивший вслед за арифедом, стащил седельные мешки, которые всю дорогу подозрительно побулькивали.

В пещере народу хватало. В первое мгновение ведунья даже растерялась от обилия

мужчин. Ей показалось, что их тут далеко не пятнадцать, а как минимум втрое больше. Кроме того, лекарку несколько нервировало полное отсутствие женщин — она тут была единственной.

— Ба, кого я вижу! Это же сама мистрис Арха! — богатырский рев отразился от сводов пещеры и вернулся поистине оглушающим эхом. — Вы-то тут чего забыли, а?

Естественно, все присутствующие немедленно обернулись к девушке. Даже демон, тихонько перебирающий струны гитары, прикрыл их ладонью, словно они могли помешать. Проглотив острое желание немедленно придавить Адина, ведунья мило улыбнулась, протягивая руку.

— Добрый день, Скалс. Рада тебя видеть.

Изящный гвардеец, которому его громовой голос категорически не подходил, вместо того, чтобы пожать лекарке руку, поднес ее к своим губам, целуя пальцы. При этом он пытался загипнотизировать девушку зелеными, как молодые листочки, глазами. Ладонь Арха у него забирать не спешила, вежливо поинтересовавшись:

— Как здоровье, живот не болит?

Он оглушительно расхохотался, еще раз поцеловал ведунью ручку, и жестом предложил присаживаться на скамьи, тянущиеся вдоль стен. Лекарка так и не поняла, специально ли их вырубили в скале или это они возникли по прихоти природы, но сиденья оказались вполне удобными, благодаря брошенным на них меховым шкурам. Кстати, в пещере было совсем не холодно. И сев, она даже рискнула снять плащ. А пока ведунья усаживалась, демон вещал. Арха еще с их первой встречи подозревала, что в нем пропал уличный актер.

— ... и вот, представьте, господа, мне вечером на свидание надо, а я и шагу сделать не могу! Распухло все так, размером с арбуз, не меньше. Я-то понимаю, что сам дурак, лекарство не пил! Но неужели же в этом признаюсь? Я, значит, отправляюсь к мистрис Архе, и давай ей угрожать. Мол, если ты меня сейчас не вылечишь, то... В общем, поведением своим я не горжусь. А она так спокойно протягивает мне какие-то порошки и говорит: «Выпей вот это — и все пройдет». Выпил, я значит. И, действительно, как рукой сняло. Я, на радостях, к даме. А там...

— Ну, и что — там? — прервал кто-то нетерпеливый затянувшуюся паузу.

— А ничего, — обрадовал его демон. — Только я к даме, как у меня этот... зов природы. И, вместо постели, я, значит, на горшок. И так один раз, два, три... Что за притча? Никогда со мной такого конфуза не бывало. Я, значит, опять к мистрис Архе. Уж без всяких угроз, конечно. Лишь бы помогла! А она мне и говорит: «Еще раз на меня посмеешь таякать — вообще без хозяйства останешься».

Ну, это он преувеличивал, конечно. Арха обычно выражалась гораздо вежливее и старалась клиентам не хамить. Потому что клиент всегда прав. По крайней мере, он обязан так думать. Иначе не заплатит.

— И в три раза мне цену задрала, представляете?

Гвардейцы, видимо, представляли. Потому что в пещере раздался такой хохот, что ведунья испугалась, как бы потолок не рухнул.

— А ты?

— А что я? Побегал по другим лекарям, только никто ничего понять не может. Говорят, здоров, как бык. Пришлось мне с поклонами и золотом к мистрис Архе возвращаться. Вот это я понимаю, женщина! Так на место поставила, что мне потом долго... икалось.

— Вообще-то, я надеялась, что вам больше не будет хамиться, — мило улыбнулась Арха.

Почему- то ее замечание снова вызвало гомерический хохот. А Скалс опять схватил ее руку, запечатлев на ней горячий поцелуй. Но, по крайней мере, на девушку тут больше не смотрели, как на неведомую зверушку.

***

Арха не раз слышала, что жаренная дичь — это вкусно. Но оленина оказалась такой жесткой, что после первого же укуса ведунья чуть не попрощалась со своими зубами. Да еще в качестве приправы гвардейцы использовали драконий перец, который смертным вообще употреблять не рекомендуется. Напомнив себе, что пару суток ничего молочного есть не стоит, лекарка отказалась от идеи отведать дичи. К счастью, демоны захватили с собой столько еды, что ей голодной остаться не грозило.

При этом за неимением, видимо, других объектов, они решили поразить девушку своей галантностью. Не поголовно, конечно, но многие. Один воды принес, потому что вино пить Арха наотрез отказалась. Другой фруктами угостил, а Скалс вообще взял на себя обязательства наседки, поминутно интересуясь: не замерзла ли она, не беспокоит ли сквозняк и чего бы ей хотелось еще отведать. Хотя, конечно, неприязненные, а то и откровенно брезгливые взгляды лекарка тоже ловила. Но просто внимания на них не обращала.

В пещере было уютно и тепло. Иногда порыв ветра заносил внутрь запах дыма и жарящегося мяса от костров. На полу перетекали, как блики воды, солнечные лучи, пробивающиеся через лед водопада. Гвардейцы были милы, хоть и излишне громогласны и склонны к шуткам, объекты которых все больше находились ниже пояса. В общем, Арха совсем недурно проводила время.

— Вам не скучно, мистрис?

Ведунья повернулась к хаш-эду, занявшему место куда-то подевавшегося Скалса.

В руках демона была гитара. Это именно он играл, когда они с Адином только вошли в пещеру. Лекарка его запомнила, потому что здесь он был единственным рогатым. К ее великому сожалению, единственным.

— А почему мне должно быть скучно?

— Может, потому что наши грубые шутки не предназначены для нежных человеческих ушек? — спросил он у гитарных струн, которые по очереди задевал большим пальцем.

Кстати, ногти на его руках больше напоминали когти. Обычно демоны их коротко стригут. У этого же они были длинные, загибающиеся над подушечками пальцев, заостренные и покрыты ярко-алым лаком. Архе, почему-то, стало противно, словно она слизняка увидела. Хотя, наверное, дело было не в ногтях, а в его словах.

— Я не знаю, насколько человеческие уши нежны. Но, видимо, во мне хватает шаверской крови, чтобы выдерживать ваши шутки, — ведунья попыталась улыбнуться, сама понимая, что улыбка получилась натянутой.

— Дорогая Арха, как бы ты не подчеркивала свое происхождение, ты все равно останешься грязнокровкой. И демоном тебе не стать, — проворковал он почти нежно, по-прежнему не поднимая головы.

— Никогда не мечтала быть демоном, — заверила его девушка, которой стало не до улыбок. — И, может, вы скажите прямо, что вам от меня нужно?

— А что мне может быть нужно от шлюхи? Давай, назови свою цену. Или ты только вот такими цепочками берешь? — он даже головы не повернул, но каким-то неуловимым

движением его коготь подцепил украшение на ее шее, вытягивая его из ворота платья. — Цацки подешевле тебя не устраивают?

— Нет, не устраивают, — Арха отобрала у него цепочку.

И замешкалась, соображая, как поступить. Ну, не засовывать же прямо при всех ее обратно за пазуху? Демон, видимо, метания ведуньи прекрасно понял, потому что усмехнулся кривовато и, по мнению девушки, весьма мерзко.

— А ты подумай. Я, вообще-то, не скупой. Могу и сверху заплатить. Видимо, ты редкая штучка, раз Дан так расщедрился.

— Вряд ли я вам чем-то могу помочь. Извращенцы меня не интересуют.

— С чего ты взяла, что я извращенец? — приподнял он бровь, пощипывая струны.

— А разве нормальный демон заинтересуется мерзкой полукровкой? — Арха едва сдерживалась, чтобы не сорваться на крик или не дать ему по морде.

Она и сама не знала, почему его слова так задели. Слышать нечто подобное для нее было не в первой.

— А, теперь понятно. Тебя так просто не заставишь ножки раздвинуть, да? Тебе подавай романтики, жертвенности и поцелуев при Луне? Ничего, киска, это пройдет. Я, пожалуй, подожду, пока Дан тобой наиграется. Он большой знаток в дрессуре диких зверушек. Тогда ты будешь реальнее смотреть на собственную стоимость. Поверь, не ты первая — не ты последняя.

— Прошу прощения, мессир, но вы глубоко заблуждаетесь. Ни лорд Харрад, ни кто другой в данный момент меня не дрессирует. И вряд ли дрессировщик найдется хоть когда-нибудь. Так что вам слишком долго ждать придется.

— Интересно, это ты сейчас кого обмануть пытаешься? Думаешь, я такие цепочки первый раз вижу и не знаю, зачем они нужны? Впрочем, это не моя головная боль...

Самое противное, что он на Арху так ни разу и не посмотрел, что-то наигрывая на своей гитаре. Сцепив зубы, чтобы не ляпнуть ничего лишнего, ведунья встала и пошла куда-то вглубь пещеры. Ей было все равно, куда идти. Лишь бы подальше отсюда. Девушку кто-то окликнул, но она только отмахнулась.

Из каменной залы в полумрак вел коридор, который практически сразу начал ветвиться боковыми ходами. Арха шла, не думая ни о чем, выбирая ответвления, в которых было потемнее. Но видимо в потолке пещеры имелись щели, через которые пробивался солнечный свет. Поэтому желанной мрака она никак не могла найти. Ей хотелось спрятаться, как ребенку, натягивающему на голову одеяло.

— Арха, да стой же ты! — ее схватили за руку, разворачивая с такой силой, что ведунья ткнулась носом в чью-то грудь.

Пришлось ей отступить на шаг. Только для того, чтобы увидеть лицо, при виде которого сердце сжалось в грецкий орех.

— Куда ты собралась? Я тебя еле догнал...

«Значит, он все-таки был здесь. И просто смотрел...» — многозначительно протянул ее голос разума.

— Зачем? — ведунья сипела, словно неожиданно простыла.

Она попробовала откашляться, но это не слишком помогло.

— Что зачем? — не понял рогатый.

— Догоняли зачем? Очередной элемент дрессуры? Знаете, лорд... — она почему-то опять никак не могла вспомнить чего он там лорд. — Не надо меня дрессировать. Я для

этого, наверное, не очень подхожу.

Арха сняла цепочку через голову, даже не расстёгивая. Хотела бросить ее на пол, но не смогла. Взяла его руку, вложила украшение в ладонь и сжала пальцы.

— Приберегите это для той, кто такое оценит. А я... Я дура, наверное. Но это все не для меня. Я еще не в том состоянии, чтобы стать подстилкой для лордов. Может, когда-нибудь и дойду. Но не сейчас.

— Арха, ты о чем вообще? Кто тебе что наговорил?

Она только головой покачала.

— И вы мне ничего не должны больше.

Девушка развернулась и пошла дальше. Естественно, он ее опять схватил за руку. Каким-то чудом ведунья вывернулась и помчалась по коридору. Не добегая до развилки, она боком, едва протиснувшись, юркнула в каменную щель. Обдирая ладони, сдвинулась дальше. На миг лекарке показалось, что она застряла. Накатила удушливая, тошнотворная паника. Но ведунья резко выдохнула и вывалилась в какой-то зальчик.

Хотела идти вперед, но ноги не слушались, подгибались сами собой. Поэтому она просто села у стены, прижав к груди колени и уткнувшись в них лицом. Слушая, как где-то беснуется демон, выкрикивая ее имя. Ей мерещилось, что он далеко-далеко, хотя их разделяла всего лишь каменная стена. Арха не плакала, хотя было больно так, что казалось, будто у нее сейчас грудь взорвется. Но слезы подевались куда-то. Кончились, наверное.

***

— Мистрис Арха, вы в порядке?

Лекарка подняла голову, едва различая в сгущающейся темноте черты лица Тхия. И только сейчас заметила, что в каменном коридоре полумрак стал гораздо плотнее. Наверное, в этом тупичке она просидела не один час.

— В порядке...

Она соврала, конечно. Но что в таких случаях надо говорить? Я не в порядке? Прикончи меня из милосердия?

— Пойдемте, не стоит вам тут сидеть, — он потянул ведунью за руку. — Вы вон ледяная вся. Мы вас обыскали уже.

— Тхия, а ты можешь отвести меня домой? Только так, чтобы никто не видел? — кажется, он что-то собирался возразить, но посмотрел на девушку и кивнул. — Только ко мне домой, ладно? Пожалуйста, я тебя очень прошу.

— Хорошо, как скажете, мистрис Арха. Пойдемте.

Она встала, придерживаясь за стену. Тело никак не жалело занимать вертикальное положение. Голова слегка кружилась, а во рту воцарилась настоящая пустыня. Пить хотелось невероятно. Но еще больше хотелось оказаться, наконец-то, дома. Демон поглядывал на лекарку как-то странно и руки держал так, словно был готов подхватить в любой момент. Но молчал. За что она ему была несказанно благодарна.

Дорогу Арха почти не помнила. Ей казалось, что они продираются сквозь туман. На какое-то время ее демон-спаситель пропал. Но почему-то потом девушка очутилась на его лошади. Мелкий гравий и щебень с тихим шорохом сыпался из-под копыт. Она еще подумала, что уже темно, и у них есть все шансы свалиться в пропасть. Но мысль исчезла почти в то же мгновение, что и пришла.

Они ехали по улицам города — это совершенно точно, потому что Арха слышала гул празднующей толпы. Но она бы даже не рискнула предположить, какими улицами они

проезжали.

Более или менее ведунья пришла в себя у знакомой двери. Растерянно пошарила по карманам, но ключа, понятно, не нашла. Хорошо, что она всегда хранила запасной за притолокой. Только вот сегодня лекарка никак дотянуться до нее не могла. Кто-то поднял руку из-за ее головы, достал ключ, подавая девушке. Она ни сразу сообразила, что это Тхия, о котором девушка начисто забыла.

Арха открыла дверь и застыла на пороге. То, что творилось в ее квартире, в голове просто не помещалось. Ну, не мог мозг воспринять увиденное. Разломано было все, даже мебель. Кровать высилась неубедительной горкой щепы, как будто ее остервенело рубили топором. Одежда, какие-то осколки, обрывки, невесть откуда взявшиеся бумаги ровным слоем устлали пол. И картинка с букетом сирени, в качестве гонорара подаренной уличным художником, была не только сорвана со стены, но и разодрана на части.

Не слишком понимая, что она делает и где вообще находится, Арха вошла внутрь. Мусор недовольно похрустывал под подошвами ее сапог. Зачем-то ведунья зажгла лампу, заглянула в туалет, свернула за кухонную перегородку. Здесь, кроме обломков мебели, пол устлали травы, разбитые баночки и бутылочки, порошки. И как апофеозом ее кончившейся жизни, в углу, на боку, валялась коробочка с высыпавшимися, погнутыми хирургическими инструментами.

Ведунья, закрыв глаза, тихо сползла спиной по стене.

— Мистрис Арха, вам плохо? — услышала она гулкий, как из колодца, голос.

— Нет, мне хорошо. Мне очень хорошо, — лекарка засмеялась, точнее заржала, понимая, что, кажется, делает что-то не то, но не в силах остановиться.

Она так и хохотала, всхлипывая между приступами: «Лекарства... Инструменты... Деньги... Записи...».

— Это еще что? — раздался еще один голос, тоже далекий, гулкий, но уже другой.

Почему-то не слишком для Архи приятный. Она с трудом разогнулась, чтобы посмотреть, кто это там такой жутко недовольный. И прямо перед собой увидела шавера, присевшего на корточки и разглядывающего ее своими желтыми глазищами.

— О, монстр приперся! — просипела ведунья и ее опять скрутил абсолютно безумный хохот.

Жесткая пощечина откинула голову девушки назад так, что она довольно болезненно приложилась затылком о стену. В ушах поселилась толпа возмущенно пищащих комаров, зато в голове прояснилось. И желание ржать исчезло.

— Еще? — любезно поинтересовался Ирраш.

— Не-на-до, — выдавила Арха, — мне бы водички.

— На голову?

— В стак-канчик.

Кажется, где-то что-то обрушилось, погребя под завалами весь мир. Что-то зазвенело, снова грохнуло. И в руки ей сунули нечто похожее на кружку, металлическую и фантастически влажную. Арха пила самую вкусную воду в своей жизни и никак напиться не могла.

Когда она попросила воды в третий раз, ведунье сообщили, что с нее хватит. Иначе она тут все заблюет. Арха обиделась, но не слишком. Девушка сидела, откинувшись к стене и прислушиваясь к тому, как зудит онемевшая от ушиба щека.

— Ты как нас нашел? — спросил Тхия почему-то очень виноватым тоном.

— А что тебя искать? Лошади нет. Уехал, никого не предупредив. Значит, опять рыцарствуешь. А дама в беде там была только одна.

Ведунья пришла к выводу, что, все-таки, шаверы удивительно грубые и невежливые существа.

— Она очень просила...

— Это ты Дану расскажешь. Эй, дама в беде, ты с нами поедешь или тут предпочтешь остаться?

— Знаешь, шавер, ты настоящий козел, — не открывая глаз, сообщила лекарка.

— От овцы слышу, — не остался в долгу он.

— Урод.

— Ублюдок.

Ведунье показалось, что все это где-то уже было.

Арха с трудом, словно ее парализовало, цепляясь за угол перегородки, встала. И, даже, глаза открыла. Хотя этого ей хотелось меньше всего. Взгляд зацепился за железную миску, которую сжимал обеими руками Тхия. Кажется, кто-то с помощью кулака придал ей форму кружки. Видимо, шаверы были не только грубыми, но и крайне предприимчивыми существами.

— Как же я вас всех ненавижу! — простонала она.

— Взаимно, — сообщил тот самый предприимчивый. — Поехали, а то там Дан уже по потолку бегают.

[1] Суффиксы «-аш» и «-яш» в языке Хашрана придают именам уменьшительно-ласкательное значение. Но имя, оканчивающееся на эти слоги, может быть дано и изначально. Например, Ирраш («хорошенький», «милый») или Адаша/Адаш («дочка/сынок Тьмы», «темненькая/темненький»). В таких случаях именам нельзя придать другую эмоциональную окраску.

Глава двенадцатая

Глава двенадцатая

Никогда не делай ничего правильно с первого раза,
иначе никто потом не оценит, как это было сложно.

(Из «Наставлений юному подмастерью»)

Стоило им очутиться в холле дома лорда, название чьего майората[1] лекарка опять благополучно забыла, как Арху нестерпимо потянуло обратно, в ее пусть и разгромленную, но такую родную квартиру. Все лучше, чем находиться здесь. Потому что не успели они войти, как мимо ведуньи, буквально на палец разминувшись с ее виском, пролетела ваза. Ударилась о стену и с жалобным звоном разлетелась на осколки.

— Сволочь, подонок, мразь! — бешеный вопль ударился в стены, рикошетом отскочил от потолка и затерялся где-то на лестнице. — Да как ты вообще смеешь? Ты что думаешь, что я тебе дешевка какая-нибудь?!

В стену опять что-то врезалось. На этот раз, кажется, деревянное. Но Архе было не до определения типа метательных снарядов бьющейся в истерике демонессы. Гораздо больше ее в данный момент волновал хаш-эд. Точнее, он просто пугал. И не только девушку. Стоило

им заметить фигуру Дана, небрежно прислонившегося к перилам лестницы, как Тхия плавно шагнул назад. И даже Ирраш кашлянул несколько нервно, поспешно раздирая завязки собственного плаща.

В самой фигуре ничего особенного не было. Зато лицо... Даже если бы у него вдруг пропали рога, то ведунья бы на свою жизнь готова была спорить, что он из Истинных. Очень злых Истинных. На месте Адаши лекарка бы не вещами швырялась, а нашла местечко поукромнее. Но у золоторожки, видимо, нервы были куда крепче ведовских.

Увидев вошедших, демонесса завизжала, как кошка, которой прищемили хвост.

— Ты ее опять сюда притащил?! Ты посмел ее опять сюда притащить? — взвыла она. — Чтобы я ее!.. Чтобы ноги ее!..

Кажется, еще немного, и у нее от бешенства изо рта пена бы пошла. Да, к тому же, во время приступов ярости у Адаши начинались явные трудности с формулированием мысли. Все это ни красоты, ни изящества леди не добавляло.

Но уже в следующий момент трудности возникли у Архи. Потому что взбесившаяся золоторожка рванула к лекарке, едва ли не отбросив в сторону попавшегося по дороге шавера, и обеими руками вцепилась ей в волосы, волоча девушку к двери.

Теперь уже взвыла ведунья. Ей показалось, что демонесса с нее живьем скальп сдирает. Слезы сами собой хлынули градом. Арха рефлекторно вцепилась в запястья демонической красотки, просто для того, чтобы было не так больно.

— Ах ты, уродина! — заорала красноглазая.

В ушах ведуньи что-то лопнуло и осыпалось со стеклянным звоном. Наверное, она и дальше бы не сопротивлялась, но Адаша поддала лекарке коленкой под зад. Это было настолько унижительно, что Арха как-то сразу осознала все происходящее. Ведь ее за волосы волокли за порог дома на глазах у Него. Мозги, если их остатки и присутствовали в голове девушки, отключились начисто.

Уже не обращая внимания на волосы, которые ей, кажется, пучками выдирали, Арха боднула золоторожку головой в живот. Со всей доставшейся ей от рождения дури. Демонесса даже охнуть не успела. Она просто согнулась, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. А ведунья уцепилась за ее... Нет, не волосы, а за рога, зачем-то пригибая голову демонессы к ее же коленям, как это делают с баранами.

— Знай свое место, тварь! — зашипела Арха как самая натуральная разъяренная ведьма.

Собственно, на этом все и закончилось. Лекарку просто оторвало от красотки и отнесло куда-то. Сшибив Тхия и на него же падая, девушка понимала, что случилось это невероятно вовремя. Потому что Адашу начало бурно и обильно рвать. Фонтан едва не окатил камзол Дана, который просто отшвырнул ведунью от демонессы.

К сожалению, что там было дальше, лекарка увидеть не смогла. Ирраш, не церемонясь, поднял ее за шиворот, перекинул через плечо и, едва ли не бегом, начал подниматься по лестнице. Может быть, он нес девушку в ее комнату. А, может быть, убивать. Сама бы ведунья поставила на второй вариант.

***

Все-таки убивать ее шавер не стал. Просто сгрузил на кровать, буркнул на прощание: «Идиотка!» — и отбыл. Арха села, обняв руками прижатые к груди колени. Ступор — это самое полное и точное описание ее состояния. Лекарке казалось, что один единственный сегодняшний день длится уже неделю. При этом умудряется становиться все хуже и хуже.

Хотя, с ней так часто бывало. Стоило девушке подумать, что все, жизнь кончена, как

реальность тут же бросалась доказывать ведунье — ничего еще не кончено. И хуже может быть всегда. Ее бабушка любила повторять: «Если хочешь, чтобы небо тебе улыбалось, прекрати поминутно ждать дождя!». Арха же постоянно не то, что дождя — урагана ожидала.

И любую радость воспринимала с подозрительностью. Раз что-то хорошее случилось, значит, ей за это расплачиваться придется. Может быть, именно это и называется реализмом. Но если бы речь шла о ком-то другом, то сама ведунья назвала это мазохизмом. Только вот судить и давать советы посторонним всегда легче, чем разобраться в самой себе. А уж, тем более, пересмотреть собственные взгляды на жизнь.

Но в данный момент ей действительно ничего хорошего ждать не приходилось. Лекарка только что оттащила за рога любимую племянницу императора, к которой он относился с глубокой отеческой нежностью. Конечно, Адаша ведунью и так не слишком любила. Но после сегодняшнего — на это девушка готова была спорить — она Арху во Тьму отправит.

Из пребывания в прострации и не слишком веселых дум девушку вывели голоса. Только прислушавшись, она поняла, что слышит их уже довольно давно, просто раньше внимания не обращала. За стеной, кажется, в спальне Адина, беседовал на повышенных тонах. Очень повышенных. Она и дальше не стала бы подслушивать. Но тут кто-то из демонов четко и довольно громко назвал ее имя. В соседней комнате явно обсуждали судьбу лекарки, которая для нее самой была покрыта плотным туманом неизвестности.

Поэтому ведунья сползла с кровати, постояла, прислушиваясь и села у камина. Тут разговор был слышен так, словно между комнатами даже стены не имелось. Голоса звучали только немного приглушенно.

— ... это была твоя идея! — прорычал Дан. — Это ты убеждал, что я все собственными глазами увижу! И что я увидел, Ирраш? Я тебя спрашиваю!

Кажется, именно то состояние, в котором пребывал демон, называют «на грани бешенства».

— Дан, я признаю, что ошибся. Девчонка оказалась умнее, чем я думал. Но это ничего не доказывает...

— А что это вообще должно было доказать?!

— Серьезно, Ирраш, может, ты все слишком усложняешь? — Шай опять решил побыть голубем мира. — Ну, просто Арха вот такая...

— Какая «такая»? — Кажется, шавер искренне принимал блондина за умственно отсталого. — Она метиска. И, поверь, полукровкам с детства приходится выживать. Это правило справедливо и для Империи в целом, и для человеческих поселений. Она чтит Богиню и с детства знает, что за эту ересь ей костер полагается. Она в одиночку смогла прожить в столице и неплохо устроиться. В конце концов, она лекарь! И ты хочешь меня уверить, что она осталась невинной, как ромашка? Самому не смешно?

— Ну, а почему она себя не смогла бы сохранить? — подал голос Адин. — Даже при дворе...

— При дворе девственницы ищут самого выгодного покупателя на свою драгоценность. Я не об этом говорил, а об ее «ой, я не понимаю ваших намеков!» и «мне от вас ничего не нужно!». Хотя, твой пример говорит только в пользу моих же утверждений. Она хитрая и умная тварь, которая хочет просто поближе подобраться.

— И глотку перерезать? — Шая рассуждения ушастого явно выводили из себя.

Арха сидела, опустив голову на руки и едва не ревела. Ей в голову не приходило даже

мысли о том, что она сможет оправдаться. Ведь не поверят ни одному слову. Да, ведунью невинной ромашкой назвать было сложно. Она видела даже не жизнь — изнанку жизни чаще. Но сталкиваться лекарке приходилось только с последствиями поступков, а не с ними самими. И, даже, не с теми, кто эти поступки совершает.

В деревне Арха на посиделки не ходила. Сначала бабушка не пускала, а потом и у самой желание пропало, когда девушка окончательно осознала, насколько отличается от всех остальных. Да и парни ее стороной обходили.

В столице ей, конечно, делали разные предложения. Но они носили сугубо деловой характер. Как сегодня с хаш-эдом: назови цену — и пойдем. Пациентам, которые к ведунье приходили, сначала, как правило, было не до флирта. А потом просто стыдно становилось за свою слабость и нытье перед девчонкой-лекарем.

Разве что Шай с ней заигрывал, но им обоим было понятно, что делает он это по укоренившейся привычке. И откуда, скажите на милость, Архе было опыта набраться? Она даже свой первый дамский роман только два дня назад прочитала!

Но вот никому этого не объяснишь. Тем более что шавер забыл еще об одном факте. Ведунье уже двадцать лет исполнилось. По всем законам она не просто взрослой была, а самой настоящей перестаркой. Это леди в этом возрасте могут позволить себе еще не иметь парочки детей. Но она-то не леди.

— Хорошо, хорошо! Ты меня убедил! Но почему она тогда на Адаша не клюнула? — накал бешенства у Дана уже прошел, осталось только раздражение — шаверу и впрямь удалось его убедить. — Он же перспективнее меня.

— Может, у нее и спросишь? Я только предположить могу. Например, тебя на романтику и долгие отношения раскрутить легче, чем его. Он же потребитель и таких девочек пачками имеет.

— Но она с ним даже не кокетничала! — опять зарычал рогатый.

— Может, она тебя заметила? Лучше синица в руках...

«Чем утка под кроватью» — закончила Арха за него, ложась на пол. Слушать сил не было. Не слушать — тоже. Стыд накатывал горячей, душной волной. Недаром рядом с рогатым девушка чувствовала себя так, словно ее к позорному столбу привязали. И не виновата ни в чем. И никому никогда этого не докажешь.

Ведунье казалось, что ее оплевали, а потом в нужник окунули. Получалось, у этой сегодняшней поездки только одна цель была. Они хотели посмотреть со стороны, как лекарка себя поведет, не начнет ли клеиться к другим гвардейцам? Не займется ли поиском... Как там шавер сказал? «Самого выгодного покупателя»?

Одного девушка понять не могла. В голове навязчиво, неотвязно крутилась мысль: «Ну, за что?». Она же им не навязывалась. В этот дом они ее сами приволокли, силком. И к лекарке притащились тоже сами. Арха ведь вправду уйти хотела. Конечно, не слишком настаивала, но собиралась. И все это из-за простого желания, чтобы он ее любил... хотя бы чуть-чуть.

— Заткнись, Ирраш, слушать тошно! — рыкнул кто-то — не Дан, точно. — Ты не Тьмы не знаешь, а лезешь. Да девчонка свою жизнь с Даном связала, а ты ее тут хрен знает в чем подозреваешь!

— Это еще что?! — рывкнул рогатый, явно со всей дури саданув кулаком по столу.

В той комнате повисла тишина. Арха перевернулась на спину, запустив пальцы в волосы, сжимая виски. Знает? Расскажет?

— Тхия... — голос у Дана был такой, что ведунья бы ему точно все рассказала, а рыжему еще хватало смелости молчать. — Тхияш, ты меня знаешь. Или говори, что ты имел ввиду. Или я за себя не ручаюсь...

— Ну, ты же понимаешь, Равновесие. Жизнь только жизнью выкупить можно. А когда ты...

— Вот только не говори, что Арха жертву принесла, — фыркнул Шай, — не поверю.

— Принесла, — как-то грустно ответил арифед, — только не в нашем смысле. Не так, как Тьма требует. Она свою жизнь отдала. Точнее, смерть. Мы же, когда умираем, просто уходим во Тьму. И все, без возврата. А у детей Матери не так. Они могут возродиться, другим существом и с другой судьбой. Но личность то та же. Говорят, что жрицы даже прошлые существования помнят. Цикл жизни, он бесконечен.

— Короче! — приказал рогатый.

— Арха во Тьму после смерти уйдет. А жизнь у нее короткая, она же не демон. И во Тьме ей... Никто из нас там оказаться не хочет, а ей будет в сотни раз хуже. Тьма детей Жизни не жалуется. Даже больше, чем светлых.

— Это все? — промороженным голосом спросил Дан.

— Не все. Она — жертва, выкуп. У нас еще лет триста назад даже ритуалы проводили такие. Но потом как-то все на нет съехало. Потому что жертва то добровольной быть должна. А кто из них добровольно собой ради демона пожертвует и...

— Короче!

— Ладно, хорошо! — разозлился вдруг Тхия. — Вот тебе короче. Ты умрешь — умрет она. Тебе будет больно — она половину боли себе заберет. Тебе будет плохо — ей вдвое хуже.

— А если будет хорошо? — как-то робко поинтересовался Адин.

— А все хорошее и приятное ему безраздельно останется, — огрызнулся Тхия. — И связь только в одну сторону работает. То есть Дану от нее не тепло, не холодно.

В комнате повисло молчание. Ведунья лежала, чувствуя, что коченеет. Не замерзает, а именно коченеет, как труп. И тут что-то загрохотало так, словно дом начал рушиться.

— Тьма, Тьма, Тьма! — рычал демон, разнося, кажется, все вокруг. — Мелкая шлюшка? Ко мне подбирается?! Побольше с меня содрать хочет?! Это ты мне говорил?!

— Дан, успокойся...

— Дан!

Снова что-то грохнуло, затрещало дерево, оглушительно зазвенело стекло. Кажется, дверь в коридор не просто вылетела, а врезалась в окно. От бешеного рева демона в прямом смысле дрожали стены.

Арха сама не сообразила, как вылетела из комнаты. Только первое, что она увидела, был Ирраш, который спиной врезался в стену и медленно, безвольно, как кукла, сполз по ней. Его лицо было так залито кровью, что черты смазались, превратившись в плоский блин. Лекарке показалось, что Дан просто повел плечами, стряхивая повисших на нем Тхия и Шая. Его лицо... Его глаза полыхали, отчетливо светились бурым пламенем. Казалось, что огонь просто бушует внутри него или он сам только тонкая перегородка между реальностью и огненной бездной.

Ведунья бросилась вперед, грохнулась на колени так, что боль взорвалась где-то в затылке. Обняла шавера, сколькохватило рук, закрывая его собой.

— Арха, уйди! — завопил Адин, которого она не видела.

— Уй-ди, Арха, — с трудом справляясь с собственным голосом, проревел рогатый.

От страха у нее язык отнялся. Девушка зажмурилась, чтобы не видеть, как демон раздерет ее на куски. И замотала головой.

— Уйди, — приказал демон.

Он уже не ревел, а рычал. Но и от этого рыка у лекарки уши прижались так, словно хотели спрятаться внутри черепа. Она молчала, не отпуская шавера.

— Уйди, — в третий раз повторил Дан — уже почти нормальным голосом.

— Ты же сам себе этого не простишь! — завопила Арха, с немалым удивлением сообразив, что истерика не просто близко, а практически сидит у нее на шее и радостно болтает ножками, дожидаясь, пока у девушки появится время на нее внимание обратить.

— Что? — оторопело переспросил Дан.

— Ты никогда себе не простишь, если его убьешь, — хотелось пояснить спокойно, но у нее вышел то ли стон, то ли ной сквозь всхлипы.

— Можно подумать, в первый раз, — прошипел шавер тихо.

Так тихо, что слышала его только ведунья. Оказывается, сознания он и не думал терять. Ирраш легонько толкнул ее в плечо, отстраняясь как будто брезгливо.

— Отойди, измажешься...

— У тебя все лицо разбито, — проскулила Арха.

— И не только лицо, — усмехнулся ушастый. — Были бы мозги — было б сотрясение.

— Мозгов у тебя нет, — припечатал рогатый. — Арха, иди к себе в комнату.

Ослушаться его девушка не решилась.

***

К тому времени, как в дверь постучали, ведунья развела в камине целый костер. И хотя она сидела в полушаге от решетки, ее все равно бил озноб. Казалось, что согреться Арха не сможет никогда. На стук она не ответила, продолжая таращиться на огонь.

— Арха, я могу войти? — безукоризненно вежливо поинтересовался демон.

Только вот «мистрис» не добавил. Но девушке даже обидно не стало. С такой как она этикет соблюдать необязательно. За что боролась...

— Нет, — ответила Арха на его вопрос.

Но в этом доме, кажется, было заведено, что ее «нет» всеми воспринимается как «да, конечно». Естественно, он вошел. И, даже, дверь за собой закрыл. К ней же и прислонился спиной, сложив руки на груди. Ведунья только покосилась на него через плечо, и опять отвернулась к камину.

— Прости, что побеспокоил тебя. Обещаю, что это в последний раз. И не бойся меня, пожалуйста. Я близко к тебе не подойду, Тьмой клянусь.

— А почему я вас должна бояться? — лекарка пожала плечами.

Кажется, он усмехнулся. Но в этом Арха уверена не была.

— Тот демон, с которым ты разговаривала сегодня в пещере, тебе представился?

Ведунья растерялась. Совсем не этого она ждала. Скорее уж обещания, что хаш-эд озолотит ее с ног до головы, лишь бы она побыстрее убралась с глаз долой и больше никогда не показывалась. Или велеречивых извинений, что все так получилось. Или сообщения, что он, конечно, ей благодарен, но лучше бы девушке выкинуть дурь из головы. В общем, чего угодно, но никак не вопроса, представлялся ли ей демон.

— Нет...

— Его зовут Адаш, — сообщил рогатый.

Видимо, он считал это важным. Извилины в голове ведуньи медленно и нехотя зашевелились, перекатывая мысли.

— Это до меня, что ли, сам кронпринц снизошел? — довольно равнодушно поинтересовалась она.

Дан раздраженно цокнул языком. Кажется, Арха додумалась совсем не до того вывода, который был нужен ему.

— Они с Адашей близнецы, — пояснил демон.

— Я знаю. И что?

— Ты уверена, что его словам стоит верить?

— Я не вижу причин его словам не верить, лорд Харрат. Он не сказал ничего такого, что отличалось бы от реальности.

— Не знаю, о чем вы говорили, но...

— А вам важно знать? — ведунья снова искоса, через плечо, глянула на гвардейца.

— Да, — уверенно ответил он. — Я отвечаю за тебя. Долг я выплатить так и не успел. А он только увеличивается.

Арха поморщилась. Ей эти их долги уже поперек глотки стояли.

— Хорошо, я расскажу. Только поклянитесь Тьмой, что если я задам вам вопрос, то вы честно на него ответите.

Он молчал, уставившись в пол. А ведунья, разглядывала его сосредоточенную физиономию и размышляла над тем, откуда она наглости набралась так с лордом разговаривать? Да еще и условия ему ставить? От шока еще не отошла, что ли?

А, вообще, думалось ей с некоторым трудом. Голова-то была ясной и мысли четкими. Вот только лекарка свои же слова воспринимала с некоторой задержкой. Вроде как со стороны за собой наблюдала.

— Хорошо, — наконец поднял голову рогатый. — Я клянусь Тьмой, что на все твои вопросы, заданные в этой комнате во время данного разговора отвечу честно. Насколько это возможно.

Арха усмехнулась, подивившись его осторожности. Пожалуй, ей бы такие формулировки даже в голову не пришли!

— Что значит, насколько это возможно? — уточнила она.

— Арха, я же, все-таки, гвардеец императора. И некоторые вещи не имею право говорить. Например, если тебе заинтересует личная жизнь Его Величества, то...

— Меньше всего на свете меня интересует личная жизнь Его Величества, — честно ответила ведунья. — Ладно, вы же хотели знать, что сказал мне этот демон. Как его? Адаш? Ну, он мне прямым текстом заявил, что не прочь со мной переспать. Потому что я такая забавная зверушка, хотя и грязнокровка. Но поскольку с соблазнением ему возиться не хочется, то он подождет, пока вы меня выдрессируете и наиграетесь. Собственно, на этом все.

Лекарка подумала, что где-то по соседству большая собака завелась. И только потом сообразила, что это всего лишь демон зарычал. Утробно так, глухо. Правда, девушка так и не поняла, что это его разобрало.

— Ну, в общем, так оно и будет. Я просто хочу предупредить, чтобы на большее ты не рассчитывала. Адаш благородный и щедрый. Но эмоций у него хватает только на себя. Не строй иллюзий. Тебе же будет больнее.

— Каких иллюзий? — ведунья даже развернулась к демону, не вставая с пола. —

Простите, лорд Харрат, но я не слишком понимаю, о чем вы.

Он молчал.

— Вы обещали ответить на мои вопросы, — напомнила она.

— Ты их еще не задавала, — не сразу отозвался демон.

— Зачем вы меня приволокли в эту пещеру? Не ваш Адаш, так кто-нибудь другой бы это ляпнул. Да и не только в этом дело. Ведь эта же ваша охота — она же традиционно мужская. Даже вон вашей невесте в голову не пришло за вами тащиться.

— Она мне еще не невеста.

— Особенно мило звучит «еще». Но это не ответ.

Определенно, кто то тут сейчас выплескивал всю наглость, накопленную за двадцать лет. И этот кто-то явно был не демон.

— Я не знаю, как на него ответить. Слишком много всего понамешено. Самый правдивый ответ — не знаю. Но ведь он тебя не устроит, — Арха согласно кивнула. — Я хотел увидеть, как ты себя ведешь с другими мужчинами, когда меня рядом нет. Как они реагируют. Посмотреть на тебя со стороны.

— Так мне не показалось? Вы меня действительно изучаете?

— Да.

Хотелось бы ей думать, что выговорил он это с трудом, со стыдом. Но ни намека на нечто подобное не было. Спокойно так сказал, как само собой разумеющееся. Где-то под горлом ведуньи завязался узел, который болел почти нестерпимо, остро, мешая даже глотать. Не говоря уж о том, что он практически не давал ей дышать.

Демон отлип, наконец, от двери, прошел в комнату, подтащил кресло к самой кровати, безжалостно собирая ковер складками и не замечая этого. Сел, но смотрел он только на свои сцепленные в замок руки, опершись локтями о колени и наклонившись так, что волосы почти скрывали его лицо.

Несмотря на всю боль, Архе нестерпимо хотелось запустить пальцы в его шелковистую даже на вид шевелюру, тонированную светом горящего ночника мягко-рыжими бликами. Хотелось провести пальцами по завиткам рогов — ей казалось, что они гладкие, словно отполированные, прохладные. Ведунье хотелось разгладить нахмуренные брови.

Но, конечно, ничего подобного она не сделала. Как сидела, так и продолжала сидеть.

— Арха, меня нельзя назвать хорошим или благородным даже по меркам лордов. Я холодный, расчетливый, могу быть подлым, если мне это выгодно. Часто бываю жестоким. У меня огромные амбиции и я их рано или поздно реализую. Все.

Если бы он все это не говорил спокойным, даже каким-то скучающим тоном, то лекарка бы решила, что демон красуется. Но Дан просто излагал факты. Не то, что про него думают другие. Не то, что он думает. А просто факты. Солнце заходит на западе, после зимы наступает весна, он будет подлым, если это выгодно. И реализует все свои непомерные амбиции. Причем вопрос необходимости жертв для воплощения его амбиций даже не поднимается. Нужны жертвы — будут. Тоже факт.

— Меня любят при дворе. Особенно мои ровесники. Те, кто будут у власти, когда сменится император. С кронпринцем у нас ровные, доброжелательные отношения. Мы никогда не были закадычными друзьями, но он мне доверяет. Меня считают эталоном гвардейца. Мне подражают. И — да, побаиваются. И положение моей матери тут не при чем. Я всего добился сам, самостоятельно. Продуманно, расчетливо, пользуясь только логикой.

— А еще вы скромный, — съехидничала ведунья, не выдержав его ледяного,

безэмоционального тона.

— Нет, скромность в число моих достоинств не входит. Она не может принести пользы.

— А ваши друзья могут?

— Могут. Но они больше чем друзья. Каждый из них — недостающая часть меня.

— Короля делает свита, так что ли?

Она положила голову на колени, глядя на него снизу вверх. Лицо хаш-эда в отблесках пламени казалось еще резче. И старше. Сейчас он действительно походил на того, каким сам себя видел. А Архе почему-то подумалось, что без усов Дан выглядел бы гораздо моложе. Тогда и его родинка на скуле была бы заметнее.

— Именно. Хотя на трон я не мечу, но место где-то очень близко от него займу. И ты права, свита необходима.

— Я поняла. Вы холодный, рациональный, логичный и начисто лишены эмоций. А, точно! Еще все снесете на своем пути, не особо разбираясь, что вам там под копыта попало.

— У демонов нет копыт. Это человеческая байка, — уголки его губ дрогнули в намеке на улыбку.

— Это замечательно. Только вот мне то вы это все зачем говорите?

— Я не знаю, как сказать... — он растрепал пятерней безупречно уложенные волосы, — я не верю тебе. И боюсь этого.

— Да, вроде, я вам еще не врала, — только и сумела выдавить лекарка, хотя, нечто подобного после подслушанного разговора ожидала.

— Ты врешь самым фактом своего существования! — как-то остервенело, но глухо заговорил он. — Ты прирожденный лекарь, ведунья. И при этом порой настолько наивна, что просто не верится. Ты не брезгуешь лечить всякое... всяких гвардейцев и мыть чужие горшки. Но при этом тебе и в голову не приходит готовить яды, например. Или, действительно, стать содержанкой.

— Ну, на это надежды у меня мало, — ошарашенно протянула Арха. — Извращенцев не так много...

— Вот, еще одно. Ты, при всем своем опыте, по-моему, даже не понимаешь, как действуешь на мужчин!

— Да я же грязнокровка!

— Да при чем тут нормы морали и банальная похоть, а?! — он, кажется, не замечая этого, опять перешел почти на крик. — Ты жертвуешь собой ради вообще незнакомых тебе людей и как будто даже взамен ничего не ждешь! Ты ничего не просишь! Так не бывает, понимаешь? Это вранье! Все чего-то хотят. А ты, ты-то чего хочешь?

— В университет поступить... — мягко говоря, напуганная, пролепетала ведунья.

— Тьма! Да если бы ты хотела, ты давно была бы там! Тебе подсказать, как лекари деньги зарабатывают, если уж тебе собой торговать претит?

— Мне и другим вредить претит. А, тем более, их убивать, — тихо заметила она. — Я аборт почти никогда не делаю.

Лорд расхохотался. Это было так неожиданно, что девушка просто в комок сжалась. Лично она ничего смешного даже близко не видела. Смех оборвался так же резко, как и начался.

— Ты как вообще в этом мире оказалась? — как будто внезапно от всего этого устав, пробормотал он. — Странная... зверушка. Сначала так забавно было за тобой наблюдать.

Маленькая, всклоченная, решительная, бровки насупила, всеми командует. А сама от шавера шарахается. Потом я тебя как будто разглядел там, на озере. Ну и... Прости, конечно, но я только об одном думать мог, как бы тебя половчее...

— Завалить, — подсказала ведунья — он только кивнул. — А зачем вот это все было... вчера ночью?

— Я. Не. Знаю! — он опять завелся, словно в нем ключ кто-то повернул. — Мне покоя не давало, что ты одна тут... Я сам не понимаю, что и зачем я делаю!

— На лицо нарушение логики, — задумчиво протянула Арха.

— Да, Тьма тебя побери! — он сдавал подлокотники кресла так, что девушка отчетливо слышала натужный скрип дерева.

— Меня побери? Меня?!

Арха сама и не поняла, почему это сделала. У нее в голове страх его и обида за себя смешались в единый гудящий ураган. Который сметал на своем пути даже тень мыслей. Тем более что в черепе места было немного. Поэтому слишком быстро там ничего не осталось, кроме этого смерча.

Ведунья наклонилась вперед, опираясь на одну руку, а второй уцепилась за его рог, притягивая голову демона к себе. Лорд подался, наверное, от неожиданности. И лекарка его поцеловала. Точнее, просто прижалась своими губами к его, пахнущим мятой. Он на мгновение замер, а потом обхватил Арху, сажая на себя верхом. И уже не она его, а он целовал девушку. Хотя назвать то, что он делал поцелуем как-то неправильно. Но как будет правильно? «Пожирал» звучит не очень. Впрочем, в тот момент ей было абсолютно наплевать, как это называется.

***

— Арха, прекрати, пожалуйста, — тихо попросил демон.

— М-м-м? — она снова провела по его шее носом, закопавшись в мягких волосах.

— Ну, я же не железный, перестань! — он попытался отстранить ведунью.

С тем же успехом он мог попробовать пиявку от себя отодрать.

— Нет, ты железный, логичный и, вообще, демон! — заверила его Арха, прикусив за ухо.

Лорд тихонько рыкнул, а ведунья только довольно прищурилась. Он нравился ей до безумия. Ей казалось, что никого великолепнее хаш-эда Тьма еще не рождала. Все в нем приводило ведунью в восторг. Она сама себе напоминала кошку, ластящуюся к любимому хозяину. И это ей тоже нравилось.

— Вот именно. А ты маленькая, вредная провокаторша! — Арха не видела, но чувствовала, как он улыбается. — Ведьма!

— Ведунья, — поправила она его.

— Ладно-ладно, хоть сама Богиня. Поговори со мной, пожалуйста.

— О чем?

Девушка, наконец, оставила его шею в покое и выпрямилась. Сидеть на нем было очень даже удобно. Скрещенные ноги она сунула в щель между его спиной и спинкой кресла. И демон оказался практически полностью в ее распоряжении. Ну, не совсем полностью. То, что упиралось лекарке в бедро... Она решила пока считать это ножнами с кинжалом. Так вот, это ведунья предпочитала игнорировать до поры до времени. И Арху совершенно не смущало даже платье, снизу задранное до неприличия, а с плеч спущенное до границ этого самого приличия.

— О чем?.. — демон крепко задумался, потирая пальцами лоб и хмурясь.

Ведунья прекрасно видела, что Его лордство смотрит на нее из-под ладони. Его зрачки были узкие, наверное, чуть толще волоса. А глаза налились такой рубиновой краснотой, что, кажется, даже светились.

— Например, о... Ты меня совсем не боишься?

— А должна? — пожалала плечами она, глядя пальцем загиб рога.

Он действительно был очень гладкий, как полированная кость, с чуть шероховатыми ложбинками и довольно острым концом.

— Я думал, что после того, как пол коридора разнес, ты от меня шарахаться будешь.

Демон перехватил ее руки, заставив их благонравно положить перед собой. То есть, ему на живот. А там были такие мышцы...

— Угу, а еще ты, объясняя своим друзьям, что они поступает неправильно, физиономии им чистишь. И они полностью соглашаются с твоей правотой, — рассеянно ответила ведунья, старательно изучая демоническую анатомию.

Рогатый что-то пробормотал, почти не разжимая губ. И опять перехватил кисти девушки и завел их ей за спину, придерживая одной своей рукой.

— Что? — возмутилась Арха, хлопая ресницами и пытаясь вырваться.

— Мы разговариваем, забыла? — наставительно пояснил хаш-эд и поцеловал лекарку в нос. — Кстати, мне действительно нужно кое-что узнать.

— Ладно-ладно, — обиделась она, — отпускаяй, я уже смиренная.

— Точно? — усмехнулся Дан.

Девушка усиленно закивала. Но, кажется, лорд ей не поверил, потому что просто приподнял лекарку над собой, между прочим, на вытянутых руках приподнял, и, развернув к себе спиной, снова усадил на прежнее место. Так сидеть оказалось удобнее. Хотя, конечно, простор для изучения анатомии демонов сильно ограничился.

Зато теперь ведунья могла прижаться к нему, положив голову на плечо. А его руки, обнимающие ее, давали такое чувство уюта, словно Арху в одеяло завернули. Где-то на уровне ее лопаток билось сердце хаш-эда — сильно, гулко.

— Я правильно тебя понял: ты меня не боишься, я тебе не противен и тебе от меня ничего не надо? — его дыхание щекотало шею ведуньи.

От этого тепло, почему-то, разливалось вниз живота. Нет, чисто теоретически лекарка знала, почему. Но на практике ей такого ощущать не доводилось.

— Абсолютно правильно, — поежилась она, но отнюдь не от холода. — Кстати, что это за разговоры о принце... Как его там? Я так ничего и не поняла про иллюзии.

— Я хотел попросить Адаша позаботиться о тебе. Он мне кое-что должен, поэтому был бы добр и терпелив. Но ты могла принять доброту за нечто большее. Поэтому я решил тебя предупредить, — абсолютно спокойно, рассеянно поглаживая девушку по спине, объяснил демон.

— Что?

Арха, повернула голову, но разглядела только скулу, да кончик рога. Она была уверена, что ослышалась или опять не поняла. Тьма их знает, лордов. Они иногда так выражаются, что белое с черным перепутать можно.

— Арха, я просто думал, что ты теперь от меня будешь шарахаться. А я за тебя отвечаю. Не удерживать же тебя насильно, если тебе рядом со мной страшно. Так что, отдать тебя Адашу один из оптимальных выходов в такой ситуации.

Ведунья выпрямилась, глядя ему в лицо.

— Поправь меня, если я чего-то не поняла. Ты решил, что я от тебя с визгами убегу. Но, поскольку долг свой так и не выплатил, ты обязан обо мне позаботиться. Поэтому собрался отдать меня Адашу в качестве подстилки, чтобы он обеспечил мое безоблачное существование. И это хорошая идея, потому что он тебе должен и со мной бы обошелся по-доброму. Все так?

— В общем и целом, — поморщился Дан. — Спать с ним тебя бы никто не заставлял, но в остальном суть ты уловила.

Лекарка таращилась на демона во все глаза.

— Слушай, рогатый, а ты вообще нормальный?

— Данаш мне нравилось больше, чем «рогатый». И — нет. Я не нормальный. Большинство норм общества ко мне неприменимы, — с убийственной серьезностью объяснил он.

— Это я уже заметила. И что теперь с Адашем? Когда планируешь передать ему надо мной опеку?

— Никогда, — заверил ее Дан, вернув голову ведуньи к себе на плечо. — Ты меня не боишься, хотя я абсолютно не могу понять, почему. Наверное, ты тоже ненормальная.

А вот в этом Арха несколько не сомневалась, без всяких «наверное». Пожалуй, даже мартовский заяц по сравнению с ней мог считаться образчик здравого смысла! Наверное, любая другая на месте ведуньи начала бы возмущаться, доказывать, что она личность. Что ее нельзя просто так кому-то отдать, да еще и не поинтересовавшись ее мнением. Что Его лордству привилегированность вместе с мочой между рогов шибанула.

Девушка ничего подобного делать не стала. Понимала прекрасно, что ничего она ему не докажет. Не столько из его слов, сколько из поведения Великолепной Пятерки ведунья поняла — всего возможно только два варианта. Первый — Дан прав. Второй — ты ошибаешься и Дан, все-таки, прав.

Большинство такое поведение объяснили бы не в меру завышенным самомнением. Но Арха искренне считала, что мужчины, который не считает себя вечно правым, просто не существует. Только у рогатого придерживаться такого мнения причин было больше. Иначе бы гвардейцы ему в рот не смотрели. По крайней мере, не Ирраш с Адином.

Поэтому она даже тему развивать дальше не стала. Передумал хаш-эд ее принцу отдавать — и спасибо ему большое, потому как лекарке и тут хорошо было. Считал он, что обязан о девушке заботиться? Пусть считает, ей это не мешает. Начнет мешать — Арха просто поступит по-своему. Думает, что вот так может ее кому-то отдать? Да пусть думает. Попытается на самом деле такое сделать, тогда ведунья и будет разбираться. А скандалы заранее устраивать — только за головной болью гоняться.

— Вы, дети Тьмы, все поголовно ограниченные самовлюбленные эгоисты, — прокомментировала Арха ситуацию и... зевнула всю пасть.

— Э, да у нас тут кто-то спать собрался, — улыбнулся демон.

— У меня был слишком насыщенный день, — буркнула она, обнимая лорда за шею. — Ты не уходи, пожалуйста. Хотя бы сегодня, ладно?

— Хорошо. Только еще одно...

Он, придерживая девушку одной рукой, достал что-то из кармана. Тихо щелкнул замочек, и ведунья почувствовал на своей коже легкий холодок металла.

— Пусть она будет у тебя. И, Арха... Спроси меня, пожалуйста.

— Что спросить?

— Просто повтори вслед за мной: «Дан, ты не будешь со мной играть»?

— Зачем мне это спрашивать? — лекарка опять села прямо, заглядывая в его глаза, которые, как всегда, ничего не выражали.

— Потому что я поклялся Тьмой сегодня отвечать честно.

Арха сглотнула. Да, демон всегда следил за точностью формулировок. Например, гораздо естественнее звучало бы «не сделаешь мне больно». Не говоря уж о «бросишь», «предашь» и других глаголах, которые с начала времен рука об руку идут... Пусть будет, с любовью. Но, с другой стороны, то, что предлагал он, уже немало. Гораздо больше, чем ведунья могла бы рассчитывать.

— Данащ, ты не будешь со мной играть? — послушно повторила девушка.

— Нет, Арха. Никогда, клянусь. И если у меня появится такое желание или необходимость, то я просто уйду. Обещаю. Никакой дрессировки, приручения или использования в своих целях.

— Ну, вот с последним я не согласна. Против использования в некоторых личных целях я возражать не буду.

— Звучит интересно. Но об этом мы поговорим потом.

Хаш-эд встал, держа ее на руках. Уложил на кровать, укрыв одеялом до подбородка. И лег рядом, обнимая. Засыпая медленно-медленно, словно спускаясь по плавной дуге, Арха чувствовала его дыхание на своих волосах.

— А что дальше?

Может быть, шепот гвардейца ей и приснился. Но, кажется, ответила она в реальности.

— Какая разница? Главное то, что есть здесь и сейчас.

Арха безоговорочно приняла и демона, со стадом персональных тараканов, и правила его игры. Прекрасно понимая, что это может закончиться как угодно. Не будет лишь одного — счастливого конца. И пусть. Зато будет очень-очень яркий миг. Кто сказал, что он хуже, чем длинные, может даже и вечные, но сумерки? В конце концов, еще сегодня ночью ведунья признала единственный правильный путь. Тот, на котором он подает ей руку, а она следует за ним. Так чего же теперь жаловаться-то?

[1] Майорат(от лат. *maior* — старший) — порядок наследования недвижимого имущества (прежде всего земельной собственности), согласно которому оно целиком переходит к старшему в роде или семье. Также так стали называться сами майоратные владения.

Глава тринадцатая

Глава тринадцатая

Я всегда учусь на ошибках тех, кто следовал моим советам.

(Император Нахшон II)

Левая рука сама собой потянулась лечь на стол, но ведунья вовремя поймала предостерегающий взгляд Адина. И ее ладонь осталась там, где и была — на коленях, поверх расстеленной салфетки. Оказалось, что есть подобным образом жутко неудобно. Хотя и до этого утра Арха ложку не всеми десятью пальцами держала. Но почему-то именно сейчас

она чувствовала себя так, словно неожиданно стала однорукой. И нестерпимо тянуло оттопырить в сторону мизинец, хотя таких желаний за собой лекарка раньше не замечала. Если бы ей не сказали, что выставять мизинец строго запрещено, девушке бы этого делать и в голову не пришло.

Кошмарный по всем параметрам завтрак, который вполне мог бы сойти за пытку особо впечатлительных особ, предваряло не менее кошмарное утро. Шай и Адин, без всякого предупреждения ввалившиеся к ведунье в комнату, объявили, что она просто обязана есть вместе со всеми. Честно говоря, Арху их помешательство на вопросе кто и где столуется, начало уже раздражать.

Но лекарка согласилась, что готова завтракать даже на крыше храма, если они оставят ее в покое и дадут поспать. Все-таки, деревенская наивность в ней была сильна. Потому что основным вопросом, стоявшим на повестке дня, оказалось не присутствие девушки в столовой, а умение Архи себя вести. Точнее, его отсутствие.

И пришла к ведунье безжалостная Тьма. «Спину держи прямо. Не наклоняй голову, а подноси ложку ко рту. Не клади приборы рядом с тарелкой. Положи вилку и нож поверх тарелки, когда закончишь есть. Ручка чашки должна быть повернута строго влево...». Когда она попросила объяснить, почему влево, лекарке посоветовали не умничать, а слушать и запоминать.

Когда они разобрались с тем, как надо есть, с ведуньи уже тридцать три пота сошло. И она, такая трогательно-непросвещённая деревенская девушка думала, что ее, наконец, оставят в покое. Куда там! Все только начиналось.

Пожелать доброго утра всем присутствующим Арха должна первая, а вот открывать рот за столом права не имела. Необходимо было дожждаться, когда с ней заговорит тот, кто выше по статусу. К Дану лекарка обязана обращаться исключительно «лорд Харрат», к шаверу — «лорд Нашкас», к Адину — «лорд Лайраш». Тхия и Шая она имела право называть и по имени, но с непременной приставкой «лорд». С Адином тоже разрешалось фамиллярничать, потому что он всего лишь наследник рода. Но упоминать его имя допустимо только после того, как он сам пожелает с ней общаться.

Так от обилия информации, которую несчастный мозг лекарки не в силах был переварить, голова у Архи не пухла никогда. Даже названия растений на древнем языке учились не в пример легче. И, главное, ведунья упорно не могла понять, зачем и кому это все нужно? Знай она, чего все эти завтраки-обеда будут стоить, то предпочла бы в собачьей конуре пищу принимать. Арху быстренько утешили, что ей и трети того, что необходимо, не рассказали.

Адин соорудил на ведовской голове очередную косу, которая больше напоминала шедевр кружевницы, чем прическу. Потом пришлось выслушать вопли Шая, не обнаружившего в гардеробе девушки ни одного платья, достойного его одобрения. Но, в конце концов, ей разрешили выдохнуть и позавтракать.

Точнее, ей показалось, что разрешили. На самом деле подобные мысли были еще одним образчик ее крайней наивности. Даже без всякого этикета Архе было бы сложно хоть ложку проглотить. Потому что демонесса никуда и не собиралась исчезать, как ведунья смутно надеялась после их последней встречи. И нет бы ей лекарку игнорировать, как раньше. Теперь золоторожка с девушки глаз не сводила.

Точнее, она упорно пялилась то ли на шею, то ли на грудь ведуньи. Арха даже посмотрела, нет ли у нее на платье пятна. Потом лекарка заподозрила, что демонессу гложет

непреодолимое желание ее придушить. Но, кажется, так взволновала Адашу цепочка, подаренная Даном. Каким-то чудом красавица ее рассмотрела, хотя украшение было спрятано не только под платье, но и под сорочку.

Вообще, завтрак проходил в обстановке, далекой от дружелюбия. Зря Арху учили, кто к кому как обращаться должен. С тех пор, как она оказалась в столовой, кроме невнятных приветствий никто вообще слова не произнес. Дан изображал из себя Очень Мрачного Демона. И, казалось, что он мысленно вообще находится где-то далеко.

Тхия разве что голову в плечи не втягивал и в сторону ведуньи старался не смотреть. Он рассеянно крутил бокал с чем-то подозрительно красным. Это что-то уже оставляло на стенках посуды не тягучие разводы, а маслянистую пленку. В смысле, сворачиваться начала. Но это демона, кажется, не слишком заботило.

С реальностью Арху примеряло только отсутствие шавера. Если бы он присоединился к этому веселому застолью, то лекарка бы пошла и удавилась, не смотря ни на какой этикет.

Кстати, еда тоже была далека от идеала. Каша слегка горчила. Ведунье даже пришлось ее подсластить, хотя девушка старалась сахар вообще не употреблять. Вкуснее от этого варево не стало. Но, по крайней мере, она есть смогла. Ведь никто не удосужился растолковать, как именно по их лордским правилам ведунья могла отказаться от блюда.

— Мистрис Арха, — статуя Мрачного Демона решила, наконец-то, прервать слишком затянувшееся молчание, — я настоятельно вам рекомендую посетить сегодня библиотеку. Посмотрите, какие книги вам могут понадобиться для подготовки поступления в институт. И составьте список недостающего.

— Хорошо, лорд Харрат, — от неожиданности пискнула лекарка.

Звук звякнувшего по фарфору серебра резанул уши, заставляя волосы на шее встать дыбом. Леди Адаша, сцепив пальцы в замок, созерцала собственную тарелку. И, кажется, то, что все на нее уставились, демонессу ничуть не смущало. Судя по всему, она этого и добивалась.

— Дорогой, — негромко, но приторно-сладко пропела она, — а вы не считаете, что мистрис было бы удобнее готовиться в собственном доме? Возможно, будет разумнее снять ей какое-нибудь... жилье?

Арха была не в курсе, что по этому поводу думал Его лордство, но сама мистрис, как это ни удивительно, была полностью согласна с леди. Впрочем, рогатый тут же просветил окружающих о собственном мнении.

— Нет, не считаю, — отрезал он.

— Но...

— Леди Адаша, — кажется, перебивать леди запрещал этикет, но Дану на него было явно начхать, — мистрис Арха останется здесь. И вы это примете или покинете мой дом.

— Вынуждена вам напомнить, милый, — вскинула голову демонесса, сияя свежей утренней улыбкой, — что я все еще нахожусь под опекой клана Роос. Соответственно, мое пребывание в этом доме предусмотрено законом.

— Верно, — кивнул рогатый, — но не только меня тут память подводит. Во-первых, вашим опекуном был мой отец, а не я. Мне никто права опеки не передавал. Во-вторых, вы достигли возраста зрелости и в опеке не нуждаетесь. И, в-третьих, я не поднимал этот вопрос исключительно из нежелания идти поперек ваших капризов. Но если чьи-то капризы становятся вразрез с моими желаниями, то именно последнее я считаю приоритетным. Это понятно?

Над столом повисла такая тишина, что даже мух не было слышно. Не потому что они отсутствовали, а потому что крыльями махать боялись.

— Это понятно? — не повышая голоса, повторил рогатый.

Арха кивнула едва ли не раньше леди, причем сделала это гораздо увереннее и охотнее. Да что там ведунья — кивнули все присутствующие. От страха лекарку начало подташнивать. Под ребрами закололо, словно она иголку проглотила.

— И еще один момент, на котором я бы хотел заострить внимание. Я, Дан ашэр Харрат арш Роос, лорд Харррата, глава рода Роос, заявляю, что присутствующая здесь мистрис Арха, не имеющая рода, плод человека и шавера, принадлежит мне. И пусть Тьма услышит мои слова. Кто-то желает оспорить мое право?

За столом раздалось нестройное, произнесённое с разной степенью воодушевления, «нет». Арха промолчала. И не только потому, что ни чего из этого спектакля не поняла, но и потому, что засевшая под ребрами игла медленно, но верно превращалась в сгусток огня.

— Вы меня слышали, мистрис Арха? — решил уточнить рогатый.

— Да, лорд Харрат, — ответила девушка.

Точнее, хотела ответить. Но получилось у нее не очень. «Да» — она выдавить из себя сумела. «Лорд» вышло сиплым и малоубедительным. А «Харрат» лекарка выговорить просто не смогла. Она будто забыла, как надо буквы произносить. Или, точнее, языком ворочать, чтобы осмысленные звуки вышли. Во рту внезапно пересохло, как будто Арха сутки мучилась от жажды. Перед глазами мелькали черные мушки.

Ведунья машинально провела рукой по лбу, который оказался не только мокрым, но и ледяным. Мелькнула мысль, что ей должно быть гораздо больнее, но, почему-то, ведунья чувствовало все отстраненно, словно тело не ее было. Но не успела Арха додумать мысль до конца, как она пришла. Это была не просто боль. Лекарке казалось, что внутри у нее засела раскаленная кочерга.

Может быть, она заорала, а может ей только это примерещилось. Но вот падать девушка начала точно, потому что стол как-то странно накренился. Ведунья видела собственную руку, вцепившуюся в скатерть и посуду, медленно съезжающую к краю стола. Сознание начало уплывать. Последнее, что Арха услышала перед тем, как рухнуть во Тьму, был истошный, режущий по ушам вопль:

— Это не я, Дан! Я тут ни при чем!

***

Все происходящее ей воспринималось пунктиром. Короткий миг реальности — и затемнение. Не обморок, но что-то близкое к этому. Арха видела, как Шай и Адин повисли на Дане, пытаясь заломить его руки. Тьма! Что за лицо было у хаш-эда. Это даже лицом назвать нельзя! У ведуньи появилось мерзкое, мутное чувство, что это все когда-то уже происходило.

Она видела Тхия, загораживающего собой демонессу. Золоторожка присела на корточки, закрывая голову руками, сжавшись в комок. И визжала не переставая. Это было ново, но от этого ощущение нереальности, точнее, неправильности происходящего, не пропадало. Потом наступило затемнение. Лекарка не различала деталей, а окружающие воспринимались чересчур медленно двигающимися тенями.

Снова просветление — и над ней наклонился мужчина в профессорской зеленой шапочке. Он что-то бормотал, заглядывая Архе в глаза и оттягивая нижние веки. Ведунья хотела ему объяснить, но он ей такой возможности не дал. Надавил на замки челюстей и

заставил проглотить какую-то жутко горькую жижу. Огненная кочерга в теле проснулась — и девушка опять отправилась в небытие.

Следующей была женщина. Ярко-рыжая, неправдоподобно рыжая, как будто крашенная. Ее буйные кудри на затылке прикрывал невероятно цветастый платок. Многочисленные нитки бус, качающиеся у Архи перед глазами, гипнотизировали. Но лекарку снова отослали во Тьму и не самым гуманным способом. Наверное, примерно то же самое можно почувствовать, если кому-то вздумается вывернуть тебя наизнанку, чтобы посмотреть, как внутренности смотрятся под светом Солнца. Даром, что выворачивали ведунью энергетически.

И снова была женщина, но на этот раз демонесса, арифед. Над постелью висел, источая тьму, рубиново красный амулет. От него ползли тысячи щупалец, впивающиеся в каждую пору Архи. Они буквально высасывали ведунью. То немного, что еще от нее осталось. Это было не больно, но настолько омерзительно, что лекарка заорала. И снова вырубилась.

Последним опять был мужчина, немолодой демон с грустным лицом. Его темно-зеленая лекарская мантия расплывалась пятном, от которого накатила новая волна кислой тошноты. Спасибо Матери, этот девушку спасать не собирался. Увидев, что она открыла глаза, медик участливо наклонился к самому ее лицу, пахнув резким ароматом вина и плохих зубов.

— Мистрис Арха, как вы себя чувствуете?

Ведунья только устало прикрыла веки. Во рту царила высушенная пустыня. Ей казалось, что любое слово, произнесенное вслух, тут же зашуршит, как старая бумага. Чьи-то пальцы нежно погладили лекарку по щеке. Пришлось скосить глаза, чтобы посмотреть, кто и чего от нее хочет.

Рядом с постелью, кажется на коленях, стоял Шай. Его глаза блестели от слез. Пожалуй, это было даже красиво.

— А-ар, ну скажи хоть что-нибудь... — прошептал он.

— Кретины! — выдавила она из себя что-то больше смахивающее на карканье. — Придурки! Отвар овса мне и сок. Капустный или картофельный.

— Она бредит, — уверенно и печально констатировал лекарь, — отходит. Позовите близких, чтобы с ней могли проститься.

По щеке блондина поползла здоровая слезища.

— Пошел вон, коновал! — прошипела Арха, как змея, больная ангиной.

— Первый раз вижу, чтобы умирающая всех посылала, — задумчиво протянул шавер, находящийся вне поле зрения ведуньи.

— Вы меня чуть не угробили, идиоты!

Арха хотела швырнуть на голос подушку, но она просто вывернулась из ватных пальцев. Ослабела девушка все-таки здорово.

— Ар, так ты не умираешь? — у Шая глаза стали каждый размером с империял.

— Не дожدهшься. А вот убивать сейчас буду. Только дайте мне попить. И отвара принесите.

— М-да... — задумчиво протянул так и не показавшийся ей на глаза Ирраш. — Тхия, распорядись что ли? Заодно можешь вынуть Адина из петли. И сообщи Дану, что умирающая ожила. Пока он всю прислугу не перебил.

Через полчаса жизнь практически наладилась. Арха сидела в постели, опираясь спиной на подушки, и потягивала тепленький, мутный овсяный отвар. А перед ней полукругом расположилась Великолепная Гвардейская Пятерка. Шавер, независимо скрестив руки на

груди, по своему обыкновению созерцал сад за окном. Рогатый сидел в кресле, прикрыв лицо ладонью. Адин, осчастливленный тем, что лекарка перестала помирать, расчесывал ей волосы, поминутно облегченно вздыхая. А Шай и Тхия, хотя и радующиеся неожиданному возвращению девушки из Тьмы, старались мимикрировать под обои.

— Так, может, все-таки объяснишь, что ты тут устроила? — холодно поинтересовался ушастый.

Арха едва не подавилась отваром.

— Я устроила? Это вы меня чуть во Тьму не отправили! Может быть, именно вам и стоит объяснить, что тут происходит?

— Ар, ты побелела вся и начала падать. У тебя лицо судорогой свело, — примирительно прогудел Адин. — Что мы могли подумать?

Ведунья фыркнула. Потом хмыкнула. Потом медленно, по очереди, оглядела монстров.

— Вы что, решили, что меня отравили? — произнесенное вслух предположение казалось еще более бредовым, чем даже мысль о нем.

Встречаться с ней взглядами никто не захотел. Лекарка только головой покачала. Ну, дают, лорды! Хотя, наверное, ее падение в столовой действительно выглядело эффектно.

— Мессирь, у меня просто проблемы с желудком. Несварение называется, — терпеливо пояснила Арха. — Вчера эта ваша оленина с приправами. Потом я... Ну, понервничала. А с утра молочная каша из плохо очищенного зерна, да еще и с сахаром. Вот и все.

— Как все? — опешил Шай. — Ты же в обморок упала!

На то, чтобы смутиться, совести у Архи хватило. Но, с другой стороны, намерения специально кого-то пугать у нее точно не было. Получалось, что, вроде, она ни в чем и не виновата.

— Ну, да... Просто у ведающих часто бывает болевой порог заниженным. Мы болеть очень плохо переносим. А вы тут клинику для душевнобольных развели...

— Мы развели?..

— Ну, ты даешь!

— А сказать не могла?!

— Да ты...

В общем, в том, что лекарку чуть не угробили, оказалась виновата она же сама. Чихвостили Арху долго и с наслаждением. Правда, досталось ведунье только от троих. Шавер выразительно молчал, презрительно кривя губы. Дан просто молчал, даже не вылезая из-под своей ладони. Но зато троица в лице ифовега, арифеды и ивтора, справлялась столь успешно, что девушка даже слово вставить не могла. В конце концов, ей стало стыдно по-настоящему.

— Ладно. Мы действительно виноваты, — наконец, подал голос рогатый, заканчивая балаган. — Даже не попытались разобраться, что произошло.

— Да ты же первый схватил профессора за грудки и начал рычать, что ее отравили! — встрял Шай.

Его лордство только глянул на забывшегося блондина, и тот тут же нашел не вовремя потерянное чувство самосохранения. Ифовега моментально вспомнил, что он, вообще-то, был занят решением задачи слияния с окружающей средой. Причем слиться с ней желательно было так, чтобы никто не нашел.

— Повторяю, мы сами виноваты. В конце концов, лекарь здесь мистрис Арха, а не мы. В дальнейшем ее и нужно слушать.

— Когда она пребывает в обмороке, сделать это нелегко, — хмыкнул шавер.

На него разъяренный хаш-эдский взгляд особого впечатления не произвел. Не даром ушастых считают отмороженными. В смысле, слишком смелыми.

— Значит, в следующий раз вызовем спирита! — рявкнул рогатый. — Вам еще что-нибудь нужно, мистрис Арха?

— Н-нет... — выдавила она, пытаясь залезть под одеяло, как черепаха в панцирь.

Смелость ведунье от папочки в наследство не досталась. Поэтому демон, когда он вот такой весь из себя демон, откровенно ее пугал.

— Отлично. Если что-то понадобится — воспользуйтесь колокольчиком. А сейчас вам стоит отдохнуть.

Никто, видимо, намек не понял. Потому что Дану пришлось рявкнуть так, что стекла в окнах задребезжали:

— Ей стоит отдохнуть, я сказал!

Четверо монстров испарились, как будто они девушке вообще привиделись. Исчезли, при этом, кажется, даже дверь, не открывая. Рогатый растрепал свою шевелюру, и что-то рыкнув себе под нос, прошелся по комнате, от стены и обратно. И присел на корточки перед кроватью.

— Я испугался, — признался рациональный и лишенный эмоций демон.

— И я испугалась, — пискнула ведунья.

— Я за тебя испугался.

— А я — тебя.

Он улыбнулся. Одними глазами. Ничего не выражающими глазами.

— Что тебе нужно? Какие-нибудь особенные продукты? Травы?

— Завернуть в вату и положить на полку, — Арха обняла его одной рукой за шею — хотелось бы, конечно, обеими, но лежа на боку это было не слишком удобно. — Ничего мне не нужно. Да, я сама виновата. Такой переполох подняла... Если бы у меня были мои лекарства. Ну да Тьма с ними! Ты останешься?

— Извини, котенок, не могу, — кажется, ему действительно было жаль. — У меня караул. Ирраш и так смотался. Нас, конечно, прикроют, но...

— У тебя могут быть неприятности?

— У меня неприятностей быть не может. Но в караул идти, все-таки, придется. Я вернусь завтра утром. Постарайся до этого никуда не вляпаться, ладно? Правда, тут останутся Адин и Тхия. Но на них надежды мало.

— Так вот почему вы меня по двое постоянно пасете, — догадливость ведуньи своей медлительностью иногда начинала пугать даже ее саму, — вы же императора караулите.

— Скорее, охраняем, — хмыкнул он. — Хотя, чаще исполняем роль декора в интерьере. Но мне, правда, надо идти.

— Иди, — согласилась Арха.

— Так ты отпусти...

Он по очереди коснулся губами ее глаз, кончика носа, рта. Подумал и еще раз поцеловал, уже серьезно. И, напоследок, еще раз поцеловал. А потом...

— Иди уже!

Ведунья не только руку с его шеи убрала, но и отпихнула от себя легонько. Потому что еще чуть-чуть — и ей бы пришлось учиться дышать ушами. Не то что бы лекарка была против. Только вот Арха твердо решила, что если ему действительно нужно будет уходить,

то она держать хаш-эда не станет. Никогда.

Кажется, он хотел что-то сказать. Но только улыбнулся и вышел.

***

Арха лежала, легонько поглаживая пальцем чуть припухшую нижнюю губу, периодически ловя себя на том, что улыбается. Приказывала себе прекратить, но прикрикивания хватало не больше чем на пять минут. Потом рот сам собой опять расплзался в идиотской улыбке. Она чувствовала себя душой, полной и окончательной. Но абсолютно счастливой. Тем более, что сколько уж Богиня мозгов при рождении дала — больше не отмерит.

Ведуны подумалось, что счастливой себя почувствовать гораздо проще. Ведь, дурам многого не надо. Вон, демонесса, наверное, считала себя умной. Только много ли ей с этого радости? Почему то лекарке мерещилось, что немного.

И, конечно, стоило ей вспомнить о чем-то плохом, как это самое плохое тут же и случилось. В смысле, заявилось. Золоторожка даже не удосужилась спросить у девушки разрешения войти. Просто влетела, шелестя всеми своими порхающими покрывалами — и все. И уставилась на Арху красными глазищами, собираясь, кажется, ее испепелить. Наверное, недаром ведунья чувствовала, что ее кончина будет связана с огнем. Не сожгут, так взглядами в головешку превратят.

Лекарка тяжело вздохнула, поглубже залезла под одеяло, обняла подушку обеими руками — морально подготовилась к смешиванию с грязью.

— Добилась своего? — прошипела демонесса. — Я-то думала, что ты дура. А ты у нас оказывается, хитрая интриганка? Хотела меня подставить?

— Эм... Вы сейчас о чем? — поинтересовалась ведунья весьма миролюбиво.

— Не прикидывайся идиоткой! Это ты перед Даном будешь глазками хлопать и губки надувать. А я тебя насквозь вижу!

— Да? И как там поживает моя печень? По-моему, что-то она в последнее время барахлить стала...

— Ты... Ты... Да я...

— Простите, леди Адаша. Я понимаю, что вы в моих советах не нуждаетесь. Но я вам все же рискну его дать. Вы когда беситесь, контролируйте дыхание. А то у вас появляются проблемы с формулирование того, что сказать хотите. Посчитайте хотя бы до пяти. Помогает.

Золоторожка уставилась на Арху, тяжело дыша и буквально сверля ее глазами. Толи до десяти считала, толи прикидывала, куда бездыханное тело ведуньи прятать будет. В конце концов, демонесса, видимо, приняла какое-то решение.

Едва ли не чеканя шаг, прошла к креслу. Уселась, закинув ногу на ногу. Насколько девушка помнила из наставлений демонов, это, вообще-то, считалось крайне вульгарным. Но, наверное, племяннице императора быть вульгарной позволялось.

— Слушай, девка, у тебя чувство страха напрочь отсутствует, что ли? — вдоволь на Арху насмотревшись и набарабанившись ногтями по подлокотнику, спросила она.

— Это вы меня так спрашиваете, не боюсь ли я вас? — уточнила ведунья, едва сдерживая улыбку — в последнее время хаш-эдов как-то подозрительно часто волновал этот вопрос. — Честно говоря, боюсь, конечно. Но если бы я в ступор впадала при каждом наглom и сильном клиенте, то мне давно бы жрать стало нечего. Тем более что многие же наглостью слабость прикрывают. А слабость — это следствие боли.

— Ты у нас, получается, не только ведьма, но и философ?

— В.. — Арха, по привычке хотела ее поправить, но вовремя прикусила язык. — Вы с чего взяли, что я ведьма?

Кажется, вытаращить глаза у девушки получилось вполне правдоподобно.

— Только не говори мне, что ты лекарка. Если бы ты в университете училась, то так бы не одевалась, — усмехнулась демонесса.

— Я и не говорю, — Архе пришлось снова пожимать плечами. — Я из Сарима, моя бабка была травницей. И меня кое-чему научила. Потом уж мне самой пришлось, когда в столицу перебралась. Знаете ли, в нищих кварталах с лекарями не густо.

— Ой-ей, как трогательно! Я сейчас расплачусь! — она скривила губы. — А говорить правильно тоже у нищих научилась?

— Почему? — на сей раз, лекарка изумилась вполне искренне. — У нас жил книжник один, ученый. Он бежал из империи и поселился в деревне. Он меня и учил. И говорить, и читать. Математике немножко.

Кстати, это была абсолютная и искренняя правда. Если не считать того, что Арха забыла упомянуть, из какой именно империи он сбежал. Но это к правильности произношения никакого касательства не имело.

— Ладно. Собственно, это все неважно. Мне до твоей биографии дела нет, — лекарка едва удержалась, чтобы не поинтересоваться, зачем демонесса тогда вообще ее расспрашивала. — Я хочу тебя предупредить, чтобы ты особо не усердствовала. Конечно, вчера тебе удалось меня выставить... в не самом выгодном виде. А сегодня почти удалось обвинить в отравлении. Но только это ничего не значит. Я...

— Погодите, это вы сейчас о чем? Как мне удалось вас выставить? По-моему, вазы вы начали бить без моего участия.

— Я имею ввиду когда я... Когда у меня... — ее скулы заметно порозовели.

— Вы имеете в виду, когда с вами вомитус[1] случился?

— Что?

— Ну, когда вы пол в холле загадили, — невинно хлопая глазками, пояснила Арха.

— Да ты...

— Считаем до пяти, — напомнила лекарка. — Леди, вам не кажется, что ваши логические построения слишком сложны? Вы меня сейчас обвиняете в том, что я заранее все спланировала? Уверяю вас, боднула я совершенно машинально. А что мне еще делать оставалось? Я драться не умею, да и не приходилось мне раньше. Ну, а то, что я вас... э-э-э... нагнула, так тут тоже рефлексы виноваты. Кстати, это и не гарантировало появление... вомитуса. Это я вам как лекарь говорю.

— Хочешь сказать, что сегодняшняя спектакль с отравлением ты тоже устроила рефлекторно?

Все-таки, видимо скачки настроения у хаш-эдов были отличительной чертой их расы. Хотя, возможно, это было свойственно всем демонам? Но если пять минут назад золоторожка была готова разорвать лекарку, то теперь она только надменно бровки вздернула.

— Ох, Тьма! Да не было никакого отравления! Не было! Я просто переела непривычных для меня продуктов. Я что, виновата, что на боль обмороками реагирую?

— И реакции Дана ты предсказать не могла? — она снова презрительно улыбнулась Архе.

— Леди, — прилагая все усилия для того, чтобы донести до нее свою мысль, ведунья заговорила с демонессой как с душевнобольной, — мы с ним познакомились всего несколько дней назад. Как я могу предсказать, как он отреагирует? Я даже его любимый цвет не знаю, а вы о реакциях.

— Но крем же ты проигнорировала.

Архе пришлось скрипеть зубами, давя в себе жгучее желание побиться головой о стену.

— А как, по-вашему, я должна была ответить на эту выходку? Слабительного вам в чай подсыпать?

— Что-то типа этого, — невозмутимо ответила она.

— А вам-то это зачем? — оторопела девушка.

— Ну, я бы сказала, что просто хотела с тобой подружиться, но не учла разницы между кожей демона и человека. А ты слишком злобная и решила мне отомстить. Дан терпеть не может мелочность.

Архе осталось только воздух ртом хватать, да таращиться на нее.

— Вы вот это сейчас серьезно, да?

— Тебя что-то не устраивает?

— Да как вам сказать... Леди, вы никогда не слышали сказку про лису, которая так старалась запутать свои следы, что у нее голова закружилась?

— При чем тут сказки? — она опять начала заводитьсь.

— Да при том! — не выдержав, рывкнула ведунья. — Есть такая хорошая присказка: «Будь проще — и окружающие к тебе потянутся!». Может, Дан от вас и шарахается, как от чумы, из-за вашей излишней сложности?

— Много ты понимаешь, бродяжка!

— Может, и немного. Но это вы во мне соперницу видите, а никак не наоборот.

— То есть, я для тебя уже и не соперница? — демонесса почти визжала.

«Ну вот, опять сейчас все сбегутся, и ты же окажешься виноватой в том, что довела нежную леди до истерики, — укорил Арху ее здравый смысл. — Блин, совсем забыл! Нежную беременную леди ты довела!».

— Да в чем мы можем соперничать? Вы же все равно своего добьетесь и жените его на себе. А я ни на что не претендую. Честно.

Ну, почти честно. Но ситуация действительно была смешная. Какая из ведуньи соперница?

— Конечно, а я тебе тут же поверила. Только одно «но», дорогая. Если ты вся такая невинная, то почему он тебя своей-то объявил? — демонесса скривила такую надменную физиономию, что у лекарки во рту кисло стало.

При этом она умудрилась сохранить всю свою красоту и нежность.

— В общем, я тебя предупредила, шлюшка. У меня на дороге лучше не вставай. Уничтожу.

Но встала сама. Арха никуда вставать не собиралась. Ни на чьей-то дороге. Ни, даже, с кровати. Вот хочется же иногда жить просто спокойно. Хотя, спокойно — это значит без демона. А ей хотелось жить именно с ним.

[1] Вомитус — (искаженное от лат. Vomitus) — рвота.

Глава четырнадцатая

Знание — сила. Чем больше знаний ты получаешь,
тем труднее держаться на ногах.

(Из студенческих разговоров)

Сквозь щель между косяком и неплотно прикрытой дверью в коридор пробивался свет. Арха пожевала собственную губу, раздумывая, не повернуть ли ей обратно. Или, все же, стоило посмотреть, у кого тут посередине ночи проснулась такая же тяга к знаниям, как и у нее? Любопытство, отсутствием которого ведунья прославилась, победило. Девушка заглянула в щелку и тут же пожалела о том, что вообще из своей комнаты нос высунула.

— И долго ты там собираешься стоять? — поинтересовался шавер, не отрываясь от книги.

Расположился он весьма вольготно, растянувшись во весь рост на диване, скрестив ноги в сапогах, которые демон и не подумал снять, и закинув руку за голову. Во второй у него, собственно, и была книга. Рядом с диваном стоял невысокий столик с графином вина, бокалом и вазой со свежими фруктами. В общем, ушастый приятно проводил время.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вообще-то, я только подошла, — буркнула лекарка, прикрывая за собой дверь.

Пожалуй, библиотека имела все шансы стать ее любимым помещением в этом доме. Во-первых, такого количества книг за раз она не видела никогда. Во-вторых, тут очень приятно пахло: старой бумагой, разошедшейся кожей и немного мастикой для мебели и книжной пылью. В-третьих, комната была уютной и какой-то... закрытой, что ли? Стоило дверь закрыть — и создавалось ощущение, что находишься внутри полутемной шкатулки. В общем, в библиотеке все было прекрасно. Кроме шавера.

— Решила любовный романчик на сон грядущий прочесть? — поинтересовался ушастый, переворачивая страницу. — Мусор в шкафу у окна.

— Ты же вроде в карауле быть должен вместе с Даном?

Его любезным предложением Арха пользоваться не спешила. Отходить от двери, впрочем, тоже.

Шавер ее вопрос проигнорировал. Ну, еще бы. Чтобы всякие ушастые перед грязнокровками отчитывались! Слишком много чести. Мысль о том, что надо бы гордо удалиться, казалась все заманчивее.

— Смотри, — Ирраш бросил на стол книгу, которую читал и ткнул пальцем в какую-то гравюру.

— И на что я должна смотреть?

— Может, ты поближе подойдешь? Видно будет гораздо лучше, — съязвил желтоглазый. — И не бойся, по вторникам я не кусаюсь.

— Сегодня четверг, — напомнила ведунья, но, все-таки, подошла поближе.

На рисунке было изображено истинное обличие какого-то демона. От всех подобных гравюр он не слишком отличался. Все тот же полный набор мышц, когтей, клыков и дикой злобы, которую рисунок прекрасно передавал. Только конкретно этот вид еще обзавелся абсолютно лысым хвостом, а мордой походил на кошку. Тоже лысую. Подпись под рисунком и текст на странице были написаны от руки, таким шрифтом, что даже знай ведунья древний — не прочла бы.

— И кто этот очаровашка? — поинтересовалась она, вдоволь наглядевшись на кошко-демона.

— Шавер, — ушастый перевернулся на спину, забросив за голову обе руки.

— Ну, я же говорю — очаровашка, — хмыкнула Арха.

— В тебе половина крови этой очаровашки. А, вообще, мне с тобой поговорить надо. Так что, устрой свою задницу где-нибудь и не заслоняй мне свет.

— О том, чтобы я отсюда уматывала или о том, чтобы я перестала перед Даном задом крутить?

— Не угадала. Он тебя официально своей назвал, — ушастый поморщился, словно только что сжевал лимон. — Так что, теперь мое мнение все равно ничего не значит.

Разговор становился все интереснее. Поэтому лекарка действительно уселась в кресле, стоящем напротив дивана и поджала под себя ноги. Не смотря на обилие в доме каминов, по полу тут все равно гуляли жуткие сквозняки.

— А ты не пояснишь тупой метиске, что это вообще значит? Рабство вроде в империи запрещено законом. Да и не припомню я, чтобы передавала себя в чью-то собственность, — поинтересовалась девушка осторожно.

И напомнила себе, что слова стоит выбирать и, вообще, быть крайне благоразумной. А то кто его знает, этого ушастого, психанет еще.

— При чем тут рабство? — рыкнул он. — Ты ни Тьмы не знаешь и не понимаешь. А все равно лезешь!

— Ну, так потому тебя, умного, и спрашиваю. Чтобы не промахнуться, — успокоила его ведунья.

Успокоение не сработало, потому что шавер продолжал сверлить ее желтыми глазищами. Арха невинно похлопала ресничками. Ушастый отвернулся, словно ему на девушку смотреть было тошно.

— Если демон объявляет женщину своей, то это значит, что она принадлежит ему, — неохотно, а, главное, вполне понятно объяснил Ирраш, но, все же, решил разжевать для особо тупых. — Любое зло, причинённое тебе, это умысел против него. Любое несанкционированное действие в твою сторону — это вызов ему. Весь род Роос и его вассалы обязаны тебя охранять, как его самого. Но он вправе распоряжаться тобой, как своей собственностью.

— Что-то мне кажется, что все это не слишком законно... — протянула Арха.

— Есть закон и есть Закон. Первый написан на бумаге для простых смертных. А по Закону живут лорды. Он самой Тьмой дан.

— Понимаю...

— Да что ты понимаешь, дура? Он официально заявил, что ты его главная ценность, кретинка!

Шавер так заволновался, что даже сел на диване. И залпом проглотил вино, которого в бокале было примерно наполовину.

— А ты-то что так волнуешься? Или теперь тебе тоже меня надо охранять как главную ценность рода?

— Мне и раньше нужно было тебя охранять, идиотку. Ты просто не понимаешь! У лорда не должно быть слабостей, вообще никаких.

— Ну, да. Вы холодны, рациональны, логичны...

— Да заткнись ты, наконец! Слабость — это то, чем могут воспользоваться враги,

чтобы добиться от тебя нужного им! Вруби мозги хоть ненадолго! Через тебя до Дана добраться — раз плюнуть! Или ты думаешь, у него врагов нет?

Чем больше он бесился, тем больше его рык напоминал какое-то утробное урчание. Вроде как у кошки, только лекарка таких больших котов себе и представить боялась.

— Не думаю, — помотала Арха головой и попыталась быть как можно более убедительной. — Ты мне можешь спокойно объяснить, как я могу исправить все это? Ирраш, считай меня кем угодно, но меньше всего я хочу навредить ему. Ты это попытайся понять.

— Откажись от него. Только по-настоящему откажись. Засунь все свои чувства куда-нибудь поглубже — и уйди.

Он тоже постарался быть как можно более убедительным. Даже наклонился вперед, упираясь ладонями в колени и гипнотизируя ведунью. Наверное, автор любовного романа про демонесс написал бы, что внутри у девушки все оборвалось, а мир полетел во Тьму. Но ничего подобного лекарка не чувствовала. Слова шавера так и остались словами. Нет, смысл Арха поняла, но...

Кто может добровольно отказаться от руки или ноги? Даже зная, что если их не отрезать, то гангрена отравит кровь, убьет? Любой до последнего будет отбиваться, не даваясь врачам. Не только потому, что ампутация — это больно. Скорее представить невозможно, что руки у тебя не будет. А Дан для ведуньи был даже не конечностью. Демон — это она сама. Девушка фыркнула, оценив пафос собственных мыслей. Но что делать, если только это и было правдой?

Шавер, кажется, понял, что убедить ее не получилось. Недовольно нахмурился и откинулся на спинку дивана, сложив руки на груди.

— Об этом я с тобой и хотел поговорить. То, что ты принимаешь за любовь — просто инстинкт. Инстинкт шавера.

Арха не нашлась, что на это ответить. Поэтому благоразумно промолчала.

— Нас в древности называли «боевыми котами хаш-эдов». Истинные нас создали, Арха. Мы животные, просто животные из Тьмы, — он ткнул пальцем в гравюру. — У нас даже разума не было. Зато имелись инстинкты. Шаверы — самые страшные хищники в Бездне. От них не спастись. Но хаш-эды приручили их, в подкорку, в самую сущность заложили безусловное подчинение. Догадайся, как можно добиться такого повиновения?

— Через любовь? — тихо спросила ведунья.

— Точно. Это наш инстинкт, он в крови. И никуда не делся даже тогда, когда мы обрели разум. Меня с детства учили противостоять ему, управлять им, быть самостоятельным. Не смотреть каждому хаш-эду в рот, ожидая, пока он меня по холке потреплет. Но я так и не сумел справиться.

Говорил он обычным своим, слегка недовольно-раздраженным, тоном. Но Арха видела, как тяжело ему дается каждое слово. Желтые глаза позеленели, шея напряглась, словно он тяжесть поднимал. Ведунья могла его понять. Он, такой весь из себя гордый, лорд из лордов, так и оставался боевым котом. Только не хаш-эдов, а отдельно взятого рогатого. И переломать он себя не мог. Да и не хотел, наверное.

— Ты знаешь, что такое импринтинг? — спросил ушастый — лекарка кивнула. — Теперь ты понимаешь, что с тобой происходит?

— Я наполовину человек.

— Ты наполовину шавер. А кровь Тьмы гораздо сильнее человеческой.

Он замолчал, пытаясь, кажется, свою правоту впечатать девушке в голову. Наверное,

будь его воля, он ей череп бы вскрыл — и вложил внутрь нужную мысль. Так, чтобы она точно никуда не делась. А поскольку он этого сделать не мог, то просто пытался просверлить в ведунье взглядом дырку.

Арха думала. Каким бы бредом ей не казалось то, что он сказал, это могло быть правдой. Кстати, многое объясняющей правдой. Да только лекарке она не подходила, не могла она принять такую реальность. Точнее, девушка бы ее и приняла, только вот ничего это не меняло. Умереть ради него — нет ничего легче, пожалуйста, в любой момент. Отказаться от него — нереально. Просто не-воз-мож-но.

— Наверное. Знаешь, Ирраш, может ты и прав, — заговорила она, наконец. — Только вот трусость это самая настоящая. Ты прячешься за своими инстинктами, как за каменной стеной. Мол, это не я, это все кровь.

— Ты так ничего и не поняла, дура! — прорычал он.

— И в этом ты вполне можешь быть прав, — Арха спорить не стала, — да только лично я предпочту сама принимать решения, а не списывать все на неведомое происхождение. Но спасибо, что рассказал. Я учту. И то, что ты говорил про слабости — тоже. И не надо мне ничего сейчас доказывать. Все равно не докажешь, а ссориться даже с тобой на ночь глядя не хочу. Спокойной ночи.

Она встала, глянула на стеллажи, набитые книгами. Но решила, что, пожалуй, обойдется сегодня без чтения. Правда, уже у самой двери не удержалась. Поскребла створку ногтями и негромко мяукнула. И только потом выскочила в коридор. В библиотеке что-то грохнуло, зазвенело разбитое стекло. Дверь заглушала разъярённый демонический рев, но смысл эпитетов, которыми ведунью осыпал шавер, все равно дошел.

И не смотря на то, что эпитеты были не слишком лицеприятными, Арха удалилась хоть и поспешно, но улыбаясь. Лучшее снадобье от тяжести на душе — сделать мелкую гадость ближнему своему.

***

— Слушай, надо бы тебе собственной лошастью обзавестись! — выдал Шай, поворачивая свою конягу на улицу, ведущую к клинике.

— А почему сразу не крылатого единорога? — мрачно поинтересовалась ведунья.

В столицу пришли холода. Да такие, каких лекарка припомнить не могла. Обычно в морозный день небо голубое, солнце светит ярко, снег искрится. А сейчас город словно нахмурился. Все кругом накрыла какая-то сероватая дымка. Окна и двери были закрыты наглухо. Пустынные улицы, казалось, звенели, словно замороженные насквозь. И даже дышать было холодно. Ледяной воздух обжигал горло, будто она огонь глотала.

А бравому блондину все было нипочем. Он, кажется, неудобств вообще не ощущал. Плащ на груди распахнул, не смотря на то, что под ним виднелся только не слишком теплый форменный китель. А капюшон Шай вообще сдвинул едва ли не на затылок. Хотя его острые уши пламенели ярко-малиновым цветом. И трещал он без умолку, а лекарка даже выдыхать старалась в меховой воротник. Вот что значит внутренний настрой. Архе с утра было достаточно ему сказать, что лекарство можно прекратить принимать, как настроение ифовега взлетело до небес и мелкие бытовые неудобства прекратили его занимать.

— Не, крылатые единороги только у членов императорской семьи могут быть. Хотя, попроси Дана, может, он тебе достанет по дружбе.

— Да пошел ты во Тьму, кретин, — обиделась лекарка.

— Ар, ты чего надулась? Да я просто пошутил. Ну, извини, неудачно, — залебезил

демон. — Все знают, что у вас с ним чистая и незамутненная любовь. Эй, ты куда? Стоять!

Он перехватил девушку, усаживая назад на лошадь, с которой она попыталась съехать с гордым видом. С гордым, конечно, не получилось. И плащ, и подол немедленно задрались, и мороз ледяным языком лизнул по ногам. Да еще и Шай, перехватил ведунью понадежнее, обняв за талию. В общем, вид у нее получился еще тот.

— Да чтоб у тебя нос от сифилиса провалился!

От всего своего большого сердца пожелала Арха, приводя одежду в порядок. Блондин аж поперхнулся от такой доброжелательности.

— Ар, ну ты чего? Меня что ли не знаешь?

— Знаю, — заверила его лекарка. — Еще одна такая шутка — и получишь ты у меня снадобье, которое тебя навсегда обезопасит от любых дурных болезней.

— Правда? А как оно действует? — заинтересовался красавчик.

— Просто. Кое-что у тебя будет подниматься исключительно при помощи рук!

— Злая ты, Арха.

— Достал! — рявкнула она.

Потому что эта считалочка про «злая-недобрая, ведьма-ведунья» ей уже оскомину набилла.

— Злая-злая. Но ты мне лучше серьезно скажи, чего бы такое съесть, чтобы не было как у этой вашей... бр-р-р! — его передернуло.

— Ты бы лучше соображал, на кого не надо залезть, чтобы не было как у этой, нашей.

— Ар, ну вот ты опять начинаешь! Ну не могу я, не могу! У меня природа такая. Я же ифовет, в конце-то концов, а не пушистый зайчик.

— Слушай, зайчик, ты вот сейчас кому голову морочишь? Я ведь прекрасно знаю, что вся ваша запредельная любвеобильность, данная Тьмой — это сказки. Ну, фертильность[1] у вас повышена, возбудимость тоже — это факт. Но себя в руках ты вполне способен держать.

— Фирт... Чего?

— Иди во Тьму! — огрызнулась лекарка.

— Нет, ну я вот сейчас совсем серьезно. Ну, не могу я сдерживаться, когда вижу хорошенькую мордашку. Это выше меня.

— Угу, а Дан может?

— Ну, ты сравнила. Он же хаш-эд!

— А ты кто? Ангел, что ли? Прости, не заметила, — фыркнула девушка.

— Я — ифовет! Ифовет!

— А ифоветы-то кто? Те же демоны, только вид другой. Все вы пошли от Истинных. Что у Света, что у Тьмы — принцип одинаков. Есть коренная раса, остальные производные. А все различия — просто обычаи, да и немного физиономии разные. Так что ты на меня слезно не дави. Демоны и есть демоны.

«Кроме, как оказывается, шаверов...» — пришла ей в голову умная мысль. Но, с другой стороны, лорды были правы, когда ее саму «зверушкой» нарекали. В предках у Архи и впрямь настоящие зверушки водились.

— А ты заткнешься когда-нибудь? — поинтересовался у ведуньи тот самый шавер, который ехал за ними, чуть приотстав. — Или мне тебя лично спалить?

— Теперь-то я что сказала? — вызверилась Арха. — Это даже не ересь! Про первого хаш-эда, возлюбленного Тьмы, каждый ребенок знает. И про то, что у них было шестеро сыновей — прародителей великих кланов.

— Пассаж про Свет тоже не ересь? — глазища ушастого сверкали как фонари, даром, что на улице белый день был. — Ты, дура непуганая, инквизиции не боишься, потому что ее даже рядом не видела. Только когда на костре окажешься, бояться поздно будет. Поэтому сейчас, пока еще ничего не случилось, завяжи свой язык в узел.

— Да, ладно, Ирраш, что ты на нее напал? — заступился за лекарку Шай.

— А то, что я свою жизнь из-за какой-то соплячки, которая решила, что умнее всех, ломать не хочу, — отрезал ушастый и, ударив пятками своего конягу, выехал вперед.

Кажется, после вчерашнего разговора отношения Архи с шавером перешли на новый уровень взаимной любви. Той самой, при которой так и хочется придушить. Можно даже и не в объятьях, а по-простому — веревочкой. Одно девушку радовало — с утра не только у нее настроение поганое было.

— Ты не обижайся на него, — смущенно пробормотал блондин. — Он же не со зла.

— А исключительно по причине заботы обо мне, — хлюпнула ведунья замершим носом. — Но он прав. В принципе.

— Ар, а про ифоветов — это правда?

Арха застонала, закрыв лицо руками. Кто о чем, а вшивый все о бане.

***

В этот раз мистрис Шор прибывших встречать не изволила, хотя Шай и заверил, что об их приезде она оповещена. Но, как сообщила остановленная для допроса санитарка, хозяйка клиники лично занималась какой-то особо важной клиенткой. Естественно, это было приоритетней согласования чьей-то там практики и подписания кучи бумаг, которые по ошибке назывались поручительством. Поручительство — это один листочек. А когда одних форм набирается целая папка, то это должно называться как-то по-другому.

Ведунья решила не ждать, пока Шор освободится, а навестить «имперское» крыло. Тем более что практику ей предстояло проходить именно в нем. И не просто проходить, но, по возможности, еще и усовершенствовать помощь бесплатным больным. Потому что в том виде, в котором отделение находилось сейчас, ни на одного, даже самого мягкосердечного спонсора, оно впечатления произвести в принципе не могло. Любой бы только посоветовал его закрыть и не мучать зря пациентов.

В «имперском» крыле клинике царило непривычное оживление. Пациентов, кроме старой подруги Архи — той самой, без носа — не было. Что и не удивительно. В такие-то морозы не до женских болезней, да и с родами лучше подождать. А если ждать не получается, то можно разродиться и там, где сидишь. По крайней мере, не замерзнешь по дороге.

Зато в «палате» обнаружилось человек пять разновозрастных девочек. Точнее, скорее девушек-подростков. А командовала ими малявка, подозрительно смахивающая на помесь бесса с демоном. От первых у нее был росточек, крепко сбитый костяк и кудряшки. А от вторых набыченный лоб, решительно выдвинутая нижняя челюсть и громовой голос. Не смотря на то, что чудо-ребенок Архе была примерно по пояс, остальные шустрили под ее началом как тараканы.

— А что здесь происходит? — поинтересовалась лекарка, глядя, как девушки отскребают от стен застарелую и местами окаменевшую плесень.

— Ой, здрасти, стрис Арха. Я вас не заметила вначале, — малявка развернулась к ведунье, по-прежнему упираясь кулаками в бока. — А мы тут эта... про-фес-си-аналь-ное обучение проходим. Во!

— Профессиональное, — машинально поправила ее Арха, разглядывая это чудо и пихая локтем ржущего, как его собственный конь, блондина.

— А вы, чай, меня не узнаете, а стрис? — поинтересовался ребенок, деловито вытирая рукавом нос.

Девушка покачала головой. Нет, кажется, решительную девчушку она определенно раньше не видела. Хотя ее манера говорить лекарке что-то напоминала.

— Ой, ну как жешь? — огорчилась малышка. — Не помните? Ну, Рунго. Которого плетями заporоли? Я за вами тогда ходила.

— Помню... — растеряннo протянула Арха, разглядывая девочку.

Одета она была просто, но добротно и тепло. Суконное, темно-синее платьишко, шерстяные чулки, грубые, но крепкие ботинки. Чисто вымытые волосы заплетены в две толстые косички и перевязаны ленточками. Мордаха тоже чистая и довольная. Хотя по ней заметно было, что она всю свою не слишком длинную жизнь недоедала.

— Извини, я просто тебя не узнала, — промямлила ведунья. — Ты тогда совсем другой была.

— Ой, да меня б и мамка родная не узнала. Ежели б, канешна, она меня когда видела, — махнула на Арху рукой девчонка и прыснула, прикрыв рот ладошкой. — Вы тады ушли, а на другой-то день у нас та-акое началось! Я глаза продираю — ба! Кругом солдат, что твоих вшей! И всех наших отлавливают, ака кролей. Ну, меня, понятно, тоже спымали, хоть я утекать и горазда. Всех, значит, собрали и поволокли куды-тоть. Привезли, значит, в дом такой, ну, каменный. Ща, погодьте.

Она повернулась к одной из девушек, драившей стены. И выдала такую тираду, что у ведуньи уши дернулись, а Шай за ее спиной выдал пораженное: «Ого!». Из всей тирады лекарка поняла, что девушка пропустила какое-то пятно на стене. И поэтому она в корне неправа. Кстати, уборщица даже спорить не стала и принялась деловито уничтожать недоработки.

— Во они у миня где! — малышка продемонстрировала небольшой, но крепкий кулачек. — Так о чем бишь я? А! Привезли нас, значит, в дом. А тама лорд, который с вами был. Ну, грозный такой. Сразу видать, мужик деловой. И вот он нам грит. Мол, теперича у нас жизнь по-другому пойдет. Будут нас кормить и одевать, и дажить учить. Но за то мы должны крепко работать, без дураков. И впрямь, помыли нас, одежду вот выдали и кормить стали от пуза. А еще у нас две теткы есть. Они за нами вроде как глядят, но не строгие. Добрые дажить.

Она снова хлюпнула носом, утершись рукавом. Видимо, у нее был хронический насморк, а то и воспаление.

— Во. А тут наемни он опять, ну, в смысле, лорд то приходит и грит. Мол, кто хочет работу, значит получить, тот с им пойдет. То есть такую работу, чтоб и дальше работать можно будет. Он тама многа сказал. Парням за конями ходить и за другим скотом, доски пилить, еще там чего. А девкам, значит, иглой орудовать иль на кухне подмогать, белье там стирать. Или вот, как тута, за больными ходить. Я так покумекала и сюды собралася. А че, худо чтоль? Это завсегда нужно будет. За стариком там приглядеть али за больным каким. А то в армию поступлю. Тама такие тожить нужны. А мужиков справных — ого-го! Я его, ранетого, приголублю, а он меня. И всем хорошо!

Шаю, кажется, начала в серьез угрожать смерть от хохота.

— То есть, вы тут будете санитарками работать? — уточнила Арха.

— Ими, — серьезно кивнула малышка. — Этот дядька сердитый ишо сказал, что вы добрая. Ежели вас попросить, то вы травам всяким научити и зельям. Тады вообще не жизнь будет, а малина. А вона Лали у нас хотит научится дитев принимать. А Митка та ваще Тьмой поклялась, ежели у нее жизнь такая будет, как лорд расписал, то она тожить будет ходить за убогими. Забесплатно. Сама убогая. Так ить, научите али он обратно врал?

— Не врал, — покачала головой ведунья, — научу.

И понимая, что она сейчас просто не выдержит, Арха развернулась на каблуках и почти побежала в комнатенку, которая была рядом с «аистом». Но убежать ей не дали. Шай перехватил лекарку в коридорчике.

— Эй, Арха, да что с тобой? Опять плохо, что ли?

— Все нормально, — прогнусавила она, старательно отворачиваясь.

— Да ты что, ревешь?

— Нет, — соврала девушка.

Ну, не совсем и соврала. Она еще не ревела, но была очень близка к этому.

— Да что тебя так расстроило-то? — допытывался приставучий блондин.

— При чем тут расстроило? — взорвалась Арха, вывернувшись из рук блондина и, уподобившись малявке, утерев мокрый нос рукавом. — Ты не понимаешь? До них никому дела нет! Вообще никому! Они живут как... как... Да собаки бродячие живут лучше, чем они! А он позаботился. Не просто кусок хлеба швырнул, а позаботился! Безэмоциональный, Тьма! Расчетливый! Он им шанс на нормальную жизнь дал! А ты не понимаешь...

— Тем более что ему это ничего не стоило, — протянул шавер, которого ведунья, в очередной раз, не заметила. — Работные дома и так финансируются из казны. Правда, львиную долю, конечно, прикарманивают управляющие. Но тут Дан просто взял под контроль финансирование одного дома. А если эксперимент станет удачным, то ему, как будущему государственному деятелю, будет большой плюс. Он докажет, что способен изящно и незатратно решать проблемы, в которые никто предпочитает не лезть.

— Не отсох язык от такой длинной речи? — язвительно поинтересовалась лекарка. — Какая разница, стоило это ему что-то или не стоило? Он позаботился, решил проблему, что тебе еще надо?

— Мне? — усмехнулся шавер, на памяти Архи впервые. — Мне ничего не надо. Меня поражает, как мало тебе нужно. Ты еще нимба над головой у него не видишь, нет?

Он покрутил пальцем у себя над макушкой.

— Завидно — завидуй молча, — рявкнула ведунья.

— Было бы чему завидовать. Хотя, я не прав. Есть чему. Так манипулировать окружающими, как это Дан делает, уметь надо.

— Ирраш, ну что ты, в самом деле... — расстроенно протянул Шай, который, видимо, ссор ни в каком виде не переносил.

— В самом деле, Ирраш, что это ты? — сладенько пропела ведунья. — Может, тебе стоит тоже язык узлом завязать? А то вдруг Дан догадается, что с такими друзьями никаких врагов не надо, а, котик?

Шавер что-то прорычал, но Арха проворно нырнула за спину блондина, выставив его вперед как живой щит. И пол просто ушел из-под ее ног. Лекарка как будто провалилась в яму. Что-то очень твердое садануло по затылку, лопаткам и попе. Перед глазами замелькали черные мушки, в ушах звенело. Ее кто-то звал, но голову девушки как будто ватой обложили. Где-то высоко над головой мерно покачивался потолок. И на его фоне она видела две

темные, размытые, как акварель, фигуры.

Арха пыталась сообразить, что происходит, но никак не могла. Связать мысли не получалось, они словно обрывались на половине. Сил не было, как будто она смертельно устала. Желаний тоже, пожалуй, не было. Дышала лекарка тяжело, но и на удушье это не походило. Скорее каждый вздох казался чрезмерным, лишенным смысла усилием.

— Стой! Не смей! — раздался далекий-далекий голос.

Он шел не извне, но не был и в ее голове. Говорили во Тьме, разверзшейся под полом, на котором лежала девушка.

— Прекрати, Ишала, я серьезно. Или не получишь больше ничего.

Тьма была недовольна. Очень недовольна.

— Не посмеешь, — клубком змей прошипела она.

— Отсеки ее. Я знаю, что ты сможешь, — отозвался первый, бестелесный и даже бесполой голос.

— Нет, мне нужно. Она сильная...

Архе показалось, что ее засасывает мрак, словно выпивая, как тянут коктейль из трубочки.

— Или ты прекращаешь, или я.

— Жадина, — хихикнула Тьма.

И все действительно прекратилось. Ведунья была самой собой, только очень слабой, как будто у нее все мышцы превратились в желе.

— Арха, да что с тобой? — завопил Шай.

Слух к ней вернулся резко, в одно мгновение.

— Не со мной, — голос лекарки напоминал писк мыши при смерти, — помоги мне встать. Нам надо вернуться.

Ведунья старательно отводила глаза, пытаясь не встречаться ни с кем взглядом. Просто потому, что не знала, можно ли им объяснять, что случилось. Собственно, того, что именно произошло, она и сама не поняла. Но то, что ему гораздо хуже, чем Архе сейчас, осознавала четко.

***

Окончательно силы к ней не вернулись. Ведунья все еще чувствовала себя так, словно грузчиком на пристани целый день отработала. Не добавляло бодрости и то, что Шай всю дорогу пытался из нее вытянуть, что же, все-таки, произошло. Шавер молчал, но бросал в сторону девушки такие взгляды, что она себя преступницей чувствовала.

В холл дома Дана Арха буквально влетела, на ходу выкрикивая его имя. Были бы в доме покойники — они бы восстали от ее воплей. Но хаш-эд не отзывался.

— Ар, он спит, наверное, — попытался урезонить ее Шай.

— Спит? — растеряно переспросила ведунья, оглядываясь и пытаясь сообразить, куда ей мчаться.

— Ну, он же ночью в карауле был. Дай ты ему отдохнуть. Пойдем лучше сядем. Ты расскажешь, что произошло.

Арха только молча вырывалась, наверное, сама напоминая сейчас попугайчика, бьющегося о прутья клетки.

— Лорд Харрат в библиотеке, мистрис Арха, — поджимая тонкие губы, сообщила бесшумно появившаяся нянюшка. — И так кричать молодой особе не пристало.

— Простите, — смутилась девушка, наконец-то обретая связь с реальностью — я

просто... испугалась.

— Тем более не пристало, — старушка осталась непоколебимой в своих убеждениях. — Пойдемте, я вас провожу.

Страхнув руку Шая и подхватив подол, ведунья поспешила за бессой. Кажется, гвардейцы тоже не отставали, но лекарка на них просто внимания не обращала. В дверь библиотеки она сначала поскреблась ногтями. Никто не ответил. Решилась постучать, но и тут ее проигнорировали. Поэтому, нервно оглянувшись на демонов, Арха просто приоткрыла дверь и проскользнула внутрь.

В комнате царила полутьма, гораздо более густая, чем вчера вечером. Высокие окна закрывали тяжелые, плотные портьеры, позволяющие дневному свету проникать внутрь только через узкую щель. Поэтому Дана она увидела не сразу. Демон сидел в кресле, развернутом спинкой к входной двери. Его рога с чем-то другим перепутать было сложно. Разве что с каким-нибудь охотничьим трофеем, вроде головы горного барана. Арха нервно хихикнула. И сообразила, что банально боится, просто потому, что не знает, как Его лордство отреагирует на появление незваной гостьи.

Практически на цыпочках, прижимая к бедру юбку, чтобы не шуршала, Арха подкралась к креслу. Осторожно заглянула ему через плечо и убедилась, что хаш-эд, все-таки, спит. Веки закрыты, и лицо было расслаблено. Ведунья облегченно перевела дух, но, кажется, рановато.

Взгляд лекарки упал на его пальцы, чересчур сильно для спящего сжимающие подлокотник. Даже костяшки побелели. Да и кожа демона, обычно просто бледная, отливала в синеву. Лекарка осторожно, постаравшись его не разбудить, коснулась пальцами лба. Кожа лорда была холодной и липкой.

— Тьма! — взревела ведунья. — Опять?!

Его ресницы чуть дрогнули, но глаз он так и не открыл.

— Не кричи, Арха. Сейчас все пройдет, — то ли прошептал, то ли прошелестел он.

За спиной девушки негромко, но исключительно мерзко выругался шавер.

— Что пройдет? Тебя же опять выпили! Дан, это...

— Просто посиди со мной. Пожалуйста.

Он с явным трудом расцепил пальцы и похлопал ладонью по подлокотнику. Арха послушно села, хотя ей в данный момент хотелось орать и разносить все, что попадется под руку. Но ведь он попросил... Демон повернул голову, положил ее ведунье на плечо так, чтобы не задевать рогами. Рука девушки сама потянулась перебирать его волосы. Кажется, лорду это понравилось. Даже едва слышное дыхание стало ровнее.

— Дан, скажи, пожалуйста, кто это делает. Я же с ума схожу, — попросила лекарка.

Он не отвечал долго. Так долго, что Арха подумала — не ответит. Но демон, все-таки, шевельнулся. Вдохнул тяжело, устало, взял ее руку, переплетя пальцы со своими.

— Поговори со мной.

Ведунья снова обернулась к демонам, стоявшим у дверей с угрюмыми физиономиями. Помогать они ей явно не собирались. Кажется, гвардейцы решили ограничиться воплощением в реальность скульптурной группы «Неодобрение и Скорбь».

— О чем, Данаш?

— Я давно тебя хотел спросить. Вам же в клинику часто детей подкидывают, верно? А куда их потом девают? — он прижал ладонь девушки к своим губам, не целуя, а как будто согревая дыханьем.

От его вопроса Арха несколько растерялась. Но, с другой стороны, какая разница, о чем говорить? Видимо, ему так легче было.

— В приют, — ответила ведунья, расчесывая пальцами его шевелюру.

Она была гладкой, плотной и тяжелой, слегка прохладной на ощупь.

— А в какой?

— Ну, это смотря по тому, какой ребенок, — рассеянно ответила она, мягко массируя его затылок.

Демон против не был — уголки его губ дрогнули в подобие улыбки.

— И что это должно значить? — его дыхание щекотало ладонь девушки.

А она сама могла думать только о том, что под глазами у лорда опять залегли черные круги. И что чашка горячего и очень сладкого чая лорду не повредит. Но для того чтобы приготовить этот самый чай, нужно встать и расцепить пальцы. А как приказать слугам, ее никто не удосужился научить. Хотя, наверное, в доме даже нужные травки могли найтись...

— То и значит, — ведунья опять пожала плечами, слыша, как кто-то аккуратно прикрыл входную дверь — видимо, не к месту деликатные демоны решили оставить их наедине. — От происхождения детей это зависит. Тех, кто покрупнее и посильнее отправляют в приют Вечной Тьмы. Совсем слабеньких — в приют Благодарности Тьме. А тех, у кого человеческой крови много — в Тьму Царствующую.

— Как-то бедно у нас с разнообразием названий, тебе не кажется? — задумчиво спросил демон, водя губами по ее запястью. — А откуда такое разделение?

— Ну, это вроде задела на будущее. Сильных потом в работные дома отдают. Мы в таком были, помнишь? Те, кто послабее, потом обычно публичные дома пополняют. Ну, если раньше не загнуться. А людей вообще стараются изолировать. Да и в этом приюте условия самые кошмарные.

— Ты так спокойно об этом говоришь... — явно размышляя о чем-то своем, протянул демон.

— А ты ожидаешь, что я в конвульсиях биться начну? Дан, я не воплощение Богини на земле. Это реальность такая и я ее изменить не в силах.

— А почему тогда ты так на этого мальчишку отреагировала?

— Ему я могла помочь. Он реальный, понимаешь? Не какой-то там абстрактный ребенок, а конкретный, здесь и тут. Я просто опоздала. И это было неправильно.

— Ты по всем своим умершим пациентам с ума сходишь?

— Да нет, Данаш, — Архе нестерпимо хотелось его поцеловать, но она никак не могла на это решиться. — Где-то я действительно ничего сделать не могу. Когда Тьма просто забирает то, что ей принадлежит. Тяжелая болезнь, старость, травмы, которые я излечить не в силах. Грустно, но таково Равновесие. А когда-то я просто прихожу слишком поздно. Так не должно было случиться. И это неправильно. Понимаешь?

— Я стараюсь.

— И у тебя не очень выходит, верно? — улыбнулась девушка. — Давай я попрошу, чтобы чаю принесли? Тебе станет легче, вот увидишь.

— Мне уже легче, котенок. Просто посиди со мной.

В полумраке тихо тикали большие часы, отсчитывая минуты, в камине потрескивали дрова. Промороженная ветка дерева застенчиво скреблась в оконное стекло. И ведунье, не смотря ни на что, было хорошо.

[1] Фертильность(лат. fertilis — плодородный, плодovitый) — способность половозрелого организма производить жизнеспособноепотомство.

Глава пятнадцатая

Глава пятнадцатая

С некоторыми господами лучший период отношений - это когда вы еще не были знакомы.

(Из наблюдений мистрис Шор)

Слуга, возникший совершенно бесшумно, словно сам собой воплотившийся из сгустившегося в углу мрака, зажег свечи. Часы показывали всего восемь вечера, но за окном все затопила такая темнота, какая бывает только в последний зимний месяц.

— Ужин будет подан в столовую через полчаса, — сообщил бесс с таким видом, будто речь шла не об ужине, а, как минимум, о частной аудиенции у императорской четы.

Лорд в ответ коротко кивнул, а ведунья вздохнула.

— Не хочешь есть? — не понял ее вздохов демон.

— Не хочу никуда уходить, — честно ответила Арха, — мне и тут хорошо. А там опять будет твоя «еще не невеста».

— Арха, пойми, пожалуйста... — начал рогатый, но девушка ему договорить не дала, накрыв рот ладошкой.

— Данащ, я не все понимаю, наверное. Но мне соображалки хватает для того чтобы догадаться, что у тебя есть собственная жизнь, сложности и обязанности. Поэтому ни на что и не претендую. Но это не значит, что я с восторгом буду встречаться с твоей «еще не невестой». Есть ты и я. Есть ты и все остальные. Пусть так и остается, хорошо?

Он смотрел на нее странно, словно лекарка неожиданно сказала что-то умное, а он наличия у девушки таких возможностей вообще не подозревал. Ведунья пожала плечами и улыбнулась, мол: «Как-то вот так...». Рогатый поцеловал ее ладошку, перевернул руку и поцеловал еще раз.

— В твоей бывшей квартире убрались, — сказал он, наконец, — там какие-то вещи остались. Если хочешь, мы можем съездить за ними.

— Прямо сейчас? — он кивнул.

Арха сомневалась, что там могло остаться хоть что-то целое. Да и плевать ей на вещи было. То, чем ведунья действительно дорожила, уничтожили точно. А остальное можно смело послать во Тьму. Но предстоящая прогулка с Даном вместо великосветского ужина выглядела весьма заманчиво.

— А можно только вдвоем поехать? — накручивая его волосы себе на палец, поинтересовалась лекарка робко. — Наверное, тебя одного для моей охраны будет достаточно?

Рогатый тихонько щелкнул ее по носу, заявив, что желание дамы для него закон. Но в том, что идея была действительно умной, Арха засомневалась, как только демон попытался встать. Потому что с первой попытки у него ничего убедительного не получилось. Но лекарка уже усвоила, что если демон себе в рогатую башку что-то вобьет, то остается только в сторонку отходить, чтобы не снес.

Он сжал зубы так, что желваки под скулами заходили. И встал-таки, почти даже не

платаясь.

Ведунья удостоилась не слишком уверенной улыбки и совета подождать его у ворот. Пришлось исполнять. Хорошо еще, что демонесса, видимо, в Бездну провалилась. Потому что золоторожка за вечер так и не появилась и отстаивать свое будущее семейное счастье не пыталась.

Честно говоря, Арха ее появления ждала. Ну, не могла Адаша упустить столь удобного случая устроить очередной скандал. И пока лекарка у ворот мялась, она поминутно оглядывалась, ожидая появления прекрасного виденья. Потому что красавице как раз времени хватило бы не только тихонечко отвернуть голову наглой грязнокровке, но и тело в саду снежком присыпать.

Собирался хаш-эд долго — девушка даже успела замерзнуть. Но когда Его лордство, все-таки, изволил явиться, то полутруп уже не напоминал. Так, обычный демон. Бледноватый только.

Арха с его адской коняшкой обменялись традиционными приветствиями. В смысле, конь на ведунью презрительно фыркнул, ехидно кося кровавым глазом, а она шарахнулась в сторону. Потом лекарку усадили животине на спину, так же традиционно используя собственную ногу в роли опоры. Ну и поехали. Неторопливо, хотя мороз к вечеру заметно окреп.

Как только ворота остались за их спинами, девушке даже дышать стало легче. Не нравился ей этот особняк. Да, большой. Да, роскошный. Но склепы ведь тоже бывают большими и роскошными. Нет, Арха не считала, что дом отличался особой мрачностью. Но было в нем что-то такое... нехорошее.словно за садом сразу Тьма начиналась.

Всю дорогу Дан молчал, то ли думая о чем-то своем, то ли просто нехорошо ему было. Только один раз и спросил, не замерзла ли ведунья. Стараясь не слишком громко стучать зубами, Арха честно ответила, что у нее даже внутренности скоро в ледышку превратятся. Лорд поторопил свою животину, которая начала быстрее переставлять заиндедеввшие копыта. Но скорости передвижения им это не прибавило.

Когда они, наконец, подъехали к бывшему дому лекарки, у девушки уже ресницы от холода слипаться начали. Пришлось их едва ли не руками раздирать. Рогатый привязал свою конягу и велел Архе ждать ровно пять минут, пока он осмотрит квартиру на предмет спрятавшихся по темным углам убийц, не иначе как с ножами в зубах поджидающих наивную ведунью.

Лекарка послушно осталась клацать зубами на морозе, но положенного времени не выдержала. Да и не слишком верила, что ей вообще может что-то грозить. Поэтому смело шагнула в подъезд. И тут на нее навалилась тоска. Все-таки, в этом доме Арха почти больше четырех лет прожила. Много за это время было разного — и плохого, и хорошего. Но не хотелось ей отсюда уезжать. Потому что прошлое принадлежало только ведунье. А будущее терялось где-то за горизонтом.

Тяжело вздохнув, Арха поплелась по лестнице, мысленно считая ступеньки. Почему-то так взбираться было морально проще. Смотрела она себе под ноги, свесив голову, как усталая лошадь. Это ее и спасло. Удавка зацепилась за подбородок, а не захлестнулась вокруг шеи. Голый инстинкт заставил девушку наклонить голову еще ниже и шатнуться назад, ослабив напряжение металлической струны. Краем глаза она заметила, что что-то мелькнуло сбоку и довольно низко. Кажется, кожи коснулся холодный металл, но на это лекарка внимания не обратила.

Вообще происходящее смешалось в какую-то кашу. Она почти ничего не различала, кроме сопения и топота ног, под которыми поскрипывали половицы пола. «Почему они так топают, ведь вроде никто и никуда не бегают?» — мелькнула отстраненная, далекая мысль, словно ее кто-то другой подумал.

Под колени ударили — и довольно сильно. Но боли не было. Просто ноги подломились сами собой и удавка, ободрав нос, соскользнула вверх.

— Ты что делаешь, урод? — пропыхтел кто-то, стоящий над девушкой, обдав ведунью такой волной перегара, что у нее глаза заслезились.

— Ща... — ответили ему и полумрак, царивший на лестнице, от лекарки закрыла огромная тень.

Говорят, что в последний миг пребывания в этом мире перед глазами вся жизнь проносится. Но перед ведуньей ничего не мелькало. Она даже испугаться то не успела, не то, что в том переулке. Вообще ей все происходящее мерещилось чем-то не слишком реальным. Так иногда бывает во сне — понимаешь, что вроде бы стоит бояться, но страха нет.

Арха увидела, как мелькнуло лезвие, тускло блеснув, словно чешуя снулой рыбы. Мелькнуло — и пропало, скрывшись в темноте. Но даже это ее не впечатлило. Кажется, лекарка только ресницами хлопать и была в состоянии.

И в тот момент, когда девушка заметила мелькание ножа, лестница дрогнула от рыка. Такого звука ей ни разу не приходилось в своей жизни слышать. Он был утробный, с подвыванием, как будто рычащий зверь сидел на дне колодца. Уши Архи сами собой к голове прижались. И не стой она на коленях — точно бы рухнула на пол.

Сердце, которое успело испугаться вместо хозяйки, колотящееся где-то в горле, ухнуло вниз, оставив сосущую пустоту. Вокруг лекарки мелькали какие-то темные силуэты. Но их движения были настолько быстрыми, что Арха их различать не успевала. Внезапно ведунью словно из ведра окатило чем-то жгуче-горячим. Невыносимо завоняло нагретой медью, как от лампы. И почти на колени девушке упала голова, с бесстыдно вывороченным языком и дико выпученными глазами.

Девушка завизжала, не столько от страха, которого так и не было, сколько от неожиданности, отбрасывая от себя мерзкий предмет, который почти бесшумно провалился в лестничный пролет. Стало тихо, так тихо, что у ведуньи в ушах зазвенело.

— Ты цела? — спросил откуда-то из темноты Дан, но, кажется, даже не сделал попытку подойти.

Арха замотала головой, сама не слишком понимая, что это должно было значить.

— Попробуй встать, — то ли попросил, то ли посоветовал демон.

Послушно, как будто приказу подчиняясь, лекарка уцепилась за перила, попытавшись выпрямиться. Как не странно, это у нее получилось. Хотя пол под ногами ходил ходуном. Девушке потребовалось с силой потереть лицо, нажав ладонями на глаза, чтобы осознать, что это не пол трясется, а ее собственные колени.

— На улицу, быстрее! — рыкнул рогатый.

Действительно, внизу уже слышались голоса, хлопали двери. Кажется, кто-то настойчиво интересовался тем, что тут происходит. Ведунье действительно стоило бы поторопиться. Общаться с жильцами у нее не было ни малейшего желания.

Арха подняла голову, хотела что-то спросить.

— Не смотри! — рявкнул лорд. — К лошади, живо!

Пришлось уставиться в пол и, прижимаясь к перилам, обогнуть застывшего в углу

демона. Кажется, он был раза в два больше своих обычных размеров. Тела, закутанного до пят в кожистые, перепончатые крылья, девушка не разглядела. Да и лица не увидела — Дан наклонил голову так, чтобы волосы, свесившиеся почти до пояса, его завесили.

По лестнице ведунья спустилась в каком-то тумане, прикрыла за собой дверь, да так и села на крыльце. В подъезде громко переговаривались, Арха пыталась прислушаться, но смысла не улавливала. Да не особо и старалась.

***

Не сказать, чтобы появление Дана вывело ведунью из ступора. Просто когда он сел перед ней на корточки, лекарка кроме тумана начала различать еще и действительность. Не слишком четко и адекватно, но это лучше, чем ничего. Например, она заметила, что демон был босым, а под плащом виднелась явно чужая одежда. Арха даже почувствовала нечто похожее на любопытство. Но оно было не настолько острым, чтобы начать вопросы задавать.

— Арха, ты меня слышишь? — настойчиво спросил демон так, словно у девушки действительно были проблемы со слухом. — Кивни, если понимаешь, что я говорю.

Ведунья покорно кивнула. Он что-то пробормотал сквозь зубы и подхватил ее на руки. При этом умудрился сам взгромоздиться на конягу. Путь в особняк из памяти лекарки будто ножницами выстригли. Последнее, что она помнила — крыльцо ее бывшего дома. Следующее — уже привычная бежево-золотистая спальня и огонь в камине.

— Котенок, у нас два пути. Я могу тебя сейчас начать успокаивать, у тебя будет истерика, все это затянется до утра. И потом ты еще долго будешь бояться. Или мы тебя довольно жестко из этого состояния выводим, и будем соображать, что делаем дальше. Что выбираешь? — ласково спросил Дан, словно в растерянности остановившись посередине комнаты.

Сосредоточиться, а тем более понять, что он говорит, было довольно тяжело. Ведунье пришлось даже виски ладонями обхватить, чтобы мысли не расползались, как гусеницы. Кажется, думала она довольно долго, но, наконец, показала лорду два пальца.

— Второй вариант? — уточнил он.

Арха опять кивнула. Лекарке подумалось, что она сегодня только и делала, что кивала или мотала головой, как завзятый осел. Девушку начало пробирать мелкое, истеричное хихиканье.

— Я тоже думаю, что так будет лучше, — согласился хаш-эд и куда-то ее понес.

Ведунья ожидала, что демон сейчас уложит ее в постельку, укроет одеялком, обнимет, шепча что-нибудь успокоительное. И можно будет, наконец, всласть порыдаться...

Порыдаться лекарке действительно удалось. Как только ледяная вода обрушилась ей на голову, Арха сначала взвыла, а потом действительно разревелась. Причем не столько от пережитого, сколько от обиды. Самый лучший в этом мире демон просто нагнул ведунью над краем ванны и засунул ее голову под кран. Девушка вырывалась и даже, кажется, брыкалась. Но убежать гвардеец ей не дал, продолжая методично поливать не слишком теплой водой. Пришлось быстренько приходить в себя. Так как в согнутом положении, одновременно захлёбываясь собственными слезами, соплями и водой, страдать не слишком удобно.

Дан завернул лекарку в полотенце, усадил ее к себе на колени и они молча сидели, пока наполнится ванна. Лорд смотрел на пузырящуюся воду в мраморной чаше, а ведунья, тихонечко икая, на него.

Потом гвардеец раздел Арху и усадил в теплую воду. Когда демон вышел, она опять едва не начала орать. Пришлось прижать к себе колени, обняв их руками, и сцепить зубы. Правда никак не проходящая икота самообладанию не способствовала. Но отсутствовал рогатый недолго. Вернулся Дан с большой чашкой чая, такого крепкого и сладкого, что в нем можно было убийц топить — вполне адекватное наказание. Ведунья снова попробовала сопротивляться, но успеха не добилась.

Все это время и потом, когда демон ее отмывал, нежно и бережно, словно девушка была сделана из необожжённой глины, хаш-эд молчал. И лицо его приветливым назвать было сложно. В конце концов, рогатый добился своего. Арха, еще даже не начав, перестала бояться того, что случилось на лестнице. Зато вполне серьезно стала опасаться Его лордство.

— Дан, прости меня, пожалуйста, — проскулила ведунья.

Лекарка положила ладошку гвардейцу на руку, мешая вытирать полотенцем ее волосы. Которые он явно намеривался высушить до состояния соломы. Или облысения ведуньи.

— За что? — как-то равнодушно отозвался демон.

— Ну... За то, что там... Что вот так все случилось... Я понимаю, что виновата. Но я правда, так больше не буду.

— Ты решила, что я на тебя сержусь? — кажется, рогатый действительно удивился. — Дурочка, я на себя злюсь. Мне не нужно было тебя оставлять. А уж проворонить двух каких-то...

Арха обняла его, потершись носом о шею. Нос обожгло, словно по нему потек ручеек лавы. Лекарка даже зашипела от неожиданности.

— Что случилось? — демон немедленно отстранился от нее, разглядывая, словно ища незапланированную рану.

— Нос болит, — угрюмо пояснила девушка и попыталась отпихнуть его, чтобы глянуть на себя в запотевшее зеркало.

Лорд колебался, явно не желая, чтобы Арха собой любовалась, но потом все-таки отошел в сторону. Кажется, с лицом у ведуньи и впрямь случилась катастрофа. Протирая прохладную, запотевшую от горячего пара, серебряную поверхность, она ожидала увидеть... Собственно, лекарка и сама не знала, чего она ожидала увидеть. Может, страшные раны, которые ей самой пришлось бы шить? Или свисающие клочья мяса?

Но в реальности все оказалось не таким уж и страшным. Нос был свезен, словно Арха им камень пропахала. На подбородке красовалась довольно серьезная горизонтальная царапина или, скорее, потертость. А на этом разрушения заканчивались. Ведунья вертелась и так, и эдак, но ничего кошмарного не обнаруживала.

— Еще ссадина на боку, — мрачно подсказал Дан.

Действительно, вдоль ребер тянулась красная длинная полоска, которая уже начинала подсыхать. Арха попыталась припомнить, откуда она могла взяться. Кажется, там нож был... Может, это им пырнули? Предположение было похоже на правду — почувствовала же она холодок. И тут лекарку словно балкой долбануло.

— Мой плащ! — проскулила девушка. — Они мне плащ порезали...

Слезы хлынули в три ручья, как будто кто-то кран открыл. Демон хмуро глянул на ведунью, явно примериваясь, чтобы опять запихать ее под кран.

— Да не истерю я! Ты не понимаешь, они мне плащ испортили. Мой плащ! С волчьим мехом!

— Арха, да я тебе десять таких плащей куплю! — растерянno пролепетал рогатый.

— Такой не купи-ишь! — проныла ведунья.

Плюхнулась на пол и разревелась громко, от души, с подвываниями и всхлипами. Нет, все-таки все мужики идиоты! Какое ей дело было до новых плащей? Ведь на ней-то был тот самый!

***

Никаких шагов, стука в дверь, а, тем более скрипа половица Арха не слышала. Только Дан, стараясь быть не просто осторожным, а буквально бестелесным, вытащил из-под ее головы руку и, бесшумно ступая босыми ногами, подкрался к двери. Лекарка напряглась было, но вместо пары свеженьких убийц в комнату черным приведением скользнул Ирраш.

— Тише, она спит, — прошипел рогатый, не дав шаверу и шанса рот открыть.

Ведунья решила их не разубеждать и даже глаза закрыла. Кто-то из них зажег лампу, но плафон тут же чем-то накрыли, чтобы девушке свет не мешал. Приглушенно звякнуло стекло. Тихо скрипнули по полу ножки пододвигаемого кресла.

На стене двигались плотные, огромные тени, гораздо более демонические, чем их оригиналы. Рога призрачного Дана цепляли потолок, перетекая на него, когда он поворачивал голову. Нос Ирраша напоминал клюв цапли. А его пальцы, когда шавер поднял руку, чтобы поправить волосы, походили на скрюченные когти.

— Ты мне можешь объяснить, что там устроил? На кой ты в боевую форму-то перешел? — шепотом театрального злодея поинтересовался ушастый.

Тень Дана шевельнулась, разбухла и опала, когда демон пожал плечами.

— Контроль потерял, — спокойно ответил рогатый.

— Что?! Ты не заболел часом? — Архе показалось, что еще немного и желтоглазый начнет давиться собственной закипающей слюной. — Ты нигде мозги, случайно, не оставлял? Если оставил, то пойд и немедленно заberi!

— Ирраш, ты...

— Я тридцать пять лет Ирраш! Ты о чем думал, когда на лестнице истинный облик принимал? Она же узкая! Или это новый боевой прием такой? «Прошиби рогами потолок» называется? Ты с этими двумя так справиться не мог? Дан, да ты одного до подбородка распорол, а второму башку оторвал! Там все ступени кровью заляпаны и кишками увешаны. Ты о чем вообще думал?!

Его лордство изволило молчать.

— Тьма! А мысль о последствиях в твою дурную башку не пришла? Ладно, со стражей мы разберемся. Но как ты императору это объяснять будешь? Или надеешься, что до него новость не дойдет? Наш блистательный Дан в каком-то гадюшнике нашинковал двух уродов из-за...

— Заткнись! — тихо, но убедительно рыкнул хаш-эд.

— Сейчас! Только в Бездну смотаюсь!

— Могу помочь, — еще тише и еще убедительнее прорычал рогатый, явно сжимая зубы.

— По моему, ты вообще ни о чем не думаешь в последнее время, кроме этой своей... А! В Бездну все! Хочешь, я тебе ферму подарю? Где-нибудь в уединенном местечке? Будете овечек выращивать, на свирельке играть. Нарожаете роту ублюдков. Очень романтично! Полностью в твоём духе.

— Если ты сейчас не закроешь пасть, то я...

Арху от его тона озноб пробрал. А вот ушастого, кажется, не впечатлило. Он затыкаться даже и не планировал.

— То что? Реальность изменишь? Или ты опять поумнеешь? Если ты можешь мне это гарантировать, то я сам себе рот зашью.

— Слушай, Ирраш, ты мой друг, конечно, но... — рычание демона перешло в какое-то утробное ворчание, словно внутри него камни перекатывались.

— Вот потому что я твой друг, я тебя и пытаюсь вернуть из Тьмы на землю! Больше на это никто не способен! Адин в восторге. Ну, как же, это все так романтично! Шай только и может твердить, что она такая «замечательная девчонка»! Тхия умильно улыбается и все ждет, когда ты во имя нее балладу сложишь и дракона прикончишь! Такое впечатление, что мозгов только я тут не лишился! Заколдовала она вас что ли?

— Ты ее просто не видишь.

— Я не вижу? — вызверился шавер.

— Да тише ты!

— Я не вижу?! — приглушил голос, но не собственное возмущение ушастый. — Давай посмотрим, чего я там не вижу. Она из низших — это раз. Она ублюдок, и сколько ты на меня не скалься, этого не изменишь. Причем не просто ублюдок, а ублюдочная человечка. Она ведунья — это три, четыре и пять. По отдельности того, что я не вижу, уже хватило бы. Но все вместе — это уже чересчур!

Желтоглазый встал, прошелся от стены до стены и обратно. Когда он закрывал лампу, тени корежились, словно их пытали. Ведунья чувствовала, что ее также корежит. Она сжалась в комок, забравшись под одеяло так, что наружу торчали только кончики ушей.

— Дан, ты знаешь, что если у тебя появилась слабость — то тебя сожрут. Сам не раз так делал, верно? — продолжил шавер уже спокойно. — А сейчас не то время. Император и так на тебя зол и прощать в ближайшее время не собирается. Избавься от нее, женись на Адаше и живи дальше. У тебя проблем мало? Зачем все усложнять? О чем ты вообще думаешь?

— Я не знаю, о чем я думаю. У меня в голове только одна мысль крутится, что она меня видела. А что она мне завтра скажет, когда проснется? Или вообще ничего не скажет, а только шарахнется? И... Я защитить не смог, понимаешь? Это я-то!.. И от кого? Тьма!

Демон ответил так тихо, что ведунья его слова едва разобрала. Голос у него был усталый и какой-то... потерянный, что ли?

— Вот давай только без самобичевания обойдемся, ладно. Ты Истинный, конечно. И, вообще, лорд Харрат, но не сын же Тьмы. Лучше скажи, какая тебе разница, что она скажет? Или ты хочешь меня убедить, что влюбился в эту зверушку?

— Нет... Я не знаю! О чем я на лестнице думал? Да ни о чем, Тьма тебя побери! Я как увидел... у меня вообще все мысли из головы выдуло! Я их порвать был готов, за то, что они...

— Ну, ты их и порвал. Молодец, — хмыкнула желтоглазая скотина. — Ладно, кажется, сейчас до тебя не достучаться. Подождем, может само пройдет. Это кто вообще был? Те же, что и в переулке?

— Откуда я знаю? — тень на стене опять шевельнулась.

Повисло молчание. Шавер снова начал расхаживать от стены до стены, заложив руки за спину. Дан сидел за столом и на его темных волосах чуть дрожал красноватый блик от полупустого стакана с вином. Архе был хорошо виден его четкий, как будто выгравированный на фоне темноты окна профиль. Она даже различала тень на скулах от длинных ресниц. И девушке было больно и сладко одновременно. Не хорошо, а именно сладко. Хотя, сладкое она не любила.

— Может, все-таки, Адаша? — наконец подал голос ушастый.

Дан покачал головой.

— Не думаю. К тому же, к первому нападению она вряд ли вообще какое-то отношение имеет. Ада в тот день Арху в первый раз увидела. С чего бы ей кого-то нанимать?

Это привычное «Ада» резануло ведунью по ушам. У девушки появилось дикое желание одновременно дать лорду хорошую затрещину и своими руками выколупать глазки демонессе. При этом дышать стало трудно, потому что к горлу едким комком подступили слезы. Арха почувствовала себя такой одинокой, словно она не на кровати под одеялом лежала, а на снегу в степи.

— Получается, что все сходится на ребенке? Тьма... Наверное, бывает хуже, но нечасто.

«Какой еще ребенок? У них ребенок есть?» — завизжал, колотясь в истерике, ее внутренний голос. Ведунья прикусила собственный кулак, чтобы голова хоть чуть-чуть прояснилась. И сообразила-таки, что никакого ребенка, спасибо Богине, нет. Иначе бы демонесса давно бы Дана захомутала.

— Только как-то странно все получается, — задумчиво, словно вслух размышляя, сказал рогатый. — Я не знаю, были ли сегодня и тогда в переулке одни и те же, но и те, и другие — явно дилетанты. Нападать вдвоем на лестнице — это же вообще бред. Они там друг другу просто мешали. Потому я и успел...

Голос его поехал в хрип. Демон откашлялся.

— А вот то, что она там сегодня будет, никто не знал. Я решил отвезти ее за пять минут до того, как мы выехали. Только и успел слугам распоряжение отдать, чтобы они ужин там накрыли. Но я головой ручаюсь, за нами не следили.

— И зачем ее вообще убивать? — подлил масла в огонь ушастый. — Чтобы она ничего не разболтала? Так она не знает ничего.

— Тем более что она не из болтливых, — веско заметил хаш-эд.

— Ну, этот только твои романтические повизгивания, — отмахнулся от него Ирраш. — Давай мы будем оперировать фактами.

«Стоп, стоп, стоп, господа, — опять вмешался здравый смысл ведуньи, переставая быть здоровым. — О чем они только что сейчас говорили? О том, что тебя кто-то собирается убить? Тебя убить?! Собственно, да, собираются... То есть, пытались, но...».

Эта мысль была слишком большая и неудобная. У нее постоянно вылезали какие-то углы, упиравшиеся в виски изнутри черепа. И, поэтому Архе никак не удавалось уложить ее в голову. От этого затылок моментально налился свинцовой болью.

Ведунья села на постели, поджав под себя ноги. Подумала и перекинула одеяло так, чтобы закутаться в него с головой. Оба гвардейца уставились на нее, словно девушка им прелюдию перед стриптизом показывала.

— И кто меня собирается убить? — прокаркала Арха.

Кажется, кто-то из них коротко простонал сквозь стиснутые зубы. Лекарка горячо понадеялась, что это был Ирраш. И мысленно пожелала, чтобы у шавера все клыки разом заныли.

***

После получаса взаимного ора, самцового: «Котенок, мы сами во всем разберемся» и «... не лезь, куда тебя не просят, дура!» они все трое как-то разом выдохлись. В комнате повисла тишина. Только где-то между стенами испуганно посвиркивал сверчок, видимо одуревший от слишком громких для ночного времени воплей.

— Хорошо, я дура, а вы разберетесь сами, — решительно сказала Арха, набрав в легкие побольше воздуха и открывая второй раунд. — Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что Дан не жаждет немедленно отправить меня общаться с предками, так?

За такое предположение лекарка тут же заработала мрачный взгляд от демона.

— Я же сказала «не жаждешь», — напомнила девушка.

Рогатый недовольно сжал губы и отвернулся от нее.

— Меня вы посвящать в суть происходящего не желаете, — не смотря на всю богатую мимику Его лордства, ведунья упорно продолжала развивать собственную мысль. — Идея с охраной тоже себя не оправдала. И что мне делать? Безвылазно дома сидеть, пока вы все не решите?

— Удивляюсь, что это говорю, но идея хорошая, — буркнул Ирраш.

С тех пор, как Арха объявила о своем присутствии, ушастый утратил красноречие и опять перешел на короткие предложения. Которые, в основном, состояли из оскорблений. Но последняя идея лекарки ему действительно понравилась. Как, кстати, и Дану. Девушка от досады губу прикусила. Она-то это ляпнула в качестве идиотского предположения, а не руководства к действию.

— Но, кажется, вы сами говорили, что убить меня кто-то очень хочет, просто жаждет. Настолько, что даже не поленился нанять профессионала, которого вы не заметили. Значит, и деньги, и средства у него есть. И вы можете гарантировать, что тут или в любом другом месте я буду в безопасности?

Демоны переглянулись, а Арха попыталась скрыть довольную ухмылку. Ха, играть с ними в «Кто кого переорет» — дело глухое. А вот достать их же аргументами вполне реально.

— Не проще ли все рассказать, чтобы я хотя бы знала, с какой стороны мне опасность-то угрожает?

— Не вижу связи, — буркнул шавер.

«Ах ты сволочь длинноухая! И почему тебе не молчитесь-то, а?» — мысленно выругалась девушка, не удержавшись. Хорошо, хоть высказалась не вслух.

— Погоди, Ирраш. Связи тут, конечно нет. Но я думаю, что в чем-то Арха права. Она может заметить то, что не заметим мы. Или связать вместе, что мы не свяжем.

— Интересно было бы на это посмотреть, — не согласился с ним шавер. — Но делай, как знаешь.

Желтоглазый даже руки поднял, показывая, что он тут не при чем. И отошел к окну, демонстрируя свою оскорбленную спину.

— Ну, так в чем дело? — поторопила лекарка Дана, который, кажется, успел уже задуматься, а не прав ли его верный котик.

Демон обреченно вздохнул, словно Арха его на плаху волокла, растрепал свою шевелюру и начал вещать. Рассказывал он крайне неохотно, то и дело норовя выпустить целые куски под предлогом, что: «Это к делу не относится...». Так что, ведунье действительно пришлось правду из него практически клещами тащить. Хотя уверенности, что он рассказал все, у нее не было.

Начать пришлось издалека. Точнее, с высока — с императора. Его Императорское Величество Нахшон первый раз женился довольно рано, будучи еще кронпринцем и служа в королевской гвардии. Брак был всеми признан удачным кроме одного небольшого, но принципиального момента. Императрица никак не могла подарить супругу наследника. У

нее одна за другой родились четыре девочки. И ни одна из них не дожила до возраста, когда дети ходить учатся. Но это было и не важно. По законам империи дочь за отцом не наследует.

После последних родов императрица больше не беременела, а вот бастарды императора появлялись с завидной регулярностью. И так прошло сорок лет. Конечно, для демонов это не срок и императрица вполне могла родить. Теоретически. Практически же ничего не получалось. И, наверное, Нахшон стал нервничать. Но тут его супруга, наконец-то, догадалась помереть. Официально она отравилась несвежей рыбой. А не официально... Ну Тьма ее знает.

Нахшон и года на траур не потратил, как снова женился — на матери Дана. Скандал был знатный. В фаворитках она никогда не числилась, да и при дворе практически не бывала. Из знатной семьи, но немолода. К тому же, вдова, имеющая единственного сына. Со свадьбы прошло три года, и не намек на рождение такого долгожданного наследника не возникало.

Но примерно месяцев шесть назад она-таки шепнула нежному супругу, что, кажется, Тьма стала к ним милостива. Чтобы не спугнуть удачу, официально объявлять ничего не стали, а императрица вообще удалилась во дворец, находящийся неподалеку от столицы, в уединенном и тихом местечке. Слухи, конечно, ползали, но точно никто ничего не знал.

И вот примерно две недели назад императрица родила ребенка. Недоношенного. Мертвого. Девочку. Ведунья едва не вслух поинтересовалась, сколько посуды перебил Нахшон после такого сообщения? Нет, Архе его жалко было, конечно. Но не очень.

Это все были цветочки. Только изложив краткий курс новейшей, можно сказать, свежайшей, истории, Дан перешел к ягодкам. В ту ночь, когда императрица рожала, в клинику мистрис Шор подбросили младенца. И Тьма бы с ним, если бы младенец не был завернут в очень приметную салфетку. Настолько приметную, что на ней прямым текстом осталось написать: «Собственность императорской семьи!». Потому что герб, который Арха тогда не узнала, как раз ей и принадлежал.

То есть, крылатый-то единорог был вообще символом империи, но, на секундочку, и знаком правящего рода. А такой герб на своих вещах могут иметь те, кого сосчитать пальцев на одной руке хватит. А именно: император, императрица, сестра императора, ее дочь и кронпринц, который, по совместительству, является племянником Нахсона. Даже Дан такими привилегиями не обладал, потому что пасынком он был только номинально.

Конечно, можно было бы заподозрить, что ребенок принадлежит императорской сестре. Но одна маленькая загвоздка. Она уже лет десять безвылазно сидела в своем родовом поместье, разругавшись с братом. И фамильный майорат находился на другом краю Империи. А ребеночек-то был свежерожденным. Конец истории.

Можно подводить итоги. Императрица рождает долгожданного наследника, который оказывается мертворожденной девочкой. И рождает его недалеко от столицы. В эту же ночь в клинику подкидывают вполне здорового ребеночка явно человеческих кровей, завернутого в слишком, ну, чересчур приметную, салфетку, утянутую не слишком умной санитаркой. На следующий день повитуху, оформлявшую ребенка, убивают. А потом два раза пытаются убить эту самую санитарку и при этом громят ее дом. Салфетку искали?

Когда лорд замолчал, Арха хмыкнула. Ей это все показалось абсолютно несвязным друг с другом бредом. Но проблема была в том, что демоны так не считали.

Глава шестнадцатая

Глава шестнадцатая

Дети, безусловно, цветы.

Только цветут они на могилах своих родителей.

(Из наблюдений многодетной матери)

Стоило им выехать из района частных особняков, который жители столицы называли «Золотыми Садами», как звонкий цокот копыт по каменной брусчатке сменился гулками, невнятными ударами. В «Кошкином дворе» улицы никто не мостил. Всем известно, что мелкие дельцы — народ очень прижимистый. Поэтому и привести в порядок дороги своего района они не могли уже лет десять кряду. Хотя местным жителям магистрат неоднократно и совсем не прозрачно намекал, что сделать это следует.

«Кошкин двор» не считался престижным местом. Он был застроен домами не самых удачливых и, порой, не слишком чистых на руку купцов да мастеровых. Такие двухэтажные строения ни с чем не спутаешь. На верхнем этаже, нависавшим над первым как болезненный нарост, чаще всего селились сами хозяева вместе со всем семейством. А внизу располагались лавочки и мастерские.

Пахло тут не слишком приятно. Запах свежесделанных кож смешивался с ароматом нагретого металла и мокрого тряпья. А над всем этим плыла царица небогатых предместий — вонь кислой капусты и открытых нужников. С этим амбре не мог справиться даже мороз.

Улицы были довольно пустынные. Погода к прогулкам не располагала. Для похода за покупками достаточно прохладно, для работы — лениво. При такой температуре гораздо приятнее сидеть у печки да тявкаться с женой, чем шевелиться. Редкие прохожие, зарываясь носами в шарфы и меховые воротники, на наездников поглядывали, конечно. Но без особого интереса, спеша закончить неотложные дела.

Арха сидела впереди хаш-эда, живо напоминая нахохлившуюся ворону. Она старательно куталась в плащ на этот раз подбитый лисой. Ей казалось вполне естественным, что одежда раньше принадлежала лорду, но обновка девушке активно не нравилась. Нет, плащ был хорош и в чем-то, может, даже лучше прежнего. Да и досталась он ведунье без боя. Когда лекарка потребовала плащ в качестве компенсации за бессонную ночь, демон удивился, но не возражал. И, все-равно, Архе ее волчья накидка нравилась гораздо больше. Ее потеря нанесла девушке глубокую душевную травму.

— А ты знаешь, почему этот район называют «Кошкин двор»? — спросил рогатый у замерзшей ведуньи.

В ответ лекарка только отрицательно помотала головой, натягивая пушистый воротник до самых глаз.

— Потому что здесь изготавливают много подделок. Ну, вроде, как все меха тут из кошек.

Девушка молча пожала плечами. Дан кротко вздохнул и, кажется, решил оставить ее в покое. Он всю дорогу пытался разговорить лекарку, но получалось это плохо. Настроение у Архи было такое, что хоть в Бездну выбрасывай. Может, она от вчерашнего еще не отошла. А, может, просто недосып так сказывался.

Пока наездники, не шатко, ни валко, плелись вперед, дома сменились какими-то складами и лабазами. Пейзаж вокруг окончательно потерял краски, превратившись в серую и

унылую плоскую картинку. Склады неожиданно закончились, и перед ними раскинулось ровное, незастроенное зданиями, пространство — что-то вроде довольно приличного пустыря. И впереди, и по бокам пустоши виднелись дома, но они были так далеко, что казались нарисованными тушью.

Пустырь был засыпан снегом, только кое-где из него торчали чахлые, неубедительные деревца. От переулка, в котором они остановились, среди сугробов петляла расчищенная дорожка. Но такая узкая, что даже Арха, наверное, по ней бы прошла с трудом. А на другом конце тропинки в небо упиралась полуразрушенная башня приюта Тьмы Царствующей. Само здание не было большим. Его построили пару веков назад в полном согласии с канонами тогдашних храмов.

Сложенный из грубо отесанных здоровенных блоков, двухэтажный приют сам походил на потемневший от времени кирпич. К которому зачем-то прилепили сбоку высокую и непропорционально тонкую, как указующий перст, башню. Наверное, летом место выглядело поприличнее. Но сейчас сухие плети плюща, украшавшие стены, только добавляли картине унылости.

Дан спрыгнул с коня, взяв его под уздцы. Ведунья хотела было последовать его примеру, но ее остановили нетерпеливым жестом, приказывая оставаться на месте. Это не понравилось ни девушке, ни коняге, на которой она восседала. Но обе вынуждены были смириться. Демон пошел вперед. Снежные сугробы, которые оказались ему по пояс, там, где он их задевал, осыпались на дорожку. Но настоящая круговерть была за ними.

Конь сшибал целые пласты, обрушивая лавины снега. Через которые, с руганью, пробивался Ирраш, ведущий свою лошадь в поводу. Жаль, конечно, того, кто расчищал здесь тропинку. Всю его работу приехавшие во Тьму отправили. Но за шавера Арха была искренне рада.

До приюта они добрались усыпанными снежной пудрой с ног до головы. Демоны выглядели так, словно только что на мельнице побывали. И даже у ведуньи на ресницах осел снег. Да уж, прогулка изначально была малоприятной, а теперь и вовсе не нравилась никому, включая лошадей.

Наверное, поэтому Дан забарабанил в ворота с такой силой, что еще немного — и тарана не понадобилось бы. Ничего удивительного, что смотровое окошечко открылось с поразительной быстротой. Обычно, когда санитарки привозили сюда детей, сестер приходилось ждать по полчаса. Правда, лекарок никогда и не встречали с выражением такого искреннего ужаса на лице.

— Добрый день, сестра Зива! — помахала Арха рукой, постаравшись улыбнуться как можно дружелюбнее.

Бесса с видимым трудом оторвалась от созерцания отряхивающегося, как мокрый пес, ушастого, и повела очами на голос ведуньи. Но ничего, кроме коняги, конечно, не увидела. Попыталась вывернуть голову, но узенькое оконце ей это сделать не позволило. Вообще, смотрелась она довольно забавно. Как выглядывающий между прутьями клетки попугай.

Лекарка хотела сползти по боку животного, но у нее этот трюк опять не получился. Дан подхватил девушку и поставил ее на землю. Только для того, чтобы Арха по щиколотку провалилась в сугроб. Были бы на ней старые ботинки — начерпала бы снега. Демон нахмурился, облапил талию ведуньи прямо поверх плаща и приподнял, так, чтобы снега касались только мыски сапожек. Причем девушку хаш-эд держал без малейшего напряжения.

Сестра, наблюдавшая за их манипуляциями все более круглеющими глазами, то ли

икнула, то ли фыркнула.

— Э-э-э... Добрый день, сестра Зива! — выдала Арха повторно, не снижая градус дружелюбия.

— Уже здоровались, — ответила бесса не слишком приветливо.

Конечно, ведунья могла бы напомнить, что тут здоровалась только она одна, но не стала.

— А мы вот... к вам! — обрадовала благочестивую сестру лекарка. — Тут, кажется, мамашу одного ребеночка нашли. Мессеры офицеры хотели бы на него глянуть.

— Императорские гвардейцы? — хмыкнула бесса, кажется, не слишком ей поверив.

Да и с чего сестре было проявлять доверчивость? Личная охрана императора подкинутыми детьми сроду не занималась. Но, судя по паскудной улыбочке, бесса решила, что нашлась не мамаша, а папаша дитятки. Она снова смерила Арху оценивающим взглядом, и ухмылка привратницы стала еще паскуднее.

— А это не того ли, что десятого дня повитуха приперла?

— Того, — подтвердила ведунья, чувствуя, что с такой сияющей улыбкой она уже, наверное, смахивает на идиотку.

— Ну, поня-атно, — протянула бесса.

А Арха, сама того не ожидая, смутилась. Да так, что девушке пришлось уставиться на свои собственные ноги. Хотя, лекарка, вроде бы, в данной ситуации действительно была не при чем. Но стыдно ей стало так, что слезы в глазах закипели.

— Что случилось? — шепнул ей на ухо рогатый.

— Да она решила, что это наш с тобой ребеночек, — пробубнила ведунья.

Девушка чувствовала, что у нее даже уши пылают. Хорошо еще, что при ее цвете кожи окружающим это было не слишком заметно.

— А почему она так решила?

— Ну, понимаешь... Обычно подкидышей я приношу, а того повитуха... И меня тут почти две недели не было. Вот она и подумала...

— А почему тогда ребенка не ты принесла? — вкрадчиво поинтересовался Дан.

«Гм, хороший вопрос. А, действительно, почему?» — пришла в голову лекарке вполне здравая мысль, которая раньше даже на горизонте ведовского сознания не появлялась.

— Э-э-э... Я тогда устала сильно. Она меня пожалела. Сказала, что сама забросит. Мол, ей это по пути было, — несколько обалдело пояснила Арха.

— И часто она так тебя жалела?

— Первый раз...

Демоны переглянулись. Да девушка их, в общем-то, понимала. Как-то это все из странного стремительно перетекало в совсем уже подозрительно странное.

— Ладно. Нас за ворота-то пустят или мне дверь вышибить? — деловито поинтересовался неизменно вежливый шавер.

***

Внутри приюта было немногим теплее, чем снаружи. В воздухе стоял отвратительный, слежавшийся запах испражнений и кислой молочной отрыжки. Детский писк просто оглушал. Казалось, что он доносится отовсюду. Плач отражался от каменных стен, потолка, сводчатых арок в переходах, словно посетители оказались в центре гигантского мышинного гнезда.

— Здесь так же отвратительно, как и везде? — сам не замечая того, что брезгливо

морщится, поинтересовался Дан.

Видимо, его выдержка закончилась во время осмотра «имперского» крыла клиники Шор. Арха не стала уточнять, где это «везде». Как не стала обращать внимание и на его мину. А-то блистательный лорд и обидеться мог. Кажется, Истинные очень ценили свою вечную невозмутимость. И подозрения в ее отсутствии воспринимали как личное оскорбление. Хотя эта самая невозмутимость изменяла им направо и налево.

— Да нет, тут гораздо лучше, — пояснила ведунья. — Просто сестер мало. Их всего пять. А младенцев что-то около сотни. Не успевают за всеми присмотреть.

— А еще детям не объяснишь, почему их бросили, — сестра Зива, поджав губы и спрятав руки под черным головным покрывалом, свешивающимся до колен, остановилась рядом с дверью. — Они еще слишком маленькие, чтобы осознать, что криком мать не дозовешься.

Архе снова стало нестерпимо стыдно. Хотя на ее совести не было ни одного брошенного ребенка. Впрочем, не брошенного тоже.

Бесса еще раз одарила посетителей крайне неприязненным взглядом и толкнула дверь.

За ней оказалась небольшая, но теплая комнатуха. Правда, стены, пол и потолок и тут были из тех же грубо обработанных каменных блоков, как и все вокруг. Разве что напольные плиты несколько выровнялись от времени. Но, в целом, обстановка уюта помещению не добавляла.

Вдоль стен стояли кровати, больше смахивающие на деревянные клетки, только без крышки. Между ними, нагретшись почти до красна, курились жаровни. Дышалось тут не без труда, но, по крайней мере, было тепло.

— Ваш — третий, — бесса указала подбородком на ряд «клетей», стоявших по левой стене.

Пришедшие сгрудились вокруг кровати. «Их» детеныш, в отличие от других, не вопил. Спелёнатый в тугой кулек, он, казалось, рассматривал склонившиеся над ним лица младенческими голубыми глазами. При этом его личико оставалось удивительно серьезным.

— Ну что, увидел семейное сходство? — поинтересовался ушастый.

Дан в ответ пожал плечами.

— Пустите-ка!

Лекарка оттерла плечом обоих гвардейцев и наклонилась над ребенком. Откинула уголок пеленки с круглой, покрытой темным пушком, головы. Подышала на руки, согревая их, и осторожно ощупала череп. Ребенок даже не пикнул. Арха, конечно, большим специалистом по детям не являлась. Но ей мерещилось, что обычно они себя вели несколько иначе. Хотя, если новорожденный был отпрыском кого-то из Истинных, то и нестандартное поведение должно было родиться вперед него.

Если не считать необычной серьезности и невозмутимости малыша, в остальном же, на взгляд лекарки, младенец был абсолютно нормальным. Родничок еще не закрылся, да и рановато ему затягиваться — возраст не тот. А вот на лбу, чуть выше и дальше висков, череп как будто уплотнялся. Причем, с обеих сторон.

— Рогатенький будет, — вынесла Арха вердикт, сама не замечая того, нежно улыбаясь ребенку.

— Хаш-ед? — уточнил Дан.

— Да Тьма его знает, — честно ответила ведунья. — Рогатых, конечно, не так много. Но сейчас он больше на человека похож, а не на демона. А, в целом... если очень

приблизительно... Разрез глаз, общее телосложение... Ну, в общем, может быть и хаш-ед.

— Ну, так что, забирать будете? — поинтересовалась бесса.

Ведунья покачала головой и даже губу прикусила.

— Нет, — одновременно с ней отрезал шавер.

— Да, — непререкаемым тоном отозвался Дан.

Девушка с ушастым синхронно повернувшись, уставились на лорда. Рогатый хмыкнул.

— Вы сейчас удивительно похожи, — сообщил он и отвернулся к кровати, кажется, примеряясь, как бы половчее ребенка взять.

— Ты совсем обалдел? — зашипел разъяренной змеей, вышедший из ступора Ирраш. — Зачем, ради Тьмы, тебе это?!

— Вполне возможно, что в нем моя кровь.

— Да еще неизвестно, демон он или нет! — почти сорвался на визг шавер. — Зато понятно, что это ублюдок! Ты теперь их со всей столицы соберешь и себе под крылышко возьмешь?

Если до этих слов Арха и сомневалась, что Дан совершает умный поступок, то сейчас была полностью на его стороне. И боролась с почти непреодолимым желанием перевернуть на желтоглазого ближайшую жаровню.

— Всех, кому угрожает Тьма из-за этого... — серьезно ответил рогатый, не менее серьезно выдав эпитет, который красочно, хоть и чересчур эмоционально, характеризовал «это».

Ведунье даже слегка неудобно стало от столь прочувствованной речи.

***

Дверь в комнату резко распахнулась, едва не долбанувшись о стену. Дверная рама послужила идеальным обрамлением картины «Демонесса, находящаяся в крайней стадии бешенства». Ее глаза были не просто красными — они пылали. Теперь она походила на Дана не только рогами. Пожалуй, только благодаря ребенку, посапывающему у нее на руках, Арха не нырнула под кровать.

— Ты и отродье свое сюда приволокла, тварь?

То ли Адаша речь подготовила заранее, то ли последовала совету ведуньи и сосчитала-таки до пяти, но фразу она прошипела вполне связно. Даже не запнулась ни разу.

— Он не мой, — продолжая укачивать младенца, спокойно пояснила девушка.

Но это внешнее спокойствие ей далось немалой ценой. Потому что появление в пределах досягаемости разъяренного хаш-эда любого пола душевному равновесию как-то не способствует.

— А чей тогда? — желчь пополам с ехидством из золоторожки просто хлестала.

— Понятия не имею, — абсолютно честно ответила ведунья, для убедительности пожимая плечами. — Точно могу сказать, что один из его родителей человек, а второй — демон. Скорее всего, оба чистокровные. На этом мои познания заканчиваются.

— Дан? — Адашу словно сразу силы покинули.

Так претворяться было невозможно. Она не только побледнела, но даже посерела, моментально перестав быть ослепительной красавицей. Сейчас демонесса как никогда походила не на дивное виденье, а на простую девушку, кстати, уже и не первой свежести.

Адаша едва ли не на ощупь нашла кресло и буквально рухнула в него. Она смотрела на лекарку, но, кажется, ничего вообще не видела. Ведунье ее даже жалко стало.

— Вряд ли, — смилостивилась Арха, чувствуя, что собственное милосердие ей боком

выйдет, — Дан этого младенца нашел.

— Где нашел? — соображала золоторожка плоховато, напряженно морща лоб и даже забыв, что от такой мимики преждевременные морщины появиться могут.

— В приюте, — стараясь оставаться вежливой, пояснила лекарка.

— И забрал? Абсолютно чужого ему ребенка? — ее губы скривились в кисло-ехидной усмешке. — Ты ничего умнее придумать не могла?

Арха снова пожала плечами, моментально переставая испытывать даже намек на жалость. Ее начала подгрызать обида. Не сильно так, только с краешка души. Но, все же, почему окружающие, стоило чему-то случиться, тут же начинали подозревать именно в лекарке главную виновницу? Ведь, вроде бы, зла она никому никогда не желала. Ну, намеренно точно не желала.

— Слушай, а почему твоя мать с императором поссорилась? — выпалила лекарка.

Не то, чтобы она совсем не подумала, прежде чем ляпнуть. Но, во-первых, ее это действительно интересовало. Во-вторых, демонессу стоило отвлечь от невеселых дум. Иначе она могла бы и второй раз Архе в волосы вцепиться. А, в-третьих, первая причина в голове у ведуньи встретилась со второй. Хотя, наверное, спрашивать у золоторожки о таких вещах было не слишком разумной идеей.

Адаша даже прищурилась, барабанила ноготками по подлокотнику кресла и изучая девушку как жука незнакомой породы. Кажется, ее мучила дилемма: оторвать лекарке голову сразу или сначала вдоволь попытаться?

— Ты соображаешь вообще, с кем разговариваешь? — вкрадчиво поинтересовалась красавица.

Ведунье очень хотелось ответить честно, но язык она вовремя прикусила. К ее собственному счастью, мозгов у Архи хватило выбрать нейтрально-льстивый вариант:

— Полагаю, что с будущей женой лорда Харрата? У него сейчас проблемы с императором, насколько я понимаю. В том числе и из-за этого ребенка. И мне хочется ему помочь. А вам нет?

— И при чем тут моя мать?

— Не знаю. Но все крутится вокруг императорской семьи. А я, сами понимаете, ничего в вашей жизни не соображаю. Поэтому и спросила, — ведунья чувствовала себя змеей, которая ползет по слишком маленькому для нее лабиринту — того и гляди хребет переломится, если не впишешься в поворот.

Честно говоря, Арха не ждала, что демонесса ей ответит. Она молчала, продолжая изучать наглую метиску. Ведунья же, стараясь выглядеть как можно честнее и невиннее, укачивала давным-давно уснувшего ребенка. Железной волей давя в себе желание предложить леди лупу. С ней, наверное, золоторожке девушку рассматривать было бы удобнее.

— Из-за Адаша они поссорились, — ответила вдруг демонесса так неожиданно, что лекарка аж вздрогнула. — Мать была против того, чтобы дядя его объявлял наследником трона.

— Почему? — осторожно спросила ведунья, поудобнее перекладывая младенца, который ей уже руку оттянул.

— С тех пор, как умер папа, Адаш является лордом Паншаха и главой рода Иннархет. А когда его объявили кронпринцем, свой майорат он передал под императорскую опеку. Теперь титул и владения наследует его второй сын. Когда он родится, естественно. Пока Ад

даже жениться не собирается.

— И?

— Что «и»?

— Я ничего не поняла, — честно призналась Арха, укладывая ребенка на кровать и садясь сама, — почему из-за этого нужно ссориться и что в этом плохого?

— Ты совсем дура или только прикидываешься? — иронично приподняла брови Адаша.

Ведунья едва сумела сдержать улыбку. Даже рукой пришлось прикрыться, изображая острый приступ кашля. Кажется, совсем недавно ее саму интересовал тот же вопрос, только в отношении демонессы.

— Нет, не совсем дура. По крайней мере, я на это надеюсь. Но я ни Тьмы не понимаю в этих ваших лордских играх.

Золоторожка тяжело вздохнула и возвела очи к потолку, демонстрируя, насколько тяжело общаться с идиотками. Но публики, способной по достоинству оценить ее жесты, рядом не нашлось. Арха сидела, преданно взирая на леди, стараясь всем своим видом показать, что она просто жаждет быть просвещённой.

— Пока Адаш был главой рода, мать всем руководила от его имени, — демонесса решила-таки снизить до объяснений. — И родом, и вассалами, и имуществом. А теперь там от лица императора командует управляющий, не дающий маменьке развернуться. Да и вдовья доля, которую ей на жизнь выделяют, не слишком велика.

— Погоди, — опешила лекарка, — но она же сестра императора? То есть, сама принцесса?

— И что? — усмехнулась Адаша. — Кстати, не принцесса, а герцогиня. Приданое у нее действительно было немалое. Но все оно стало собственностью рода после свадьбы. Сама она ничем не владеет.

— Ясно... Спасибо, что объяснила, — протянула девушка.

Всю только что полученную информацию ей нужно было переварить. Как-то слишком далеки были реалии жизни ведуньи от проблем лордов. Майораты, рода, вдовьи доли и наследования титулов в границы понимания Архи вписывались слабо.

— Еще вопросы есть? — ехидно спросила демонесса и, дождавшись, пока девушка рассеянно помотает головой, не без ехидства продолжила. — Тогда, послушай меня, дорогая. У нас с тобой есть два варианта. Ты оставляешь в покое идею захомутать Дана, и мы живем тихо и мирно. Мне понравилось, что ты хочешь решить его проблемы. Это даже хорошо, когда жена и любовница вместе работают над процветающим совместным будущим. Во втором варианте ты продолжаешь лезть на рожон, и я тебе просто убираю.

Она щелкнула ногтями, словно стряхивая с подлокотника насекомое. А Арха таращилась на нее, медленно выпадая в осадок. Нет, возразить она могла многое. Например, сказать, что любовниками они с хаш-эдом не являются. Или сообщить, что она — ведунья смиренная и, вообще-то, на рожон никогда лезть не стремилась. Но больше всего ее заинтересовало другое.

— И ты способна спокойно принять, что у твоего мужа будет любовница? — выдала лекарка, возмущенно поджимая уши.

— Да, теперь я понимаю, что в тебе Дан нашел, — усмехнулась золоторожка. — Твоя деревенская простота подкупает. Дорогая, у каждого нормального мужика есть любовница. И, чаще всего, не одна. И уж лучше ею будет та, которую я знаю и могу контролировать, чем непонятно откуда взявшаяся приبلуда.

— И ты совсем не ревнуешь?

— Это что еще за бред? — фыркнула демонесса.

— Но я думала... Ты же его любишь? — забормотала Арха растерянно.

— М-да, забавная зверушка, — кажется, ведунье было на роду написано развлекать хаш-эдов. — В любовь могут играть только мужчины, да такие же, как ты шлюшки. Леди же должна свое будущее обеспечить. Естественно, блестящее будущее. Дан для меня наиболее выгодная партия. И я ее не упущу. Поэтому, настоятельно не советую вставать у меня на дороге. Ты лучше со мной дружи. Тогда и твое будущее будет прекрасным и безоблачным.

Она мило улыбнулась собеседнице, изящно поднялась и удалилась с гордым видом завоевательницы миров и сердец, не удосужившись даже дверь за собой закрыть. А Арха осталась сидеть на кровати, хлопая глазами и пытаясь осознать, в какой реальности живут лорды и почему она в ней ничего не понимает.

***

В эту ночь ведунья поняла, что детеныш, каким-то неведомым образом попавший под ее опеку, не только по рождению, но и по характеру своему демон. Когда Арха бодрствовала, он воплощал собой идеал младенца, был молчалив и большую часть времени спал. Но стоило и лекарке закрыть глаза, как дитяtko тут же требовало к себе внимания.

Причем проделывалось все с исключительно демоническим изяществом и настойчивостью. Сначала малыш начинал негромко побрякивать. Потом кряхтение сменялось писком. Негромким, но очень заунывным, на одной ноте. Он, кажется, даже дыхания не переводил. Естественно, что спать под такое музыкальное сопровождение было просто нереально.

Нянюшка, коротающая ночь вместе с Архой, пока ведунья, сжалившись, ее спать не отправила, уверила, что найдет для младенца кормилицу и няньку в кратчайшие сроки. Но, все-таки, до этого счастливого момента стоило еще дожить. А жить ведунье с каждым прошедшим часом хотелось все меньше.

Поэтому, едва солнце встало, она поспешно собралась и вместе с ребенком отправилась в сад, надеясь, что нагулявшись, детеныш, наконец-то, даст поспать и опекунке. Реальность, как всегда, была полностью противоположна ожиданиям. В саду младенец взбодрился и наотрез отказался закрывать глаза.

Поэтому Арха и бродила по дорожкам, изображая приведение дамы с ребенком. Но бесцельная прогулка продолжалась до тех пор, пока на голову лекарки не свалилось нечто непонятное. В прямом смысле слова свалилось, с садовой стены. Ну, не совсем на голову, но почти. Девушка только и успела обернуться на неясный, напоминающий царапанье, шум за спиной, как на дорожку прыгнуло что-то яркое, резанувшее по глазам пестроцветием. Это что-то не удержалось на ногах, брякнулось и, громко верезжа, укатилось в кусты, с треском ломая ветки. При этом умудряясь производить шума не меньше, чем медведь в буреломе.

Ведунья проворно отскочила назад, соображая, что разумнее сделать: убежать или заорать. Лекарке потребовалось некоторое время, чтобы осознать — ничто ведь не мешает сделать это одновременно. Но когда девушка, все-таки, додумалась до этой светлой мысли, спастись было уже поздно.

Упавшее существо, раздраженно отряхиваясь, выскреблось на дорожку. И оказалось, что это всего лишь крашеный блондин — неразделенная, но страстная и трагичная любовь Адина. Тот самый, которого гвардейцы в компании с ведуньей не так давно собирались убить, да император помешал. Что-то в этой мысли об императоре Арху зацепило, как будто

крошечный крючок поддел мозг. Но он был такой маленький, что девушка никак не могла его поймать, будто хватала скользкими пальцами...

Додумать ей не дали. Блондинчик, облаченный в ярко-малиновую шубу из невиданного зверя, осуществил вторую часть плана, только что придуманного лекаркой. То есть, заорал. Да так, словно его живьем резали. Голос у него оказался изумительным. Такой тонкий и пронзительный фальцет мужчины обычно приобретают, пережив всего одну, но несколько неприятную, операцию.

— А почему утром? — обалдело поинтересовалась ведунья, морщась от режущего уши визга.

«Попугайчик», видимо от неожиданности, перестал голосить, и захлопнул рот.

— Чего утром? — ошарашенно спросил он.

— Ну, к любимым вроде по ночам лазают, — пояснила лекарка свою глубокую мысль, поспешно укачивая младенца, которому завывания романтического блондина тоже не понравились.

— Я темноты боюсь, — интимным шепотом пояснил «попугайчик» с надрывом хлопнув носом.

Он засуетился, видимо решив, что вступление у него вышло не слишком удачным. Вытянул откуда-то из недр своей небывалой шубы платок, больше смахивающий на скатерть, и элегантно отер тоненькие, как перышки, усики, независимо поглядывая в серенькое небо. Арху снова цапнула недодуманная мысль — и снова беспредметно.

— Печально, — протянула лекарка, пытаясь поймать за хвост ускользающую догадку.

— Прошу прощения, леди, за то, что я вас напугал, но обстоятельства...

— Да, по-моему, вы испугались больше, — разглядывая галантно кланяющееся недоразумение, ляпнула девушка.

Недоразумение моментально прекратило раскланиваться и обиженно насупилось. А ведунье подумалось, что Адин и это чучело — воплощенная иллюстрация к классическому высказыванию про то, что любовь зла. Белокурый рослый ивдор с кроткими лазоревыми глазами и вечной полуулыбкой даже мысленно не хотел вставать рядом с этим... разряженным недомерком. Хотя, может быть, девушка была и несправедлива. Вполне возможно, что этот попугайский вид служил только для отвлечения внимания. Эдакий защитный кокон.

— Как бы то ни было, но прошу меня простить, леди, дела. Позвольте удалиться, сохраняя в душе...

— Уже? Зачем же через стену надо было лезть? — удивилась Арха.

Блондин насупился еще сильнее, все больше и больше напоминая обиженного жизнью хомяка. Хотя в чем-то лекарка его понять могла. Он пытался быть галантным, а злая ведунья, кажется, не дала ему еще ни одной фразы до конца договорить.

— Мне нет смысла здесь оставаться далее. Момент упущен, — пояснил он грустно, — и у меня нет шансов появиться перед ним неожиданно, сложив к его ногам свою любовь.

— А сложить любовь без неожиданных появлений нельзя?

— Это не столь эффектно, а буднично и пресно, — поморщился тонкий ценитель прекрасного. — Все должно происходить вовремя и только тогда, когда искренность твоего жеста смогут оценить по достоинству. Я ни сколько вас не виню за то, что вы своим появлением помешали встрече двух искренних, но страдающих сердец. Видимо Тьма...

— Делать Тьме больше нечего, как следить за страдающими сердцами, — пробормотала

ведунья.

Крючки, засевшие у нее в голове, один за другим вспыхивали крохотными искрами.

«Все должно происходить вовремя и только тогда, когда искренность твоего жеста смогут оценить по достоинству...».

И платок, который оказался не платком. И мешающий император... Вид, служивший только для отвлечения внимания, эдакий защитный кокон...

Арха развернулась на каблуках, прижимая к груди ребенка, элегически созерцающего небо, и помчалась к дому.

— Леди, куда же вы, леди? — неслось ей в след. — Не будите ли вы столь любезны указать мне выход из сада? А-то я сам не перелезу через стену...

Лекарка притормозила, прыснув колким снегом из-под каблуков. И развернулась к «попугайчику».

— А как же вы сюда-то попали? — изумилась она.

— Меня слуга подсадил, — смутился блондин.

Арха кивнула и припустилась к двери, оставив взывающего к ее совести романтика искать выход самостоятельно. Еще один крючок вспыхнул яркой искрой. Это еще не было пониманием, но догадки у ведуньи появились.

***

В дверях ее перехватил дворецкий. Точнее, Арха думала, что надменный бесс был именно дворецким. Но она, не слишком разбираясь в иерархии прислуги, вполне могла и ошибаться. Оказалось, что особняк буквально набит лакеями всех и всяческих мастей. Это сама лекарка, пока носа из своей спальни не высовывала, никого, кроме нянюшки, и не видела. А, может, слуги ей на глаза не попадались, пока статус девушки не был официально утвержден. Это раньше ведунья считалась неведомой зверушкой. А теперь она — собственность лорда. Что бы это не значило на самом деле.

Вот этот самый дворецкий Архе и сообщил, что, оказывается, господа ждали ее в столовой, куда завтрак уже был подан. Не сказать, что у ведуньи проснулось горячее желание посетить общую трапезу. Слишком уж неприятные воспоминания у нее были связаны с утренней кашкой лордов. Но желание поделиться своими догадками просто распирало лекарку изнутри.

Поэтому Арха всучила оторопевшему дворецкому сверток с ребенком и, подхватив подол, поспешила в ту самую столовую. Смутно надеясь, что не заблудиться по пути в коридорах и проходных комнатах.

— Доброе утро, — поприветствовала она всех собравшихся, персонально одарив каждого из присутствующих сияющей улыбкой.

Просто, не смотря на очередную бессонную ночь, ей вдруг захотелось быть вежливой и милой. Ну, сколько можно поперек их правил идти? Вот только в ответ лекарка заработала неодобрительный взгляд Адина. Кажется, она опять нарушила какие-то правила. Но все знания, которые в голову ведунье пытались впихнуть блондин с Шаем, успешно оттуда уже выветрились. Девушка помнила только то, что нельзя мизинец в сторону отставлять.

— Доброе утро, мистрис Арха, — поприветствовал ее Дан, дождался, пока ведунья займет свое место и только после этого расстелил салфетку у себя на коленях.

Видимо, это послужило знаком, что все остальные могут отмереть и перестать изображать из себя изваяния. А завтрак решили посетить все, кроме Тхия. Арха бы предпочла, чтобы остался рыжий, а не демонесса. Вот почему бы ей, ради разнообразия, не

поохранять Его Императорское Величество? Но мнения лекарки опять спросить забыли.

Девушка мрачно посмотрела на салфетку, на приборы, поблескивающие отполированным серебром рядом с тарелками. На слугу, торжественно вносящего фарфоровое нечто, в котором, судя по ее прошлому опыту завтрака, находилась каша. И приняла твердое решение послать весь этикет во Тьму. Как говаривала ее бабушка: «Старого пса новым трюкам не обучишь...». Арха, конечно, старой себя пока не считала, но дрессировке действительно поддавалась с трудом.

— Дан, — решительно вздернув подбородок, позвала ведунья.

И нарушила, видимо, сотню правил одним махом. Потому что губы демонессы скривились в исключительно презрительной улыбке, шавер хмыкнул, а все остальные просто уставились на лекарку. Только рогатый спокойно поднял голову, явно ожидая продолжения. Девушка кашлянула, но решила договорить до конца.

— Я тут подумала на счет этого ребенка. Кто бы все это не придумал, он явно хотел дать понять, что дите имеет отношение к императорской семье. А что если все так и есть? Кто из них может быть родителем?

Сидящие за столом, как по команде, перевели взгляд с ведуньи на демонессу. Что было неожиданно. Потому что Арха предполагала, что именно на нее сейчас обрушатся гром, молнии и объединённый демонический гнев. Приходилось признать, что и в этом ее предчувствия не оправдались. Но, честно говоря, этот факт ведунью не сильно расстроил.

— На меня можете не смотреть, — ничуть не смутилась золоторожка, невозмутимо продолжая намазывать масло на булочку, — я тут точно не при чем.

Шавер опять хмыкнул, демонстрируя крайнюю недоверчивость.

— Не при чем, — согласилась Арха и, кажется, больше всех этому заявлению удивилась, сама демонесса. — Что? Я же ее видела в тот же день, когда нам младенца подкинули. У нее и следа беременности не было.

Скулы Адаши заметно порозовели, а нож она стиснула так, что костяшки тонких пальчиков побелели. Или Арха совсем ничего не понимала в лордах. Или у рогатой красавицы проснулось горячее желание воткнуть столовый прибор в одну не в меру разговорчивую ведунью. Даром что нож был не только тупой, но и с закругленным кончиком. Если бы демонессе дали шанс, то с задачей она бы точно справилась.

— Вряд ли его матерью является императрица, — поспешила Арха развить свою мысль, пока золоторожка не взялась воплощать кровавые фантазии в жизнь.

— Это еще почему? — приподнял бровь Дан.

— Ну, смотри. Допустим, ребенок действительно ее. То есть, она изменила королю и родила метисика. И, естественно, захотела это скрыть. Поэтому приказала подбросить сына в приют, а вместо него предъявила мужу мертворожденную девочку хаш-эда. Так получается?

— Если ты хочешь намекнуть на то, что она мать и так поступить со своим ребенком не могла, то... — поморщился рогатый.

— Нет, я не на это хочу намекнуть, — отмахнулась от него девушка. — До меня уже дошло, что если лорды что-то и слышали о нормах морали и чувствах, то так, только краем уха.

Рогатый закашлялся, словно подавился. Шай выдал многозначительное: «Да-а...». А Адин снова укоризненно посмотрел на Арху. Но ей было не до оскорбленных чувств лордов.

— Я про другое говорю. Откуда она взяла трупик хаш-эда? Вас же в империи не так

много. И дело даже не в том, что ни один лорд не согласится вот просто так взять и отдать императрице свою мертвую дочь. А в том, что твоя мать наверняка не захотела бы связываться с подобным. Мне вон Ирраш долго объяснял про ваши уязвимые места и возможности врагов. Я себе представляю, как бы она расплачивалась за такой подлог. Точнее, не представляю.

— Логично, — протянул Дан. — Хотя предположение о том, что ребенок — бастард императрицы кажется наиболее вероятным.

— Согласна, — кивнула лекарка, — кажется. Но, на самом деле, это нелогично. Остается только сам император, его сестра и племянник.

— Это не моя мать. Она в поместье и оттуда не выезжала. Иначе бы управляющий сообщил дяде, — вставила Адаша.

Демонесса внимала ведунье столь заинтересованно, что даже локотки на стол поставила, опершись подбородком на сплетенные пальцы. Насколько Арха помнила, локти на столешницу класть было строго запрещено. Шай сумел это очень доходчиво объяснить, преподавая тонкости этикета. Просто долбанул по этому самому локтю, когда лекарка попыталась продемонстрировать такой трюк. Между прочим, было больно, даже очень.

— А через Тьму? — негромко спросил Ирраш.

— Она не может ходить через Тьму, — почему-то смутилась золоторожка, — она же не воин.

Арха не поняла, о чем они говорили, но подозрения у нее на этот счет имелись. Как то же Дан перенес ее на озеро, где царило лето посередине зимы. Да и случившееся в новогоднюю ночь явно не было галлюцинацией. И совершенно точно, что в обоих случаях никакие порталы с ведуньей даже рядом не стояли.

— Значит, ребенок либо императора, либо принца, — заключила лекарка.

— И что нам это дает? — ехидно поинтересовался ушастый.

— Так мы можем определить, кто все это затеял, — парировала Арха. — Это могут быть или сами родители, то есть, в данном случае отец. Либо тот, кто такой возможностью решил против них воспользоваться. А, значит, искать нужно в очень ближнем кругу. Потому что связь с человеком лорды будут скрывать весьма тщательно.

— Сомнительное утверждение, — хмыкнул желтоглазый. — Любую тайну можно узнать, например, случайно. А потом продать заинтересованному лицу.

— Можно, — не стала спорить девушка, машинально откусывая от булки, которую она стащила с тарелки Адина, потому что до корзины с выпечкой тянуться было лень. — Но тогда искать придется до опупения. Ведь подозревать можно кого угодно.

— Это ты можешь подозревать кого угодно.

— Ирраш хочет сказать, что ты не знаешь, кто с кем дружит при дворе и против кого, — пояснил Дан, бросив на шавера недовольный взгляд. — Но в чем-то Арха права. Ты сам говорил, что проверить всех практически невозможно. Да и сложно представить, как это можно сделать. Логичнее присмотреться к ближнему кругу.

— А почему мы вообще этим заниматься должны? — бухнул Шай. — Ну, подумаешь, подкинули там ребенка в какой-то салфетке. Нам-то что?

— Может, потому, что из-за этого ребенка на Арху уже два раза нападали? — нехорошо прищурился Дан, разворачиваясь к блондину, мгновенно сползшему по стулу, всем телом.

— Или потому, что ты оказался настолько умным, что рассказал обо всем императору. Да еще и заявил ему, что эта провокация направлена на него? — сладким голосом спросила

Адаша, жестом отослав слугу и самостоятельно наливая себе чай.

Казалось, процесс захватил ее полностью и ничто другое не волнует. Но над столом повисла гробовая тишина. Ведунья искоса глянула на Дана. Желваки под скулами рогатого ходили ходуном. Он явно опять едва сдерживался, чтобы не сорваться. Ситуация и впрямь получалась глупая.

Хаш-эд выступил как благородный рыцарь, спасающий даму из беды. А получается, что спаситель не о даме печется, а собственный зад прикрывает. И не возразишь же ничего. Любое оправдание будет звучат фальшиво и неискренне. Да, золоторожка мастерски умела затыкать рот. Такому стоило поучиться.

— А почему это плохо? — поинтересовалась Арха громко. — Вроде бы наоборот должно быть? Дан же печется о благе императора и все такое.

— Да потому, — отозвался шавер, как лекарка, собственно, и рассчитывала, — что наш лорд уже давно Его Величеству мозги полощет, будто кто-то плетет заговоры рядом с ним. Но доказательств никаких нет, только домыслы Дана. А император очень трепетно относится к тем, кого считает своими.

Арха побарабанила ногтями по столу, видимо подцепив эту вредную привычку у демонессы. Обычно, когда ведунья думала, она начинала заусенцы или кончик собственной косы обгрызать. Естественно, что стучать ногтями куда изящнее. Только вот для этого когти надо иметь как у той же золоторожки. А у лекарки они были слишком короткими, и звук получился не слишком убедительным.

— А с чего ты взял, что эти заговоры вообще существуют? — спросила Арха.

Уголок губы Дана дернулся, демонстрируя его неудовольствие. Небогатую мимику лорда лекарка уже достаточно изучила. В данный момент он собирался сообщить девушке, что это все несущественно и к делу не относится. Сама не замечая того, лекарка насупилась. Реакция демона была совершенно неожиданной — он усмехнулся и покачал головой. Потом откинулся на спинку стула, поднимая руки, словно сдаваясь.

— Я не могу ответить что-то определенное. Просто у меня такое ощущение, словно нас постоянно пытаются поссорить. Под «нами» я имею в виду императора, мою мать, меня и Аду с Адашем. Не скажу, что мы раньше очень дружно жили. Но сейчас постоянно всплывают какие-то мелочи, из-за которых возникают крупные скандалы, понимаешь?

— Пытаюсь, — Арха улыбнулась ему.

— Получается не очень? — хаш-эд вернул улыбку.

Над столом снова повисло молчание, на этот раз несколько удивленное. Видимо, улыбающегося лорда Харрата окружающим видеть доводилось нечасто.

— Нам выйти? — холодно поинтересовался Ирраш.

— А я бы остался, посмотрел... — мечтательно протянул Шай.

Арха смутилась едва не до слез, старательно разглядывая скатерть. Действительно, все как-то не слишком ловко вышло. Как будто они у всех на глазах целоваться начали. Конечно, никто ничего не понял. Эти слова только для них двоих что-то значили. Но, наверное, именно поэтому общение получилось чересчур интимным.

И если реакция гвардейцев ведунью не особо заботила, то вот желания Адаши лекарка могла определить и не глядя на нее. Не то чтобы она боялась демонессу до дрожи. Но все-таки неприятно сидеть за одним столом с хаш-эдом, который мечтает тебя убить.

А вот здравый смысл ведуньи мерзко хихикал, спрятавшись в самом темном уголке ее не слишком большой души. Девушке даже стыдно немного стало. Не за себя, а за него. В себе

Арха была уверена полностью — она-то хорошая и добрая. Это здравый смысл у нее мерзкий.

— М-нэ... — промычала ведунья, пытаясь нащупать потерянную нить разговора.

И усиленно вспоминая, о чем она еще спросить хотела. Кажется, о чем-то по-настоящему важном.

— А-а-а... А вы ссоритесь как? В смысле, все со всеми или кто-то с кем-то?

«А у кого-то из здесь присутствующих начались проблемы с формулированием собственных мыслей. И неожиданно прорезалось косноязычие» — съязвил до сих пор хихикающий здравый смысл. Ведунья от него только отмахнулась.

— Именно, что все со всеми, — ответил Дан.

Глаза у демона смеялись. Кажется, Арха его опять забавляла. Он что-то беззвучно, одними губами, сказал ей. Ведунья слегка пожала плечами, демонстрируя, что не поняла. «Уши» — тщательно артикулируя, повторил он. И только тут девушка сообразила, что она не только невольно сгорбилась и втянула голову в плечи, но еще и уши прижала.

Дан оперся локтем о подлокотник, прикрыв нижнюю часть лица рукой, явно пряча улыбку. Лекарка обиделась. Ей определенно надоело развлекать хаш-эда. Поэтому девушка выпрямилась, постаравшись принять гордый и независимый вид. Кто-то хрюкнул. Кажется, этим «кто-то» был вышеупомянутый рогатый.

— Позвольте последний вопрос, лорд Харрат, — ледяным тоном спросила Арха. — Когда вы говорили о том, что ближайший круг императора постоянно ссорится, сестра императора не была упомянута. Это случайность или она в ссорах участия не принимает?

— Второе, мистрис Арха, — ответили ей с исключительной вежливостью. — Мы с ней в последние годы вообще контактов не поддерживаем.

Определенно, он активно развлекался. Между прочим, за счет ведуньи и на глазах у всех. Но лекарка всегда подозревала, что лордам такое понятие как «совесть» не было известно в принципе.

Глава семнадцатая

Глава семнадцатая

Мужчины делают почти все из того, что они обещали сделать.

Женщины делают почти все из того, чего они обещали не делать.

(Из наблюдений старого ловеласа)

— Арха, не обижайся. Не смог сдержаться!

Демон, появившийся на пороге девичьей спальни вслед за ее хозяйкой, почесал ногтем переносицу, делая вид, что ему крайне стыдно. Ведунье в раскаянье рогатого не слишком верилось. Поэтому в ответ она только раздраженно фыркнула, убирая брошенный на кровать плащ в шкаф.

Точнее, лекарка собиралась его убрать, но ей подло не дали этого сделать. Когда Арха проходила мимо хаш-эда, Дан просто сграбастал девушку рукой за талию, второй тихо и ненавязчиво закрывая за собой дверь. Не смотря на то, что прижимал он к себе ведунью только одной конечностью, ни малейшего шанса вырваться у ведуньи не было. Да, честно говоря, она не особо и пыталась.

— Ты что делаешь? — возмутилась Арха.

Хотя возмущение было наименьшим из чувств, которые она в данный момент испытывала.

— А на что это похоже? — приподнял бровь демон.

Лекарка затруднилась бы ответить, на что именно это было похоже. А вот дальше точно начался поцелуй. У Архи промелькнула мысль, что чем чаще она с целуется с рогатым, тем больше ей это нравится. И тем сильнее действие становилось похожим на то, что в романе описывали. Нет, бабочки в животе у ведуньи до сих пор порхать не начинали. Но вот связь с реальностью девушка теряла все быстрее. Вот и эта мысль была последней.

В реальность лекарку вернула рука. Чужая. Но на ее, ведуньи, груди. Не сказать, что это было неприятно. Скорее, несколько неожиданно.

— А сейчас ты что делаешь? — осторожно поинтересовалась Арха.

Не без удивления осознавая, что, собственно, она уже и не стоит, а вообще-то лежит. На собственной кровати. Пытаясь сообразить, что в данный момент ее больше смущает. Демон, нависающий над девушкой, или расшнурованные до пояса платье с рубашкой. Смущали-то оба факта, только лекарка не могла понять, который из них сильнее.

— А на что это похоже? — тихонько проурчал рогатый.

Получилось у него это здорово, как у большого кота. Низкое, утробное урчание у ведуньи вибрацией отдалось где-то в позвоночнике. От чего волоски на коже встали дыбом, а внизу живота начинался ворочаться тяжелый и очень горячий шар.

Арха робко попыталась вернуть одежду на место. Дан, не особо напрягаясь, перехватил руку лекарки. Глаза демона едва заметно, но светились, даже ресницы были подкрашены красным.

— Тебе не кажется, что смущаться уже поздно? — не без ехидства поинтересовался он. — Не буду отрицать, увиденное мне нравится и любоваться... видами не надоедает. Но ничего нового для меня здесь нет.

— Нет? — испуганно пискнула ведунья.

Он, поджав губы самым пакостным образом, отрицательно покачал головой, явно надо ней издеваясь.

— Если ты забыла, что я тебя мыл, то для меня это воспоминание будет самым драгоценным, — с серьезным видом оповестил ведунью демон.

— А-а-а... — протянула Арха, соображая медленно-медленно.

А ведь действительно — мыл. И не только мыл, но и вытирал, и в постель укладывал. И одето на ней в тот эпический момент было куда меньше, чем сейчас. То есть, вообще ничего. Но тогда этот факт как-то ускользнул от сознания девушки. Зато сейчас он надвинулся с неумолимостью все сносящего на своем пути шторма.

— Ой! — только и смогла выдать лекарка, ошалело хлопая ресницами.

— Откуда ты такая взялась, а? — прошептал хаш-эд, проводя пальцами по ее лицу, как будто был слепым. — Я бы лично твоего отца наградил за то, что ты есть, такая...

«Интересно, он сам понял, что сказал? Собирается наградить некоего шавера за то, что он твою мать изнасиловал? Мило!» — хмыкнул здравый смысл ведуньи, ненавязчиво, но решительно сдвигая в сторону мысль о ее крайне неприличном обнажении в присутствии Дана.

Да уж, такого комплимента можно было дожидаться только от демона. Но у лекарки с нормальностью тоже наблюдались явные сложности. Потому что она просто таяла и от его шепота, и от его рук. И от слов тоже. Архе осталось только мурлыкать начать. С ним дуэтом.

— Тебе тяжело, наверное?

— Мне тяжело, когда тебя нет, — заверила лекарка, закидывая руки ему на шею. — А с тобой мне хорошо. Ты такой большо-ой, те-еплый, гла-адкий. Как твои рога.

— Сомнительный комплимент, — хмыкнул Дан.

«Ха! Не только демоны на такое способны! Получите сдачу, всю, до медяка!». Арха ухмыльнулась, старательно передразнивая усмешку гвардейца и невинно тараща глазки.

Демон сгреб ее в охапку, перевернулся на спину, водрузив ведуньи на себя сверху. Девушка повозилась, устраиваясь удобнее. Вытянула одеяло и укрылась так, чтобы и рогатый не замерз. Для этого пришлось натянуть покрывало почти на голову. Но ее все устраивало.

Дан с любопытством наблюдал за манипуляциями лекарки.

— Ты такая забавная... как котенок, — задумчиво протянул он, путаясь пальцами у нее в волосах.

Девушка надулась. Постоянные сравнения ее со зверушкой начинали надоедать. А хаш-эд, помнится, даже как-то предложил бумажку к ниточке привязать! Арха тихо зарычала и кусанула за то, что ближе лежало. Получилось, что за грудь. И тут же заработала весьма увесистый шлепок по мягкому месту.

— А ну, женщина, лежи смирно! — рыкнул он. — А то разбудишь зверя, сама пожалеешь.

— Зайчика? — невинно поинтересовалась ведунья.

— Почему зайчика?

— Да это Шай утверждал, что он не ифовет, а пушистый зайчик.

Вообще-то, он как раз обратное утверждал. Но что не скажешь для красного словца?

— Это когда он тебе такое успел сказануть?

Выдал это демон таким тоном, что лекарка даже наружу вылезла. Глаза гвардейца были прищурены, губы плотно сжаты, скулы заострились. «У, как все запущено-то! Да мы, оказывается, еще и собственники. Надо бы спасти Шая, а-то как бы грозный хаш-эд ему что-нибудь не оторвал...» — во всю изгалялся здравый смысл ведуньи.

— Когда мы обсуждали его непреодолимую тягу к бабам, — ляпнула лекарка.

И только после этого поняла, что сказала, кажется, что-то не то. Архе показалось, что демон лицом потемнел. В буквальном смысле этого слова — кожа темнее стала, а глаза из темно-красных превратились в черные.

— Да-ан, — позвала ведунья лорда, собиравшегося впасть в бешенство. — Ты вот сейчас вообще о чем? Нет, я, конечно, понимаю, что Шай тот еще юбкодрал. Но если бы он меня интересовал, то шансов с ним... э-э-э... что-нибудь сделать у меня была куча. Я тебя несколько дней знаю. А его больше двух лет. Логику видишь?

— Вижу, — не слишком довольнo ответил рогатый.

— Да и вообще, — Арха решила ковать железо, пока есть возможность, а то потом слишком горячо могло стать всем — и блондинистому гвардейцу в первую очередь. — Зачем мне какая-то шусера, если у меня есть самый лучший демон?

— Это ты сейчас про меня?

— А не ты ли мне доказывал, что самый лучший? Логичный, рациональный и так далее? — лекарка помахала рукой у него перед носом, изображая «так далее».

— Издеваешься?

Некая от природы ехидная ведунья повторила его же жест, сведя большой и указательный палец вместе, оставив между ними узкую щелку.

— Ты действительно лучший. На самом деле, — добавила Арха уже абсолютно серьезно, пристально глядя ему в глаза. — Я даже представить себе не могу того, кто будет хоть в чем-то лучше тебя.

Демон обнял ее крепче, заставляя опять лечь на него. Сердце у демона частило. Не поверил? Смутился? Тьма их поймет, этих лордов.

— Данащ, а можно спросить? — пробубнила Арха ему в грудь, прислушиваясь к быстрым, гулким ударам, от которых волоски на ее шее сами собой дыбом вставали.

— Опять Тьмой клясться? — усмехнулся он где-то сверху.

— Да нет, я не думаю, что это прям такая тайна. Я хотела спросить. Вот это ваша идея с долгами. Ну, что их обязательно надо отдавать. Это только лорды на ней помешаны?

— С чего ты взяла? Нет, вообще-то, все дети Тьмы не должны долгов иметь, — он вопросу явно удивился. — Это же канон.

— Канон-то канон, только я в его смысл не слишком вдавалась. Ну, что он значит? Почему он весь такой обязательный?

— Когда уходишь во Тьму, нельзя оставлять незаконченные дела. Они тебя обратно тянуть будут. В Бездне и так несладко. Память-то о жизни остается. А если тебя что-то назад тянет, то еще тяжелее.

— То есть, в жизни нельзя оставлять ничего, чтобы твою совесть мучило? — любопытство опять заставило ведунью высунуть нос наружу.

— Сильные чувства вообще. Совесть, честь, ненависть. А у вас разве не так?

— У нас — это у детей Матери?

Рогатый кивнул.

— Нет, у нас совсем не так. Это вы уходите во Тьму навсегда. А мы возвращаемся, перерождаемся в новых телах, когда снова захотим вернуться к жизни.

— Вам проще, — задумчиво протянул демон.

— Наверное. А почему над этими долгами только лорды так трясутся? Вроде бы, условия равны для всех?

Дан задумался, пропуская волосы девушки сквозь собственные пальцы.

— Наверное, это уже традиция, — казалось, что он просто размышляет вслух. — Ведь изначально аристократия не была наследственной. В основном, вверх пробивались военные. А они умирали чаще, чем обычные жители. Поэтому и законы для них были строже.

— Постоянно забываю, что вы вроде как бессмертные, — проворчала Арха. — Если вас, конечно, чем-нибудь острым не ткнуть.

— Или не отравить, — согласился он, ухмыляясь, хотя девушка так и не поняла, что именно ему показалось смешным. — Да и болеем мы все чаще. Говорят, что раньше к нам вообще ни одна зараза, кроме черной чумы, не липла. Не то, что вы, люди. Бабочки-однодневки...

Он сам себя оборвал, как будто додумавшись до чего-то не слишком приятного. Легкая, чуть снисходительная улыбка, куда-то делась. Хаш-эд смотрел на ведунью пристально, серьезно. Даже руку из-под головы вынул. Обнял, крепко, так, что лекарка пискнула, прижал к себе.

— Действительно — недолго... — пробормотал Дан ей в макушку.

— Ты о чем?

Он вздохнул — грудь приподнялась и опала, и ведунья вместе с ней, будто на волне. Демон положил девушке ладонь на затылок, заставляя опустить голову. Арха снова ткнулась

ему в грудь, но, собственно, не протестовала. Пахло от него просто потрясающе. То есть, у лекарки действительно начинала слегка кружиться голова, когда он был так близко. Наверное, что-то подобное испытывают кошки, когда учуют валерьянку.

***

— Арха, мне пора.

— Опять? — проскулила ведунья.

Ей было слишком хорошо и уютно, чтобы не высказывать недовольства. Не так уж часто девушке выпадало счастье просто с ним рядом побыть. Но, наверное, это действительно странно. Будучи знакомой с ним всего-то чуть больше двух недель, лекарка уже вздыхать начала о редких минутах пребывания вместе. Кажется, именно так и «теряют голову от любви», как в тех же романах писалось. Голова Архи была все еще при ней, а вот разум предпочитал прогуливаться отдельно.

— Извини, котенок, но у меня есть обязанности, от которых я отказаться не могу.

— Да понятно...

Ведунья скатилась с него, села на кровати, приводя одежду в порядок и стараясь на демона не смотреть. Не хотела она, чтобы он расстроенно-обиженную физиономию видел. Ведь Арха вправду все понимала и мешать ему не собиралась. Но и радоваться тому, что демон от нее постоянно куда-то убегал, сил в себе не находила.

— Ребенка я сегодня заберу. Его отвезут к моей кормилице. Она неподалеку в деревне живет, — сообщил демон, не спешивший с кровати вставать.

Он снова наблюдал за лекажкой, как будто она делала невесть что интересное.

— У тебя была кормилица? — поразила девушка, глядя на него через плечо.

Наверное, ничего удивительного в этом не было. Про то, что леди сами детей не кормят, Арха слышала. Ее скорее поразил тот факт, что Дан вообще мог когда-то быть младенцем. Как-то не ассоциировался он у ведуньи с милым, розовощеким, агукающим детенышем. Наверное, она бы скорее поверила, что лорд непосредственно из Тьмы вылез таким, каким сейчас был: с рогами, красными глазищами, усами и родинкой на скуле.

— Была, — усмехнулся он, кажется, угадав, о чем девушка думала, — она даже и сейчас еще не старая для бессы. Я ее частенько навещаю.

У Архи случился ступор. Рогатого, который навещает свою кормилицу в деревне, ей было представить еще сложнее, чем Дана-младенца. Хотя, работала же здесь старушка, которую и сама ведунья иначе как «нянюшка» не называла. Может, не так уж далека лекарка от истины оказалась?

— Данаш, а вот та служанка, которая тут была... Ну, такая, старенькая... Она тебя не нянчила в детстве?

Арха попыталась жестами объяснить, что она имеет ввиду. Кажется, получилось эмоционально, но не очень выразительно. Впрочем, хаш-эд явно понял, о ком девушка говорит.

— Нянчила. Когда я гвардейцем стал, Мтая согласилась в городской особняк переехать, а Хаша в деревне осталась. Говорит, что в городе ей дышать нечем. А ты как догадалась?

— Да чего там догадываться то? — фыркнула прозорливая ведунья. — У нее на лице написано большими буквами, что она няня.

— Ведающая, — усмехнулся демон, потянулся и поцеловал легко, ласково.

И как-то так, что лекарка мгновенно поняла — отведенный им на сегодня лимит

закончился.

— Дан, я в клинику съезжу, ладно? Мне с девчонкой, которую ты санитаркой пристроил, поговорить надо.

— Хорошо, я предупрежу Ирраша, — легко согласился лорд.

Даже как-то подозрительно легко. Архе казалось, что ей придется долго уговаривать демона и приводить горы аргументов. Она была уверена — рогатый всерьез намеревался запереть ведунью в доме. Девушка закусила нижнюю губу, соображая, где и что она упустила.

— А можно не Ирраша? — робко поинтересовалась Арха.

— Нельзя, — припечатал демон.

Улыбнулся, тронул губами лоб Архи и исчез за дверью. Даже не подозревая о том, что лекарка может быть и не согласной с его мнением. Раз лорд Харрат сказал, что ее сопровождает шавер, значит, так он и будет. Какие тут могут быть возражения?

И в том, что ее мнением тут действительно никто не интересуется и интересоваться не собирается, ведунья убедилась, стоило ей к воротам выйти. Там лекарку уже ждали и отнюдь не Ирраш. Точнее, шавер тоже присутствовал. Но кроме него имелось еще четверо — четверо! — вооруженных до зубов демонов. И охрана была набрана из тахаров, о чем недвусмысленно намекал не только исполинский рост, но и характерные, как будто из камня вырезанные, но не до конца отесанные, лица.

Они и без амуниции выглядели бы жутко. Так еще и под одинаковыми светло-серыми с голубой каймой плащами тускло поблескивали стальные нагрудники с выгравированным щитом. Головы охранничков украшали рогатые шлемы. Причем формой этот декор удивительно походил на рога самого Дана. На перевязях у демонов в открытую висели мечи, хотя в столице ношения оружия, длиннее кухонного ножа, было запрещено.

Ведунье, глядя на них, стало не только плохо, но еще и холодно. Стоило только представить, каково им внутри этой груды железа, да еще и на морозе.

— Ну, долго пялиться будешь? — поинтересовался у лекарки неизменно вежливый Ирраш. — Или ты передумала ехать? Тогда, будь добра, сообщи мне об этом.

Арха помотала головой. Ехать, конечно, ей расхотелось напрочь. Но, к величайшему сожалению ведуньи, кроме ее желаний, существовало еще такое противное слово, как «надо».

— Тогда хватит хлопать глазами и залезай! — рявкнул шавер.

— Куда? — робко поинтересовалась девушка.

Ушастый мотнул головой, указывая себе за спину. Лекарка по широкой дуге обошла его конягу, чувствуя, как четыре пары глаз наблюдают за каждым ее движением. И, Тьма их всех побери, их Арха тоже забавляла! Но это еще не было достойным поводом оказываться слишком близко к животине Ирраша, которая мягкостью характера могла поспорить со своим хозяином.

Но когда Арха ее увидела, все мысли из головы ведуньи как ветром выдуло. Лекарка как-то сразу поняла, что перед ней именно она, а не он. Лошадка была черной и красноглазой, как и чудовища демонов. Только гораздо ниже и изящнее. Увидев девушку, она переступила ногами, точь в точь как танцовщица. Тряхнула узкой, изящно вылепленной мордой, плеснув по воздуху иссине-черной гривой.

— Красавица, — только и смогла выдохнуть Арха.

Кобылка кивнула, словно полностью соглашаясь с ней.

Ведунья не была большим знатоком лошадей. Да и вообще она этих чудовищ откровенно боялась. Но эта кобылка была настоящим порождением самой Тьмы, а не животным. И лекарка ни сколько не сомневалась, что разума у нее гораздо больше, чем у всех окружающих их демонов вместе взятых.

— Ее зовут Ведьма, — прогудел невесть откуда взявшийся за спиной Архи тахар, заставив лекарку взвыть от испуга.

Ухмыльнувшись щелью рта, он бесцеремонно облапал ведунью за талию и усадил в седло.

— Вы с лошадьми то не очень, как я знаю, да, мистрис? Тогда просто держитесь, а лошадка за нашими конями послушно пойдет.

Арха только кивнула, чувствуя, как от испуга рот мгновенно наполнился резким привкусом меди. И боялась она отнюдь не лошадь.

— Ведьма на Ведьме, — криво усмехнулся шавер.

Лекарка вернула ему кислую улыбку, демонстрируя, что демонический юмор она оценила по достоинству.

***

Если в прошлый раз во время поездки в сопровождении гвардейцев девушка чувствовала себя привязанной к позорному столбу. То это путешествие ей навевало нездоровые ассоциации с «ведьмовской дорогой». Самой Архе эту процессию никогда наблюдать не доводилось, но рассказывали о ней много, а воображение у ведунью было живое.

Происходило это все примерно следующим образом. Обвиненных в ереси и приговоренных к сожжению из тюрьмы направляли в городскую ратушу, где в зале Суда Тьмы им зачитывали окончательный приговор. А оттуда уже перевозили на площадь Правосудия. А от ратуши до площади дорога едва ли не через всю столицу петляла.

Так вот, приговоренных везли в такой деревянной клетке, стоящей на телеге. Чтобы все добрые жители Ахара могли не только налюбоваться еретиками, но и высказать им свое «фи!». Естественно, что такая процессия собирала много любопытных. Поэтому по бокам, спереди и сзади телеги с клеткой ехали охранники — городская стража.

Арха, конечно, сейчас перемещалась верхом, а не на телеге. На голове у нее был капюшон плаща, надвинутый по самый нос, а не ведьмовской колпак. Да и тахары в цветах рода Роос и с его же гербами на панцирях мало напоминали расхлябанных городских стражников. Но оживление у прохожих процессия вызывала повышенное. В лекарку разве что гнилыми овощами не кидали, как в еретиков. Зато пальцами показывали вовсю.

Только Тьма знает, за кого они принимали ведунью. Леди, в те редкие моменты, когда они по какой-то надобности выбирались в город, передвигались, естественно, с охраной. Но только верхом они не ездили, тем более в районе Веселых Висельников. Кареты придумали достаточно давно, а портшезы и того раньше. Как раз для того чтобы нежная дама черни себя не демонстрировала. Ну, за одно, и зад о седло не натирала.

В общем, эта поездка сожрала у Архи нервов больше, чем вся предыдущая неделя. Поэтому когда впереди показалось здание клиники, лекарка вздохнула свободнее.

И тут девушке впервые пришло в голову, что весь ее план летит во Тьму из-за такой малозначительной детали, как отсутствие денег. Ведунья даже полагающийся расчет у Дана не забрала. Но для воплощения в жизнь придуманного плана этих средств и не хватило бы. А собственные сбережения лекарки пропали вместе с теми, кто ее квартиру разгромил.

— Слушай, Ирраш, у тебя деньги есть? — мрачно поинтересовалась Арха таким тоном,

словно не у него просила, а требовала вернуть давно просроченный долг.

Просто девушку от подобной просьбы саму всю перекорежило. Не привыкла она занимать, тем более у лорда, да к тому же настолько малоприятного.

— Зачем тебе деньги? — невозмутимо поинтересовался шавер.

— А твое какое дело? — окрысилась Арха. — Сложно на вопрос ответить?

— Это ты у меня денег просишь, а, значит, я имею полное право знать, куда ты их собираешься потратить, — не моргнув своими желтыми глазищами, пояснил ушастый. — И если ты намереваешься прикупить какой-нибудь ерунды, типа ленточек и духов, это одно дело. А если деньги тебе нужны для того, чтобы влезть в очередное дерьмо — другое.

— Тебе жалко что ли? — проскулила ведунья, потому что ленточки и духи ее действительно интересовали мало.

— Значит, второе, — хмыкнул Ирраш, — Нет, денег мне не жалко. Тем более что деньги не мои, а Дана. Он выделил на твои хотелки. Но повторю для убогих: одно дело оплачивать твои шмотки и совсем другое...

— Я поняла.

Чувство было такое, словно ведунья в выгребной яме искупалась, а потом еще и по площади Императора голой прошлась. Хотя, конечно, ничего нового шавер, вроде бы, не сказал. Только вот Арха не задумывалась, на какие средства Шай с Тхия оплатили в «Серебрянном городе» кучу ее тряпок. Девушка тогда просто приняла происходящее как должное — и все. Вот вам и гордая самостоятельная личность. Обычная содержанка.

Ведунье самой от себя стало противно.

— И сколько тебе нужно? — вдоволь насладившись молчанием лекарки, поинтересовался ушастый.

Искушение сказать, что ей ничего не нужно, было велико. Да вот только стоило ли весь огород городить, если Арха не могла через собственную гордость переступить? Тем более что не замечать ее, эту самую гордость, приходилось далеко не в первый раз.

Ведунья же жила в доме Дана, между прочим, под одной крышей с его будущей женой. Которая, как и все окружающие, считала лекарку не только его любовницей, но еще и собственностью демона. И Арху это не смущало. Как и, например, уже не смущало то, что девушка напилась до полного изумления. Или то, что хаш-эд ее голую созерцал. Так не поздно ли плакать по потерянной гордости?

— Импералов пять, — ответила ведунья неохотно, — но только мелкими монетами. Лучше всего медью.

— Это целый мешок получится, — опять хмыкнул шавер, косо глянув на лекарку.

Но ничего больше добавлять не стал, только что-то тихо сказал одному из охранников. Тот коротко кивнул и развернул своего коня в обратную сторону.

— Что ты на меня пялишься? Я с собой тележку с мелочью не вожу. Придётся подождать, пока он пару-другую меняльных лавок объедет.

Арха только кивнула, с трудом выдавив из себя не слишком уверенное: «Спасибо...». Казалось, что тахары, окружающие ее, понимающе ухмыляются. Хотя, скорее всего, это ведунье ее паранойя нашептывала. Ничего же сверхъестественного не произошло. Подумаешь, любовнице лорда деньги понадобились!

***

— Стрис, у тебя ухудшение мозгов приключилось? Может тебе травки какие надеть? Я в миг приволоку, — малышка хлопнула носом и привычно утерлась рукавом, глядя на Арху с

откровенной жалостью.

— Я понимаю, что это сложно и небыстро, но не просто же так прошу. Я вам заплачу, — не смотря на горячее сопротивление девочки, лекарка упорно пыталась убедить чудо-ребенка в необходимости помочь ближнему своему.

— Да ты не о том! Скока народу-то в столице? Это ж всех перетряхнуть надо! — она выразительно пожала плечами и сплюнула на пол.

— Не плюйся. В больнице должно быть чисто, — машинально одернула ее ведунья, судорожно раздумывая о том, как убедить упрямую малявку.

Действительно, работу-то ей Арха предлагала не самую легкую. Но вполне посильную. По крайней мере, ведунья так считала.

— Кстати, тебя как зовут?

Действительно, вопрос пришелся как нельзя кстати.

— Меня не зовут, я сама объявляюсь. А кличут меня Ирушей.

Малышка ухмыльнулась, продемонстрировав отсутствие передних зубов. То ли коренные еще у бесенки не выросли, то ли их уже успели выбить.

— Послушай, Ируш, всю столицу проверять и не надо. Она должна жить где-то тут, неподалеку, — начала лекарка, больше сама с собой вслух рассуждая, чем ребенку задачу объясняя.

Конечно, для того чтобы младенца подсунуть, клинику мистрис Шор могли выбрать потому, что она лучшая в столице. Но это было маловероятно. Тащить новорожденного через весь город, тем более, зимой, идея не из самых удачных. Да и вряд ли император или принц будут содержать свою любовницу в богатых кварталах. Но и в трущобах им делать нечего.

Зыбкость собственных догадок Арха понимала прекрасно. Все ее домыслы строились на том, что ребенок родился от постоянной любовницы, а не от случайной девицы. Последнее тоже было вполне возможным. Но о подобном даже думать не хотелось. Потому что в таком случае ведунья вообще не представляла, как искать эту гипотетическую мать. Кроме того, если от лорда забеременела девка на одну ночь, то как бы ее нашел тот, кто все это затеял? Но, в целом, лекарка больше на удачу надеялась, чем на логику.

— И, скорее всего, живет она в маленьком, но собственном доме, а не снимает комнату, — иначе, опять-таки, есть риск нарваться на слишком любопытных соседей. — Сама она выходит редко, но у нее есть одна служанка. Может быть две, но это вряд ли. И, главное, она человек, понимаешь? Даже если она из дома носа не показывает, слухи среди соседей все равно ходят.

— Ну, ежели так... — малышка задумалась, видимо, что-то прикидывая. — Тады можно и пошукать. А быстро ль тебе ее найти-то надеть?

— Очень быстро, Ируш, — проникновенно заверила ее Арха и даже руки к груди прижала. — Очень-очень быстро. Лучше всего прямо сегодня.

— Эка, — девчонка почесала в затылке, — Ну, тадыть я побегла.

Ведунья пожелала малявке удачи и шепотом объяснила, где она потом сможет найти лекарку. Ирраш, стоявший в стороне, подозрительно покосился на перешептывающихся заговорщиц, но ничего не сказал. Видимо, шавер решил просто стать на сегодня тенью Архи и не оставлять ее одну ни на минуту. Поэтому и лишнего любопытства не проявлял. Мол, все равно эта наглая девица никуда не денется вместе с ее секретами.

А вот тут ушастый сильно ошибался. Нет, он всерьез намеревался пойти вместе с ведуньей в больничную уборную. Но лекарка его решению активно воспротивилась.

Убедившись, что в этом помещении шансов создать хотя бы видимость уединения действительно нет, шавер с ее доводами согласился, и остался за дверью.

А подлая ведунья, вместо того чтобы неотложными нуждами заняться, просто открыла дверь кладовки, которую желтоглазик тщательно исследовал, и перелезла через поломанные швабры, дырявые ведра, лысые метлы. Откинула в сторону мешковину на стене, вынула из рассохшейся рамы доску, только на первый взгляд намертво приколоченную, и оказалась в переулке.

Иногда плохо не быть постоянным пациентом. Вот Шай про этот лаз знал, а ушастый мышей не словил. Ну и сам виноват. Честно говоря, Арха даже представить себе боялась, что шавер ей устроит, когда найдет. Хотя, кто девушке голову первым оторвет — Ирраш или Дан — было под большим вопросом. Но, пожалуй, ее это волновало мало. Какая разница, кто именно во Тьму отправит? Результат-то один.

Глава восемнадцатая

Глава восемнадцатая

«Если надолго оставить женщину одну,
то в голове у нее начинают появляться Мысли.
И она их Думает. В силу женских особенностей,
ни к чему хорошему это не приводит...»
(Из наблюдений старого ловеласа)

Разбудил Арху стук в дверь. Ведунья тряхнула головой, не понимая спросонок, где она находится. Шея у нее затекла и спину ломило. Все-таки, спать, положив голову на руки, лекарка не рекомендовала бы никому.

Пока девушка хлопала глазами, рассматривая кухню Мары-булочницы, ее шкафоподобный муж открыл дверь, впуская внутрь замотанную в какие-то тряпки Ируш. Которая сейчас была неотличима от малявки, пришедшей в один, определенно далекий от прекрасного, вечер к ведунье за помощью. Девочка была невероятно грязной, оборванной и вонючей.

Войдя, малышка тут же бросилась к печке, распластавшись по ее теплему боку как наколотая на булавку бабочка. Архе в голову пришла мысль, что она затрудняется определить, кто от кого больше пачкается. Ируш печной побелкой или печка грязью с обмоток девчонки.

— Который час? — спросила ведунья у беса, сонно моргая и шурясь от света единственной свечи.

— Третий час ночи пошел, — прогудел булочник.

— Простите. Простите, пожалуйста, — лекарка повертела головой, ладонью разминая одеревеневшую шею. — И спасибо большое за помощь. Вы уже второй раз меня спасаете. Я завтра заплачу...

— Да чего там, — отмахнулся от ее словоизлияний бес, — надо ближнему-то сподмочь, ежели силы имеешь. Тогда, может, и жизнь правильнее будет. Вы нам не отказали. Разве ж Тьма поймет, ежели мы вас в беде-то бросим? Я вот ключик тута, на столе, оставляю. Будите уходить — дверку затворите. А ключик потома вернете, как оказия выйдет. Спокойной вам ночи, мистрис Арха.

— Ну, стрис, грю я вам, — подала голос Ируш, когда булочник, поскрипывая половицами, прогибающимися под его слишком большим телом, ушел из кухни, — шухеру вы тама навели знатно. Почитай, вас вся столица с факелами ищет. Аж стражу на ноги-то подняли. Чегой вы натворили-то? Вы как сегодня заявили, то ить я подумала, что вы не меньшей герцогине заделались. А теперь — вона! Ищуть-аукают. Сперли, что ль чего?

— М-да, — промычала Арха, барабана пальцами по столу.

Мысли о том, что с ней сделают те, кто сейчас ее ищет-аукает, она от себя старательно отгоняла. Но ведь действительно, втягивать в такое деликатное дело четверо громил, закованных в железо, было как-то не с руки. А то пришлось бы еще и фанфары с герольдами захватить. Чтобы точно незамеченными не остаться.

— Так вы нашли? — спросила она, старательно запиная неприятные мысли в самый темный и пыльный уголок разума, закидав их сверху актуальными заботами.

— Ну, чегой-то мы точно нашли. А та аль не та, что вам спонадобилась — мне не ведомо.

— Так пойдем и посмотрим, та она или не та, — велела Арха решительно, подхватывая свой плащ, брошенный на скамью.

— Холодна тама, стрис. Дайте, хоть отогреюся.

— Во Тьме, говорят, жарко. Там и отогреемся. Пошли.

Сама не зная, по какой причине, но ведунья заспешила. Чувство, что время уходит, утекает как вода сквозь пальцы, становилось все острее. Девушке как будто кто-то шептал в затылок: «Быстрее, Ара, быстрее!». И ей то и дело казалось, что воздух, такой морозный, что ноздри слипались, пах то ли яблоневым цветом, то ли сеном. Но этот аромат был такой легкий, ускользающий, что лекарка никак не могла понять, мерещится он или нет.

А Арху действительно искали. Улицы и даже переулки прочесывали отряды городской стражи. Обычно их ночью в этих районах было не дозваться, а уж в мороз тем более. Но сейчас они проходили такой густой сетью, что дергающийся свет факелов одного патруля почти сливался с освещением другого. Гулкий звон подкованных сапог по промороженной брусчатке отражался от стен домов, повторяясь многократно. «Ищи!» — сиплыми голосами перекрикивались солдаты. Конечно, можно было предположить, что разыскивали они вовсе и не ведунью. Вот только ей самой в это не верилось.

Лекарка с Ируш, пробирались по переулкам как крысы, ныряя из одного темного угла в другой и перебегая освещенные места. Несколько раз стражники проходили всего на расстоянии вытянутой руки от них. Приходилось буквально вжиматься в стены домов. А один раз просто выхода другого не оставалось, кроме как притаиться, стараясь не дышать, за мусорными ящиками. Но, наконец, девицы выбрались к какой-то небольшой площади.

Скорее всего, днем тут шумел местный рыночек. Прилавки, собранные из досок, уложенных на небрежно сколоченные козлы, стояли рядами. Кое-где над лотками виднелись натянутые тенты, бросающие на землю хмурые тени. Все выглядело мрачным, серым и продрогшим. Только изморозь чуть серебрилась в рыжевatom факельном свете.

Пересекать площадь им не было никакой необходимости — темнота вполне позволяла пробраться по ее краю. Вот только Арха замерла у выхода из переулка, как заяц. Даже не замечая, что всего в шаге от нее, поблескивая наледью, благоухает груда гнилой рыбьей требухи.

В центре площади, рядом с фонтаном, толпились все те же стражники. Тут их было много, патруля три — не меньше. Но ведунью не они заставили застыть. В тот момент, когда

девицы почти выбрались из темной кишки проулка, с противоположного конца, громко цокая копытами по обледенелой мостовой, выехала Леди. Лошадь Арха, возможно, и не узнала бы. Но Адина, в гвардейской форме, с непокрытой головой, лекарка и в темноте ни с кем не спутала. А на площади от факелов было светло, почти как днем.

Стоило гвардейцу появиться, как гул мужских голосов затих. Стало слышно даже, как поскрипывает промёрзшая парусина тентов над прилавками. Адин не спеша подъехал к фонтану, спешил, перебросив поводья через голову лошади.

— Старший! — негромко приказал он, повернувшись к девицам боком.

Арха невольно подалась назад, под прикрытие тени от дома. Потому что банально испугалась. Это действительно был синеглазый, ее недавний пациент и настоящая задушевная подруга. Вот только демон сам на себя не походил. Куда девалась его мягкость и кротость? Черты лица стали жесткие, угловатые.

Ведунья раньше и не замечала, что он такой высокий. Да и плечи у него, пожалуй, были шире, чем у Ирраша. И где-то по дороге на площадь ивтор приобрел такой взгляд, что девушке немедленно захотелось не то что голову в плечи вжать, а на брюхо лечь. Еще и голос у синеглазого не просто командным стал. Он в принципе неподчинения не подразумевал. В общем, настоящий высший лорд и гвардеец во всей его придворной красе.

Из толпы солдат, явно нехотя, вышел сержант и молча поклонился демону. Выпрямился, но головы так и не поднял, как будто не рисковал смотреть на ивтора прямо.

— Докладывайте, — приказал Адин.

— Кварталы мы прочесали, господин офицер, как и велено было. Тока нету никого. Не в дома ж вламываться... — неохотно ответил бес, нервно перебирая пальцы на рукояти короткого меча, висевшего у него на боку.

— Я сказал «докладывайте», а не «давайте посплетничаем», — ледяным тоном, с поистине лордовским высокомерием заявил синеглазый. — Не ощущаете разницы?

— Виноват! — сержант подобрался, только вот голова его еще глубже в плечи ушла, — Вверенная мне территория была обследована, объект не обнаружен. Жду дальнейших указаний.

— Да ты бы вшу на собственном... не обнаружил, — брезгливо скривился Адин.

И коротко, без замаха, почти не пошевелившись, вдарил бесу под дых. Того как будто порывом сдуло. Он загрохотал по брусчатке, словно куль, набитый железом. Да так и остался лежать, где упал.

— Если вы не найдете девушку к утру, то пойдете под трибунал. Все. Это понятно? — скучающе глянув на темное небо, поинтересовался гвардеец.

— Да, господин офицер, — ответил ему не слишком слаженный и совсем неуверенный хор голосов.

— Рас-споясались, твари, — Адин сплюнул и пошел к своей лошади.

Ведунья стояла, прижавшись к стене. Чувствуя, что сердце ее бьется с перебоями, а внутренности пытаются спрятаться друг за дружку. «Если синеглазик такой, то во что превратились остальные? А Дан?.. Лорды...» — испуганной мышкой прошмыгнуло в голове.

— Ты долго тута будешь торчать, как свечка в жопе? — прошипела Ируш.

Арха неуверенно кивнула, натянула капюшон пониже, словно он девушку защитить мог и, стараясь ступать как можно тише, пошла вдоль стены.

***

Дом стоял чуть в стороне от основной застройки. Он был двухэтажный, как и остальные

здания в этом квартале, но какой-то нелепый, словно его кто-то специально вытягивал в высоту. Фасад оказался узким, всего в два окна, между которыми каким-то чудом втиснулась такая же непропорционально узкая дверь. Домик окружала высокая кованая ограда с копейными наконечниками. И въездные ворота, и калитка были заперты на солидные амбарные замки.

Арха подошла к решетке, взявшись за прутья обеими руками. Промороженный металл охлаждал ладони даже сквозь перчатки.

Ни одно окно в доме не светилось, что и неудивительно, наверное. Ночь уже сдавалась, время шло к утру. Но лекарке не понравилось, что на дорожке, припорошенной снегом, не было ни следа. Морозы ударили почти четыре дня назад. Значит, тут никто не появлялся как минимум столько же. Кажется, сыщицкая команда ведуньи не тот дом нашла.

Сбоку кто-то тихо свистнул. Ируш встрепенулась, словно прислушиваясь, но явно не к свисту. Потом коротко, хрипловато гавкнула — точь в точь, собака, потревоженную со сна.

— Можно идтить, стрис, дверь отворили.

Она скользнула к калитке и, не обращая внимания на немалую цепь и замок, которые оказались наброшенными на прутья только для виду, открыла дверцу, вопросительно глядя на Арху. Та решила последовать за малявкой не сразу. Взлом входной двери в планы лекарки никак не входил. Но, с другой стороны, не останавливаться же на полпути? Тем более что дом явно был необитаем. Где-то на периферии сознания маячила мысль о том, зачем ей пустой дом?

Но додумывала ведунья уже на ходу. Девицы почти бегом пробежали по дорожке, залитой светом уходящей Луны. Архе казалось, что снег под подошвами ее сапог скрипит так громко, что этот звук просто обязан перебудить всех спящих в соседних домах. Сердце у лекарки колотилось где-то в горле, и сглотнуть его никак не получалось. Во рту поселился устойчивый, кислый привкус меди.

На крыльцо она взбежала, едва не врезавшись в стену. Ируш сердито цикнула на ведунью, приложив палец к губам, и легко нажала на закрытую, вроде бы наглухо, створку. Дверь бесшумно, как будто на нее заклинание наложили, приоткрылась, демонстрируя непроницаемую, как сама Тьма, черноту. Лекарка протиснулась в щель, пропустила малявку и закрыла створку, опершись об нее спиной и давая глазам привыкнуть к мраку.

В доме оказалось на удивление тепло. Пахло горящими дровами, свечным воском и сухими цветами. Взломщицы очутились в коротком коридорчике, в конце которого выгибалась змеей крутая лестница на второй этаж. За одной из дверей была кухня с не потухшим до конца очагом — угли тлели под тонкой пленкой золы. За другой находилась комната, в которой, наверное, обитала прислуга. Но сейчас в ней никого не было — даже постель аккуратно застелена.

Арха тихо, как мышь, поднялась по лестнице на второй этаж и снова оказалась в узком коридорчике и опять с двумя дверьми. Правая открылась в спальню, пахнущую спертым, затхлым воздухом. Воняло залежанным бельем, немытым телом и даже ночным горшком. Кровать, занимающая большую часть комнаты, выглядела так, словно в ней медведь ворочался. На прикроватном столике стоял поднос явно с завтраком. Только вот на куске сыра уже поблескивала в лунном свете корочка плесени. И никого живого.

Вторая дверь вела в ванную комнату. Стоило ее толкнуть, как в коридор вырвались влажные, пахнущие розовым маслом, клубы пара. Помещение освещали свечи, стоящие на полу. Но Архана них и внимания не обратила. Гораздо больше ее заинтересовала голая,

показавшаяся лекарке синей, рука, безвольно свешивающаяся через бортик ванной. На кисть словно кто-то багряную, слишком короткую, перчатку натянул. С кончиков пальцев капали тягучие капли, беззвучно падающие в немалую лужу, натекающую на потемневший от влаги деревянный пол.

Эти-то капли и вывели ведунью из ступора.

— Неси сюда одеяло. Найди простыню, только чистую. И халат. Живо! — прикрикнула Арха на Ируш.

Хотя девчонка в окриках не нуждалась. Стоило ей получить указания, как малявку словно ветром сдуло. Ведунья, не столько развязав, сколько разодрав завязки плаща, бросилась к ванне. Девушка, лежащая в еще теплой, абсолютно красной, воде, была жива. И сердце ее билось довольно уверенно.

Левую-то руку она вскрыла хорошо, твердо, от самого запястья и до локтя. А вот на правую смелости уже не хватило — только кожу порезала. Но крови несостоявшаяся самоубийца потеряла немало. Была бы она демонессой или, хотя бы, бессой, то заработала бы от лекарки только увесистую пощечину. Но в ванне плавала чистокровная человечка. И эту дуру нужно было спасать всерьез.

Арха потянула наружу безвольное, обмякшее и страшно тяжелое тело, которое никак не поддавалось. Платье лекарки моментально вымокло насквозь. Кое-как перевалив девушку через бортик и убедившись, что воды она не наглоталась, Арха стащила бедолагу на пол. Когда ее босые ноги брякнулись об пол, сшибая свечи, ведунья поморщилась. Но, к сожалению, демонической силой ее Мать обделила. И романтически таскать дев, попавших в беду, на ручках, Арха физически не могла.

Ируш уже проворно расстилала на полу одеяло, бросив простыню и халат на бортик ванной.

— Стрелой лети в особняк лорда Харрата, — невнятно приказала лекарка, перекусывая шов простыни и раздирая полотно на ленты. — Знаешь, где он? Умница. Узнай, где можешь найти самого лорда. Отыщи его и скажи, чтобы он волок свою задницу сюда. И меня не интересует где, но пусть он мне достанет хотя бы нитки и иглы. Только хирургические, а не портняжные, — ее взгляд упал на портрет, прислоненный к стене напротив ванны. — И пусть принца с собой прихватит.

***

— Арха! — раздался снизу рев разъяренного быка в гоне, которому телку показали, да тут же спрятали.

— Вот за что мне это все? — вздохнув, спросила ведунья у девицы, которая приходит в себя пока не собиралась.

Лекарка с удовольствием пристроилась бы рядышком с ней в глубоком обмороке. Только вот отлеживаться ей никто бы не дал, да и дела еще оставались. Поэтому Арха тяжело поднялась с колен и вышла на верхнюю площадку лестницы. Только для того чтобы столкнуться с совершенно озверевшим от бешенства демоном. Он еще подняться не успел, поэтому у девушки была редкая возможность смотреть на него сверху вниз.

— Инструменты принес? — поинтересовалась Арха, не давая ему и рта раскрыть.

Хаш-эд, испепеляя лекарку взглядом, сунул ей в руки кожаный ларчик. Девушка откинула крышку, бегло осматривая содержимое, и удовлетворенно кивнула.

— Убивать потом будешь, — мило улыбнулась она, хотя гримаса вышла несколько нервной. — Мне еще там девицу надо заштопать.

— Аниту? — недоверчиво спросил второй рогатый.

Для того чтобы рассмотреть его, Архе пришлось встать на цыпочки, заглядывая за плечо Дана. Да, два хаш-эда на узкой лестничке — это зрелище не для слабонервных! Особенно рога, царапающие косо уходящий вверх потолок, впечатлили.

— Доброе утро, Ваше Высочество, — лекарка решила побыть вежливой, — понятия не имею, как зовут матушку вашего бастарда, но, по всей видимости, ее.

— Дан, ты можешь объяснить, что твоя зверушка лепечет?

Ведунья потянула лорда Харрата за рог, привлекая к себе его внимание.

— Его ты тоже потом убьешь. Ты всех убьешь, но потом, хорошо? Данащ, не создавай пока лишних сложностей. Лучше приготовь чай, много, крепкого и очень сладкого. Я знаю, ты умеешь. А если сваришь бульон, то цены тебе не будет.

Лекарка легонько поцеловала лорда, и для этого ей в кой-то веки пришлось наклониться. Гвардеец ответил, но как-то растерянно.

— Ну, вот и замечательно!

Арха осмотрела толпу демонов, сгрудившихся внизу, выбирая наименее впечатлительного, но здравомыслящего. И еще раз тяжело вздохнула. На выбор ведунье предлагались либо здравомыслящие, но впечатлительные, либо наоборот.

— Лорд... А, Тьма, все равно не помню, чего ты там лорд! Короче, Ирраш, мне твоя помощь нужна. Повитухе, которая роды принимала, надо бы руки вырвать и в задницу вставить. Мне помощник потребуется.

— Ты мне предлагаешь быть помощником повитухи? — ушастый не только уставился на девушку своими немигающими желтыми глазищами, но, видимо, для верности, еще и пальцем себе в грудь ткнул.

— Скорее уж помощником хирурга. Давай-давай, шевели копытами. Гипнотизировать потом меня будешь. И кто-нибудь из вас, мессеры, пусть приведет спальню в нормальный вид. Про горшок не забудьте.

Лекарка развернулась на каблуках и потопала обратно в ванну. Для того чтобы отволочь стол на второй этаж потребовалось бы крышу разбирать. Таскать пациентку тоже было бы не лучшим выходом, а в ванной комнате было, по крайней мере, светло.

— Лорд Ирраш ашэр Нашкас арш Карро, — оповестил ведунью шавер, появляясь на пороге и осматриваясь с каменной физиономией.

Причем распростертой на полу девчонке он уделил примерно столько же внимания, сколько и ванне. Больше его заинтересовал портрет, прислоненный к стене.

— Да без разницы, — отмахнулась от него Арха. — Мне за тебя замуж не выходить. Смотри, для начала мы ей руку зашьем, а потом вниз перейдем. Воспаление у нее.

Ни смотря на ужимки, кривляния и фыркание шавера, помощником он оказался дельным. Даже большинство приказов лекарки понимал всего со второго раза. Поэтому управились они быстро. И ведунья могла гарантировать, что несостоявшаяся самоубийца и дальше жить будет. И даже сможет наплодить еще метисов. Если, конечно, не повторит свои эксперименты с прогулками во Тьму.

Закончив, Арха предоставила ушастому почетную возможность перенести пациентку в убранную и, даже, проветренную уже спальню. Составила список необходимого, и отослала крутящуюся за дверью Ируш в аптеку, велев деньги вытрясти из принца. Оглядела разгром в ванной и решила, что в уборщицы она явно не нанималась. Поэтому прихватила только портрет и спустилась вниз.

Монстров она обнаружила там, где и ожидала — в кухне. Естественно, они были уже не одни, а в компании с бутылками и явно ресторанной едой. Кстати, на плите деликатно побулькивал, судя по запаху, куриный, бульончик.

— Ты мне его на голову хочешь одеть? — поинтересовался Его Высочество, обернувшись к ведунье и указывая пальцем на собственный портрет, который она в руках держала.

— Очень, — честно ответила Арха, — на рога.

И швырнула картину в кронпринца. Демон, естественно, перехватил ее в воздухе, мельком глянул на изображение и поставил его у камина, повернув задником.

— Я оценил, — заверил он, — ты в бешенстве и теплых чувств ко мне не питаешь. Теперь я могу получить объяснения, что тут происходит?

Дан поддержал его кивком головы. Вид у лорда Харрата был очень грозным. Он стоял, прислонившись к углу очага, сложив руки на груди и сверля ведунью красными, словно кровью налитыми, глазами.

— А почему Ирраш еще жив и даже не покалечен? — надула Арха губы, усаживаясь за стол. — Он же меня потерял.

Шавер не только рыкнул, но и оскалился в ее сторону. Тонкий бокал, который он держал в руке, лопнул, окатив ушастого красным вином. Ведунья невинно похлопала глазками, демонстрируя, что намек она не поняла.

— Я решил подождать, пока он тебя не найдет, — с убийственным спокойствием пояснил Дан.

— Ну, я так не играю... Шай, солнце, налей мне чаю, пожалуйста. И передвинь Тхия вместе с креслом вот сюда. А то меня Ирраш сейчас порвет. Кстати, Адин...

— Что. Тьма. Вас. Всех. Побери. Здесь. Происходит?! — оказывается, Его Высочество умеет рычать даже громче и страшнее Дана.

Серьезно, рогатому стоило бы у него поучиться. Видимо, у кронпринца практика была богаче.

— Да что вы так нервничаете, Ваше Высочество? — удивилась лекарка. — Хотите, я вам травки успокоительные приготовлю? С вашей жизнью нервы...

— Арха... — позвал Дан негромко.

Ведунья подавилась собственными словами.

— Да, собственно, ничего тут и не происходит уже. Ваша человечка родила от вас метисика, которого то ли она сама отдала, то ли его украли в ту же ночь и подбросили в клинику. После этого она с недельку помучилась, отослала служанку и тихонечко вскрыла вены перед вашим портретом. Собственно, все.

— Анита родила? От меня? — как-то потерянно повторил хаш-эд.

— А что, это ваш первый бастард, что ли?

Он в ответ растерянно кивнул.

— Ну, значит, не повезло. Хотите, я вам верное средство подскажу, чтобы такого не случилось? Значит, берете сок сельдерея...

— Арха... — по-прежнему не повышая голоса, сказал Дан.

— Я за нее! Слушаю и повинуюсь, мой господин. Что прикажете?

— Арха! — теперь в его голосе послышались явно рычащие нотки.

— Что «Арха»? Ну, что? — терпение ведуньи лопнуло, как перетянутая струна. — Все ведь нормально, разве не так? Коронованный урод вывез откуда-то человеческую девчонку.

Заметьте, именно вывез. Потому что ни одна чистокровная человечка по своей воле в столице не поселится. Если только она не решится сделать карьеру шлюхи не в самом дорогом борделе. Так вот, он ее вывез, наигрался и кинул. Ну, может вот этот дом подарил и золота отсыпал. И даже не заметил, что его зверушка брюхата! Ничего ведь не происходит, все нормально, правда? Отвали от меня!

Последнее она рывкнула Шаю, который сунулся было лекарку успокаивающе по ручке гладить. Успокоения ведунья не желала. С гораздо большим удовольствием Арха порвала бы глотку кому-нибудь. Желательно демону. А лучше хаш-эду.

— Ну, а то, что человечка, разродившись, вены себе вскрыла, портретик слезами умывая — это мелочи. Они внимания не стоят. Да и метисик, оказавшийся в приюте, то же внимания не достоин! Наверняка ведь Его Высочество считает, что своей забаве он точно ничего не должен. Значит и во Тьме ему будет хорошо и уютно. Все же нормально, да, лорд Харрат? Меня вот такое же ждет? — лекарка ткнула пальцем в потолок. — Вы просто скажите, чтобы у меня было время морально подготовиться.

— На моральную подготовку у тебя будет целых девять месяцев, — голосом, от которого бы и Солнце замерзло, сообщил Дан. — Если не ошибаюсь, срок вынашивания ребенка от расы не зависит. И могу тебя заверить, я своих бастардов не бросаю. Они воспитываются в фамильном поместье. Всего доброго, мистрис Арха.

Он коротко поклонился ведунье и вышел, с преувеличенной осторожностью прикрыв дверь.

***

Сдерживать слезы Архе удавалось с огромным трудом. И, что показательно, ни одна демоническая рожа ни слова ей в утешение не сказала. Наоборот, все пилились на лекарку так, словно она только что страшное преступление совершила. Ирраш, прошипев сквозь зубы что-то неразборчивое, но явно для девушки нелицеприятное, вышел вслед за Даном. Его высочество, пробормотав, что он побудет наверху, тоже удалился. Тхия просто смылся, без объяснений. В кухне повисла тягостная тишина.

Арха встала, сделав вид, что ее всецело занимает только бульон. Нашла ложку и стала помешивать уже готовое, в принципе, варево, подсаливая его пролившимися, все-таки, слезами. Здравый смысл бубнил что-то про то, что он говорил девушке не связываться с лордами. И что такой конец вполне закономерен. И что она сама дура. И, вообще, лучше сейчас, чем оказаться потом на месте этой человеческой девчонки.

Только вот сердце ныло так, как не болело даже тогда, когда бабушка ушла. И обида глодала. Арха буквально чувствовала ее зубы, пережевывающие лекарский мозг. И постоянно, заглушая бубненьш здравого смысла, крутилась мысль: «За что?!». Во рту было горько и гадко, словно она полыни наживалась. Ведунья не сразу и сообразила, что чувства то эти не ее. Точнее, не целиком ее. От этого стало еще гаже.

— Арха, у Дана нет и никогда не было бастардов, — осторожно начал Адин.

Голос у него был такой, словно он по тонкому льду шел.

— И, вообще, он целибат[1] блюдет, — из чистого упрямства буркнула ведунья.

— Нет, конечно, — отозвался синеглазый, — но, поверь, к продолжению рода он относится крайне серьезно. И я тебе уже говорил, он склонен чужие проблемы на себя взваливать, а не свои кому-то навязывать.

— Это мы заметили, — съязвила Арха, — впутал меня во всю эту дрянь, заботясь исключительно о моем благе.

— Вообще-то, тебя чуть два раза не убили. И второй раз не убили только благодаря ему.

— Вот спасибо! — лекарка швырнула ложку так, что она, грохнув по столу, отлетела в другой угол кухни. — Хочу заметить, что не было бы вас, то меня и не убивал бы никто.

— Уверена? — поинтересовался Адин. — Всю эту «дрянь», как ты выразилась, затеял не Дан и ни кто-то из нас. Знаешь, как моя бабушка говорила? «Если не хочешь унижить мужчину — не бей его по лицу. И даже если хочешь — не бей!».

— Это она тебе говорила? Учила искусству соблазнения?

— Моим сестрам. Но суть от этого не меняется, — спокойно ответил синеглазый.

— Ар, ну, ладно, ты на принца разозлилась. Допустим, обиделась вообще за весь женский род и сорвалась на Дане. Адин тут при чем? — поинтересовался Шай.

Ведунья открыла рот, чтобы и его «причесать» — и закрыла. На это ее совести не хватило. Да и перед Адином было стыдно так, что хотелось об стенку головой постучаться.

— Извини, — буркнула она и хлюпнула носом. — Прости, я не хотела.

— Да я-то понимаю, — не стал измываться над раскаявшейся девушкой красавчик, — а вот Дан — не понимает. Ты бы видела его сегодня ночью. Он же с ума сходил.

— Я тебя видела. Мне хватило.

— Я, конечно, за тебя волновался, как и все мы. Но ему в сто раз хуже было.

— Ар, попытайся его понять. Я знаю, что просить об этом глупо, но ты просто — попробуй, — вступил Шай, — Он не понимает, что происходит. На него со всех сторон давят: Арха, император, ты...

— А я-то тут при чем?

— Не при чем? Он не знает, что с тобой делать. Пойми, ты не вписываешься никуда. Не любовница, не девочка на одну ночь, не жена. Что с тобой делать? Как к тебе относиться?

— Может, будет проще отпустить на все четыре стороны, а? — ядовито поинтересовалась Арха. — Ну, просто чтоб не мучиться? И вписывать меня никуда не придется.

— Дура ты! — рявкнул Шай, саданув кулаком по столу так, что ведунья аж попятилась. — Разбирайся с ней сам, Ад, а я не могу. Боюсь пристукнуть ненароком.

Блондин вскочил и вылетел из кухни. Девушке стало совсем грустно. Теперь и Шай мечтал ее удавить. За что, спрашивается?

— Арха, сядь, пожалуйста, — попросил красавчик проникновенно, и взял руки лекарки в свои ладони, заглядывая ей в глаза. — То, что происходит между вами, сложно понять и тебе, и ему. Для вас обоих это все непривычно и незнакомо. Тебе легче, потому что даже сравнивать не с чем. А он — взрослый мужчина, лорд, придворный. У него существуют сложившиеся взгляды на жизнь. И вы очень-очень разные. Совсем разные, как сама Тьма и Жизнь. Поэтому вам так сложно.

— Ну, так и в Бездну это все, — всхлипнула ведунья.

Слезы уже катились сами, и никакими силами ей их было не удержать.

— А это только вам решать. Тебе и ему. Но я вам очень завидую.

— Было бы чему завидовать.

— Мне такого чувства Тьма не дала. Хотя я его и ищу. Разве это не счастье, когда есть кто-то, без кого тебе гораздо хуже, чем с ним? Неужели ты хочешь остаться одна, без него?

— Нет, — проскулила Арха.

— Вот видишь, как все просто? Нет, жить вообще сложно, с этим никто не спорит. Да и с Даном нелегко, характер у него... своеобразный. Но достаточно признать, что все

трудности стоят того, чтобы быть рядом. А с остальным можно справиться, да?

— Да...

— Нельзя унижать того, кто тебе дорог, — Адин перестал улыбаться, глядя на лекарку серьезно. — Можно обидеть и даже оскорбить, особенно в запале. Но бить по больному — последнее дело. Этого Адаша со своей гордыней никак не поймет. Но ты-то мудрее ее.

— Откуда ты вообще такой умный выискался? — улыбнулась ведунья трясущимися губами, утирая лицо рукавом.

— Я же сказала, что мне, так как вам, не повезло. Хотя я ищу очень настойчиво. Так что, можно сказать, что опыт.

— Знаешь что, Ад? Я тебя очень люблю.

— Я тоже тебя люблю, малышка, — он наклонился, легонько целуя Арху в лоб, и прошептал ей на ухо. — И будь чуть-чуть мудрее его. Мужики-то на баранов не только рогами похожи.

Лекарка обернулась. На пороге мрачный как сама мрачность стоял ее демон. Действительно ведь, ее. И не потому, что он девушке принадлежал. А потому что она принадлежала хаш-эду.

— Дан, прости меня, пожалуйста, — Арха встала со стула, сделала шаг вперед и замерла, глядя на гвардейца. — Я — дура.

Он серьезно кивнул. Подошел и обнял, прижимая девушку к себе.

— Я же поклялся, что никогда с тобой играть не буду, — прошептал рогатый ей в затылок, — глупый котенок...

Ведунья с ним и не спорила. Потерлась щекой о бархатистую ткань камзола, чувствуя, как исчезает во рту горечь.

[1] Целибат(лат. coelibatusилиcaelibatus) — безбрачие, как правило, принятый по религиозным соображениям.

Глава девятнадцатая

Глава девятнадцатая

Лучше всего хранит тайну тот, кто о ней ничего не знает

(Поговорка шаверов)

Вино со стола демоны убрали, видимо намекая на то, что разговор предстоит серьезный. Зато перед каждым Тхия поставил кружку с подозрительным, парящим довольно вонючим дымком, зельем. Арха сама видела, как он не заваривал, а варил чайные листья. Щедро сдабривая их молоком, маслом, драконьим перцем и еще какой-то гадостью. Как такое можно пить, ведунья не представляла.

Честно говоря, лекарка абсолютно обоснованно опасалась, что ее сейчас запакуют, передадут охранникам и отправят в особняк Харратов, чтобы некие ведуньи не совали свой чересчур длинный нос в дела больших мальчиков. Судя по всему, примерно того же ожидали и остальные присутствующие. Но вместо этого Дан решительно усадил девушку к себе на колено, выразительно показав Тхия на ее пустую чашку. Неодобрение таким решением выразил только кронпринц — он головой покачал.

Но разговор никак не начинался. Все как будто ждали чего-то. И когда Арха поняла,

чего именно они ждали, лекарке осталось только тихо стонать и мечтать очутиться в своей спальне, которая стала для нее почти родной. Потому что в кухню, постукивая подкованными каблуками, решительно вошла леди Адаша.

Правда, на леди она сейчас смахивала меньше всего. И ей это шло. Волосы демонессы были собраны в высокий хвост на затылке вроде того, что носил Шай. Мужской камзол обрисовывал небольшую, но весьма привлекательную, на взгляд ведуньи, грудь, которую раньше под шелками и невидно было. Брюки демонстрировали такие ноги, что Архе немедленно захотелось красавицу удавить. Или удавиться самой. От зависти.

На боку золоторжки болтался меч — длинный и необычно тонкий, с какой-то сложной гардой. При этом ее рука лежала на рукояти как-то так, что сразу становилось понятно — оружие не является декоративной деталью костюма. Пользоваться она им умеет. Зависть ведуньи позеленела и стала совсем непереносимой.

Вот демонесса, не смотря на все ее театральные выступления, была действительно личностью самостоятельной и независимой. По сравнению с ней ведунья сама себе напоминала котенка. Который то молочные коготки не к месту выпускает, то ластится не ко времени, то в лужу вляпывается. Только для того чтобы хозяин его за шкурку из грязи вытащил, вымыл, утешил и посадил на атласную подушку.

К зеленой, как гайморитные сопли, зависти присоединилась обида на весь мир. Теперь они лекарку глодали на пару.

Адаша, наклонилась, чмокнув брата в щеку, и осталась стоять за его спиной, опершись локтем о плечо кронпринца.

— Так, — подвел итог Дан, — давайте...

— Давайте, — перебила его демонесса.

В комнате лекарки золоторжка говорила нормальным тоном, в котором отсутствовал даже намек на жеманность. А сейчас демонесса чем-то неуловимо напомнила ведунье Адина. Такого, которого она на площади увидела. И в данный момент Адаша была даже не леди, а, скорее, лордом. Зависть Архи взвыла дурниной.

— Давайте начнем с того, что аннулируем все дела, которые вы сегодня ночью инициировали. Если меня память не подводит, то под смертную казнь вы, мессеры, подвели троих сержантов, пятерых капралов и около двенадцати рядовых. Про дисциплинарные взыскания и увольнения со службы я скромно умолчу.

Ведунья прикусила губу, чтобы не ойкнуть, занимаясь старательным разглаживанием складок на подоле. Не сказать, что ей было безумно жаль стражников. Как и все жители не слишком благополучных районов, лекарка не испытывала к этим взяточникам и лодырям особой любви. Но и смерти им не желала. И уж отправлять их на плаху только потому, что некие лорды за своих ручных зверушек испугались, было как-то совсем неправильно.

— Леди Иннархет, ваша дружба с лордом Гартраш... — начал, почему-то, Ирраш.

— Лорд Нашкас, — снова наплевала на этикет демонесса, — моя дружба с капитаном столичной стражи к этому делу имеет опосредованное отношение. Оно ограничивается тем, что Норг прибыл ко мне сегодня с утра, завывая и выдирая себе усы по волоску. И его столь печальное состояние абсолютно оправдано. Потрудитесь представить, что начнется в городе, если дать этим делам ход? Безусловно, среди черни вы прославитесь. Но, боюсь, не как радатель за чистоту рядов стражи. А как инициатор беспорядков. Если у вас дурно с памятью, то я могу напомнить, с чего начался Грязный бунт. Только тогда император действительно хотел навести в страже порядок. А не устраивал истерики из-за пропавшей

девицы.

Архе нестерпимо хотелось провалиться сквозь пол. Куда она полезла? Возможность такого развития событий ведунье и в голову не приходила! Даже тени мыслей об этом не было. Грязный бунт лекарка не застала, он случился лет за десять до ее появления в столице. Но рассказывали про него много.

Народ сначала действительно приветствовал решение императора избавить стражу от личностей, слишком нагло игнорирующих закон. А потом жители решили помочь государю в этом нелегком деле. И стали вешать стражников на фонарных столбах. За те три дня погибло несколько сотен горожан и несколько десятков солдат.

— Леди Адаша, в ваших словах есть смысл, — согласился Дан, играющий кончиком арховой косы. — Но и лорд Ирраш прав. Сегодняшние события, чем бы они вызваны не были, продемонстрировали полную неготовность...

— Вас, мой дорогой, признавать ошибки тех, кого вы считаете своими? Мы все в курсе, что за них вы глотку порвать готовы. Да простят мне присутствующие столь неизысканные выражения, — пропела демонесса. — Но если вас не пугает опасность бунтов, то подумайте хотя бы о нескольких десятках семей, которые останутся без кормильцев. Вы на себя возьмете труд обеспечить их будущее? А демобилизованные стражники? Инвалиды, которые окажутся таковыми после дисциплинарных взысканий? Вы им будете объяснять, что они сами виноваты? Голодные и охамевшие от вседозволенности новички, которые придут на место осужденных? Вы ими тоже займетесь лично?

— Ваша позиция и позиция ваших сторонников, леди Иннархет всем давно известно, — неожиданно твердым и, даже, каким-то неприязненным голос заявил Адин.

Ведунья, не удержавшись, искоса глянула на него. Милый синеглазик опять куда-то делся, уступив место лорду. Вообще-то, лекарка думала, что Дана поддержит Ирраш, а вот от красавчика никаких заявлений не ожидала.

— Нужно ничего не трогать, если оно работает, — продолжил ивтор, глядя на Адашу исподлобья, — реформы — зло. Надо сохранить то, что нам досталось от предков, не так ли? И даже если нам досталось полное дерьмо, да простят мне присутствующие столь неизысканные выражения, — усмехнулся он, передразнивая демонессу, — то нам стоит хранить его как великую реликвию.

Желание провалиться под пол становилось все невыносимее. Арха уже ничего не понимала из того, о чем они говорили. Но ей казалось, что демоны продолжают разговор, который был начат не сегодня. Возможно, что даже и не месяц назад. И разговор этот больше не из произнесенных вслух слов состоял, а непонятных и даже не улавливаемых лекаркой знаков. Да и вообще, это были какие-то другие демоны, не те, которых знала она.

Ведунья почувствовала себя ребёнком в окружении взрослых. Так уже бывало на заседаниях совета старейшин. Арха вот также сидела на коленях у бабушки и только ни-че-го не понимала из того, что говорили.

Демонесса хотела что-то возразить Адину, но ее становил кронпринц, накрыв руку золоторожки, лежавшей на его плече, своей ладонью.

— Мессеры и леди, по сути, вы все правы. Предпосылки ваши понятны, но доводы сомнительны. Поэтому я предлагаю решить конфликт следующим образом. Возбужденные дела, касаемые дисциплинарных нарушений, мы аннулировать не будем, но приостановим их рассмотрение на неограниченный срок. Лорда Гартраш я смещаю с занимаемой им должности. Поскольку он явно ей не соответствует.

— Адаш, ты не можешь... — ахнула демонесса.

— Могу, сестренка, могу. Если ты забыл, что я кронпринц, то вспомни об этом. Потому что майорат Ахар принадлежит мне.

— Но столица только номинально считается твоим владением. Этим правом никто не пользовался уже сотни лет и...

— Не номинально, а вполне законно, — поправил ее хаш-эд. — И то, что правом никто не пользовался, еще не значит, что я им воспользоваться не могу. Так что, передавай привет своему рыжеусому. И, кстати, скажи ему, что с этими усами он на таракана похож, а то сам я все время забываю. Да, и намеки, что посещать по утрам чужих невест карьере не способствует. Кстати, по ночам тоже.

— Адаш...

Ведуные показалось, золоторожка готова была прямо тут в обморок хлопнуться. И на этот раз без всякого притворства.

— Что, сестренка? — кронпринц поднял голову, глядя на нее снизу вверх невинными красными глазенапами. — У тебя же нет возражений, правда?

Демонесса только головой отрицательно помотала. Архе ее было жалко, без всяких «но». Только что перед лекаркой была настоящая воительница, независимая и свободная. И уже в следующую минуту ее превратили в бессловесную и бесправную... просто женщину. Это было нечестно.

— Ну, вот и прекрасно, — резюмировал вполне довольный собой кронпринц, который нравился ведунье все меньше. — Теперь то, что касается вакантной должности капитана городской стражи. Лорд Нашкас, помнится, вы жаждали сделать карьеру в армии?

— Да, Ваше Высочество, — кивнул Ирраш.

И почему-то бросил на лекарку такой взгляд, что ей захотелось немедленно залезть под стол. Вдруг там не достанет? Дан, видимо почувствовав, как девушка дернулась, начал тихонько поглаживать ее между лопаток. Но делал он это так, чтобы другие не видели.

— Я думаю, что начать ее с должности капитана столичной стражи будет неплохим решением.

— Благодарю за оказанную честь, — шавер встал и коротко, по-военному, поклонился. — Приложу все усилия, чтобы во Тьме не стыдиться своих деяний.

— Уверен в этом, — рассеянно согласился принц, думая, кажется, о чем-то своем. — Мистрис Арха, вы убеждены, что ребенок мой?

Ведуныя аж вздрогнула от неожиданности.

— А? Д-да, Ваше Высочество. Да, я уверена. Конечно, могло случиться так, что в одну ночь в столице родилось двое детей от человека и хаш-эда, но... — она развела руками.

— Я вас понял, — кивнул принц. — Тогда так. Лорд Нашкас, вам и всем вашим потомкам, наследующим титул, даруется право набирать личную стражу, вооружать ее и распоряжаться по собственному усмотрению. Естественно, что они могут носить ваши цвета и знаки. Но стража не должна составлять больше двадцати клинков.

— Благодарю, Ваше Высочество, — пробормотал ушастый.

Арха в первый раз видела шавера обалдевшим — другим словом его вытянувшуюся физиономию описать было невозможно.

— Шаверам запрещено набирать армию, даже охрану, — едва слышно шепнул ей на ухо Дан.

Лекарка чуть заметно кивнула. Мол, поняла, хотя ничего она не поняла. Но, видимо,

честь ушастику была оказана нешуточная.

— Лорд Иварр, — Адин встрепнулся, глядя на кронпринца, — насколько я знаю, здоровье вашего отца до сих пор на зависть всем окружающим, не так ли? И у вас четверо сестер, если я не ошибаюсь? Неудобно, право слово. Вы уже взрослый мужчина, а даже достойную невесту выбрать не можете, — принц усмехнулся, как показалось ведунье, не без здоровой порции ехидства. — Вам и вашим... наследникам передается во владение майорат Кахаран. Не слишком щедро, зато свое, согласитесь? И, кстати, можете убрать из своего герба ленту[1]. Только вы и ваши потомки, а не весь ваш род.

Лекарка заметила, как побелели костяшки пальцев синеглазого, сжимающего край стола. Он раскрыл было рот, видимо для того, чтобы рассыпаться в благодарностях. Но кронпринц отмахнулся от Адина и повернулся к Тхия.

— Лорд Сареш, ваше прошение будет удовлетворено, каким бы странным оно мне не казалось. Вы уверены, что сможете совмещать должность ректора со службой в гвардии?

Рыжий только кивнул. Хаш-эд пожал плечами. И больше никаких пояснений не последовало. Архе даже обидно немного стало. Собственное любопытство ведуньи угрожало ее загрызть насмерть.

— Лорд Шаррах... Ну, с вами проще всего. Премия в размере годовичного жалования вас устроит?

Шай разулыбался в тридцать два зуба. Но потом все-таки спохватился, вскочил и раскланялся с изяществом танцора. А вот Архе было не до улыбок, потому что кронпринц развернулся к ней с Даном, задумчиво барабанил пальцами по столу. Лекарке померещилось, что они с рогатым обменивались посланиями мысленно.

— Ты уверен, что расплачусь с тобой, если дам ей имя? — спросил хаш-эд и девушка почувствовала, как Дан кивнул. — Учти только: если это кто-то из Высших, то — сам понимаешь — придется идти к императору. А тут уж сам будешь говорить.

— Я понимаю, Адаш, спасибо.

У Архи появилось такое ощущение, будто некую ведунью подарком обнесли. Ну, или вручили коробочку, а в ней пусто. Насколько она поняла, принц выплачивал все те же лордские долги. За то, что они его сына нашли, наверное. Но вот саму ведунью, кажется, благодарностью обделили.

***

На раздаче пряников и леденцов совет демонов не закончился. Прервались только для того, чтобы Тхия приготовил свое жуткое пойло, а ведунье, заодно уж, простого свежего чая. Во время объявленного перерыва лекарка навестила человечку. Но та спокойно спала в своей постели, и возвращаться в реальный мир желания не испытывала.

В чем-то Арха ее понимала. Наверное, в своих фантазиях незадачливая девица представляла себе принца, рыдающего над ее холодеющим телом. Или его же, державшего несостоявшуюся самоубийцу за руку и уверяющего, что он больше никогда ее не оставит.

В реальности же Его Высочество больше интересовал ребенок, чем его мать. И его тоже ведунья понимала. Если он даже не знал, что человечка была беременна, то, наверное, не посещал он ее давненько. А, значит, и чувства, если они даже были, успели не только перегореть, но и золой подернуться. Сын же, даже незаконнорожденный — это продолжение, нечто вещественное, а не какие-то сомнительные эмоции. Лорды, кажется, вообще к своим отпрыскам весьма трепетно относились. А женщина... Она всего лишь женщина.

Поэтому лекарка и не стала будить девушку, оставив ее наедине со снами. Просто тихо прикрыла дверь и снова спустилась вниз.

— Давайте посмотрим, что мы имеем, — открывая вторую часть заседания, командование парадом взял на себя Дан, — Императрица рождает мертвого ребенка и примерно в это же время на свет появляется сын Адаша. Его либо крадут, либо мать сама его отдает — это сейчас неважно. Младенца заворачивают в салфетку с императорскими гербами и подбрасывают в клинику. Усиленно намекая на то, что ребенок принадлежит императорской семье.

— И ты, заподозрив, что это бастард самого императора, немедленно ему об этом сообщаем, — рассматривая потолок и качаясь на задних ножках стула, добавил кронпринц.

— А что я, по-твоему, должен был сделать? — глухо рыкнул Дан, — промолчать? Его могли забрать в любой момент и тогда бы мы вообще его не нашли.

— Послушать Ирраша, не гнать волну и спокойно во всем разобраться? Я ценю твою преданность семье, но иногда она переходит все границы. В том числе и границу разумности.

— Подождите, подождите! — встряла ведунья.

Естественно, вмешательства девушки никто не оценил, в том числе и ее собственный демон.

— Нет, ну серьезно. Давайте сначала разберемся, что происходит, а потом вы друг другу рога обломаете, ладно?

Последнее предложение лекарка выдала едва ли не шепотом. Вмешиваться в их дела Архе, после всего произошедшего, не хотелось вовсе. Но опять поперек ее собственных желаний выступил принцип «не останавливаться же на полпути». Хотя ведунья все сильнее склонялась к мысли, что надо бы собрать все свои принципы в коробочку и где-нибудь их закопать.

— Так что ты хотела спросить? — напомнил девушке Дан почти дружелюбно.

— Я хотела спросить, как на это отреагировал император, — прошелестела Арха, стараясь занимать в пространстве как можно меньше места.

— Он разозлился. И обвинил мою мать в том, что ты сама назвала самым логичным.

— Что она родила бастарда от человека, а предъявила мертвую девочку хаш-эда?

Сказать, что это девушку удивило, было бы преуменьшением. Ведунье, как и всем смертным, наверное, мерещилось, что император должен быть сверхъестественно разумным, мудрым и проницательным.

— Да. Тем более что слухи о многочисленных любовниках императрицы гуляют давно. Да и ее спальню мой дядя в последнее время посещает нечасто, — подтвердил ее догадку кронпринц.

Он продолжал раскачиваться на опасно кренящемся стуле, с нескрываемым любопытством разглядывая лекарку. С таким видом обычно на неразумных детей смотрят. Что-то вроде: «И что ты еще умного сказать можешь?». Арха от него отвернулась.

— Но они помирились? — уточнила девушка.

— Угу, — ответил на сей раз Шай, — так померились, что сейчас при дворе делают ставки, кого он новой женой возьмет и куда эту императрицу денет.

Ведунья исподтишка глянула на Дана. Все-таки, смена статуса его матери напрямую касалась рогатого. Но он вообще никак не реагировал, словно гвардейца это не трогало. И тут Архе в голову на мягких лапах прокралась весьма здравая мысль. Вообще-то, прийти она

должна была давно. Все-таки, девушка себя ни кем-нибудь, а ведуньей считала.

— Данащ, извини, пожалуйста. Я понимаю, что это вопрос такой... интимный. Но почему твоя мать родила мертворожденного ребенка? Повитуха же должна была сказать причину.

Вопрос действительно, судя по всему, был интимным. Так обычно бывает, когда в комнате, полной народу, появляется кто-то, обладающий уродствами. Все стараются делать вид, что внимания на него не обращают. Но все равно бросают взгляды искоса — интересно же посмотреть и порадоваться, что беда приключилась с кем-то другим. Вот и на лекарку демоны посматривали исподтишка, со смесью жалости и брезгливости.

— Понимаешь, котенок, — ответил рогатый неохотно, — моя мать... немолода.

— А... насколько она немолода? — не отставала Арха.

Судя по презрительному фырканию Адаши, «немолода» — это было чересчур мягкое определение для возраста императрицы.

— Ей триста с лишнем лет, — неожиданно жестко оповестил всех присутствующих Тхия, который до сих пор вообще предпочитал помалкивать. — И можешь на меня не смотреть, Дан. Арха имеет право знать, я это говорил давно. Тем более что все происходящее ее напрямую касается.

Его лордство не зарычало, не начало громить все кругом, даже не бросилось отрывать головы. Он просто осторожно ссадил лекарку со своего колена, водрузив ее на табуретку. Ведунья попыталась удержать гвардейца за руку. Рогатый аккуратно, но решительно, расцепил ее пальцы и тихо вышел.

Ирраш витиевато выматерился. Арха из его тирады не поняла ни слова, несмотря на пять лет жизни в районе Веселых Висельников. Только и уловила, что, по мнению шавера, теперь всем будет... нехорошо. Ведунья вопросительно уставилась на Тхия, самым своим видом стараясь продемонстрировать, что она внимательно его слушает.

Он потер лоб, словно собираясь с мыслями.

— Арха, ты представляешь, что такое для женщины хаш-эда триста лет? — спросил он, наконец.

— Примерно, — отозвалась девушка.

Действительно, представляла она это только примерно, потому что Истинные теоретически были бессмертными, но, все же, живыми.

— Выглядит как хорошо сделанная мумия и ни о каких детях речь, конечно, уже не идет. Все, что оставалось от Жизни, в ней уже свой срок отжило. Остается только Тьма, — поделилась своими знаниями ведунья.

Адовы близняшки, словно по команде, как-то странно глянули на девушку, но промолчали оба.

— А мать Дана до сих пор считается одной из красивейших женщин двора и, как видишь, умудрилась забеременеть.

— И как такое чудо произошло? — скривилась Арха.

Ведунье на самом деле, без всякого притворства, было противно даже говорить о таком. Подобное, безусловно искусственное, продление жизни для нее казалось отвратительным. Примерно так же она реагировала бы... Ну, например, на оживленный труп. Все должно иметь свой срок. Равновесие нельзя нарушать — оно не прощает.

— Помнишь, Дан чуть во Тьму не отправился? Ты еще тогда говорила, что его... выпили? — осторожно, словно говорил с буйным умалишенным, поинтересовался Тхия.

Арха кивнула, ожидая продолжения. Но его не последовало. Все присутствующие на высоком совете выжидательно уставились на ведунью. Видимо, она должна была сама догадаться. Вот только до чего? Не до того ли, что...

— Только не говори мне, что мать из собственного сына жизнь сосет...

Голос у лекарки неожиданно сел, стал шелестящим, как старая бумага. Тхия ничего не сказал. Только смотрел как-то очень многозначительно.

— Лорды, да вы совсем охренели? — искренне поинтересовалась Арха. — Нет, я даже не спрашиваю, почему вы это допустили. Друзья, называется! Но почему вы его не защитите, если он сам не может?! Разве...

— Он не позволяет, чтобы мы вмешивались, — мрачно, кривясь, словно у него зубы разболелись, ответил Ирраш, вернувшийся в кухню. — Ему ведь тоже нужно, чтобы его мать сохранила трон императрицы, знаешь ли. Если император сейчас с Ишалой разведется, то где Дан окажется?

— Он... А... Вы!.. Да, Тьма! — единственное, что смогла из себя выдавить ведунья.

Девушка все только что услышанное не только понять — осознать была не в силах. Мать забирает жизнь у своего ребенка, единственного, между прочим, для того, чтобы усидеть на троне. И тот вовсе даже не против, потому что это обеспечивает его собственное безоблачное будущее. Хотя она уже один раз отправила его за грань. Вот только почему один? Это лекарка видела один. А сколько раз Тьма отпускала его, посмеиваясь такому рвению своих детей? Ей наверняка подобное понравилось бы.

Ведунья поймала на себе взгляд Адаши. Золоторожка усмехалась, хотя и чуть заметно. Как будто говорила: «Теперь понимаешь?». Нет, девушка не понимала. Но начинала прозревать. Кажется эти... эти демоны на все, что угодно пойдут, лишь бы остаться на вершине. Действительно же на все. Для них вообще никаких моральных принципов нет, не было и, вероятно, не будет.

Арха медленно оглядела сидящих за столом. Нет, не верила она в это. По поводу Их Высочеств ведунья сказать ничего не могла. Но Великолепная Гвардейская Пятерка на совсем уж жуткое способны не были, что бы не говорил Дан. Который, между прочим, сам же не раз уже опроверг собственные слова. Да, они лорды. Да, они дети Тьмы. Да, они демоны. Но это были... ее демоны.

Девушке от собственных мыслей стало страшно. Страшно так, что захотелось вскочить и с визгами убежать. Потому что она только что осознала простую и кристально ясную истину. Чтобы они не сделали — Арха найдёт для них оправдание. Всегда и для всех. Лекарка попыталась найти хоть что-то, хоть один повод, который заставил бы если и не отвернуться от «ее» гвардейцев, то, по крайней мере, осудить от них. И не смогла придумать такого.

Подобная гибкость собственных моральных принципов пугала.

— Ну что? — еще мрачнее обычного поинтересовался Ирраш. — Тебя проводить?

— Не дожدهшься, — каркнула ведунья.

— Дан, ты проиграл, — крикнул Шай, — с тебя обед в «Золотом петухе».

Рогатый появился на пороге немедленно, как будто под дверью стоял. Смотрел он только на Арху. И лекарка видела, как его отпускает напряжение. Даже не напряжение, а насторожённость, звериная такая, как у животного, почуявшего опасность. Девушка ему улыбнулась. Наверное, не слишком уверенно и совсем уж не очаровательно.

Дан сел и Арха сама, не спрашивая разрешения, забралась к нему на колени, взяла его

ладонь, потершись об нее щекой. И шепнула так тихо, что даже лорд вряд ли ее услышал: «Мой демон, только мой».

— А знаете, что я вам скажу, мессирь? Фигня это все! — заявила ведунья, не без вызова глянув на Адашу, которая смотрела на девушку хмуро и несколько удивленно. — Я, конечно, не жрица, но тут за свои слова ручаюсь. Я не знаю, как вы это называете. Но, по сути, Дан своей матери давал сосать собственную жизнь. То, что во всех нас вдыхает Богиня, когда мы рождаемся. И не важно, объявите вы это ересью или попытаетесь просто забыть, но это факт.

Арха нахмурилась, потеряла ладонью лоб. Для нее все, о чем она сейчас говорила, было естественным, не нуждающимся в пояснениях. Ну, как, например, дыхание. Но попробуйте камню объяснить, что такое «дышать»?

— Жизнь — связывает. Дан, отдавая себя матери, подарил ей возможность зачать ребенка. То есть, новую Жизнь. И только его собственная сила помогла выжить демонессе после потери малыша. Хотя эта... леди едва не вычерпала его до дна. Но именно она, дар Богини, Сила, не дала бы ребенку погибнуть. Потому что он — тоже Жизнь, причем новая как искра. Сначала бы умерла мать, а не ребенок.

— Мы с ней поссорились накануне, — нехотя пояснил рогатый, — в тот день я закрылся и...

— Ты меня не слушал, — мягко перебила его Арха, — Неважно, питал ты ее или нет. В ней была твоя Жизнь. А, значит, если бы просто ее тело начало отвергать ребенка, что само по себе бред, то сначала она бы умерла, а только потом девочка. Давайте я расскажу, как это мне видится, а? И вы решите, права я или нет.

Ни аплодисментов, ни требований продолжать лекарка так и не дождалась. Развивать свою мысль дальше пришлось без активной поддержки публики.

— Кто-то, заметьте, кто-то очень близкий венценосной семье, захотел поссорить императора и императрицу. Зачем это делать — вопрос отдельный. Но, скорее всего, для того, чтобы император женился еще раз. И завел-таки прямого наследника. Примерно в одно и то же время этот кто-то узнает о беременности императрицы и любовницы кронпринца. Вспоминайте, Ваше Высочество, кто о вашей человечке знал?

Адаш посмурнел и ведунья кивнула.

— Вот именно, я тоже так думаю. Едем дальше. Когда рождается метисик, его забирают, а императрице подают травки, которые убивают плод. Тут уж Жизнь не при чем. Это не естественный процесс, а действие снадобья. Если бы ты не поссорился с матерью, Дан, то, скорее всего, умерли бы вы все трое. Кстати, вполне может быть, что на это тоже рассчитывали. А новорожденного сына, завернутого в очень приметную салфетку, подкидывают в клинику. И тут, думается мне, произошел небольшой сбой.

Арха перевела дух и глотнула чаю. Не смотря на то, что наслаждаться вроде бы было нечем, ведунья получала истинное удовольствие. Такого внимания ей еще никогда не уделяли. Так и подмывает сказать, что демоны слушали девушку, открыв рот. Но, наоборот, рта никто не открывал. Сидели с каменными физиономиями. Лорды, что с них взять.

— Помнишь, повитуха сама взялась отнести ребенка? — лекарка повернулась, через плечо глядя на Дана, — Она действительно так никогда не делала, да и принятых ночью детей осматривала только с утра. А тут и подошла сразу, и меня, бедную и усталую, пожалела. Конечно, это мои домыслы. Но мерещится мне, что ей заплатили за то, чтобы она сделала все по правилам. Осмотрела ребенка, записи в книгу внесла. Хотя в клинике могут

вспомнить, что надо было зарегистрировать детей, и через месяц. Такое уже бывало.

Арха пожалала плечами, глотнув еще чая, держа чашку обеими ладонями. Оказалось, что речи, да еще под настолько скептическими взглядами, вызывают усиленную жажду.

— Я так думаю, что повитуха хотела отнести младенца в приют и проследить, чтобы его и там зарегистрировали, как положено. А потом бы отправилась вместе с этой салфеткой к страже. Мы обязаны им передавать все детские вещи. А они обязаны искать мать.

Кто-то из лордов судорожно втянул воздух сквозь сжатые зубы. Да, картина получалась слишком простая, совсем неизящная, но работающая. Именно поэтому Архе казалось, что она была права.

— Если бы все было сделано именно так, по правилам, то история с ребенком не только до императора бы дошла, но и стала достоянием всей столицы. И замять подобный скандал, думается, совсем не просто. А стать посмешищем не только столицы, но, пожалуй, и всей империи, я думаю, государь не стремится. В итоге дело могло закончиться только одним — разводом. Чего, кажется, и добивались.

— И откуда ты такая умная выискалась? — ядовито поинтересовалась Адаша.

Арха покачала головой, перебирая пальцы Дана.

— Не умная, наоборот. Помните, я еще удивилась, что все ваши планы какие-то... чересчур сложные? — Демонесса быстро глянула на Его лордство, но ведунье ничего не ответила. — Вы просто привыкли к таким интригам. Они у вас слишком закрученные и малопонятные. Этот пойдет туда и скажет то-то, а ему ответят вот так-то, а я на это... Ну, и так далее. А эта Тьмой проклятая салфетка явно была рассчитана не на лордов. Слишком она яркая, прямолинейная такая. Значит, все и должно быть просто. Так, чтобы обыкновенные смертные поняли.

— Вопрос только в том, кому это все было нужно, — подал голос Шай.

— Ну, давай подумаем, — отозвалась девушка, — не Дан. Он ради своей маменьки-императрицы... Ладно, не он короче. И не Адаш. Насколько я поняла, его место кронпринца более чем устраивает? — хаш-эд, даже не собираясь изображать смущение, подтвердил ее догадку легкой усмешкой. — Не Адаша. Она собирается выйти замуж за самого блестящего лорда империи. А если император разведется с матерью Дана, то Тьма только знает, кто этим «блестящим» будет.

Как ни странно, но золоторожка тоже смущаться не стала, и просто кивнула.

— Не сама императрица. Есть и более легкие способы самоубийства. И вряд ли император. Прослыть рогатым... — ведунья закашлялась под тремя совершенно одинаковыми взглядами Истинных. — Простите, я хотела сказать... В общем, императору не льстит, что вся столица будет обсуждать похождения его жены. Значит, остается только...

Арха развела руками, демонстрируя, что на этом она закончила. Адовы близняшки переглянулись и как по команде устали в стол. Думается, предстоящий разговор с собственной матушкой приятным бы не назвал никто.

— Не получается, — прервал наступившую тишину Ирраш. — Кто тогда нападал на тебя и убил повитуху?

— А это совсем другая история. Кстати, до нее я додумалась тоже из-за Адаши. Я все удивлялась, почему она меня просто не прикончит? Но ведь это не по правилам, так? Если леди хочет кого-то устранить, то делает это тонко и изящно. Ну, яд, например. А лучше попросту со свету сжить. Но нанимать громил — это удел мужчин. Что-то типа того, что путем силы идет только самец.

— Спасибо, — буркнул Дан.

— Прости, я по-доброму...

— Два раза спасибо.

— Эм... Ну, ладно. В общем, нам нужен демон, который очень хотел, чтобы о случившемся никто ничего не узнал. При этом наш гипотетический злодей сам толком не понимает, что происходит. Иначе бы он не стал такой огород городить. И тут кандидатуры три. Прости, Дана, но я не верю, что это ты. Ты бы сам разобрался. Итак, выбираем из троих: император, Ирраш или кронпринц.

— Я? — шавер уставился на ведунью как на живое воплощение Тьмы. — У тебя мозги отшибло?

— Нет, честно говоря, я не думаю, что это ты, — успокоила его Арха. — Правда, Ваше высочество?

— Правда, — кронпринц откинулся назад, опершись спиной о стену. — Помнишь, Дан, я присутствовал при твоём разговоре с дядей? Он отказался в этом разбираться и тебе запретил. Конечно, можно узапращаться, только ты все равно влезет по кончики рогов. Но ведь непонятно, чем вся эта история закончилась бы. Дело матери твоей касалось. Я-то сразу все за чистую монету принял. И решил, что ребенка она на стороне прижила.

— Погодите, так император поверил в эту историю или нет? — влезла ведунья.

— Поверил. Но разбираться в ней не хотел. И мне запретил. Даже два раза это озвучил. При втором ты присутствовала. — Дан ухмыльнулся кончиками губ и вдруг нахмурился. — Получается, что ты моих слуг подкупил? Так, Адаш?

— Не усложняй! — дернула его за рукав лекарка. — Зачем ему твоих слуг подкупать, если у него Адаша есть? Она сказала, когда мы на вашу охоту отправились и его громили в моей квартире салфетку... поискали. Она же шепнула, когда мы из особняка выехали.

— Только забыла предупредить, что он повитуху своей назвал.

Кронпринц кинул на сестренку не слишком благодарный взгляд. Та, кажется, смутилась не сильно и только плечиками передернула.

— А никого профессиональнее ты нанять не мог? — поинтересовался Ирраш.

— Ну, прости, я не самый большой специалист по найму громил в кабаках. В следующий раз умнее буду, — усмехнулся Адаш.

— Слушайте, а где салфетка-то? — выпалил вдруг Шай.

— Так это у тебя надо спросить, — ответила Арха. — Ты же ее из моей квартиры и унес, когда вы с Даном, насколько я понимаю, к императору рванули.

— М-да, — хмыкнул кронпринц.

Пожалуй, ведунья была с ним полностью согласна. По-другому охарактеризовать все случившееся было сложно. Столько интриг и нервотрёпки! Да ещё ни в чем не повинная повитуха, хотя о ней-то лорды вообще вряд ли помнили. А закончилось все... легким пшиком, да неприятным запахом. Вся суета из-за одной демонессы, которая не хотела терять власти над каким-то там замком и землями! Вот что тут скажешь?

Хотя, Арха никому жаловаться на конечный исход не собиралась.

[1] Bend sinister — в геральдике левая лента (идушая от правого верхнего угла щита к левому нижнему), указывающая, что род берет свое начало от незаконнорожденного ребенка. Поскольку ивторы пошли от хаш-эдов, то дарованная кронпринцем привилегия означает, что отныне Адин принадлежит не к побочной, а к прямой линии рода и

уравнивается в правах с высшими лордами.

Глава двадцатая

Глава двадцатая

Когда родственники недужного спрашивают меня, есть ли надежда, я всегда теряюсь.

Ведь я не знаю, на что они надеются.

(Из наблюдений лекаря)

Всю дорогу Дан молчал. И это откровенно пугало. Утром он исчез куда-то вместе с принцем, не сказав ни слова на прощание. Адаша тоже испарилась в неизвестном направлении, но даже это не радовало. Может дело было в практически бессонной ночи, может — в пережитом напряжении, но Арху колотил нервный озноб и согреться она не могла, как ни старалась.

Вернулся лорд Харрат только после обеда. Мрачно и почти ощутимо тяжело оглядел ожидающих его в столовой гвардейцев, жестом приказав ведунье следовать за собой. По-прежнему не произнося ни звука помог ей надеть плащ и взобраться в седло, кивнув таким же хмурым охранникам-тахарам.

Ехали они долго. Лекарка несколько раз порывалась открыть рот, но смелости заговорить так и не набралась. Рогатый, кажется, ее вообще не замечал — думал о чем-то своём, хмурая брови.

Остановилась кавалькада возле роскошного, но несколько обветшавшего особняка в самой глубине квартала Роз. За голыми верхушками деревьев, окружавших дом, золотились в скупом свете зимнего солнца шпили императорского дворца.

Дёргать цепочку звонка лорду пришлось долго. Лакей появился далеко не сразу. И, по всей видимости, исключительно за тем, чтобы посоветовать гостям проваливать туда, откуда они и прибыли.

Слуга, открывший им дверь, изображал собой последнего защитника бастиона ровно до того момента, пока Дан не перечислил ему все свои многочисленные титулы. После этого и хозяин дома оказался на месте, и принять посетителей он смог немедленно и проводить блистательного лорда со спутницей готовы были с радостью, причём искренней.

Архе ни понравился ни слуга, ни дом. Оба были не старые ещё, крепкие, но какие-то запylённые. Пожалуй, здешняя обстановка напоминала склеп гораздо больше, чем родовой особняк Харратов. И сухие цветы, торчащие из высоких ваз в каждом углу, навевали мысли о кладбище. В общем, всё тут было богато и изыскано, но безжизненно.

А вот хозяин, не без удивления встретивший их в кабинете, старым не выглядел. Ведунье показалось, что хозяин был ровесником Ирраша. Да и внешне сильно смахивал на ушастого. Поэтому собственному кабинету он не соответствовал абсолютно. Такому меч в руки, красноглазого коня под задницу — и вперёд, вести войска на приступ вражеской крепости.

Встретивший и шавер оказался невысокий и кряжистый. Но необычная для демонов плечистость не мешала ему двигаться изящно, как танцору. Только симпатичнее он от этого не выглядел. Слишком грубое и обветренное какое-то лицо пересекал старый шрам, оттягивающий уголок левого глаза и спускающийся на шею. Видимо из-за него ушастый

немного запрокидывал голову, задирая подбородок.

С Даном он поздоровался вежливо, но без подобострастия, и предложил присаживаться. На лекарку же кинул единственный, брезгливый, естественно, взгляд. Пришлось девушке усаживаться без приглашения.

Арха понятия не имела, зачем её притащили сюда, но особо и не интересовалась. После последних событий некая ведунья предпочитала быть тихой и послушной. Приключений ей на всю жизнь хватило. Лекарка вдруг, буквально в одночасье, поняла, что жизненные фонтаны и фейерверки не для неё.

Его лордство протянул шаверу какую-то бумагу. Ушастый изучал её долго и вдумчиво, чуть заметно подёргивая кончиками ушей. Видимо, происходящее ему не слишком нравилось.

— Позвольте полюбопытствовать, а что будет, если я откажусь? — в конце концов, поинтересовался он.

Дан ничего не ответил, только смотрел пристально и проникновенно. Шавер смешался, кашлянул и перевёл взгляд на ведунью.

— Сарим, вы говорите? Не помню, Тьмой клянусь.

— Но вы помните, что там были? — вежливо поинтересовался рогатый. — И деревня рядом с Синедолом у вас из памяти не стёрлась?

Девушка почувствовала, как у неё по позвоночнику промчался табун мурашек, а волосы на коже встали дыбом. Саримом называли бывшее человеческое княжество, в котором она родилась. А Синедолом — небольшой городок рядом с родной деревней лекарки. Правда, после того, как княжество стало частью империи, селенье переименовали в Лахарот. Но люди, по привычке, говорили «Синедол».

— Нет, не стёрлась. Там зимой квартировалась наша рота, — не стал отпираться шавер.

— И, вероятно, вы не станете отрицать того факта, что были единственным представителем вашей расы? — подстегнул его мыслительный процесс Дан.

— Не стану, — ушастый и с этим согласился.

И только тут до Архи дошло: кажется, она пялится на собственного папашу. В смысле, на демона, развлёкшегося с её матерью, в результате чего ведунья и появилась в этом мире. Пялиться-то она пялилась, вот только не чувствовала ничего, вообще. То есть, абсолютно. Ни гнева, ни обиды, ни, даже, заинтересованности. Так, лёгкое любопытство.

Пожалуй, девушка была на него действительно похожа. Но мать в формировании внешности лекарки поучаствовала гораздо больше, чем Арха сама думала. У неожиданно-негаданно обретённого родственника черты лица оказались куда резче и грубее.

Конечно, полюбоваться на собственного родителя стоило хотя бы ради удовлетворения собственного любопытства. Вот только одного ведунья понять не могла. Собственно, зачем Дан устроил эту эпическую встречу?

Девушка глянула на рогатого, но тот смотрел только на шавера. Сам же ушастый, налюбовавшись Архой, снова уставился в бумагу.

— Вы можете гарантировать, что сверх этого от меня ничего не потребуется, меня не будут преследовать или шантажировать? — поинтересовался желтоглазый.

— Вам это не я, а Его Высочество гарантирует. Или вы сомневаетесь в слове наследного принца?

Лорд приподнял бровь настолько выразительно, что Арха буквально услышала восторженный крик площадного глашатая: «Государственная изме-ена!»

— Конечно же нет! — шавер несколько поспешно схватил перо, размашисто подписался и даже песочком листок посыпал, только после этого передав его обратно Дану.

И снова уставился на ведунью.

— Нет, не помню, — изрёк ушастый, вдоволь на неё налюбовавшись.

— Не поверите, я тоже, — ляпнула девушка — не удержалась.

Не сказать, будто он её так уж сильно раздражал. Скорее, брезгливость вызывал. И не потому, что поучаствовал в зачатие лекарки весьма оригинальным способом. А просто сам по себе. Не нравился он Архе: надменный и какой-то закостеневший. И бросаться ему на шею с криками: «Папочка!» у лекарки ни малейшего желания не возникало.

Дан подхватил ведунью под локоток и, в изысканных выражениях попрощавшись с хозяином, поволок девушку наружу.

— Ты можешь мне объяснить, зачем это все надо? — спросила лекарка, поспешно переставляя ноги.

— Могу, но чуть позже, — сообщил демон. — Сейчас заедем ещё в одно место, и я тебе все объясню.

***

В этих кварталах девушка бывала не часто. В основном здесь селились вполне благополучные, но не слишком богатые жители. Поэтому район был тихий и словно подёрнутый тоненькой прослоечкой уютного жирка. Трёхэтажные дома, с нахлобученными сверху мансардами под черепичными, островерхими крышами, как будто дремали. Аккуратно оштукатуренные и выкрашенные в бежевый цвет стены зданий поблёскивали снежной изморозью. Из многочисленных труб на крышах в темнеющее небо тянулись тонкие столбики дымков.

Здание, к которому они подъехали, было огорожено высокой и ажурной чугунной оградкой.

— Теперь ты будешь жить здесь, — спокойно оповестил Арху демон, открывая калитку своим ключом.

Ведунья, не слишком понимая, что происходит, удивлённо глянула на него. Но спрашивать ничего не стала, просто молча прошла вслед за лордом по выметенной каменной дорожке, окружённой сугробами, которые летом, наверное, превращались в палисадники.

Они поднялись по трём ступеням, и лекарка убедилась: для входной двери требуется ещё один ключ. Кажется, вместе с новой квартирой она становилась обладательницей целой связки немаленьких и довольно тяжёлых отмычек. Мелькнула какая-то совсем уж ненужная мысль о том, что в кармане их таскать будет не слишком удобно.

Войдя внутрь, они попали в небольшой, темноватый, но чистый холл. На выбор тут предлагалось пройти аж в четыре двери.

— Там — выход в сад. За дополнительную плату хозяйка разрешает им пользоваться, — указав рукой налево пояснил Дан. — Плата внесена за год. Вот этот ключ — от двери в сад, а этот от калитки. Она выходит в переулок за домом.

Демон продемонстрировал хлопающей глазами Архе действительно внушительную связку ключей. Ведунье почему-то стало страшно, словно рогатый ей нож показал.

— Это дверь в коридор первого этажа, — продолжал гвардеец, кажется, не заметив реакции девушки. — Тут дверь на лестницу. Она тоже запирается. А здесь спуск в подвал. Внизу находится прачечная. Ты ей можешь пользоваться — это бесплатно. Или просто сдавай прислуге белье — тебе все постирают. Пойдём, нам на лестницу.

— И на какой этаж? — поинтересоваться ведунья, чувствуя, что к горлу подкатывает неудобный, сухой комок.

— В мансарде. Я все покажу.

Когда он открыл очередную дверь, Арха застыла на пороге, нервно сцепив пальцы, сама этого не замечая. Квартира показалась девушке просто огромной. Нет, помещение действительно было большим. Но в нем отсутствовали внутренние перегородки — просто одна громадная комната. Зато имелось аж четыре окна, выходящие на уютненькую площадь перед домом. Да с боку, почти у самой стены, поблёскивала чистыми стёклами высокая дверь, открывающиеся на крохотный балкончик.

Стены тут были белыми с лёгким бежевым оттенком, а пол деревянным, светло-медовым. Поэтому казалось, будто квартиру заливал солнечный свет, хотя на улице хмурый день уже сменялся насупленным вечером. Небольшую кухоньку отгораживала резная ширма. А вместо спальни имелась ниша с немалой кроватью.

За дверьми, почти сливающимися со стенами, обнаружилась полноценная, хоть и тоже небольшая, ванная, туалет и впечатляющая гардеробная. В саму же комнату мебель не загромождала. Но все необходимое присутствовало. А ещё, помимо крохотной плиты на кухне, здесь был камин. Самый настоящий камин с толстой решёткой и меховой шкурой, брошенной перед ним на пол.

— Тебе нравится? — видимо, устав ждать восторгов ведуньи, спросил демон.

Арха только очумело закивала в ответ. Если ведунья когда-нибудь и мечтала о собственном доме, то он представлялся именно таким: просторным и светлым-светлым. И с камином, и с ванной, и с... Квартира больше походила на воплощённое чудо или мечту, чем на постое жильё.

Но внезапно и не вовремя заявившийся здравый смысл выбил из лекарки все восторги.

— Это очень дорого, наверное? — разочарованно проскулила Арха.

— Она твоя. Вот тут документы, — Дан протянул ей увесистую пачку бумаг.

Девушка даже отступила на шаг и руки за спину спрятала. Страх вернулся, прихватив по пути ещё и панику.

— Дан, я человек. Не гражданин империи. Мне нельзя владеть собственностью, — просипела лекарка и попыталась откашляться.

В горле у неё неожиданно так пересохло, что даже кашля толком не вышло.

— Уже нет. Твой отец тебя официально признал. Теперь ты полноправная гражданка Империи со всеми правами. Мистрис Арха арш Каррен, правда без титула, — Дан прошёл на кухоньку, положив бумаги на стол. — Твой отец открыл для тебя счёт. На нем сумма, которая тебе позволит безбедно жить года три. Это договор с университетом, деньги внесены за весь срок обучения и стажировки. Тут ещё документы на Ведьму и аренду её стоила. Конюшня находится рядом с садом.

— Данащ, — ведунья потянула его за рукав, заставляя повернуться к ней, — Зачем это все, а? Не пугай меня, пожалуйста.

Демон обернулся медленно, словно нехотя и большим пальцем провёл по щеке девушки.

— Вообще-то, извиняться не в моих принципах. Но я должен просить у тебя прощения. Кажется, я давил слишком сильно. Ты сама должна решить, нужен ли я тебе. Выбрать, как ты хочешь жить.

«А извинений мы, кажется, все-таки не дождёмся...» — пискнул здравый смысл и притих испуганно.

— Я выбрала, Дан...

— Нет, — демон покачал головой, высвобождая свою руку, в которую Арха вцепилась, как будто боялась, что он в воздухе растворится, — ты не понимаешь, о чем говоришь. То, что ты устроила прошлой ночью...

— Я не буду, честно. Не буду больше!

— Какой же ты ещё ребёнок, — улыбнулся он, глядя на лекарку темными, цвета свернувшейся крови, глазами. — Арха, кажется, ты принимаешь меня за кого-то другого. Я не молоденький мальчик-лорд. Не знаю, почему ты решила, что можешь так поступать. А, главное, с чего ты взяла, что вправе бросать мне подобные обвинения.

Демон отошёл к окну и повернулся к ведунье спиной. Но девушка видела, как он следит за ее отражением в стекле.

— Может быть, ты мне не доверяешь. Может быть, ты считаешь, будто сама вправе решать, как и что тебе делать. Может быть, ты думаешь, что я не вправе распоряжаться твоей жизнью. Я не имею ни малейшего права оспаривать ни твои решения, ни твоё мнение. Желания, кстати, тоже.

Арха молчала, теребя шнурок на платье. Ответить ему стоило, определённо стоило. Только вот что именно? Нет, сказанное лордом она понимала. Но все равно создавалось ощущение, будто он говорит, например, на языке Света. Ну вот какое сейчас имеет значение, что она там думает и решает? Неужели его так обидела его выходка? Наверное, стоило бы извиниться как-то иначе, серьёзнее...

— Я тебя понимаю. Ты привыкла сама за себя отвечать, а подчиняться для тебя внове. Мне не стоило даже внимание на твои слова обращать. Обычная защитная реакция — выпустить коготки и начать шипеть, — он усмехнулся окну. — Но вот обратил. И разозлился. Взбесился, честно говоря. Попробуй понять, пожалуйста: я не привык к подобному. Если ты хочешь управлять своей жизнью самостоятельно, то тебе действительно требуется нежный и романтический мальчик. А, может, и вовсе никто не нужен. Но те, кто рядом со мной, живут по моим правилам. Или не рядом.

— Данаш, я...

Демон поднял руку, останавливая ведунью.

— В любом случае, сделать с этим я ничего не могу. Как не могу, да и не хочу, меняться сам. Это моя жизнь, понимаешь? Я ее выбрал, и я ее построил. Хотелось бы сказать: ради тебя я сделаю все, что угодно. Во-первых, такие слова всегда красиво звучат — и в жизни, и в романах. А, во-вторых, мне же стало бы проще. Но я поклялся с тобой не играть. И вот она правда. Перестать быть собой я не готов. Хотя только Тьма знает, что ты для меня значишь. Честно говоря, я и сам это не очень понимаю.

Демон обернулся, глядя на Арху исподлобья.

— Поэтому, выбирать тебе. У тебя выбор ещё есть.

— Я не хочу выбирать! Я уже выбрала! — упрямо мотнула головой лекарка. — Я — дура, понимаю. Но и ты попробуй меня понять. Мне хотелось просто доказать, что я не только твоя зверушка. Помочь, что-то действительно полезное сделать. Я не думала, что все так выйдет. Но все поняла! Клянусь, подобного больше не повторится! Не уходи, пожалуйста! Я не смогу...

Демон шагнул к ней и провёл пальцами по лицу Архи, как будто слепым был. Словно запоминая девушку вот так, на ощупь.

— Попробуй пожить своей жизнью. Не выживать, а именно жить, занимаясь тем, чем

ты сама хочешь. А потом реши, нужно ли тебе это все.

Казалось, он ее то ли не слушал, то ли не слышал. Как всегда: если лорд что-то в башку себе вбил, то решения этого ничто не в силах изменить. Но это было неважно, совсем неважно. Какая гордость и чувство собственной правоты, когда он уходит?

— А ты... — прошелестела лекарка и замолчала, не в силах сообразить, чтобы такого сказать, как остановить.

Демон обнял Арху, прижимая к себе так, что ей даже больно стало.

— Глупый котенок! Ты моя, моя, понимаешь? Разве я могу от тебя отказаться?

— Но ты ведь...

— Я не отказываюсь, — прорычал он. — Я ухожу. Пойми, наконец, разницу.

— Но ты вернёшься?

— Если позовёшь.

— А когда?

— Может дело просто в том, что ты ещё совсем-совсем котёнок.

Он приподнял голову лекарки за подбородок, поцеловал легко, едва касаясь губами. Потом ещё раз — в лоб. И вышел.

Она хотела его остановить, окликнуть, только не знала как. Мысли путались, толкались, забираясь друг на друга. Ведунья стиснула ладонями виски — сильно, как будто хотела раздавить собственную голову. Руки показались ледяными, а боль облегчения совсем не принесла.

Арха подбежала к окну, упёрлась в него лбом. Стекло, снаружи покрытое полупрозрачным морозным узором, приятно холодило пылающую, словно у неё температура поднялась, кожу.

Внизу открылась дверь подъезда и по ступенькам сбежал Дан. Никогда он не был настолько демоном, как сейчас. Чёрный плащ крылом вздувался за его спиной, подхваченный порывом ветра. Тусклое солнце блеснуло на сабельных рогах, посеребрило шпоры высоких сапог. На ходу натягивая перчатки, он одним плавным, лёгким движением, словно его тело вовсе ничего не весило, взлетел в седло. И, не обернувшись ни разу, поехал прочь.

Ведунья утёрла слезы, которые катились по щекам, будто где-то за глазами плотину прорвало.

— Глупый демон, — прошептала она стеклу, — никуда ты от меня не сбежишь...

Его Мудрое Лордство не понял одного. Не только Арха ему, но и сам демон целиком принадлежал ей. Весь, от мысков начищенных сапог до кончиков рогов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Демонический справочник

Демонический справочник

Выдержки из справочника «Тьма и темные существа», выпущенного Императорским университетом Солинар (Империи Света)

Хаш-эды или Истинные (Первые)

Считается, что именно они являются истинными порождениями Тьмы и первыми

вышли из нее, став прародителями остальных видов демонов. На данный момент Х-эд. являются верхушкой аристократической знати и военной элиты Империи Тьмы (Хашранской Империи). Им же принадлежат наиболее крупные земельные владения. По традиции, императорский трон занимают так же представители родов Истинных (на данный момент род Итварон).

Бытует мнение, что Х-эд., в принципе, бессмертны. Но практика доказала, что их можно убить с помощью оружия или специфических ядов. Кроме того, в последнее время они все больше подвержены различным заболеваниям. Но если исключить внешнее воздействие, то Истинные могут прожить сколь угодно долго.

Рассказы об их вечной молодости — миф. Поскольку даже Х-эд. изначально являются порождением Жизни, их тела проживают положенный срок (обычно около 250–300 лет). Затем жизнь их постепенно покидает и остается только то, что дано Тьмой — разум и телесная оболочка, не способная к регенерации. Именно поэтому некоторые представители этого вида похожи на мумий.

В этой особенности и заключается главная демографическая проблема данной расы. Их самцы сохраняют фертильность в течение первых 150–200 лет. Самки способны к деторождению примерно в течение такого же периода. Но за всю жизнь вынашивают одного, максимум двоих детенышей. Многоплодные беременности среди Истинных — огромная редкость.

Х-эд. отличаются физической силой, ловкостью, они непревзойденные бойцы и фехтовальщики. Кроме того, большинство из них обладают так называемым «даром Тьмы» — магическими способностями, для которых не требуются заклинания, обряды, амулеты и другая атрибутика для аккумуляции и фокусирования силы. Они не зависят от стихии, а оперируют напрямую с Тьмой. Но сила «дара Тьмы» индивидуальна, у одних она выражена сильнее, чем у других.

Характерной чертой Х-эд. является вспыльчивость, нетерпимость, индивидуализм и крайний эгоцентризм. Но в их среде считается дурным тоном демонстрировать свои эмоции. Поэтому повсеместно бытует мнение, что Истинные крайне выдержаны и не способны испытывать какие-либо чувства.

Внешние отличия. Самым ярким внешним отличием Х-эд. являются рога. Они различаются по цвету, форме и размеру. Кроме того, у большинства Истинных радужка глаза окрашена оттенками алого или оранжевого цвета. Нередко и белок имеет такую же розоватую или красноватую окраску. Как правило, Х-эд. отличаются высоким ростом и атлетическим телосложением.

Истинный облик. В истинном облике тело Х-эд. увеличивается в объемах примерно в два раза. Появляются крылья, с помощью которых они могут парить или перепархивать на небольшое расстояние. Когти (как на руках, так и на ногах) так же увеличиваются. Рога могут изменить свою форму, становясь полноценным оружием. Лицо деформируется, делаясь похожим на морду летучей мыши.

Ивторы или Вторые

Именно Ивт. являются реальными потомками хаш-эдов. Данный вид появился вследствие связей Истинных с представителями других рас. Наиболее вероятно, что второй линией, породившей Ивт., были либо арифеды, либо ифоветы. Но сейчас все большую популярность приобретает теория, согласно которой данный вид порожден хаш-эдами и людьми, хотя сами Истинные такую возможность отрицают.

Как бы то ни было, но многие рода Ивт. считаются побочными линиями родов хаш-эдов. В некоторых гербах до сих пор сохранилась «bend sinister» — лента, указывающая, что начало роду дал бастард. Однако эта раса считается второй по уровню политического и экономического влияния в империи. Больше всего Ивт. привлекают высшие чиновничьи должности и посты, в армию они идут неохотно.

Физически эта раса одарена немногим хуже, чем их прародители. Кроме того, они часто отличаются внешней привлекательностью. А вот магические способности у них проявляются крайне редко. И по имеющимся данным ни один Ивт. не обладает «даром Тьмы».

Не унаследовал от предков данный вид и «бессмертия». Хотя их продолжительность жизни весьма велика — до 400 лет. Половой зрелости Ивт. достигают к 20–25 годам. Интересный факт: по внутренним (негласным) законам этой расы, самец становится совершеннолетним только к 50 годам.

Эмоциональные черты эти демоны также в полной мере унаследовали от своих предков. И всячески стараются копировать их поведение и психо-эмоциональные характеристики.

Внешние отличия. Как и у Истинных, у Ивт. тоже присутствуют рога. Точнее, небольшие сферические рожки на лобной части черепа. Помимо этого, радужка этих демонов часто окрашена в самые невероятные цвета, например, чисто фиолетовый или изумрудный.

Истинный облик. Форма, данная Тьмой, у Ивт. мало отличима от облика хаш-эдов. Различия заключаются лишь в меньших размерах и отсутствие рогов, как полноценного оружия.

Арифеды

Ар. считают первой, относительно удачной, попыткой Истинных обмануть собственную природу, подаренную им Тьмой. С помощью этой расы хаш-эды хотели обойти такую свою особенность, как конечность Жизни в себе. Вследствие евгенических опытов и селекции, они вывели эту, Равновесием проклятую, породу. За что и поплатились.

Ученые мужи по сию пору спорят, считать ли этих созданий живыми. Они рождаются и способны к размножению. Но существование их длится только до тех пор, пока они поглощают энергию Жизни извне, так как своей собственной у них нет. При этом питаются они предпочитают либо детьми Богини, например, людьми. Либо порождениями Света. Кровь темных для них является ядом.

Получают так необходимую им энергию Ар. посредством кровососания. Поскольку эти создания начисто лишены какой бы то ни было магической силы, так необходимую им Жизнь они способны выделить только естественным путем, вычлняя ее из кровяных составляющих в процессе переваривания. Эта особенность и обеспечивает им неограниченный (теоретически) срок существования.

В силу исторически сложившейся ситуации, Ар. лишены серьезного влияния в Империи. Вхожеть в высшие аристократические слои они восстановили относительно недавно — всего примерно 200 лет назад. И с тех пор мечтают вернуть свое былое могущество. Но хаш-эды, опасаясь повторения прошлых ошибок, тщательно контролируют собственное чудовищное порождение.

Внешние отличия. Ар., как никто из демонов, схожи обликом с человеком (возможно, что такая похожесть и не случайна). Обладают бледной, даже белесой, кожей. У них легко заметить знаки родового вырождения: тонкий костяк, удлиненные черты лица, яркие

наследуемые признаки (родимые пятна, дополнительные пальцы на конечность, многососковость и т. д.), что говорит о вырождении расы в целом. Клыки на верхней и нижней челюсти удлинены и заострены. Но, не смотря на распространенные мифы, для кровососания ар. их не используют.

Истинный облик. Эти демоны в своем истинном обличье отличаются крайней худобой. При виде их можно подумать, что мышц они вовсе не имеют — лишь костяк, покрытый иссушенными кожными покровами. Но, не смотря на это, их физическая сила удваивается. В темной форме они обретают крылья, удобные для планирования и, даже, способны взлететь. Морда плоская, череп схож по своему строению с собачьим. Клыки Ар., наравне с когтями, являются куда более страшным оружием, чем схожие атрибуты хаш-эдов.

Ифоветы

Еще одни искусственно созданные Истинными существа. В экспериментах с выводением данной породы, хаш-эды пытались решить собственную демографическую проблему. Вследствие попытки обмануть и Тьму, и Жизнь, появились эти похабные, развращенные сверх всякой меры демоны.

Продолжительность жизни данного вида схожа с ивторами — до 350–400 лет. Что косвенно свидетельствует об их сродстве. Иф. крайне плодовиты и обычно имеют потомство не менее чем в 5 детенышей.

Они хитры и умны, поэтому среди Иф. даже почтенных и старинных родов, немало купцов и иных дельцов. Они имеют немалое влияние в экономической жизни Империи. А вот политическая карьера их привлекает редко. Но молодые демоны отличаются легкомысленностью, часто немотивированно агрессивны и озабочены только развратом всяческого вида и форм. Поэтому в элитных армейских подразделениях юных Иф. немало.

Несмотря на всю свою внешнюю распущенность, Иф. крайне закрытая и таинственная раса. Об укладе их жизни внутри родов известно крайне мало. Считается, что они предпочитают проживать большими родовыми общинами.

Многие молодые особи данного вида в возрасте 25–35 лет покидают род, для того чтобы сделать карьеру в армии или при дворе (самки). Но, как правило, остепенившись, они возвращаются, дабы заняться более серьезными и приличествующими взрослым демонам делами.

Внешние отличия. Иф. имеют крайне привлекательный облик. Бытует мнение, что их организм способен вырабатывать особые вещества, влияющие на половую возбудимость. Причем, данные вещества воздействуют вне зависимости от вида, расы или пола. Поэтому, развращенность данных демонов опасна для всех живых существ. Кроме того, кончик их языка раздвоен, а суставы и сочленения костяка крайне подвижны. Об особенностях строения половых органов см. в «Анатомический атлас демонов».

Истинный облик. Иф. те немногие демоны, которые в темном обличии не увеличиваются, а уменьшаются в размерах. Их можно с чистой совестью отнести к классу рукокрылых. Но ноги почти не подвергаются изменениям. Иф. орудуют ими как дополнительными, полноценными, хватательными конечностями. Эти демоны становятся похожи на летучих лис, с довольно опасными клыками. Иф. в истинной форме крайне быстры и проворны.

Шаверы или Боевые коты хаш-эдов

Ш. не являются демонами в полном смысле этого слова. Изначально они были животными, обитающие во Тьме. Ш. не имели разума, но надо заметить, что и сейчас

многие ученые мужи заявляют, что за полноценный разум мы принимаем псевдоразумность, как у хорошо выдрессированных собак. Так или иначе, но до их приручения Ш. считались наиболее опасными хищниками в Бездне.

Этого качества они не утратили и по сей день. Они сильны, ловки, подвижны и крайне агрессивны. При этом зачастую, Ш. расчетливы, являются прекрасными тактиками и стратегами. Поэтому неудивителен тот факт, что Ш. склонны к карьере в армии и нередко занимают там ведущие посты. Но, по случайности или нет, рядом с успешным Ш. всегда оказывается предприимчивый хаш-эд.

Ш. живут большими родовыми общинами. Их внутренний уклад наиболее патриархален. И не редко нарушает действующие законы Империи. Так, например, у данного вида демонов распространено многоженство и рабовладение.

Продолжительность жизни Ш. невелика — 200–250 лет. При этом самки живут примерно в половину меньше, чем самцы. Бытует мнение, что Ш. сами уничтожают женских особей, не способных к деторождению. Но документального подтверждения данная теория не нашла. Котят (так Ш. сами называют своих детенышей) у самца бывает до 10 и более. Но до половой зрелости не доживает и половина.

Но одного у Ш. не отнять. Они крайне преданы Империи. И, не смотря на то, что амбиции отдельных представителей этой расы весьма велики, Ш. непреложно соблюдают два наложенных на них хаш-эдами ограничения. В своих майоратах они не строят укреплений и не набирают собственных армий.

Внешние отличия. Как и все существа, порожденные Тьмой, Ш. имеют очень характерные отличительные признаки. Они темнокожи — оттенки варьируются от глубокого-черного до коричневого. Глаза большие, миндалевидные, желтого или желто-зеленого оттенков. Строение зубов имеет сходство с кошачьими.

Истинное обличие. В темной форме Ш. напоминают котов, лишенных шерсти. Они сильны, быстры и очень проворны. Их когти являются поистине смертельным оружием. Крайне опасны!

Тахары или Каменные воины

Еще одно порождение Тьмы. Ученые мужи до сих пор спорят, являются ли Т. живыми существами, либо же их нужно считать физическими объектами, «псевдооживленцами», подобие жизни в которые вдохнули с помощью так называемого «дара Тьмы» хаш-эды.

О Т. известно крайне мало. Они немногочисленны и их встречали только в личной охране лиц, приближенных к императору. Женских особей не видел никто и никогда. Все сообщения о встречах с ними впоследствии оказывались фальшивкой.

Внешне они производят впечатление хотя и невероятно сильных, но неповоротливых и тугодумных созданий. Но, по некоторым данным, это впечатление обманчиво.

Внешние отличия. Т. отличаются непомерно габаритными фигурами с ярко выраженной мускулатурой. Черты их лиц грубы: низкий лоб, широкие скулы, глубоко посаженные глаза.

Истинный облик: неизвестен. Нет подтверждения тому, что Т. им вообще обладают.

Бесы

Бесы — это отдельная раса темных созданий, насчитывающая более 1000 видов. Они отличаются не только внешним обликом и физическим строением, но и укладом жизни. А, порой, даже языком.

Первые Б. вышли из Тьмы вместе с хаш-эдами. С тех пор разнообразие видов этих существ увеличилось за счет смешанных, в том числе и с демонами, связей. На данный

момент население империи на 2/3 состоит именно из Б. Таким образом, они являются основными жителями государства. И их стоит рассматривать как отдельных существ, а не в контексте с остальными демонами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net